

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В номере:

35

Крах агрессии во Вьетнаме

Политический механизм КНР

VI съезд КПК и пути китайской революции

В Пекине перекраивают историю

Р. Гароди — пособник маоистов

Экономический прогресс Народной Монголии

Экономика Японии сегодня и завтра

2

1973

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Победа правого дела
И. А. Галкин, С. И. Иванов

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 13 Экономическое развитие Монголии в условиях социалистической интеграции
И. В. Дудинский, В. Ш. Будаев
- 23 Об особенностях становления современного политического механизма КНР
Л. М. Гудошников
- 34 Экономика Японии сегодня и завтра
Я. А. Певзнер
- 47 Империалистическая политика США в Юго-Восточной Азии и позиция китайского руководства
А. М. Дубинский
- 56 В интересах мира и национального согласия
В. А. Васильев
- 60 Некоторые проблемы Малайзии
М. И. Дальнев

ИДЕОЛОГИЯ

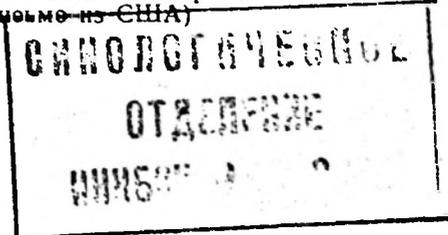
- 64 «Китайская проблема» в извращенном толковании Рोजе Гароди
Е. Ф. Ковалев
- 77 О сущности легизма
Л. С. Переломов

ИСТОРИЯ

- 90 Перекраивание истории маонистами
В. Н. Никифоров
- 99 Важная веха в истории КПК
А. М. Григорьев
- 112 Поражение Мао Цзэ-дуна на совещании в Ниндэ
А. С. Титов

МИР ГЛАЗАМИ УЧЕНОГО

- 118 Япония наступает: новое в японо-американских экономических отношениях (письмо из США)
Н. А. Латышев

КУЛЬТУРА

Бессмертие Цюй Юаня
К 2250-летию со дня смерти поэта
125 *Н. Т. Федоренко*

Слова подлинных доброжелателей
136 *Р. С. Белоусов*

Фальсификации продолжаются
143 *А. Н. Желуховцев*

ДОКУМЕНТЫ

149 Материалы VI съезда КПК

КОММЕНТАРИИ

158 Реальный путь к добрососедству
В. Л. Кудрявцев

161 Проблемы Европы и политика Пекина
В. И. Петухов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

167 Правда об истории американской агрессии в Индокитае
Д. М. Поспелов

170 Опасные спекуляции
А. П. Марков

172 О китайской поэзии 20—30-х годов
В. В. Петров

176 Вульгаризация исторической науки в КНР
А. А. Антиповский

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ

178 Научная конференция «Общество и государство в Китае»
К. А. Добрынин

179 Историкогеография стран Дальнего Востока
Т. В. Виноградова

180 Вопросы развития восточных литератур
В. В. Логанова

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

182 Очередной кризис в Пекине: падение Линь Бяо
В. П. Фетов

189 **НОВЫЕ КНИГИ**

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1973.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора)
В. А. АРХИПОВ (отв. секретарь), Г. В. АСТАФЬЕВ,
Р. С. БЕЛОУСОВ, О. К. ГЛАДИЛИН, Г. В. ЕФИМОВ,
М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, И. А. ЛАТЫШЕВ,
О. Б. РАХМАНИН, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТА-
РЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО.

Победа правого дела

И. А. Галкин, С. И. Иванов

27 января 1973 г. войдет в историю освободительной борьбы народов Азии за свою свободу, национальную независимость и социальный прогресс как одна из важнейших дат. В этот день в Париже, в Доме международных конференций на авеню Клебер, министры иностранных дел правительств ДРВ, РЮВ, США и Сайгона, участвовавших в парижских переговорах о мирном урегулировании вьетнамского конфликта, подписали Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Заключение Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме явилось важной победой вьетнамского народа в борьбе против империалистической агрессии, за свободу, мир и национальные права, победой всех прогрессивных, миролюбивых сил земли.

Историческое значение этой победы становится особенно ясным при рассмотрении событий, которые привели к заключению парижского соглашения, и при анализе самого Соглашения в контексте развития конфликта на Индокитайском полуострове после второй мировой войны между силами империализма, реакции и силами национального и социального освобождения.

В передовой статье, посвященной 43-й годовщине Партии трудящихся Вьетнама, орган ЦК ПТВ газета «Нян зан» 2 февраля 1973 г. отмечала, что история вьетнамской революции делится на три этапа.

Первый этап охватывает период от создания в Индокитае марксистско-ленинской партии до Августовской революции 1945 года. Образование Демократической Республики Вьетнам в 1945 г. ознаменовало победоносное завершение многолетней борьбы вьетнамского народа и всех народов Индокитая за освобождение от прямого иностранного господства — со стороны французских колонизаторов и японских интервентов. Позициям колониализма в этом районе мира был нанесен мощный удар. «Победа Августовской революции 1945 г. была победой ленинского учения в первой национально-освободительной революции в колониальной стране», — подчеркивал президент ДРВ Хо Ши Мин.

С первых дней после победы Августовской революции вьетнамцам пришлось встать на защиту се завоеваний от посягательств империалистов. Колониальные круги Запада настойчиво добивались ликвидации первого в Юго-Восточной Азии народно-демократического государства — ДРВ. Они не желали примириться с тем, что в центре их бывших азиатских колониальных владений народ, взявший власть в свои руки, строит жизнь по-новому, оказывая огромное революционизирующее воздействие на другие страны этого района. В результате содержанием второго этапа в развитии национальной народно-демократической революции во Вьетнаме стала прежде всего вооруженная борьба против французских колонизаторов, предпринявших попытку восстановить свое

господство на вьетнамской земле. Одновременно осуществлялись демократические преобразования, ликвидация феодальной эксплуатации.

В итоге девятилетней войны Сопrotивления, завершившейся разгромом французского экспедиционного корпуса в сражении при Дьенбьенфу, империализм в Индокитае вновь был вынужден отступить: Северный Вьетнам был полностью освобожден, укрепился форпост социализма в Юго-Восточной Азии — Демократическая Республика Вьетнам. Участники Женевского совещания 1954 г. торжественно провозгласили признание независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности Вьетнама.

Третья глава в истории вьетнамской революции открылась страницами самоотверженного труда народа на Севере страны под руководством Партии трудящихся Вьетнама, направленного на развитие экономики и осуществление социалистических преобразований. Опираясь на поддержку и помощь Советского Союза и других социалистических стран, трудящиеся ДРВ добились первых важных успехов в мирном строительстве. Одновременно ДРВ вместе с патриотическими силами Южного Вьетнама вела настойчивую политическую борьбу за выполнение условий Женевских соглашений 1954 г. по Вьетнаму, включая проведение всеобщих свободных выборов на Севере и на Юге с целью решения вопроса о воссоединении страны.

Однако перспектива мирного развития Вьетнама в соответствии с принципами, изложенными в Женевских соглашениях 1954 г., не устраивала империалистов. Стратеги Запада, прежде всего США, увидели в осуществлении этих принципов потенциальную опасность для позиций империализма в районе Индокитая и Юго-Восточной Азии, связанную с возможностью мирной победы национальной народно-демократической революции во всем Вьетнаме. На этот раз ввиду поражений, понесенных Францией, защиту интересов международных монополий в Индокитае взяли на себя правящие круги Соединенных Штатов Америки. Опираясь на реакционные силы южновьетнамской буржуазии, феодалов и генералитет, Вашингтон повел борьбу против освободительных и прогрессивных сил всего Вьетнама в лице ДРВ, а также патриотов и их организаций на Юге. Действия правящих кругов США во Вьетнаме в период с 1954 по 1972 г. явились не чем иным, как попыткой осуществить «экспорт контрреволюции», поставить преграду на пути исторически неизбежных прогрессивных процессов в этом районе мира. Такая глубоко реакционная и по сути своей авантюристическая политика завела Вашингтон в тисину вьетнамской войны.

Об истории войны во Вьетнаме в 1961—1973 гг. уже написано и будет еще написано немало страниц — гневных и обличающих в адрес американских агрессоров и исполненных восхищения и глубокой симпатии — по отношению к героическому вьетнамскому народу. В ответ на открытый саботаж Женевских соглашений, жестокие репрессии против патриотов и посылку в Южный Вьетнам для поддержки местной реакции интервенционистских войск США, численность которых в период эскалации войны превысила полмиллиона человек, освободительные силы Вьетнама встали на путь использования наряду с мирными, политическими, также и немирными, вооруженных форм борьбы за осуществление национальной народно-демократической революции на Юге страны. Эта позиция была зафиксирована в решениях III съезда ПТВ, состоявшегося в сентябре 1960 года. Съезд подчеркнул, что революция в Южном Вьетнаме «представляет собой длительный, тяжелый, сложный процесс борьбы, сочетающий в себе гибкие формы борьбы от низших до высших, процесс, в основе которого лежит создание, укрепление и раз-

витие революционных сил народных масс». Патриоты Южного Вьетнама, опираясь на помощь своих братьев на Севере, повели мужественную борьбу против войск интервентов и сайгонской армии, пользовавшихся практически неограниченной поддержкой со стороны военно-морского флота и военной авиации США, значительная часть которых была сосредоточена с этой целью в районе Юго-Восточной Азии.

Агрессия США против народа Южного Вьетнама и независимого социалистического государства ДРВ встретила твердый отпор со стороны Советского Союза, других социалистических стран, всех миролюбивых сил мира. При их разносторонней помощи и поддержке на Севере страны бойцы и народ успешно отражали воздушную войну США, не прекращая вместе с тем хозяйственного строительства, обеспечивавшего необходимые условия жизни населения ДРВ, а также выполнение задач надежного тыла патриотической войны Сопrotивления на Юге. Нанося по войскам агрессора и марионеточной армии все более тяжелые удары, южновьетнамские патриоты, входившие в состав политических организаций — Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и Союза национальных, демократических и миролюбивых сил, — вели одновременно активную работу по сплочению все более широких слоев населения на базе антиимпериалистической борьбы, стремления к подлинной независимости и восстановлению мира во Вьетнаме. В освобожденных районах Южного Вьетнама были достигнуты значительные успехи в осуществлении задач народно-демократической революции. Важными вехами на пути к победе народа Вьетнама явились всеобщее наступление вооруженных сил патриотов и массовые восстания южновьетнамского населения весной 1968 г., а также создание в июне 1969 г. на базе НФОЮВ и СНДМС органа подлинной народной власти — Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам.

Поражения, понесенные во Вьетнаме, а также все усиливавшееся давление со стороны государств социалистического содружества, всех прогрессивных сил мира заставили Соединенные Штаты пойти в 1968 г. на прекращение бомбардировок ДРВ и вступить в переговоры о мирном урегулировании вьетнамского конфликта на четырехстороннем совещании в Париже, а с 1969 г. начать постепенный вывод своих войск из Вьетнама. Началось стратегическое отступление американского империализма в Индокитае.

Вашингтон пытался уйти от поражения, прибегая к тактике «вьетнамизации войны, наращивания мощи сайгонской армии, усиления ударов с воздуха по патриотическим войскам, распространения войны на территорию Лаоса и Камбоджи. Одновременно США затягивали переговоры в Париже, выдвигая неприемлемые для ДРВ и ВРП РЮВ условия урегулирования, направленные на сохранение неокOLONиалистских порядков и концентрацию всей власти в Южном Вьетнаме в руках Сайгона.

Такая тактика ведения борьбы против национально-освободительного движения позволила США еще на четыре года затянуть конфликт в Индокитае, но она не могла изменить его конечного результата. Сайгонские войска, хотя и опирающиеся по-прежнему на массированную поддержку со стороны американских военно-воздушных и военно-морских сил, понесли ряд новых тяжелых поражений. Особенно крупными поражениями для США и Сайгона были провал вооруженного вторжения в Камбоджу в 1970 г. и полная неудача попытки вытеснить патриотические силы Лаоса из района дороги № 9 в 1971 году. Весной прошлого года патриотические силы Южного Вьетнама развернули наступление, в ходе которого были освобождены обширные районы Юга, разгромле-

ны многие отборные части марionеточных войск, нанесен жестокий удар по пресловутой программе «вьетнамизации» войны.

Правительство и военное командование США вновь и вновь прибегали к использованию силы в попытках оказать на переговорах давление на вьетнамскую сторону, заставить ее пойти на принятие американских условий урегулирования. С этой целью в конце 1971 г. и вновь — в апреле 1972 г. Вашингтон пошел на возобновление бомбардировок ДРВ. Особенно ожесточенными были варварские бомбардировки в декабре 1972 г., когда для нанесения ударов по густонаселенным районам Северного Вьетнама, в том числе Ханюю и Хайфону, Пентагон использовал стратегические бомбардировщики «В-52».

Однако и эти «демонстрации силы» потерпели провал. Народ и вооруженные силы ДРВ дали достойный отпор агрессорам. Только за время декабрьской волны воздушных налетов США потеряли в небе Северного Вьетнама 81 самолет, в том числе 30 бомбардировщиков «В-52».

Очевидная бессмысленность и полная бесперспективность продолжения войны, в том числе в ее «вьетнамизированной» форме, вызвали глубокие и болезненные для правящих кругов США процессы в американском обществе, привели к усиливающейся изоляции Вашингтона на международной арене. В конечном итоге Белый дом оказался вынужденным искать решения вьетнамской проблемы на пути ведения серьезных переговоров с представителями ДРВ и РЮВ. Этому в огромной степени способствовало то, что на протяжении ряда лет, не ослабляя вооруженной борьбы против американских агрессоров и Сайгона, Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам и правительство ДРВ одновременно активизировали деятельность в политической и дипломатической областях, выступая с рядом важных заявлений по разъяснению и популяризации своей позиции на переговорах в Париже. Их справедливые требования, суть которых сводилась к уходу американских войск из Вьетнама, предоставлению населению Южного Вьетнама и всему вьетнамскому народу права свободно, независимо и самостоятельно решать свои дела без всякого диктата и давления извне, пользовались полной поддержкой со стороны Советского Союза, других социалистических стран, снискали одобрение и солидарность всех миролюбивых сил мира. «Есть только один путь к решению вьетнамской проблемы, — говорил на XXIV съезде КПСС тов. Л. И. Брежнев. — Он ясно указан в предложениях правительства ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, в предложениях, которые мы твердо поддерживаем».

В ходе переговоров с делегациями США и Сайгона в Париже представители ДРВ и РЮВ проявили наряду с принципиальностью и твердостью в отстаивании коренных интересов вьетнамского народа конструктивный подход, умение вести гибкую и искусную дипломатическую борьбу, внося в соответствии с изменениями внутренней и международной ситуации необходимые коррективы в свою позицию, уточняя и развивая отдельные положения своей программы урегулирования конфликта во Вьетнаме.

В конце 1972 — начале 1973 г. оказалось наконец возможным выработать тот текст Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, который был подписан в Париже 27 января 1973 года.

Заклученное соглашение отвечает основным требованиям ДРВ и ВРП РЮВ, которые они выдвигали в ходе многолетней борьбы на военном, политическом и дипломатическом фронтах: США прекратили войну во Вьетнаме, вывели все свои войска из Южного Вьетнама, обязались перестать оказывать военную помощь сайгонскому режиму; прекра-

щены бомбардировки, обстрел, минирование и другие акции Соединенных Штатов, означавшие посягательство на суверенитет и безопасность ДРВ; на Юге Вьетнама вступило в силу прекращение огня при сохранении каждой стороной (патриотические силы и сайгонская армия) занимаемых ими позиций; США по требованию ДРВ и ВРП РЮВ согласились дать гарантии своего невмешательства в дела Южного Вьетнама, а также обеспечения политических свобод и демократических прав его населения.

Таким образом, завершился еще один, третий этап в развитии революционной освободительной борьбы вьетнамского народа. Как и два предыдущих, он закончился победой патриотов, новым отступлением империалистов в Индокитае.

Значение одержанной победы выходит за рамки Вьетнама и Индокитая. Заключение Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме — еще одно свидетельство того, что в наши дни, когда во всемирном масштабе происходит укрепление позиций социализма, когда достигнут ряд крупных успехов в осуществлении выработанной XXIV съездом КПСС Программы мира и в борьбе за общую разрядку напряженности на земле, империализм уже не в состоянии навязывать свою волю народам. Провал империалистических замыслов, направленных на сохранение неокOLONиального господства на Индокитайском полуострове, означает также, что империализм потерпел поражение по целому ряду военных и политических аспектов своей глобальной стратегии, включая доктрины ведения «особых» и «локальных» войн против национально-освободительных движений, политику «вьетнамизации» как составного элемента известной «гуамской доктрины».

Важнейшее историческое значение одержанной во Вьетнаме победы заключается в том, что она укрепила позиции социализма в Юго-Восточной Азии, вновь продемонстрировала неодолимость сил социализма и национально-освободительного движения.

Прекращение вьетнамской войны означает ликвидацию одного из опасных очагов международной напряженности, существование которого в течение длительного времени отравляло обстановку не только в Юго-Восточной Азии, но и далеко за ее пределами. Открываются новые благоприятные перспективы для дальнейшего развертывания наступления сил мирового социализма и прогресса, национально-освободительной и революционной борьбы народов, для новых успехов на пути разрядки международной напряженности, развития широкого сотрудничества между государствами. Пример урегулирования, достигнутого во Вьетнаме, свидетельствует о том, что может быть найдено мирное и справедливое решение также и для других конфликтных ситуаций в различных районах мира.

Празднуя одержанную победу, вьетнамский народ и его друзья во всем мире отдают дань уважения и признательности тем силам, которые сделали возможным этот исторический успех.

Победа завоевана прежде всего в результате героической борьбы самого вьетнамского народа на Юге и Севере страны. Эта борьба войдет в летопись исторической битвы народов против империализма как одна из самых ярких ее страниц. В ней проявились такие качества вьетнамского народа, как беззаветная доблесть, готовность к самопожертвованию, преданность идеалам свободы и независимости, твердая вера в конечное торжество своего справедливого дела и высокая организованность.

Победа над империалистическими агрессорами во Вьетнаме стала возможной в силу того, что борьбой вьетнамских патриотов руководила и руководит опирающаяся на марксистско-ленинское учение героическая Партия трудящихся Вьетнама.

«Посмотрите, товарищи, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — что происходит с американской агрессией против Демократической Республики Вьетнам и народа Южного Вьетнама. Никакой другой общественный строй, кроме социалистического, не мог бы придать освободительной борьбе вьетнамского народа такой размах, такую организованность, такую стойкость и упорство. Никакая другая политическая сила, кроме марксистско-ленинской партии, не могла бы вооружить борющийся народ таким ясным пониманием целей борьбы, так вдохновить его на массовый подвиг».

Проявляя массовый героизм, патриоты Вьетнама всегда опирались в своей борьбе на помощь и поддержку социалистических стран, на солидарность всех прогрессивных сил мира.

Успех, одержанный вьетнамским народом в борьбе за свои национальные права, — это совместная победа всего социалистического содружества, всех коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. В истекшие годы героическая борьба Вьетнама против интервентов слилась воедино с решительной и эффективной военной и экономической помощью СССР и других стран социализма, с широким народным движением солидарности с жертвами американской агрессии, развернувшимся почти во всех странах мира, включая США. Торжество справедливого дела народа Вьетнама на данном этапе служит убедительным подтверждением правильности сформулированного на Международном совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. положения о том, что организация коллективного отпора действиям агрессоров в случаях, когда они в том или ином районе мира начинают военные авантюры, является важнейшей формой борьбы против развязывания империализмом новой войны.

Все те годы, когда вьетнамскому народу пришлось отстаивать свою свободу и независимость, осуществлять социальные преобразования, Коммунистическая партия Советского Союза, первое в мире социалистическое государство, вместе с другими социалистическими странами делали все от них зависящее, чтобы оказывать вьетнамским братьям максимальное содействие в их освободительной, антиимпериалистической борьбе.

Еще в период войны Сопротивления против французских колонизаторов (1946—1954 гг.) Советский Союз оказал вьетнамскому народу эффективную помощь. СССР был одним из инициаторов созыва Женевской конференции 1954 г. по Вьетнаму, и, как говорил президент ДРВ Хо Ши Мин, активная деятельность советской делегации на этих переговорах стала одним из решающих факторов, обеспечивших их успешное завершение для вьетнамских друзей. В годы мирного строительства в ДРВ (1954—1964 гг.) СССР оказал ее народу большую помощь в восстановлении народного хозяйства и в выполнении первых планов строительства социализма.

Советско-вьетнамские отношения вступили в новый этап, когда американский империализм развязал агрессию против Демократической Республики Вьетнам. Позиция КПСС по вьетнамскому вопросу, основанная на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, была сформулирована в решениях XXIII и XXIV партийных съездов.

Оказание помощи борющемуся Вьетнаму стало почетной задачей для советских людей. Труд наших рабочих, колхозников, всех трудящихся обеспечил широкий поток из Советского Союза в братскую страну всего необходимого для отражения агрессии США, успешного ведения борьбы на Юге и продолжения и в годы войны социалистического строительства на Севере Вьетнама. При помощи СССР и ДРВ были созданы оснащенные новейшей техникой зенитно-ракетные подразделения. Об эффективности средств ПВО, поставляемых из Советского Союза, и о качестве подготовки в нашей стране вьетнамского военнотехнического персонала говорит тот факт, что за годы войны авиация США потеряла над Северным Вьетнамом свыше 4 тыс. самолетов.

Вьетнамские руководители неоднократно отмечали важное значение, которое имели для успешной освободительной борьбы Вьетнама материальная помощь и морально-политическая поддержка СССР, решительные выступления нашей партии и государства с осуждением агрессивных действий империализма США в Индокитае.

Выступая на митинге вьетнамско-советской дружбы в Ханое 4 октября 1971 г., первый секретарь ЦК ПТВ тов. Ле Зуан говорил: «Вьетнамский народ вечно будет помнить о той большой, ценной и эффективной помощи, которую партия, правительство и народ Советского Союза оказали ему в войне Сопrotивления французским колонизаторам и оказывают в нынешней борьбе против американских агрессоров, за спасение родины, а также в строительстве социализма».

В этих словах отражена высокая оценка вьетнамскими коммунистами и всем народом Вьетнама усилий Советского Союза по оказанию интернациональной помощи и поддержки братской стране.

В последний период вьетнамского конфликта мировая общественность отмечала особо важную роль, которую сыграла твердая, принципиальная позиция Советского Союза в связи с агрессивными актами Пентагона против ДРВ в декабре 1972 года. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе на торжественном заседании, посвященном 50-й годовщине образования Союза ССР, подчеркнул, что никакие злодеяния агрессоров не поколеблют решимости друзей вьетнамского народа «оказывать ему всемерную поддержку и помощь в его справедливой освободительной борьбе». Товарищ Л. И. Брежнев указал, что развитие советско-американских отношений будет зависеть от того, «в частности, какой оборот примет вопрос о прекращении войны во Вьетнаме».

Эта решительная позиция, своевременная поддержка ДРВ и ВРП РЮВ, вступивших в последний этап вооруженной, политической и дипломатической борьбы за прекращение войны во Вьетнаме, по всеобщему признанию, оказали немаловажное воздействие на развитие событий, способствовав достижению в этой борьбе вьетнамскими патриотами большого успеха.

* * *

«С 28 января 1973 года, — говорится в уже упоминавшейся нами передовой статье газеты «Нян зан», посвященной 43-й годовщине образования Партии трудящихся Вьетнама, — в истории революционной борьбы нашей нации открылась четвертая глава, которая ставит целью усиление социалистического строительства на Севере при одно-

временном завершении исторических задач национальной народно-демократической революции на Юге».

Заключение Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме открыло широкие перспективы перед вьетнамским народом, создало благоприятные возможности для достижения мирными средствами тех исторических целей, к которым на протяжении многих десятилетий стремились и стремятся все патриотически настроенные вьетнамцы: создание демократического, независимого, единого и процветающего Вьетнама, каким мечтал его видеть великий сын вьетнамского народа Хо Ши Мин.

В результате прекращения бомбардировок и обстрела Северного Вьетнама созданы условия для того, чтобы население Демократической Республики Вьетнам сосредоточило все свои усилия на восстановлении причиненных войной разрушений, развитии экономики, строительстве социализма. С первых дней после заключения парижского соглашения Партия трудящихся Вьетнама приступила к мобилизации энергии масс на выполнение этих задач. «Победа нашего патриотического Сопротивления над американской агрессией создает для северной части нашей страны небывало благоприятные условия, позволяющие успешно продолжать построение социализма», — говорится в Обращении ЦК ПТВ и правительства ДРВ к населению республики от 28 января 1973 года. Партия и правительство призвали соотечественников на Севере трудиться с энтузиазмом и творческим воодушевлением для того, чтобы превратить ДРВ «в мощную и процветающую социалистическую страну, чтобы еще больше укрепить международную роль Демократической Республики Вьетнам — неприступного форпоста социалистического лагеря в Юго-Восточной Азии».

Разумеется, поставленная задача всестороннего развития экономики, культуры, повышения жизненного уровня населения и укрепления обороноспособности ДРВ является нелегкой. Однако опыт прошлых лет свидетельствует о том, что ее решение по плечу вьетнамскому народу. В период мирного строительства в 1954—1964 гг. трудящиеся страны добились больших успехов в осуществлении социалистических преобразований. Сейчас, используя достижения и опыт социалистического строительства, в том числе и в годы войны, используя новые, более высокие и совершенные формы хозяйствования, опираясь на солидарность братских стран социализма, труженики Северного Вьетнама могут еще более быстрыми темпами развивать экономику. Вьетнамские коммунисты ясно видят стоящие перед ними трудности и отчетливо представляют себе, по какому пути следует идти, чтобы их преодолеть. «Являясь организатором всех побед революции, наша партия должна умело организовывать новую борьбу, управление экономикой, управление государством, усиление революции в области идеологии и культуры, развитие науки и техники... Партийные организации должны быть настоящими хозяевами на новых фронтах социалистического строительства. Современная промышленность — это основа процветания. Строительство современной промышленности — это центральная задача Севера нашей страны».

Заключение Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме открывает благоприятные возможности для продолжения в новой обстановке, новыми средствами и успешного завершения национальной народно-демократической революции в Южном Вьетнаме.

Своеобразием нынешнего момента на Юге Вьетнама является наличие двух властей и двух зон контроля. В результате многолетней воору-

женной борьбы южновьетнамских патриотов, в итоге проводимой ими большой политической работы как в стране, так и на международной арене, были созданы, упрочены и ныне получили признание, в том числе в парижском соглашении от 27 января 1973 г., органы народной власти в лице Временного революционного правительства РЮВ — подлинного выразителя интересов населения Юга. Под контролем ВРП РЮВ и Народных вооруженных сил Освобождения ныне находятся обширные территории Южного Вьетнама, что также признано и зафиксировано в Соглашении о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Наряду с этим на Юге существуют и функционируют власти сайгонской администрации, имеющей в основном в городах свою многочисленную армию и органы управления.

Прекращение американской агрессии, восстановление мира и упрочение власти ВРП РЮВ, получившего со вступлением в силу парижского соглашения практически универсальное международное признание, позволяют южновьетнамским патриотам при поддержке со стороны ДРВ и всех прогрессивных сил мира поднять на новую высоту работу по всестороннему укреплению и развитию контролируемой ими зоны, завершению в ней широких прогрессивных преобразований. Это в свою очередь обеспечивает прочную базу для дальнейшего развертывания деятельности патриотических, прогрессивных сил Южного Вьетнама, в том числе ведения эффективной политической борьбы в районах, контролируемых сайгонскими властями.

Ближайшие цели борьбы патриотических сил на Юге Вьетнама четко определены в документах ПТВ, правительства ДРВ, НФО и ВРП РЮВ, в частности в обращениях к соотечественникам, с которыми они выступили по случаю подписания Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, а также в заявлениях правительства ДРВ от 30 марта и ВРП и РЮВ от 1 апреля 1973 года. Эти цели заключаются в укреплении союза всех национальных сил, поддержании мира, достижении подлинной независимости и суверенитета, осуществлении демократических свобод в Южном Вьетнаме. Практически борьба за эти цели совпадает с борьбой за строгое осуществление буквы и духа парижского соглашения всеми подписавшими его сторонами. Такая борьба уже широко развернута правительствами и общественными организациями ДРВ и РЮВ. Опираясь на поддержку прогрессивной международной общественности, они энергично выступают против попыток сайгонских властей саботировать положения парижского соглашения, которые предусматривают обеспечение демократических прав и основных политических свобод южновьетнамского населения, а также меры по претворению в жизнь принципа национального согласия и примирения, против провокаций, осуществляемых сайгонской военщиной, при попустительстве США, в отношении освобожденных районов Южного Вьетнама.

В ходе борьбы за выполнение Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме осуществляется воспитание все более широких слоев южновьетнамского населения, в том числе в районах, контролируемых сайгонской администрацией, в духе патриотизма, происходит процесс дальнейшей консолидации всех здоровых сил южновьетнамского общества, их сплочения вокруг НФО и ВРП РЮВ. Фактически, таким образом, в ходе борьбы за выполнение парижского соглашения осуществляются мирными средствами те задачи, решение которых приближает торжество национальной демократической революции во всем Вьетнаме.

Период, прошедший со дня подписания Соглашения, показывает, что выполнение задач нового, четвертого этапа в развитии вьетнамской революции на Юге, как и на Севере страны, будет нелегким делом. Вьетнамскому народу, несомненно, предстоит приложить еще немало усилий, проявить много выдержки, чтобы закрепить успех, достигнутый в результате подписания парижского соглашения. Как отмечалось в Заявлении правительства ДРВ от 30 марта с. г., «во многих пунктах в Южном Вьетнаме кровопролитие не остановлено... прекращение огня все еще не стало эффективным».

На серьезную ситуацию, складывающуюся в Южном Вьетнаме в результате провокационных действий Сайгона, обращается внимание и в Заявлении ВРП РЮВ от 1 апреля 1973 г. В этом документе, в частности, указывается: «Самые элементарные демократические свободы, такие, как свобода передвижения, свобода выбора местожительства, право зарабатывать на хлеб насущный, постоянно подавляются».

Патриоты Вьетнама учитывают имеющиеся трудности, но с оптимизмом смотрят в будущее. «НФОЮВ и ВРП РЮВ решительно выступают за строгое, доскональное, неукоснительное соблюдение парижского соглашения, которое отвечает коренным интересам нашего народа, — заявила министр иностранных дел ВРП РЮВ Нгуен Тхи Бинь. — И мы решительно требуем, чтобы американско-сайгонская сторона так же строго придерживалась его условий... В самом факте существования ВРП РЮВ, патриотических вооруженных сил Южного Вьетнама — залог того, что парижское соглашение в конечном счете будет полностью претворено в жизнь».

В борьбе за окончательное торжество своего справедливого дела Демократическая Республика Вьетнам и Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам, все вьетнамские патриоты, как и прежде, будут опираться на поддержку всех прогрессивных сил земли. Подтверждением этого является все шире развертывающаяся в настоящее время во всем мире кампания солидарности и поддержки Вьетнама, движение за выполнение парижского соглашения и за оказание помощи ДРВ и ВРП РЮВ в восстановлении разрушенных войной районов.

Что касается нашей страны, то советский народ и на новом этапе развертывания национальной народно-демократической революции во Вьетнаме будет оказывать братской социалистической стране ДРВ, всем прогрессивным силам вьетнамской нации поддержку и помощь в духе ленинских принципов пролетарского интернационализма. «Как и прежде, в годы суровых испытаний вьетнамского народа, в период его борьбы против империалистической агрессии, Советский Союз и на новом этапе будет неизменно выступать на стороне справедливого дела Вьетнама», — говорилось в приветствии ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Советского правительства вьетнамским руководителям по случаю подписания парижского соглашения. Советские люди твердо уверены в неизбежности торжества светлых идеалов, за которые на протяжении десятилетий боролись и борются их вьетнамские братья, — создание единого, демократического, мирного, независимого и процветающего Вьетнама.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Экономическое развитие Монголии в условиях социалистической интеграции

*И. В. Дудинский, доктор экономических наук
В. Ш. Будаев, кандидат экономических наук*

МНР — единственная из социалистических стран Азии, которая является членом Совета Экономической Взаимопомощи. Активное участие в работе этой организации, расширение сотрудничества со странами Совета служат важным фактором быстрого развития экономики и культуры Монголии. Ее опыт практически подтвердил правильность ленинского учения о том, что при наличии страны победившего пролетариата и всесторонней помощи с ее стороны отсталые народы могут перейти к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

В прошлом Монголия являлась одной из самых отсталых стран Востока, экономика которой была представлена единственной отраслью — кочевым скотоводством. Транспортные перевозки осуществлялись лишь гужевым и вьючным транспортом. До победы революции, в начале XX века, страна не знала автомобиля и современных средств связи. В ней имелась лишь одна светская школа, в которой обучалось около 40 учеников, не было ни одного медицинского учреждения.

Опираясь на всестороннюю интернациональную помощь Советского Союза, Монголия осуществила антифеодальную революцию и за короткий исторический срок совершила гигантский скачок из феодализма в социализм. Монгольский народ под руководством своей Монгольской народно-революционной партии создал единую социалистическую многоотраслевую экономику, развитую культуру. В стране получили развитие образование, наука, медицина, сформировалась национальная интеллигенция, произошли коренные изменения в социальной жизни, в быту и идеологии населения. Животноводческая, отсталая Монголия превратилась в аграрно-индустриальное социалистическое государство.

За годы народной власти в МНР была создана социалистическая промышленность, которая уже в 1940 г. превратилась в самостоятельную отрасль народного хозяйства. Еще в 1959 г. завершено социалистическое преобразование аратского (крестьянского) хозяйства. Вместо тысяч разрозненных, мелких индивидуальных хозяйств в стране были созданы крупные социалистические сельскохозяйственные предприятия — госхозы и сельскохозяйственные объединения, которые ныне оснащены современной техникой. В Монголии выросла вторая отрасль сельского хозяйства — земледелие, что создало условия для развития в дальнейшем мукомольной и комбикормовой промышленности. Вместе с развитием народного хозяйства были созданы современный механизированный транспорт и средства связи.

Осуществлению коренных преобразований в МНР, успешному развитию страны по некапиталистическому пути способствовали наряду с внутренними и внешние факторы — существование рядом Советского Союза, а затем образование мировой социалистической системы.

Между народной Монголией и Советской Россией были сразу же установлены отношения братской дружбы и сотрудничества, свидетельствовавшие о возникновении принципиально нового, социалистического типа международных отношений, основанного на полном равноправии, уважении суверенитета и национальных интересов, взаимной выгоде и товарищеской взаимопомощи, на принципах социалистического интернационализма. Эти принципы, которых постоянно придерживались и придерживаются КПСС и Советское правительство, МНРП и правительство Монголии, были разработаны В. И. Лениным и ныне являются основополагающими в сотрудничестве стран социализма.

В результате создания принципиально новых межгосударственных отношений МНР получила возможность, опираясь на поддержку Советского Союза, развиваться по некапиталистическому пути. Оценивая роль и значение отношений братской дружбы с Советским Союзом, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР тов. Ю. Цеденбал в дни празднования 50-летия образования СССР заявил: «Опираясь на многогранную братскую помощь и поддержку народов СССР, на их богатый опыт в строительстве новой жизни, наш народ сумел совершить исторический прыжок в социализм, минуя капиталистическую стадию развития».

Отношения тесного сотрудничества и взаимной помощи между СССР и МНР продолжались и в годы Великой Отечественной войны советского народа. МНР после начала войны значительно увеличила поставки своих товаров, оказала большую материальную помощь советскому народу. В свою очередь Советский Союз продолжал выполнять принятые на себя обязательства. Например, в 1942 г. был открыт Монгольский Государственный Университет, велось строительство мясокомбината в Улан-Баторе, который был сдан в эксплуатацию в 1946 г., и т. д.

В послевоенные годы сотрудничество между двумя странами еще больше расширилось. Так, например, совместными усилиями СССР и МНР были созданы предприятия по добыче цветных металлов «Совмонголметалл», построена трансмонгольская железная дорога и много других объектов.

Изменение международной обстановки после II мировой войны привело к росту международных связей Монголии, и прежде всего к установлению ею дружественных политических и экономических отношений со странами мировой социалистической системы. В 1952 г. МНР заключила торговое соглашение с КНР; в 1956—1958 гг. — со всеми социалистическими странами Европы и КНДР; в 1959 г. — с ДРВ и в 1960 г. — с Республикой Куба. Но с самого начала наиболее тесные отношения и широкое экономическое и научно-техническое сотрудничество сложились у Монголии со странами — членами СЭВ. Так, удельный вес этих стран в экспорте МНР составлял: в 1960 г. — 94,0%, в 1965 г. — 92,7, в 1970 г. — 94,4; в импорте: в 1960 г. — 75,9%, в 1965 г. — 94,4, в 1970 г. — 97,3%².

Развитие народного хозяйства страны сопровождалось увеличением торгового оборота и возникновением новых форм сотрудничества между

¹ «Правда», 23. XII. 1972.

² «50 лет МНР». Ст. сб. Улан-Батор, 1971, стр. 207.

МНР и странами — членами СЭВ. Это было обусловлено ростом экспортных ресурсов Монголии за счет повышения товарности животноводческого хозяйства и увеличения производства промышленной продукции, но в еще большей степени ростом импортных потребностей для обеспечения новыхстроек, а также возрастающих потребностей населения. Так, в 1960 г. внешнеторговый оборот МНР в 4,7 раза превышал уровень 1940 г. (а по сравнению с 1923—1924 гг. возрос примерно в 70 раз)³. Особенно были высоки темпы роста импорта, поскольку развитие промышленности, строительства, создание современного транспорта и связи, развитие земледелия и материально-технической базы животноводства требовали большого количества машин, оборудования и других изделий, которые в Монголии не производились. Все эти товары МНР получала из стран — членов СЭВ, и прежде всего из Советского Союза. В обмен МНР поставляла животноводческое сырье и изделия своей промышленности, главным образом продукцию легкой, пищевой и горнорудной промышленности.

Но сотрудничество МНР и стран СЭВ не ограничивалось лишь внешней торговлей. Советский Союз и другие страны — члены СЭВ предоставляли кредиты (в счет которых Монголии поставлялось оборудование для строящихся объектов), а также техническую документацию, направляли своих специалистов для строительства предприятий, монтажа и наладки оборудования, готовили в своих странах монгольских специалистов и т. д. Все это наряду с обменом товарами способствовало созданию основ материально-технической базы социализма в МНР, превращению ее в социалистическое аграрно-индустриальное государство с многоотраслевой экономикой и процветающей культурой.

С созданием основ социалистической экономики перед МНР встали качественно новые задачи, связанные с интенсификацией производства и определением направлений дальнейшего развития, с тем чтобы обеспечить повышение эффективности народного хозяйства. Эти задачи могут быть успешно решены лишь при более полном использовании выгод международного социалистического разделения труда, в тесном взаимодействии с другими социалистическими странами и при их поддержке. Возможности такого взаимодействия национальных хозяйств разных стран обуславливались тем, что между группой стран — членов СЭВ и МНР имеются полная общность конечной цели, однотипность государственного строя и производственных отношений, единство идеологии и принципов взаимоотношений. Кроме того, Монголия накопила определенный опыт планового ведения хозяйства, что также было необходимо для организации сотрудничества на основе скоординированных планов.

Все эти факторы с учетом того, что принципы, цели и задачи СЭВ полностью совпадали с интересами МНР, обусловили вступление последней в эту экономическую организацию.

В июне 1962 г., на XVI (чрезвычайной) сессии Совета Экономической Взаимопомощи, МНР была принята в его члены. Это событие продемонстрировало открытый характер данной организации, способствовало укреплению единства и сплоченности социалистических стран, расширило рамки СЭВ за пределы Европы.

Вступление Монголии в СЭВ — закономерное явление в объективном историческом процессе сплочения социалистических государств, постоянного углубления сотрудничества между ними. Дальнейшее развитие

³ «50 лет МНР». Ст. сб. Улан-Батор, 1971, стр. 206.

сотрудничества, а в настоящее время экономической интеграции стран СЭВ (причем интегрируются страны с различным уровнем развития) показало преимущество взаимодействия в рамках СЭВ и выгоды, которые получает от него МНР. В частности, Монголия имеет более широкие возможности для использования выгод международного социалистического разделения труда, межгосударственной специализации и кооперирования производства, использования коллективного опыта и коллективной помощи стран содружества. Это особенно важно для страны, которая развивается в совершенно специфических условиях и по уровню индустриального развития еще отстает от других стран — членов СЭВ.

XVI съезд МНРП дал высокую оценку результатам участия Монголии в деятельности СЭВ. В Отчетном докладе ЦК МНРП съезду было отмечено, что это позволяет ускорить темпы развития национальной экономики. Подчеркивалось, что многие из разработанных в органах СЭВ мероприятий и рекомендаций успешно используются в различных отраслях народного хозяйства страны и это дает существенные экономические эффекты⁴.

Монголия начала строительство социалистической экономики, не имея других источников накопления и другой материальной базы, кроме кочевого скотоводческого хозяйства. Последствия этого сказываются и по сегодняшний день. Несмотря на развитие промышленности и огромное строительство, МНР пока еще располагает ограниченными источниками накопления.

Животноводческое хозяйство остается основной отраслью народного хозяйства. Но оно развивается в очень сложных природно-климатических условиях и еще во многом подвержено влиянию погодных условий, поэтому резкое увеличение производства животноводческой продукции как для внутренних нужд, так и для экспорта связано с определенными трудностями.

Известно, что МНР богата полезными ископаемыми. Действительно, выявлено большое число месторождений углей и различных руд. Но страна пока еще недостаточно разведана в геологическом отношении. Лишь в последнее десятилетие произведена оценка промышленных запасов ряда ценных месторождений и ведутся работы по исследованию возможностей их эксплуатации. Однако добывающие отрасли капиталоемки и при ограниченных внутренних источниках накопления развитие этих отраслей собственными силами затруднено. В то же время узкий внутренний рынок, ограниченность трудовых ресурсов, отсутствие достаточного количества воды, то есть экономические и природно-географические условия, делают невозможным или нецелесообразным развитие таких важных и в то же время трудоемких отраслей, как металлургия, химическая промышленность.

Заместитель председателя Совета Министров МНР тов. Д. Гомбожав по этому поводу писал: «МНР не располагает большим внутренним рынком, возможности ее трудовых ресурсов и научно-технических кадров ограничены. Невелики и внутренние источники накопления, особенно если речь идет о развитии капиталоемких отраслей современного производства... Поэтому всестороннее сотрудничество и помощь стран — членов СЭВ приобретают для Монголии особо важное значение»⁵.

Для МНР чрезвычайно важны не только экономическая помощь и техническое содействие стран СЭВ, но и то обстоятельство, что она в ус-

⁴ См. Ю. Цеденбал. Отчетный доклад Центрального Комитета МНРП XVI съезду Монгольской народно-революционной партии. 7. VI. 1971, Улан-Батор, 1971, стр. 11.

⁵ Д. Гомбожав. Роль экономического сотрудничества в развитии МНР. М., «Экономика», 1969, стр. 6.

ловиях международного социалистического разделения труда может развивать лишь те отрасли и виды производства, для развития которых у нее имеются необходимые условия. Продукцию других отраслей Монголии может получать из стран — членов СЭВ в обмен на свою.

Возможность такой специализации Монголии на производстве небольшого круга изделий стала реальной, поскольку в условиях социалистических принципов взаимоотношений внутри СЭВ отсутствие в стране производства даже таких важных видов продукции, как металлы, машины и оборудование, не может ущемить ее национальный суверенитет и независимость. Вопросы обороноспособности в социалистическом содружестве также решаются не изолированными усилиями отдельных стран, а коллективно. Поэтому согласованное развитие народного хозяйства МНР с другими странами — членами СЭВ создает благоприятные условия для его экономического роста, повышения уровня промышленного развития. Цель Совета Экономической Взаимопомощи в том и состоит, чтобы «содействовать путем объединения и координации усилий стран — членов Совета планомерному развитию народного хозяйства, ускорению экономического и технического прогресса в этих странах, повышению уровня индустриализации стран с менее развитой промышленностью, непрерывному росту производительности труда и неуклонному подъему благосостояния народов стран — членов Совета» (Устав СЭВ, ст. 1) ⁶.

Последние 10 лет были годами бурного индустриального роста МНР. В этом значительную роль сыграло ее сотрудничество со странами — членами СЭВ.

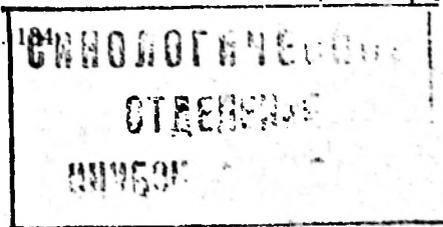
За это время трудящиеся МНР под руководством своей партии успешно выполнили третий и четвертый пятилетние планы и в настоящее время добиваются новых успехов в реализации пятого пятилетнего плана (1971—1975 гг.). В 1966 г. МНРП, опираясь на достигнутые успехи в строительстве социализма, на своем XV съезде приняла новую программу партии, в которой поставила задачу завершить строительство материально-технической базы социализма и превратить страну из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную.

Итоги развития экономики и культуры Монголии в системе стран СЭВ были подведены на XVI съезде МНРП (июнь 1971 г.) и юбилейном торжественном заседании Центрального Комитета МНРП, Великого Народного Хурала и Совмина МНР, посвященном 50-летию победы монгольской народной революции (июль 1971 г.).

В 1970 г. общий объем валовой продукции промышленности по сравнению с 1960 г. увеличился более чем в 2,5 раза. Это несколько меньше, чем в Социалистической Республике Румынии и Народной Республике Болгарии, но больше, чем во всех других странах — членах СЭВ. Среднегодовой прирост валовой промышленной продукции за 10 лет (1961—1970 гг.) составил 9,7% ⁷, что также превышает среднегодовой темп прироста наиболее развитых в индустриальном отношении социалистических стран. Наиболее быстрыми темпами увеличивалось производство электрической и тепловой энергии, изделий металлообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности. Так, производство электрической и тепловой энергии увеличилось за этот период в 6,5 раза (среднегодовой темп прироста за 10 лет составил 20,5%), швейной промышленности — в 3,8 раза (среднегодовой прирост — 14,4%), кожевенной, меховой и обувной промышленности — в 2,9 раза (среднегодовой прирост —

⁶ Основные документы Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1963, т. 1, стр. 4.

⁷ «50 лет МНР». Ст. сб. Улан-Батор, 1971, стр.

11,1%), металлообработка — в 3,6 раза (среднегодовой прирост — 13,7%) и т. д.⁸

В результате возросла доля промышленности в народном хозяйстве. Так, если в 1961 г. промышленность давала 14% национального дохода страны, то в 1971 г. — уже 23%⁹. О повышении значимости промышленности свидетельствует и рост ее удельного веса в основных фондах народного хозяйства. В 1960 г. на долю промышленности и строительства приходилось 15,8% основных фондов народного хозяйства, а в 1970 г. — уже 22,5%¹⁰. Ныне промышленность МНР производит 34% совокупного общественного продукта, более 60% суммарной продукции промышленности и сельского хозяйства¹¹.

Наряду с развитием отраслей промышленного производства значительно окрепла материально-техническая база животноводства (которая является основной отраслью народного хозяйства), созданы основы промышленного производства кормов, улучшилось водоснабжение, построено большое число хашанов (укрытий для скота), повысился уровень механизации и электрификации сельского хозяйства, улучшилась ветеринарная служба. Все это позволило сохранить и даже увеличить поголовье скота на 2 млн. голов, несмотря на чрезвычайно неблагоприятные в течение последнего десятилетия погодные условия. Товарность сельского хозяйства в 1970 г. по сравнению с 1960 г. была выше на 21,8%¹².

Огромный размах получило в стране жилищное и культурно-бытовое строительство. Возросли материальное благосостояние и культурный уровень населения. Только за последнюю пятилетку (1966—1970 гг.) фонд потребления вырос на 24,6%, а фонд заработной платы рабочих и служащих — на 27%¹³. Повысились доходы сельскохозяйственных объединений.

В повышении уровня индустриального развития, укреплении материальной базы сельскохозяйственного производства, улучшении материального благосостояния и культурного уровня монгольского народа велика роль экономического и научно-технического сотрудничества МНР с Советским Союзом и другими странами — членами СЭВ. Их коллективные мероприятия по оказанию помощи Монголии в геологическом исследовании и освоении природных ресурсов страны, в развитии сельского и лесного хозяйства, а также промышленного производства уже дают хорошие результаты.

Органы СЭВ по просьбе МНР изучают ее экономическое положение и специфические особенности, на основе чего разрабатывают пути и программу расширения сотрудничества и оказания помощи в развитии отраслей народного хозяйства. Большое значение имела организация Постоянной комиссии СЭВ по геологии с местом пребывания в Улан-Баторе. Комиссия многое сделала по организации геологопоисковых работ на территории Монголии, а также для развития геологической службы страны. В результате за последние годы выявлены и исследованы месторождения вольфрама, олова, свинца, золота, плавикового шпата, меди,

⁸ Там же, стр. 135. Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1971, стр. 72.

⁹ «Эдийн засгийн асуудал», 1972, № 3, стр. 13.

¹⁰ Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1971, стр. 41.

¹¹ Ю. Цеденбал. Отчетный доклад ЦК МНРП XVI съезду Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор, 1971, стр. 39—40.

¹² «Эдийн засгийн асуудал», 1972, № 3, стр. 12.

¹³ Ю. Цеденбал. Отчетный доклад ЦК МНРП XVI съезду Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор, 1971, стр. 54.

молибдена, фосфора, железной руды, угля, многие из которых имеют промышленное значение.

СЭВ уделяет большое внимание развитию экономики, науки и техники МНР. Его Постоянная комиссия по сельскому хозяйству в соответствии с решением об оказании помощи Монголии ознакомилась на месте с состоянием животноводства, земледелия, лесного хозяйства, ветеринарии, кормовой базы животноводства и механизации сельскохозяйственных работ, а также с состоянием научно-исследовательских изысканий в этих областях. На сессии СЭВ были одобрены намечаемые его органами мероприятия по оказанию помощи МНР в указанных сферах деятельности, которые уже дают свои результаты.

Большое значение для определения направлений дальнейшего развития экономики МНР в системе СЭВ имела координация ее народнохозяйственных планов на 1966—1970 гг. и 1971—1975 гг. с другими странами — членами этой международной организации. В ходе этой координации предусматривалось дальнейшее расширение внешнеэкономических связей Монголии и были подписаны долгосрочные соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, имеющие в виду финансовую и техническую помощь в развитии экономики страны, отправку в МНР специалистов, подготовку ее национальных кадров.

В создании материально-технической базы социализма в Монголии большое значение имеет ее сотрудничество с Советским Союзом и другими странами СЭВ в сфере производства, предоставление последними кредитов, оказание технического содействия, помощи специалистами и т. д. Ведущие отрасли промышленности, ряд предприятий сельского хозяйства, многие культурно-бытовые объекты были построены при кредитной помощи и техническом содействии нашей страны. Причем первые крупные промышленные, торговые и другие предприятия были созданы как совместные, монголо-советские и впоследствии перешли в собственность Монголии. В настоящее время имеется акционерное предприятие — «Уланбаторская железная дорога», в феврале 1973 г. подписано соглашение о создании совместного объединения «Монголсовцветмет».

Страны СЭВ на основе договоров о сотрудничестве оказывают помощь не только кредитами и поставками оборудования, но и непосредственно участвуют в сооружении различных объектов. Так, советские строительные организации в годы III и IV пятилеток построили своими силами электростанции в Улан-Баторе, Дархане и Чойбалсане, угольные карьеры в Шарын-голе и Адунчулуне, высоковольтную линию электропередач протяженностью более 250 км (Север — Центр), авторемонтный завод в Улан-Баторе, строительные комбинаты в столице страны и Чойбалсане и много других промышленных предприятий.

Советский Союз оказывает также помощь в реконструкции и модернизации существующих предприятий, что способствует повышению производительности труда и качества производимых изделий, интенсификации промышленного производства. Например, полностью переоборудованы камвольная и войлочно-валяльная фабрики. В частности, полная механизация производственных процессов и внедрение полуавтоматических линий на войлочно-валяльной фабрике позволили повысить производительность труда в течение 2 лет (1969—1970 гг.) на 15%. Кроме того, усовершенствование технологии производства дало возможность ежегодно экономить 660 т длинной овечьей шерсти, получать сверхплановую прибыль до 2 млн. тугр. в год¹⁴.

¹⁴ «Новости Монголии», 3. II. 1971.

Советский Союз оказывает большую помощь и в развитии сельского хозяйства МНР, например в создании кормовой базы, строительстве животноводческих помещений, обводнении пастбищ. Лишь в последние годы СССР помог построить 5 комбикормовых заводов, несколько кормохранилищ, пункты ремонта сельскохозяйственной техники, а в ряде аймаков и ветеринарные пункты, бактериологическую лабораторию, сельскохозяйственные училища, ряд образцовых сельскохозяйственных предприятий и т. д. Советские и монгольские специалисты на основе соглашения о сотрудничестве в области водного хозяйства на 1971—1975 гг. разрабатывают эффективные методы полива сельскохозяйственных культур.

Развиваются экономические связи МНР и с другими странами — членами СЭВ, которые наряду с расширением взаимной торговли также помогают в сооружении производственных и других объектов. Болгария оказала помощь в строительстве мясокомбината, овчинно-шубного завода, фруктово-овощного хозяйства в Шарын-голе, а также в организации механизированного полива полей в госхозе «Хара-Хорин»; Венгрия помогла в строительстве швейной фабрики и биокбината, в обводнении пастбищ; ГДР — в строительстве мясокомбината, ковровой фабрики, спичечной фабрики и др; Польша — в строительстве заводов силикатного кирпича, легкого бетона, электростанции и цеха по использованию отходов животноводческой продукции в Хара-Хорине, деревообрабатывающего завода, переоборудовании стекольного завода; Чехословакия — в строительстве кожевенных заводов, цементного завода, радиостанции в Кобдо и др. В 1971—1975 гг. она же предоставит помощь в строительстве и модернизации кожевенных и обувных предприятий, теплоцентрали, завершит строительство цементного завода.

Почти все страны СЭВ участвуют в геологоразведочных работах, осуществляемых на территории МНР, поставляют необходимые товары в соответствии с торговыми соглашениями. Большое значение имеет и то обстоятельство, что страны — члены СЭВ предоставляют свой рынок для сбыта монгольских товаров. Таким образом, всестороннее сотрудничество в рамках СЭВ оказывает благотворное влияние на развитие экономики Монголии, способствует повышению уровня ее экономического развития.

В настоящее время МНР подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве со странами СЭВ на 1971—1975 гг., которые открывают возможности для ускорения темпов строительства в стране материально-технической базы социализма.

В Комплексной программе социалистической экономической интеграции страны — члены СЭВ уделили особое внимание развитию Монголии и наметили конкретные мероприятия по оказанию ей помощи в создании эффективной экономики. Так, в Комплексной программе записано: «В рамках общей проблемы постепенного сближения и выравнивания уровней экономического развития стран — членов СЭВ особое место занимает вопрос об обеспечении ускоренного роста и повышении эффективности экономики Монгольской Народной Республики», и далее отмечено, что «создание оптимального комплекса в народном хозяйстве Монгольской Народной Республики требует значительных капитальных вложений и оказания помощи со стороны стран — членов СЭВ»¹⁵.

В числе намеченных мероприятий предусматриваются: совместное строительство и эксплуатация промышленных и иных объектов заинтере-

¹⁵ Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. М., 1971, стр. 15.

сованными странами посредством участия финансовыми, материально-техническими средствами и рабочей силой; предоставление на льготных условиях и сроках погашения различных кредитов; применение в необходимых случаях поощрительных цен на продукцию сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности; оказание эффективной помощи в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса в МНР и т. д.

За период, который прошел после XXV сессии СЭВ, уже осуществлен ряд мероприятий по совершенствованию форм и методов сотрудничества, расширению непосредственных связей на уровне различных министерств МНР с соответствующими министерствами стран — членов СЭВ, рассматриваются возможности и условия совместного строительства предприятий, их финансирования и другие вопросы.

Сейчас при содействии СССР реконструируется рудник Бэрхэ, добывающий плавиковый шпат. На базе этого рудника создается монголо-советское совместное предприятие, которое будет располагать собственным имуществом, сформированным за счет вкладов участников, будет иметь право юридического лица и действовать на началах полной самокупаемости (хозрасчета) ¹⁶. Международная хозяйственная организация создается на взаимовыгодной основе.

Страны — члены СЭВ в соответствии с Комплексной программой изучают возможности сотрудничества в организации производства желтого фосфора и других высококонцентрированных фосфорсодержащих продуктов на базе Хубсугульского месторождения МНР, а также возможности расширения (как говорится в этой программе) сотрудничества «в решении проблемы интенсификации, внедрения промышленных методов производства отдельных видов продукции животноводства и обеспечения комплексной и наиболее высокой степени промышленной переработки сельскохозяйственной продукции в МНР, имея в виду содействовать более быстрому повышению технического уровня производства в сельском хозяйстве и в пищевой промышленности МНР» ¹⁷.

В наши дни, когда развивается процесс экономической интеграции стран — членов СЭВ, МНР, как отмечалось на XVI съезде МНРП, выступает за усиление своего участия в социалистической экономической интеграции, за развитие эффективного и взаимовыгодного сотрудничества с заинтересованными странами по совместному строительству и эксплуатации предприятий, за совместную разработку и использование природных богатств и других ресурсов. Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР тов. Ю. Цеденбал в Отчетном докладе XVI съезду МНРП говорил: «Наша партия и правительство МНР рассматривают дальнейшее укрепление всестороннего сотрудничества с братскими странами в рамках СЭВ как одно из главных направлений своей внешнеэкономической деятельности» ¹⁸.

Международное социалистическое разделение труда и социалистическая экономическая интеграция дают возможность в каждой стране, входящей в систему СЭВ, формировать наиболее эффективный в данных конкретных условиях народнохозяйственный комплекс. МНР, исходя из своих условий, в настоящее время развивает преимущественно легкую, пищевую промышленность, основанную на переработке животноводче-

¹⁶ «Гайская новь», 29. VIII. 1972.

¹⁷ Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. М., 1971, стр. 100.

¹⁸ Ю. Цеденбал. Отчетный доклад Центрального Комитета МНРП XVI съезду Монгольской народно-революционной партии. 7 июня 1971 г., Улан-Батор, 1971, стр. 12.

ского сырья, добычу руд цветных металлов, обеспечивая их достаточной топливно-энергетической базой. Но наряду с этим предстоит изучить проблемы, связанные с совершенствованием производственной структуры Монголии, и определить основные направления формирования ее народнохозяйственного комплекса с тем, чтобы повысить эффективность народного хозяйства в целом и сократить, а в перспективе и ликвидировать разрыв в уровнях экономического развития между ней и другими странами — членами СЭВ.

Опыт сотрудничества МНР в рамках СЭВ, ее участия в интеграционных процессах с более развитыми странами и результаты этого сотрудничества имеют в наше время принципиально важное международное значение. Особенно это важно для народов развивающихся стран, избравших некапиталистический путь развития. Пример Монголии свидетельствует о том, что в условиях существования социалистического типа международных отношений, основанных на полном равноправии, уважении суверенитета и национальных интересов, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи, на принципах социалистического интернационализма, менее развитая страна, входящая в СЭВ, может с помощью стран — членов этой международной организации, стоящих на более высоком уровне развития, успешно преодолеть свое отставание.

Об особенностях становления современного политического механизма КНР

*Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук*

В ходе «культурной революции» маоисты нанесли свой основной удар по выборным государственным и партийным органам, по профсоюзным и комсомольским организациям. Слом конституционной системы государственных органов КНР, упразднение уставных органов КПК и общественных организаций привели к коренной перестройке государства, возникшего в результате победы народной революции и провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики.

Основным орудием переворота была армия, направившая и поддерживавшая бесчинства хунвэйбинов и цзаофаней. В самой же армии «культурная революция» свелась в основном к кадровым перемещениям. К ставленникам маоистской группы перешли ключевые командные и политические посты в вооруженных силах КНР. Под контроль армии были поставлены репрессивные органы государства, средства массовой информации, а также невыборные отраслевые органы управления.

Уничтожение маоистами демократических институтов во всех звеньях политического механизма КНР было неслучайным явлением, так как установление режима военно-бюрократической диктатуры не совместимо с осуществлением воли и интересов широких трудящихся масс Китая. Такая акция требует отрыва политического механизма от масс, превращения его в послушное орудие маоистской группы.

Каковы характерные черты современного политического механизма КНР?

Маоисты, опираясь на феодальные традиции обожествления высших правителей страны, на вековые привычки китайских крестьян к послушанию начальству, на низкую культуру широких слоев населения, пытаются установить режим личной власти, представляющий собой сердцевину иерархической системы военно-бюрократической диктатуры. Один из важнейших документов завершающего этапа «культурной революции» — новый Устав партии, принятый IX съездом КПК, — как нельзя лучше отражает стремление группы Мао обезопасить личную власть «великого кормчего» от каких-либо посягательств со стороны коллективных партийных органов. В самом тексте Устава Мао Цзэ-дун назван «вождем» партии, вознесенным над всеми ее органами, а его мелкобуржуазные революционаристские «идеи» объявлены «теоретической основой» КПК. В Уставе была сделана также попытка установить своеобразное «престолонаследие». Как известно, Линь Бяо был официально назначен в Уставе «преемником Мао Цзэ-дуна», «продолжателем его дела». А в 1970 г. предпринимается попытка конституционного закрепления личной власти Мао Цзэ-дуна. В проекте новой конституции КНР, утвержденном в сентябре 1970 г. II пленумом ЦК КПК девятого созыва, вносится редкое в консти-

туционной практике положение, персонально закреплявшее за Мао Цзэ-дуном право быть никем не избираемым и ни перед кем не подотчетным главой государства. Одновременно, согласно проекту, он должен быть главнокомандующим вооруженными силами КНР. Аналогично положениям Устава КПК решался в проекте конституции и вопрос о «престолонаследнике».

Всеитайское собрание народных представителей ни в 1971 г., ни в 1972 г., как известно, создано не было, и проект новой конституции до сих пор не принят. Причиной тому были известные события в сентябре 1971 г., в результате которых Линь Бяо отпал в качестве «престолонаследника». Однако факты персональных назначений в тексте основополагающих нормативных актов характеризуют политическое мышление Мао Цзэ-дуна и его ближайшего окружения как весьма далекое не только от марксизма-ленинизма, но и от самых элементарных понятий о демократии.

Следующей характерной чертой современного политического механизма КНР является слияние аппарата административных и партийных органов. Тенденция к этому прослеживалась и до «культурной революции», но тогда она выражалась в замещении одними и теми же лицами главных партийных и административных постов, в подмене политического руководства со стороны парткомов администрированием. После разгрома конституционных органов государства и уставных органов партии, в процессе строительства «ревкомов» в ходе «культурной революции» была выдвинута установка Мао Цзэ-дуна о том, что новые органы власти «должны осуществлять централизованное руководство, отказаться от дублированного административного аппарата»¹.

«Дублированным административным аппаратом» Мао назвал партийный аппарат КПК, выступая в этом вопросе против основ ленинизма. Как известно, В. И. Ленин резко выступал против отождествления государственной власти с руководством партии, смещения функций государственных и партийных органов. Он выступал за четкое разделение партийного и государственного аппарата², требовал «...разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе...»³.

Антиленинская установка на фактическую ликвидацию партийного аппарата получила дальнейшее развитие после IX съезда КПК в материалах «Жэньминь жибао» относительно «упорядочения», то есть практически создания заново партийной организации пекинской типографии издательства «Синьхуа»⁴. Главные установочные положения этой статьи по вопросам соотношения партийного и административного руководства сводились к указаниям о том, что персональный состав «ревкома» и парткома должны совпадать и у этих органов должен быть единый рабочий аппарат.

В ряде мест организация парткомов на низовом уровне (коммуна, предприятие) привела к ослаблению деятельности «ревкомов». В статье «Как развивать роль ревкомов после создания парткомов коммун», опубликованной в «Жэньминь жибао», указывалось, например, что «ревкомы» коммун перестали самостоятельно решать даже незначительные вопросы, передавая все на рассмотрение парткомам⁵. Такая реакция низовых ра-

¹ «Жэньминь жибао», 6. IV. 1968.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 122.

³ Там же, стр. 61.

⁴ «Жэньминь жибао», 16. XII. 1969.

⁵ «Жэньминь жибао», 4. IV. 1971.

ботников понятна — они просто избегают рассматривать одни и те же вопросы в почти совпадающем составе «ревкомов» и парткомов. Однако руководящая группа КНР, видимо, считает необходимым поддерживать иллюзию самостоятельного функционирования «ревкомов» и парткомов, осуществления последними только политического руководства.

Партийно-административный аппарат современного Китая подвержен сильному военному влиянию, фактическому контролю со стороны вооруженных сил. «Ревкомы, составляющие политическую основу современного Китая, непосредственно вышли из «культурной революции» как органы, в которых обязательно военное представительство. Присутствие военных или входящих в армейскую систему ополченцев (миньбинов) обязательно не только в составе «ревкома», но и среди его руководителей. Анализ китайской печати показывает, что подавляющее большинство постов глав «ревкомов»⁶ провинциального уровня занимается военными, которые командуют военными округами либо гарнизонами крупных городов. Начавшееся в 1969—1970 гг. восстановление парторганизаций и парткомов различного уровня не привело к ослаблению военного влияния в политическом механизме страны, а, скорее, усилило его. Свидетельством тому является состав парткомов провинциального уровня, образованных в 1970—1971 гг. на местных съездах провинций, автономных областей и городов центрального подчинения. 69 из 86 секретарей парткомов этого уровня находятся на действительной военной службе. Они же являются, как правило, и главами «ревкомов». Представители армии возглавляют и многие нижестоящие парткомы. Данные факты приводят к выводу о том, что политический аппарат современного Китая можно характеризовать как армейско-партийно-административный. Правомерность такой характеристики в известной мере подтверждается и формулировкой четвертого абзаца 9 статьи Устава КПК, принятого IX съездом, в котором подчеркивается необходимость учреждать «компактные и оперативные органы, которые в едином порядке ведут текущую работу партии, правительства и армии».

Военный Совет ЦК КПК, формально являясь одной из частей аппарата ЦК КПК, комиссией по военным вопросам, занял в период «культурной революции» одно из ведущих мест среди руководящих органов КНР. В официальных документах он упоминался наравне с Государственным советом, но фактически он занял в политической структуре страны более высокое положение, чем ЦК КПК и Госсовет. Он осуществлял командование так называемыми «войсками поддержки левых», то есть военными силами, которые непосредственно проводили слом конституционных государственных органов, уставных органов КПК, общественных организаций и вместе с тем насаждали систему маоистских «ревкомов», Военный совет сохранил значительное влияние и после формирования IX съездом уставных органов новой партии.

Падение Линь Бяо и его ближайших сторонников из числа представителей военной верхушки осенью 1971 г. не означает ослабления военного влияния в политическом механизме страны. Мао Цзэ-дун сменил лишь часть военных руководителей. Но от этого суть военно-бюрократической диктатуры не изменилась. Руководящая роль по-прежнему принадлежит армии, представители которой возглавляют основные звенья механизма военно-бюрократической диктатуры. Политические же руководители, не являющиеся профессиональными военными, как правило, подчинены военным властям, либо они назначаются политическими комисса-

⁶ В нашей литературе главы «ревкомов» нередко называются «председателями», однако термин «чжан» скорее имеет значение «глава», «начальник».

рами военных округов и гарнизонов и тем самым включаются в армейскую систему. Одним из ярких примеров такого назначения может служить карьера шанхайского политического деятеля Чжан Чунь-цзяо, который в 1967 г. стал политическим комиссаром шанхайского гарнизона и нанкинского регионального округа.

То, что представители армии являются сегодня ведущей частью в аппарате управления страной, говорят многие факты. Так, например, спустя несколько месяцев после исчезновения Линь Бяо в документе «ревкома» провинции Хэйлунцзян от 19 декабря 1971 г. вновь подчеркивалось, что «представители кадровых работников и представители масс должны учиться у представителей воинских частей. Они должны также добросовестно поддерживать армию и помогать в ее работе «трех поддержек, двух военных»⁷. В этой директиве важна и последняя фраза, свидетельствующая о неизменности политики военного контроля. Да и год спустя после «сентябрьского кризиса» газета «Жэньминь жибао» поместила призывную рубрику «учиться у освободительной армии»⁸.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что конкретные формы милитаризации государственной и общественной жизни в дальнейшем могут изменяться, принимать более завуалированный характер, но от этого не изменится милитаристское существо маоистского политического режима. Военно-бюрократическая диктатура неотделима от военного насилия и принуждения, милитаризации государственной и общественной жизни.

Маоистские «идеи» милитаризации государства весьма сродни троцкизму. Как известно, Троцкий призывал «отбросить» демократию и заменить ее «рабочим механизмом», «концентрированной властью». Идеалом государственной организации для него была армия. В соответствии с его установками в основу государственной системы должны были лечь территориальные военные округа, а местные военные органы должны были одновременно осуществлять и военное обучение, и управление, и организацию хозяйства на основе принудительного труда, поддерживаемого в конечном счете военной силой государства. Таким образом, маоисты взяли на вооружение идеи Троцкого о военно-бюрократической диктатуре, и это не удивительно: в обоих течениях проглядывают сходные черты, обусловленные мелкобуржуазной идеологией «ультрареволюционности»⁹.

Характерной чертой политического механизма современного Китая является отказ маоистов от массовых представительных органов власти типа Советов и от принципа формирования каких-либо руководящих органов путем выборов. При этом, необходимо отметить, слова «представительные органы» и «выборы» не исчезают совсем из политического лексикона маоистов, но приобретают совершенно иной смысл. Представительными органами именуются, например, невыборные «ревкомы», народное представительство подменено «представительством трех сторон» и т. д. Выборы характеризуются маоистской пропагандой как еще одно проявление «консерватизма», однако это отнюдь не относится к так называемым «выборам на основе демократических консультаций», при которых руководители «ревкомов» проводят предварительное согласование кан-

⁷ «Три поддержки» — поддержка «левых», промышленности и сельского хозяйства; «два военных» — военный контроль, военное обучение.

⁸ «Жэньминь жибао», 26. IX. 1972.

⁹ См. В. М. Ч х и к в а д з е. Ревизия марксистско-ленинского учения о государстве и праве группой Мао Цзэ-дуна. — «Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэ-дуна». М., 1969, стр. 149.

дидатур с последующим одобрением их на митингах. «Выборы на основе демократических консультаций» практиковались, например, в период назначения делегатов IX съезда КПК и были на этом же съезде в качестве способа формирования партийных органов внесены в официальный текст Устава партии. Аналогичный термин встречался и в конституционном проекте маоистов.

В связи с этим небезынтересно подчеркнуть, что выборные народом органы никогда не трактовались в работах Мао Цзэ-дуна как органы власти, а, скорее, как «коллегии» для формирования таких органов. Например, в известной своей работе «О новой демократии» Мао Цзэ-дун писал: «...органы государственной власти должны избираться собраниями народных депутатов...»¹⁰ Положения конституционного проекта 1970 г. показывают, что Мао Цзэ-дун не отказался от своих прошлых взглядов на структуру государственных органов. В проекте новой конституции права собраний народных представителей фактически сведены к формированию «ревкомов», которые и представляют собой органы реальной власти современного Китая. Если сравнить проект новой конституции с конституцией КНР 1954 г., то приходишь к выводу, что содержащиеся в конституции КНР 1954 г. положения о структуре органов власти не отражали взглядов Мао Цзэ-дуна, что они были приняты вопреки его мнению. В случае последовательного проведения в жизнь концепции Мао Цзэ-дуна о государственном строительстве Всекитайское собрание народных представителей должно было бы по своим функциям и объему полномочий приблизиться к «Национальному собранию» чанкайшистской клики. Иначе говоря, свести свою деятельность лишь к назначению высших руководителей государства и принятию конституции и конституционных законов.

Фактический разгон выборных собраний народных представителей — еще одно свидетельство нарушения маоистами социалистической демократии. В. И. Ленин учил: «Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии...»¹¹ Возглавляя первое в мире социалистическое государство, В. И. Ленин заботливо пестовал созданные пролетарской революцией народные представительные органы нового типа — Советы депутатов. Он указывал, что Советы, являющиеся продуктом революционного творчества народных масс, представляют собой формулу демократизма, не имеющую себе равных ни в одной из стран¹². В. И. Ленин писал, что демократизм и социалистический характер рабоче-крестьянской власти выражается в том, что «...верховой государственной властью являются Советы, которые состояются из представителей трудящегося народа (рабочих, солдат и крестьян), свободно выбираемых и сменяемых в любое время массами...»¹³. Особо В. И. Ленин подчеркивал значение выборов для формирования высших органов государственной власти. Он указывал, что «...только выборные могут говорить государственным законодательным языком»¹⁴. Советы рассматривались В. И. Лениным как «...такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение»¹⁵, и жизнь подтвердила глубину гениального ленинского предвидения.

¹⁰ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. М., 1953, т. 3, стр. 222.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 305.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 481.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 109.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 305.

Нынешний механизм власти КНР без народного представительства и выборов полностью противоречит социалистическим идеалам, ленинскому учению о социалистическом государстве.

Порожденный «культурной революцией» политический механизм КНР фактически ликвидировал местную национальную автономию, сведя национальные автономные районы к положению обычных административно-территориальных единиц. Местная автономия, предоставляемая неханьским народам страны в первые годы существования КНР, была также сравнительно узкой. Она носила не политический, а административный характер. Однако ее проведение все же позволяло неханьским народам развивать, хотя и в ограниченном масштабе, национальную культуру, экономику, участвовать в формировании органов самоуправления. Во время «культурной революции» были нанесены чувствительные удары по национальному самосознанию малых народов: были разогнаны органы самоуправления районов национальной автономии, многие видные деятели национальных меньшинств страны были подвергнуты унижениям, оскорблениям, физическому уничтожению.

Место органов самоуправления сейчас заняли «ревкомы», в руководстве которых представители национальных меньшинств почти не представлены. Имеющиеся сведения о конституционных планах маоистов свидетельствуют о их намерении полностью лишить национальные районы автономных прав, закрепить их на положении обычных административно-территориальных единиц.

Во время «культурной революции» произошло слияние органов суда, прокуратуры и общественной безопасности в единые учреждения. Первые попытки слить эти органы были предприняты группой Мао Цзэ-дуна в период «большого скачка», когда в некоторых местах стали создаваться так называемые «объединенные оперативные группы» из представителей указанных органов. Эти представители, не без восторга отмечал журнал «Чжэн-фа яньцзю», в период «большого скачка» «действуя совместно, проводили обследование, допросы, проверки и очень скоро убедились на фактах в подрывной деятельности соответствующих преступников, своевременно просили санкции у парткомов и тут же проводили открытые судебные разбирательства»¹⁶. Нетрудно понять, что жертвами этих антиконституционных карательных органов оказывались честные люди, выступавшие против бредовой «идеи» Мао Цзэ-дуна о «малой металлургии». Начиная с периода «большого скачка» правоохранительная работа профанируется. Она стала рассматриваться лишь как разновидность обычной партийно-политической работы, при которой распространялась практика санкционирования приговоров суда партийными органами.

Во время кампании «социалистического воспитания», непосредственно предшествовавшей «культурной революции», работники юстиции и общественной безопасности включались в бригады по проведению этой кампании. Они должны были проводить соответствующую репрессивную деятельность. Однако кампания «социалистического воспитания» вопреки замыслам маоистов не стала кампанией широких репрессий. Партийный аппарат КПК сумел в те годы спустить на тормозах установки Мао Цзэ-дуна.

Массовые внесудебные репрессии стали повседневным явлением в годы «культурной революции». Они первоначально проводились силами хунвэйбинов и цзаофаней, действовавших по указке военных, и выдавались за действия масс. Тогда же военными был установлен контроль над органами юстиции и общественной безопасности. Несколько позднее по-

¹⁶ «Чжэн-фа яньцзю», 1958, № 6, стр. 68.

являются «комиссии по искоренению контрреволюции», одновременно представлявшие следственные и судебные органы. Основным их назначением была организация следствия и судебных митингов по делам действительных или мнимых противников «культурной революции». Прежняя система правоохранительных органов была фактически ликвидирована.

К концу «культурной революции» карательные органы военно-бюрократической диктатуры, установленной маоистами, получили наименование «отделов диктатуры пролетариата» либо «органов диктатуры», которые вошли в состав «ревкомов». Подобное наименование объединенных карательных органов весьма рельефно обнажает суть маоистских представлений о диктатуре пролетариата, исключительно сводящейся ими к насилию, причем оно обращено не против класса эксплуататоров, а против всех тех, кто выступает против «идей» Мао Цзэ-дуна, против «линии Мао», против режима личной власти Мао Цзэ-дуна. Во время «культурной революции» объектом репрессий со стороны маоистов оказались, как известно, руководящие кадры партийного и государственного аппарата, прошедшие суровую школу борьбы против внутренней реакции и империализма.

При этом необходимо особо подчеркнуть, что деятельность репрессивных и всех других государственных органов современного Китая лишена какой-либо правовой основы, так как деятельность основных конституционных законодательных и нормотворческих органов парализована уже более чем 7 лет, принятые ранее законоположения отброшены. Нормативные акты, обычно носящие закрытый или даже секретный характер, издаются маоистской верхушкой неконституционным путем. Эти акты обращены не к народу, а к чиновникам. Они мало чем отличаются от закрытых инструкций феодальных времен, которыми руководствовались судебные чиновники той эпохи при назначении наказаний.

Политику маоистской верхушки всегда отличал правовой нигилизм. И в этом вопросе ее установки совпадают с троцкистскими. Именно троцкисты доказывали, что пролетарское государство должно якобы руководствоваться «не общими нормами, рассчитанными на долгий период, а соображениями революционной целесообразности». В сущности, о том же писали проповедники маоизма еще в конце 50-х годов, объявив нарушение законов «нормальным явлением», диктуемым перманентной революцией, подводя тем самым «теоретическую» базу под чинимый произвол и беззаконие¹⁷.

В современном политическом механизме КНР не представлены в качестве действенных его компонентов массовые общественные организации. Профсоюзы Китая были, как известно, ликвидированы в ходе «культурной революции». Вместо них были созданы в масштабе отдельных предприятий, а также провинций и городов так называемые «конференции представителей революционных рабочих». Эти организации маоисты выдавали до недавнего времени за профсоюзы. «Ответственные лица конференций» выезжали за границу как представители рабочего класса Китая, участвовали в официальных встречах с иностранными профсоюзными делегациями. На самом деле, судя по сообщениям иностранных журналистов, посещавших китайские промышленные предприятия, главной функцией «конференций» является не защита интересов трудящихся, а интенсификация труда рабочих и утверждение «идей Мао Цзэ-дуна» в среде китайского народа.

В последнее время в Китае создаются новые организации, которые в печати именуется «профсоюзами». Однако по своему назначению и

¹⁷ «Чжэн-фа яньцзю», 1958, № 6, стр. 44.

задачам маоистские профсоюзы мало чем отличаются от «конференции представителей революционных рабочих».

В период «культурной революции» была подвергнута разгрому и организация Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК). Процесс восстановления, а фактически создания заново комсомольских организаций на маоистской основе начался на последнем этапе «культурной революции» вместе с ликвидацией хунвэйбиновского движения. Первые сообщения о новых комсомольских организациях появились в 1969 г., когда были упомянуты вновь созданные первичные комсомольские ячейки в сельских местностях у «грамотной молодежи», то есть у хунвэйбинов, выселенных из городов. Тогда же, судя по последующим публикациям, стали создаваться новые комсомольские ячейки на промышленных предприятиях в городах. Они не имели над собою вышестоящих комитетов КСМК, и их деятельность направлялась непосредственно «ревкоммами». Только в 1972 г. в печати стали появляться сообщения об уездных комитетах КСМК¹⁸. Процесс создания централизованных органов организации, как показывают факты, происходит крайне медленно. Профсоюзы и КСМК не единственные общественные организации, которые были разгромлены в период «культурной революции».

Тогда практически была парализована и ликвидирована деятельность всех общественных организаций и сейчас в печати упоминается лишь руководство отдельных общественных организаций, формально назначенное для протокольных мероприятий с зарубежными гостями пекинского режима, среди которого часто фигурируют сотрудники отдела международных связей ЦК КПК.

Нет никаких данных, свидетельствующих о деятельности органов Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), являющегося национальной формой единого фронта. В печати упоминаются лишь некоторые из его лидеров, указываются занимаемые ими в НПКСК посты.

Нарушение социалистических принципов организации общества не беспокоит китайскую военно-бюрократическую верхушку. Ее беспокоит то, что созданный ею режим не обладает достаточной «респектабельностью» в глазах зарубежных партнеров, и именно поэтому она пытается создать впечатление возвращения к «старому порядку», к прежним методам руководства. С другой стороны, меры, предпринимаемые в этом направлении обусловлены и внутренними причинами, вынуждающими маоистов прибегать к камуфляжу своей власти. Пока, правда, это наиболее отчетливо проявляется в вопросах партийного строительства, однако вряд ли этот процесс может ограничиться только данной областью политической жизни. Гегемонистские стремления заставляют нынешних руководителей КНР распространять этот процесс и на сферу государственного строительства, и нужно сказать, что пекинские лидеры предпринимают в этом отношении некоторые меры.

Второй пленум ЦК КПК IX созыва, состоявшийся осенью 1970 г., наметил созыв Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) на 1971 г. Он должен был, по замыслу пекинских лидеров, придать существующему режиму видимость конституционности, однако до настоящего времени сессия ВСНП не проводилась, и дело тут, конечно, не в трудностях формирования состава ВСНП, так как система «выборов на основе демократических консультаций» позволила бы маоистскому

¹⁸ Впервые комитеты КСМК уездного уровня были упомянуты в сообщении «Синьхуа» 6 мая 1972 года.

руководству назначить депутатов в необходимый срок. Задержка с созывом ВСНП, вероятнее всего, связана с определенными трудностями, с которыми верхушка военно-бюрократического режима столкнулась по целому ряду конституционных вопросов.

Одним из главных из них является закрепление и преемство высшей власти. В самом тексте проекта конституции 1970 г., как известно, вопрос закрепления и преемства высшей власти решался довольно просто — Мао Цзэ-дун назначался верховным правителем, а его преемником — Линь Бяо. Решение вопроса о преемстве верховной власти путем назначения преемника нельзя объяснить только карьеристскими устремлениями Линь Бяо, как это пытаются делать теперь некоторые западные исследователи. Прижизненное назначение преемника — идея самого Мао Цзэ-дуна. Если Мао Цзэ-дун придерживается этой идеи и сейчас, то следует ожидать, что конституция будет принята лишь после того, как из окружения диктатора будет выделен его преемник. Но нельзя полностью исключать как альтернативу принятию конституции и без назначения преемника. Нельзя также исключать возможности созыва Всекитайского собрания народных представителей без решения конституционного вопроса. Аргументом в пользу последней альтернативы является нигилистское отношение пекинских руководителей к правовому, в том числе и к конституционно-правовому, регулированию государственной и общественной жизни. Может сохраниться и действие старой конституции, хотя она и не отвечает принципам государственного механизма, порожденного «культурной революцией». Пекинские лидеры тщатся сегодня создать впечатление функционирования всех высших конституционных органов государства. Подтверждением этому, в частности, служат посылаемые в последнее время телеграммы пекинского режима руководителям некоторых государств. Они подписываются четверьмя (а не двумя или тремя, как ранее) высшими руководителями, а именно: председателем ЦК КПК, и. о. председателя КНР, председателем Постоянного комитета ВСНП, премьером Государственного совета¹⁹.

Появляются и статьи, в которых говорится о «коллективном руководстве». Некоторые их выражения можно было бы даже принять за развенчание культа личности в Китае. Например, некий Юй Фэн-ин в декабрьском номере журнала «Хунци» за 1972 г. вопреки недавним формулировкам пекинской пропаганды так и заявил, что массы «не могут быть подменены силой какого-либо одного человека». Однако подобные демагогические заявления направлены отнюдь не на развенчание культа личности Мао Цзэ-дуна, а имеют совсем иное назначение. Тот же Юй Фэн-ин, например, всю вину за ущемление роли масс возложил не на Мао Цзэ-дуна, а на «мошенников типа Лю Шао-ци», то есть на членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Линь Бяо и Чэнь Бо-да. Они, по словам автора, «хотя на словах называли себя «маленькими людьми», в действительности же являлись большими честолюбцами, тиранами». На «мошенников типа Лю Шао-ци» пекинская пропаганда старается возложить и гипертрофированное раздувание культа личности Мао Цзэ-дуна. Смысл этих маневров в том, чтобы снять с Мао Цзэ-дуна ответственность за «культурную революцию», представить его единственным носителем правильной политической линии и даже сторонником коллективного руководства и конституционной законности.

Нельзя не отметить, что в Китае и в учреждениях КНР за границей действительно уменьшено число значков и портретов с изображением

¹⁹ См., например, «Жэньминь жибао», 28. XI. 1972.

Мао Цзэ-дуна, но можно ли в связи с этим прийти к выводу, что наступила «эра коллективного руководства», как это утверждают некоторые западные журналисты? Как известно, главным условием функционирования действительного коллективного руководства является наличие действующих коллегиальных органов. Где же эти органы в КНР? Предусмотренный Уставом КПК Постоянный Комитет Политбюро ЦК не может считаться коллегиальным органом в силу того, что фактически его состав свелся к двум лицам — Мао Цзэ-дуну и Чжоу Энь-лаю. Сильно поредел состав сформированного в 1969 году Политбюро ЦК КПК. Только 12 из 25 его членов проявляют политическую активность. Решение Политбюро в таком составе не может считаться уставным, а значит, и правомочным. Нет никаких сообщений о заседании таких важных государственных органов, как Постоянный Комитет ВСНП, Госсовет, Верховное государственное совещание. Китай продолжает развиваться как государство, в котором господствует режим личной власти, опирающийся на слой никем не избранных и ответственных лишь перед Мао Цзэ-дуном высших военачальников и бюрократов.

Особые старания пропагандисты пекинского руководства прилагают к тому, чтобы скрыть истинную роль армии в современной политической структуре КНР. На разные лады они повторяют тезис «наш принцип — партия командует винтовкой; совершенно недопустимо, чтобы винтовка командовала партией». Однако при персональной иерархической унии военного командования с партийным и административным руководством этот тезис совершенно неприменим к условиям современного Китая, где на самом деле господствует принцип «винтовка командует всем».

Все это говорит о том, что Китай недалеко ушел в политическом развитии от периода «культурной революции». Сохранился порожденный этой «революцией» политический механизм, сохранилась и установленная ею военно-бюрократическая диктатура. Военные могут снимать мундиры, правящая группа может применять иные методы для маскировки милитаризации аппарата государства, партии, общественных организаций, но суть от этого не меняется. В этом признавалась и газета «Жэньминь жибао». Она писала 25 октября 1972 г., что «в соответствии с нуждами революции кадровые работники из числа военных назначаются на работу на места, кадровые работники с мест назначаются на работу в армию, что является нашей партийной традицией». Такая «перекачка» кадров понятна. Маоисты продолжают рассматривать армию как «школу идей Мао Цзэ-дуна», как идеал строительства общества. Они не могут держаться у власти с помощью демократических институтов. Лишь военно-бюрократические методы руководства и управления, связанные с постоянным присутствием военных в партийно-государственном аппарате, распространением военных порядков на хозяйственное управление, позволяют им навязывать китайскому народу свой групповой великодержавно-гегемонистский режим, глубоко противоречащий коренным интересам трудящихся КНР.

Существующая в Китае военно-бюрократическая диктатура является мелкобуржуазной властью как по своей классовой сущности, так и по своей идеологической направленности. Ее политическая практика и идеология свидетельствуют о планах преобразования общественно-экономического строя страны в духе мелкобуржуазных утопических представлений о социализме. Она обрекает на безрадостное существование трудящихся КНР, лишает последующие поколения страны перспективы. Словесная шелуха о «служении народу» и об особой заботе о национальном престиже не поможет маоистам скрыть антинародный и антинацио-

пальный характер своего режима, так как широко известно, что он подвергает унижению лучшие силы нации, культивирует невежество, сковывает народную инициативу, отрывает страну от настоящих ее друзей и союзников, подрывает ее экономический и культурный прогресс, международный авторитет.

К подлинному социализму Китай может прийти лишь через ликвидацию режима военно-бюрократической диктатуры, восстановление братской дружбы со всеми социалистическими странами, тесного контакта с международным коммунистическим и рабочим движением. Это — путь опоры на отечественный и международный пролетариат, путь диктатуры рабочего класса. Существование же страны в условиях военно-бюрократической диктатуры чревато новыми неоправданными жертвами и лишениями для китайского народа, так как эта диктатура, будучи иерархической властью, сильно подверженной субъективному произволу и волюнтаризму, может еще более резко повернуть Китай против социалистических стран и тем самым в еще большей степени осложнить социально-экономическое и политическое развитие страны.

Ликвидация маоистами политического механизма социалистического типа, установление ими военно-бюрократической диктатуры опасны тяжелыми последствиями для революционных завоеваний китайского народа.

Экономика Японии сегодня и завтра

Я. А. Певзнер,
доктор экономических наук

В одном из авторитетных японских экономических журналов, издающемся для иностранцев, была помещена карикатура, на которой японская экономика изображалась в виде лошади, сбросившей седока и бегущей в неизвестном направлении. Ее пытается догнать правительственный «плановик», изображенный с профессорской шапочкой на голове. Карикатура эта служит иллюстрацией к следующему тексту: «В настоящее время правительственные плановики обескуражены и теряют веру в эффективность своей деятельности. На них возложено составление нового экономического прогноза взамен действующего ныне Плана экономического и социального развития на 1970—1975 гг. Что их особенно тревожит, так это опасения бесплодности правительственных прогнозов, все большего пренебрежения по отношению к правительственным директивам со стороны общественных кругов и предпринимателей. Одна из проблем, которая в этой связи заботит экономистов, — это проблема инвестиций в предприятия и в оборудование, которые в прошлом были основным двигателем экономического роста»¹.

Итак, перед нами налицо признаки определенного отрезвления после того, как высокие темпы экономического роста в пятидесятые и шестидесятые годы вызвали в японских правящих кругах настоящую «эскалацию оптимизма». А ведь не далее как в феврале 1970 г. Хисао Канамори, видный буржуазный экономист, нынешний руководитель Исследовательского института при Управлении экономического планирования кабинета министров, от имени полуправительственного «Японского центра экономических исследований» выступил с заявлением о том, что в период 1971—1975 гг. следует ожидать среднегодового возрастания валового национального продукта Японии на 12,4% против 11,7% в шестидесятые годы².

Почти одновременно с этим выступлением был опубликован получивший широкую известность «план Канамори», согласно которому вплоть до 1985 года среднегодовой темп роста ВНП должен был бы сохраняться на том же уровне, что и в шестидесятые годы — в годы наивысших темпов роста. В результате этого ВНП Японии мог достигнуть в 1985 г. одного триллиона долларов — впятеро больше по сравнению с 1970 г., что означало бы выход Японии на первое место в мире по размерам национального дохода на душу населения³. «Умеренный» Осаму Симомура, один из ведущих японских экономистов, директор Исследовательского

¹ «Japan Economic Journal», 28. VII. 1972, p. 10.

² «Oriental Economist», 1970, 11, p. 23.

³ «Japan's Economy in 1985. The Outlook for a 1000 billion Economy». — The Japan Economic Research Center. Tokyo, IV. 1971.

института инвестиций при государственном Банке развития, выступил с утверждением, что в течение семидесятых годов японская экономика возрастет в 3,6 раза, а в 1980—1981 гг. ВВП на душу населения в Японии будет на 30% выше по сравнению с соответствующим нынешним показателем по США⁴.

В выступлениях западных авторов тезисы о «японском вызове», о «японской угрозе» также неизменно подкреплялись выводами о том, что темпы роста японской экономики и впредь будут оставаться весьма высокими. Здесь особенно переусердствовал известный американский экономист и социолог Герман Кан, который, повторяя версии японских правительственных экономистов, писал в своей нашедшей книгу «Рождение японского сверхгосударства: вызов и ответ» следующее: «В течение следующих 10—20 лет японская экономика не утратит возможности добиться статуса «гигантской» или «супер». Сегодняшние темпы экономического роста Японии почти наверняка сохранятся в начале семидесятых годов, в результате чего ВВП Японии к 1975 году или вскоре после этого достигнет 400 млрд. долл. (в ценах 1970 г.), и я буду удивлен, если к концу столетия она не станет дайити»⁵. «...В том, что хозяйство, в полтора раза превосходящее размеры экономики Англии, развивается быстрее всех, нет признаков временного явления», — писал английский экономист Дж. Грегори в журнале «Эйша куортерли»⁶.

Вопреки поспешным предсказаниям

Примечательно, что эти взгляды были высказаны накануне или в начале серьезного ухудшения экономического положения Японии — развернувшейся в 1970—1971 гг. депрессии. Основные показатели депрессии выражаются в следующих сравнительных данных: за десятилетие 1960—1970 гг. среднегодовой рост ВВП Японии составлял 10,5%, в 1971 г. — 6,1, а в 1972 г. — около 10%⁷. По-иному выглядит положение с промышленным производством — при среднегодовом темпе за предыдущие 10 лет в 16%, его прирост в 1971 г. составил всего 2,7%, а в 1972 г. — 8,5%⁸. Обращает на себя внимание не только сам факт снижения темпов роста, но и изменение его пропорций: рост промышленной продукции перестал опережать рост ВВП — факт, который, как мы увидим далее, будет иметь весьма серьезные последствия. Обращение к месячным индексам промышленного производства обнаруживает следующую картину: если принять за 100 данные января 1970 г., то в июне индекс составил 110, а затем началось длительное (вплоть до февраля 1971 г.) топтание на месте, сменившееся крайне медленным и неравномерным ростом. Лишь с мая 1972 г. рост стал более или менее устойчивым.

Депрессия 1970—1971 гг. отличалась затяжным характером и крайней неравномерностью по отраслям и сферам производства. Не только месячные, но и годовые индексы обнаруживают кризисное падение производства в 1971 г. в столь важных отраслях, как добыча каменного угля (снижение на 16%), производство сырой стали (5%), телевизоров

⁴ «Oriental Economist», 1971, 11, p. 15.

⁵ Н. Кан. «The Emerging Japanese superstate: Challenge and Response», N. Y., 1970, p. 87. «Дайити» — первая.

⁶ J. Gregory. «The Japanese model: prospects for the future», «Asia quarterly», Bruxelles, 1971, № 4, p. 391—414; 1972, № 2, p. 83—124.

⁷ См. «Тоё кэйдай токэй гэнпо», 1972, № 7, стр. 2 статистического приложения (за 1972 г. наша оценка. — Я. П.).

⁸ Там же, стр. 10. За 1972 г. данные предварительные.

(11%), металлорежущих станков (19%) и некоторых других видов промышленной продукции⁹. Чистая прибыль 380 крупнейших компаний снизилась за 9 месяцев 1971 г. на 16%, а многие из них (в том числе весьма крупные) резко снизили дивиденды или даже прекратили их выплату.

Но одновременно во многих сферах динамика экономики были иной. Во-первых, хотя и замедлился, но продолжался рост в таких отраслях производства, как электроэнергетика (около 6%) и производство синтетических тканей (около 5%), а в автомобилестроении наблюдалось даже ускорение роста — производство легковых машин возросло на 16%, достигнув 3,7 млн. штук¹⁰. Во-вторых, силой своей классово-солидарности и организованности, своим участием в забастовках рабочий класс не только не допустил снижения реальной заработной платы, но и добился ее дальнейшего повышения. Рост заработной платы почти не замедлился: ее реальная величина возросла в 1971 году на 7,1% — рост приблизительно такой же, как и в предыдущие 3—4 года¹¹. Не принесла с собой депрессия и обычной при подобных ситуациях «очистки» от нерентабельных предприятий, о чем свидетельствуют данные, согласно которым число банкротств и сумма опротестованных векселей в 1970—1971 гг. увеличились незначительно¹².

При таком положении — продолжающемся росте заработной платы и устойчивом положении мелких предпринимателей — почти не замедлился рост личных доходов, общая сумма которых в 1971 г. возросла на 13,8% против 15,9% в 1970 г.¹³, что в свою очередь обеспечило сохранение прежних сравнительно высоких темпов роста потребления и личных сбережений. Необходимо отметить также, что депрессия в Японии совпала по времени с кризисом в США и с ослаблением темпов экономического роста в Западной Европе, что привело к резкому усилению конкурентной борьбы на мировом капиталистическом рынке. В этой борьбе Япония вышла победительницей: экспорт возрос в 1970 г. на 20,8%, а в 1971 — на 24,3%¹⁴ — рекордный рост, сыгравший, как мы увидим дальше, большую роль в переходе к новому этапу противоречий и торгово-валютной войны на Тихом океане.

Эти-то факты и породили в буржуазных кругах уверенность в том, что так же, как это было в 1959 и в 1964—1965 гг., на смену депрессии и частичному кризису снова придут прежние высокие темпы роста экономики.

Действительный ход экономического развития оказался гораздо более сложным. Если взять в целом весь объем ВВП, то за 9 месяцев, с июня 1972 г. по март 1973 г., темп его роста составил около 10%, приблизившись тем самым к среднегодовым за предыдущее десятилетие. Что касается промышленного производства, то за указанный период его рост не превысил 9%. Хотя это и высокий рост, но он не идет ни в какое сравнение с темпами предыдущего десятилетия. Сложившееся во время последней депрессии отставание роста промышленного производства от роста ВВП продолжается и после того, как депрессия преодолена.

⁹ «Тоё кэйдзай токэй гэнпо», 1972, № 7, стр. 3—15; «Japan Economic Journal», 12. IX. 1972, p. 19; «Oriental Economist», 1972, № 7, p. 56, 57.

¹⁰ Там же; «Тюо-Корон», Токио, 1972, № 1, стр. 103.

¹¹ «Oriental Economist», 1972, VII, p. 56.

¹² Там же, стр. 55. Тот факт, что мелкие предприятия сравнительно мало пострадали от депрессии, объясняется рассматриваемым ниже понижением учетных ставок, то есть улучшением условий получения кредитов.

¹³ Там же, стр. 54.

¹⁴ «Токэй гэнпо», 1972, № 7, стр. 3.

Каковы причины перемены в соотношении указанных двух самых важных экономических показателей и что сулит эта перемена для будущего японской экономики?

Отвечая на этот вопрос, необходимо иметь в виду, что главной движущей силой экономического роста являются инвестиции в основной капитал промышленности и в инфраструктуру. Общие темпы экономического роста в сильнейшей степени зависят от его структуры — от соотношения удельного веса отраслей, различных по своей динамике. Высокие темпы второй половины пятидесятых и шестидесятых годов были основаны прежде всего на коренной реконструкции и чрезвычайно быстром росте столь больших по своему удельному весу и по своей капиталоемкости отраслей, как нефтехимия, черная металлургия, автомобилестроение, производство синтетических волокон и смол, производство промышленного оборудования. На перечисленные отрасли в 1965—1969 гг. пришлось 44% капиталовложений в обрабатывающую промышленность¹⁵.

На нынешнем этапе развития производительных сил потенциальные возможности сохранения высоких темпов инвестиций в промышленность и ее быстрого роста по сравнению с прошлым десятилетием отнюдь не снизились. Особое значение имеет прежде всего тот факт, что вся промышленность Японии в целом подошла к необходимости реализации новейших успехов и достижений науки и техники. Уже созданы и продолжают совершенствоваться сверхсовременные образцы ЭВМ, автоматических станков и роботов самого различного назначения, что открывает возможности «кибернетизации экономики», широкого внедрения новейших средств труда и принципиально новой технологии, комплексной автоматизации непрерывных и дискретных технологических процессов, повышения удельного веса атомной энергетики.

Несмотря на то что Япония до сих пор остается страной «двойственной структуры», она, бесспорно, обладает людскими, материальными и финансовыми ресурсами, необходимыми для реализации этих возможностей¹⁶. Но и депрессия 1970—1971 гг. и особенно последующее развитие в 1972—1973 гг. вновь подтвердили ту истину, что рентабельность новой техники отнюдь не прямо пропорциональна ее эффективности. Оценки, даваемые капиталистами-предпринимателями новой технике (а следовательно, и сроки ее реализации), зависят от перспектив прибыльности, на которые постоянно оказывают влияние конъюнктурные, циклические факторы.

В этом отношении самым чутким барометром «экономической погоды» служит положение на рынке ссудных капиталов. В Японии, где на протяжении многих десятилетий, и особенно в годы высоких темпов, наблюдалась самая большая напряженность в сфере кредита, вдруг обнаружилась «экономическая гипотония», вялость на рынке ссудных капиталов. С конца 1970 г. Японский банк снижал учетную ставку шесть раз, доведя ее в мае 1972 года до 4,23% — ниже, чем в это же время в США (4,5%), Англии (5,0%) и Франции (5,75%). Что касается коммерческих кредитов, предоставлявшихся частными банками, то в августе 1972 г. была зарегистрирована небывало низкая ставка — 6,9 процента. Понижение ставок свидетельствует о том, что и после преодоления де-

¹⁵ См. «Кокумин сётоку токэй нэмпо», Токио, 1971; «Когё токэй хё», 1965—1969 гг. (Токио).

¹⁶ «Двойственный» характер японской экономической структуры выражается, во-первых, в большом удельном весе мелких предприятий, во-вторых, в их сравнительно низкой производительности (в 1970 г. на предприятиях с числом занятых до 300 человек работало 70% рабочих и служащих и здесь производилось 50% продукции).

прессии крупный капитал потерял веру в то, что времена «подъема Дзимму» или конъюнктуры «небесного чертога»¹⁷ могут возвратиться.

За этими данными скрывается тот факт, что основной двигатель прогресса, частные инвестиции в фабрично-заводское оборудование, работает с гораздо меньшей скоростью и напряжением, чем раньше. После депрессии 1970—1971 гг. в последующие годы производство растет преимущественно на базе более высокой загрузки уже существующих мощностей. Что же касается инвестиций в оборудование, то при их сравнительно большом росте в сфере самолетостроения и в производстве ЭВМ низкий уровень этих инвестиций сохранялся в таких больших по удельному весу отраслях, как автомобилестроение, черная металлургия, нефтехимия, текстильная промышленность, судостроение и ряде других. В целом объем инвестиций в оборудование за период октябрь 1972 — март 1973 г. по сравнению с предыдущим полугодием возрос всего на 4,6%, а в обрабатывающей промышленности — только на 1,6% — это после того, как в предыдущие годы среднегодовой рост измерялся 8—10 процентами¹⁸. В результате низкого уровня инвестиций в оборудование станкостроительная и инструментальная промышленность оставались в депрессивном состоянии в течение периода апрель 1972 — март 1973 г. производство здесь возросло лишь на 1,2% по сравнению с предыдущим годом¹⁹.

Можно сказать с полной уверенностью: если бы японская экономика, в своем развитии опиралась, как это было в прошлом, на инвестиции в оборудование, депрессия не только не была бы преодолена, но, напротив, перешла бы в глубокий кризис. Избежать этого удалось только путем включения «резервного двигателя» в виде капиталовложений в инфраструктуру — в самом широком смысле этого слова — в жилищное, транспортное и коммунальное строительство, причем в последние годы особенно важное значение начинают приобретать инвестиции в очистные сооружения с целью борьбы против загрязнения окружающей среды.

Новые осложнения, новые планы

Резервы, используемые для поддержания падающей конъюнктуры, носят в буржуазной литературе название «автоматических стабилизаторов». В действительности в использовании таких резервов нет ничего автоматического — оно проходит в острой классовой и политической борьбе, чему ярким примером служит положение, сложившееся в последние годы в Японии.

Депрессия 1970—1971 гг. явилась одной из главных причин обострения конфликтов внутри правящего лагеря и правительственной Либерально-демократической партии, что способствовало отставке в середине 1972 г. кабинета Эйсаку Сато и образованию нового кабинета во главе

¹⁷ Распространявшиеся в Японии определения послевоенных высоких темпов роста, в которых используются термины, взятые из древней японской мифологии.

¹⁸ «Japan Economic Journal», 21. XI. 1972, р. 6 (оценка Управления экономического планирования).

¹⁹ Там же, 12. XII. 1972, стр. 12 (предварительная оценка). В той же газете, в номере от 10 октября 1972 г., давалась следующая оценка положения: «Отставание спроса от предложения сохраняется в столь важных отраслях, как производство стали, нефтехимия, производство текстиля и общее машиностроение. Что касается нефтехимии, то излишек мощностей будет сохраняться до 1975 года. Поступление экспортных заказов в судостроение замедлилось из-за угрозы новой ревальвации иены».

с Какуэй Танакой. Выдвижение последнего на пост председателя ЛДП и премьер-министра в немалой степени было связано с тем, что в бытность министром внешней торговли и промышленности в последнем кабинете Сато он выступил с «Планом реконструкции Японских островов», заключившим в себе новую программу экономической политики. «В настоящее время, — писал К. Танака, — наша страна столкнулась со многими внешними и внутренними проблемами, включая такие, как чрезмерный рост городов и опустошение сельских районов, загрязнение окружающей среды, рост цен и т. д... Я решил настойчиво бороться за разрешение этих проблем»²⁰.

Идеи Танаки нашли свое воплощение в ряде программных выступлений нового правительства, включая «План экономического развития на 1973—1977 гг.», призванного заменить прежний план (на 1970—1975 гг.), обнаруживший свою несостоятельность. В техноэкономическом аспекте основная цель новой программы заключается в том, чтобы добиться децентрализации и перебазирования основных отраслей промышленности, которые в настоящее время сосредоточены главным образом на узкой полосе земли, идущей от Токио на юг и юго-запад вдоль Тихого океана и Внутреннего моря. Имеется в виду, что в течение 10—12 лет должно будет осуществлено передвижение большей части промышленных предприятий в малонаселенные западные части страны. Если в настоящее время в районе Токио — Осака сконцентрировано 75% всего промышленного производства страны, то к 1985 г., согласно программе, эта доля должна понизиться до 50%. Перебазирование предприятий должно совмещаться с мерами по борьбе против загрязнения окружающей среды.

Кроме того, неразрывной частью программы является строительство сверхскоростных железных дорог протяженностью 9 тыс. км, а также автострад с таким расчетом, чтобы из Токио можно было бы доехать до любого городского крупного центра в пределах одного дня и чтобы, связав острова тоннелями, в пределах суток можно было проехать всю страну с севера до юга. Одновременно предусматривается создание «в глубинке» 70 городов с населением по 250 тыс. человек, что должно приостановить нынешнюю сверхконцентрацию населения в крупнейших городах. Наконец, в городах предусмотрено форсированное строительство высотных зданий, что по замыслу должно привести к приостановлению роста цен на землю.

В общеэкономическом плане «программа Танаки» исходит из стремления восстановить темпы роста шестидесятых годов с тем, чтобы к 1985 г. ВНП Японии увеличился более чем в 4 раза. В программе содержится обещание, что на этой основе будет усовершенствована система социального страхования, расширено жилищное строительство, приостановлен рост цен на потребительские товары, сокращена рабочая неделя и т. п.

Формулирование указанных выше целей в правительственной программе представляет интерес прежде всего в том смысле, что оно признает ряд нынешних коренных противоречий, особенно структурных. Программа отражает факт глубокой диспропорциональности экономического развития в географическом, отраслевом и социальном планах, и прежде всего уродливую сверхконцентрацию. Далее, она свидетельствует об относительной неразвитости внутренних средств транспорта и связи, без преодоления которой невозможно не только восстановление высоких, но и сохранение нынешних (1972/73 г.) средних темпов роста. Программа под-

²⁰ К. Т а н а к а. Нихон рэтто кайдзо-рон. Токио, 1972, стр. 2.

тверждает неразвитость системы социального страхования, наличие тяжелых жилищных и санитарных условий жизни большинства населения, непрерывный рост цен на потребительские товары (и особенно на жилье); самую высокую среди индустриальных стран длительность рабочей недели.

Фиксирование перечисленных выше и других острых противоречий отнюдь нельзя считать заслугой нынешнего японского правительства — внимание к ним давно уже привлечено общественными кругами, оппозиционными по отношению к правительству, прежде всего Коммунистической партией и Социалистической партией Японии. Истинная трудность заключается не в том, чтобы снова констатировать эти противоречия, а в том, чтобы найти пути для разрешения назревших проблем. Где взять финансовые и материальные ресурсы, необходимые для реализации столь большой программы? В какой степени большой бизнес заинтересован и готов вложить свои капиталы для обеспечения широко рекламируемых планом Танаки социальных мероприятий? Ни план Танаки, ни последующие правительственные документы не дают на такие вопросы достаточно определенного ответа. В этой связи японская печать (как правительственная, так и оппозиционная) не случайно проводит аналогию между «программой Танаки» и «планом Икэды». Аналогия эта точно бьет в цель: в 1960 г. премьер-министр Икэда положил в основу своей внутренней политики десятилетний «план удвоения доходов», который предусматривал опережающий рост инфраструктуры — совершенно так же, как это предусматривается «программой Танаки»²¹.

Судьба «плана Икэды» хорошо известна: действительный рост ВВП опережал плановые наметки, но нажились на этом капиталистические монополии, а диспропорциональность экономики не только не уменьшилась (как раз ее уменьшение было основной целью плана!), но усилилась в такой степени, что это явилось одной из причин отставки правительства Икэды и прихода к власти правительства во главе с Э. Сато. Скомпрометировавшему себя «плану удвоения доходов» Сато противопоставил девиз «социального развития», который ставил те же самые цели — ликвидацию диспропорций, развитие инфраструктуры.

Разработанный Сато «План социально-экономического развития» на 1967—1971 гг. так же обнаружил свою несостоятельность, как и планы Икэды. «Бездеятельность правительства Сато, — пишет японский экономист Тосихико Садзи, — неспособного к проведению эффективных мер, касающихся ревальвации иены, роста цен, загрязнения среды, перенаселенности, медицинского обслуживания и внешнеэкономических отношений, загнала японскую экономику в тупик»²².

Основная причина провала вышеназванных планов заключалась в их социальной несостоятельности — буржуазное государство не может выйти за рамки, определяемые господством принципов частной собственности и прибыли, не может взять под свой действенный контроль ресурсы, принадлежащие частным монополиям.

Судя по первым шагам нового правительства, по мерам, уже принятым или намеченным на 1973 г., имеется в виду, что увеличение доли государства в общем объеме инвестиций будет достигаться на основе общего увеличения налогов и, что особенно важно, путем решительного от-

²¹ Анализ «плана Икэды» см. в книге «Экономические и политические проблемы современной Японии», гл. I. М., 1963, Изд-во восточной литературы.

²² «Тью Корон», Токио, 1972, № 1, стр. 138.

каза от проводившегося до настоящего времени строгого ограничения размеров государственного долга, переходом к выпуску государственных займов в больших размерах²³. Кроме того, предусматриваются специальные меры по регулированию налоговых ставок с целью поощрения перемещения промышленности; снижение государственных расходов, производимых для поддержания на определенном уровне цен на рис и некоторые другие сельскохозяйственные товары; дальнейшие меры по поощрению импорта, как ожидается, должны привести к увеличению государственных доходов от пошлин. И наконец, предполагается усиление государственного регулирования резервов, депозитов и кредитов коммерческих банков.

При помощи таких мер правительство Танаки рассчитывает не только ликвидировать или по крайней мере ослабить диспропорциональность в экономической структуре, но и восстановить темпы роста, характерные для шестидесятых годов. Может показаться, что итоги 1972 и начала 1973 г. оправдывают такие расчеты, но при более глубоком анализе выявляются иные тенденции.

В течение 60-х годов 90% роста ВВП приходилось на рост производительности труда, причем наибольшим был среднегодовой рост производительности в обрабатывающей промышленности (в среднем за 1960—1970 гг. — 7,8% в год), особенно в химии (9,9%) и в машиностроении (7,3%). Что касается так называемого «третичного сектора», включающего в себя большую часть инфраструктуры и сферу услуг, то здесь рост составил лишь 5,7% (в том числе в области транспорта и связи — 4,3%, а энерго- и водоснабжения — 3,4%)²⁴. Специальный анализ положения, складывающегося в 70-х годах, приводит к выводу, что разрыв в степени роста производительности в разных сферах экономики вряд ли изменится и, пока не начнется новый прилив инвестиций в оборудование, нельзя ожидать восстановления прежних темпов роста производительности. Форсирование же экономического роста без соответствующего роста производительности труда не может быть осуществлено иначе, как путем нового наступления на жизненные интересы трудящихся.

«Программа реконструкции Японских островов» и весь курс правительства Танаки подвергаются резкой критике со стороны Коммунистической и Социалистической партий. Прогрессивные силы Японии разоблачают дедмагогический характер целей, зафиксированных в «программе реконструкции», и показывают ее истинное лицо. «Преобразование островов, — заявил член ЦК КПЯ С. Тоёда, — приведет к еще большему загрязнению природной среды по всей Японии, к стремительному росту цен на землю. Неминуемы дальнейшая концентрация производства и капитала, усиление капиталистической «рационализации», сопровождающейся ростом инфляции и налогов. Большую опасность таит ставка на усиление милитаризма»²⁵. Такая оценка вытекает из научного, классового анализа содержания экономических программ японского правительства. В условиях господства монополий уже одно только провозглашение этой

²³ По одному из официозных прогнозов, составленному с учетом «программы Танаки», среднегодовой прирост государственных инвестиций за 1971—1975 гг. составит 14,7% против 10,5% за предыдущие 5 лет. Доля государства в общем объеме инвестиций в основной капитал должна составить одну треть против примерно одной четверти за предыдущие 5 лет («Japan Economic Journal», 25. VII. 1972, p. 8).

²⁴ Perspektiven der wirtschaftlichen Entwicklung in Japan, Stuttgart, 1972 (издание Гамбургского института по исследованию тенденций технологического развития, стр. 76).

²⁵ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 2, стр. 15.

программы вызвало огромный рост спекуляции землей, который выступает как один из факторов общего роста цен²⁶.

Общие закономерности, приводящие к росту цен во всех странах монополистического капитализма, в конкретных условиях Японии проявились в быстром росте розничных цен при большей или меньшей стабильности цен оптовых. Это объясняется тем, что в области услуг, оказывающих на розничные цены громадное, часто решающее влияние, производительность труда росла неизмеримо медленнее, чем в крупной промышленности, где производительность труда определяет уровень оптовых цен.

После выхода из депрессии 1970—1971 гг. возникло новое явление — начали расти и оптовые цены, что явилось прямым следствием снижения темпов роста производительности труда в крупной промышленности²⁷. Неминуемым следствием роста оптовых цен будет дальнейший рост розничных цен на потребительские товары — в этом и заключается действие сложного механизма перекладывания на плечи трудящихся бремени растущих расходов на инфраструктуру, где рост производительности труда менее значителен по сравнению с промышленностью.

Вместе с тем следует отметить, что «программа Танаки» подвергается критике и в кругах монополистического капитала. Многие видные представители последнего опасаются того, что меры по осуществлению программы, связанные с громадными правительственными ассигнованиями, с ростом расходов на создание очистных сооружений и т. д., окажут отрицательное влияние на размеры прибылей, на частные инвестиции, на конкурентоспособность японских товаров за рубежом.

Опираясь на статистические данные, из которых следует, что в 1970—1971 гг. рост зарплаты опережал рост производительности труда, японская буржуазная печать требует от правительства специальных мер против профсоюзов и забастовок. За этими требованиями скрывается очевидная тревога по поводу того, что зарплата в Японии приближается к среднему для Западной Европы уровню, в связи с чем японские монополии теряют преимущества, позволяющие им успешно конкурировать на мировых рынках²⁸.

Обострение всех внутренних социально-экономических противоречий, чреватое напряженностью и осложнениями во внутривластной обстановке, — таково неизбежное следствие нынешнего экономического курса японских правящих кругов.

Новый этап внешнеэкономической экспансии

На обстановку, складывающуюся в Японии, огромное влияние оказывает развитие ее внешнеэкономических связей, а последние в свою оче-

²⁶ За один только 1972 год цены на землю возросли на 20%. Исаму Миядзакэ, один из руководителей Управления экономического планирования, пишет: «При нынешнем непрерывном росте цен, как бы тяжело люди ни работали, их надежды купить участок земли и построить на нем домик в удобном месте почти несбыточны» («Japan Economic Journal», 12. XII. 1972, p. 10).

²⁷ В декабре 1972 г. общий индекс оптовых цен был на 6% выше по сравнению с декабрем 1971 г. («Oriental Economist», 1973, February, p. 60).

²⁸ В этой связи любопытен следующий эпизод: в результате забастовки, происшедшей в апреле—июне 1972 г., японские моряки добились увеличения зарплаты. Этот их успех имел неожиданное последствие: построенный на японских верфях самый большой в мире танкер водоизмещением 477 тыс. т был продан английской компании «Globtack Tanker Ltd» и укомплектован неапонской командой, а затем зафрахтован японской компанией «Токио танкер». Другими словами, японский капитал мстит японским морякам тем, что лишает их возможности работать на судах, перевозящих японские грузы.

редь находятся под воздействием перемен, происходящих в японской экономике. Правительственные экономисты постоянно исходят из того, что в связи с прогрессом техники (особенно высокомолекулярной химии, агробиологии, более широкого использования ресурсов Мирового океана и т. д.) Японии удастся сохранять высокие темпы роста без увеличения отношения стоимости ее импорта к ВВП, составляющей в настоящее время около 10%. Но истинная картина зависимости от импорта может быть получена лишь с учетом абсолютных цифр. По имеющимся прогнозам можно ожидать, например, что импорт сырой нефти в Японии, составивший в 1969 г. 175 млн. килолитров к 1985 г., возрастет до 560 млн. килолитров, коксующегося угля — с 37 млн. т до 145 млн. т, железной руды — с 69 млн. до 283 млн. метротонн и т. д.²⁹ Для японской экономики повышение абсолютных размеров импорта — это поистине *conditio sine qua pop* — жизненная необходимость. Уйти от этой необходимости можно только ценой резкого снижения темпов роста и торможения технического прогресса. Методы же повышения этих размеров различны и по характеру и по последствиям.

Историю внешнеэкономических связей Японии в XX веке можно разделить на два следующих периода: первый — до 1945 г., когда экспорт японских товаров и капиталов был неразрывно связан с агрессивными войнами, в которых целью Японии было расширение империи, т. е. создание за ее рубежами сфер монопольного господства. Второй период возник в результате поражения японского империализма и сложившейся после войны новой расстановки сил на мировой арене. Характерная черта второго периода — абсолютное преобладание для Японии экспорта товаров над экспортом капиталов. Если в начале пятидесятых годов доля Японии в экспорте товаров капиталистического мира была на уровне 1%, то в 1971 г. она достигла 7,8%. Здесь Япония была на третьем месте, уступая лишь США (14,1%) и ФРГ (12,7%). Совершенно иная картина наблюдалась в области экспорта капитала. В 1971 году объем зарубежных инвестиций стран — членов ДАК³⁰ составлял около 140 млрд. долл., из которых на Японию приходилось лишь 4,5 млрд. долл., т. е. 3,2%. В то же самое время на США падало свыше 78 млрд. долл., на Англию — около 20 млрд. долл. Отношение общего объема зарубежных инвестиций к ВВП по всем странам ДАК, вместе взятым, составляло 6,3%, а для Японии — лишь немногим более 1%³¹.

По-видимому, в настоящее время этот второй период подходит к концу и Япония находится на грани резкого усиления роли экспорта капитала как орудия борьбы японских монополий за источники сырья и топлива, за рынки сбыта, за сверхприбыли, основанные на эксплуатации дешевого труда в капиталистических странах «третьего мира». О начавшемся переходе к новому этапу свидетельствует прежде всего динамика экспорта капитала из Японии в последние годы: до 1965 года ее зарубежные инвестиции составляли всего около 500 млн. долл. и лишь в 1968 г. превысили 1 млрд. долл. После этого началось сильнейшее ускорение: к концу 1969 г. — 1508 млн. долл., 1970 г. — 2037 млн., 1971 г. (март) — 4,5 млрд., 1972 г. — свыше 5,0 млрд. долл.³²

²⁹ «Japan's Economy in 1985. The Outlook for a Trillion Dollar Economy», IV, 1971, p. 34.

³⁰ ДАК — Development Assistance Committee — Комитет при Организации экономического сотрудничества и развития, в который в настоящее время входит 16 стран, включая США, Японию, ФРГ, Великобританию, Францию, Италию, Канаду, Швейцарию.

³¹ «Тоё кэйдай токэй гэнпо», 1972, № 6, стр. 7. «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 5, стр. 136.

³² «Oriental Economist», VII, 1971, p. 10. За 1972 г. данные предварительные.

Японский монополистический капитал явно не хочет больше мириться с таким «ненормальным», не отвечающим сегодняшней расстановке сил положением, когда 90% импортируемой Японией нефти, 60% железной руды и немалая доля других товаров покупается у американских предприятий, находящихся за пределами США. Насколько эта проблема беспокоит правящие круги Японии, можно судить по тому, что Министерство внешней торговли и промышленности опубликовало специальную программу по вопросу об удовлетворении потребностей Японии в минеральных ресурсах при помощи участия Японии в разработке этих ресурсов за пределами страны. Согласно данным этой программы, в настоящее время размеры импорта в Японию продукции японских предприятий за рубежом незначительны, но к 1980 г. они должны достигнуть крупной величины: по рудам для производства алюминия и никеля — половины всего импорта; по рудам меди и цинка — одной трети; по урану и сырой нефти — одной четверти и по руде для свинца — одной пятой³³.

Согласно прогнозам японских и западных экономистов, прямые инвестиции японских компаний за рубежом достигнут к началу 90-х годов 27—30 млрд. долларов³⁴ и предприятия с более или менее значительным участием японского капитала могут занять в некоторых районах Юго-Восточной Азии и Тихого океана (особенно в Южной Корее, Австралии, Индонезии, Малайзии, Таиланде) такое же место, какое американский капитал занимает в ряде стран Латинской Америки.

Обоснованы ли эти прогнозы? При ответе на этот вопрос мы должны вернуться к анализу перемен в экономическом развитии Японии. От пассивного внешнеторгового (а в некоторые годы платёжного) баланса и 2,5—3 миллиардов долларов запасов иностранной валюты и золота в шестидесятые годы к устойчивому активному балансу и почти 20-миллиардному запасу к началу 1973 года — таков путь, пройденный Японией всего лишь за 5—6 лет. Внешне такой итог выступает чуть ли не как триумфальный успех, но в действительности и по своим причинам, и по последствиям итог этот весьма противоречив. Прежде всего он отражает не столько прогресс японской экономики, сколько рассмотренное выше ухудшение внутренней экономической конъюнктуры, принесшее с собой одновременно и рост заинтересованности японских монополий в сбыте товаров за рубежом, и уменьшение спроса на импортируемое сырьё, топливо и другие товары производственного назначения, которым в японском импорте принадлежит решающее место.

Затем необходимо иметь в виду, что в связи с фактическим обесцениением доллара и перспективой его девальвации накопление валюты США с самого начала было для Японии связано с опасностью крупных потерь, которые и действительно последовали в результате двухкратной девальвации доллара — в декабре 1971 и феврале 1973 годов.

И наконец, последнее по счёту, но не по важности. Входя в ряд международных государственно-монополистических организаций, Япония не может не считаться с давлением, идущим со стороны других членов этих организаций, особенно со стороны США и стран ЕЭС. В связи со столь быстрым ростом у Японии долларовых запасов ее соперники и конкуренты настойчиво требовали ревальвации иены. В декабре 1971 года Япония под давлением США была вынуждена повысить стоимость иены на 16,88%, что вызвало взрыв возмущения и явилось одной из причин отставки правительства Сато и падения влияния правящей партии. Перед японским правительством встала совершенно необычная задача — доби-

³³ «Japan Economic Journal», 4. IV. 1972.

³⁴ «Сэкай но нака но нихон кэйдзай». Токио, 1972, стр. 49.

ваться не форсирования, а ограничения экспорта, не ограничения, а форсирования импорта. Для этой цели была разработана и проведена целая серия различных мер (включая ускорение темпов «либерализации» импорта, введение ряда ограничений на экспорт товаров), результатом которых явилось существенное снижение в 1972—1973 гг. темпов роста экспорта и более быстрый рост импорта.

Несмотря на такой поворот, сальдо платежного баланса по-прежнему оставалось для Японии положительным³⁵, что вызвало новое огромное давление со стороны США с целью повторной ревальвации иены. Но если японской буржуазии, несмотря на потери, удалось на основе высокой нормы эксплуатации выдержать удар первой ревальвации, то перспектива второй ревальвации вызвала в Японии панический страх. Наткнувшись на отказ правительства произвести повторную ревальвацию и в условиях дальнейшего резкого ухудшения позиций доллара, в феврале 1973 г. Вашингтон пошел на новую 10-процентную девальвацию доллара — акт, который для Японии по своим последствиям равноценен столь тщательно избегавшейся ею ревальвации иены. Немедленным ответом Японии на односторонний, не согласованный ни в каких международных организациях акт США явился столь же односторонний шаг — введение «плавающего» курса иены, т. е. отказ от строго фиксированного курса, что в конце концов привело к дальнейшей фактической ревальвации иены.

Обстановка же складывается таким образом, что в отношении экспорта товаров Япония наталкивается на возрастающие контрудары со стороны своих партнеров. После февральской (1973 г.) девальвации доллара и введения «плавающего» курса иены ее стоимость по отношению к доллару повысилась еще на 16,5 процента³⁶. Вслед за США с их активными мерами против импорта из Японии уже и в странах ЕЭС все настойчивее выдвигаются требования об ограничениях ввоза японских товаров, а в некоторых странах Азии дело доходит до бойкота японских товаров. Но ситуация способствует росту экспорта японского капитала. Наблюдаемая уже два года вялость на рынке ссудных капиталов внутри страны и угроза ее превращения в хронический относительный избыток капиталов, бесспорно, выступает как фактор, стимулирующий поиски японскими монополиями внешних сфер приложения. В том же направлении действует и усиливающийся разрыв между уровнями заработной платы в Японии и в капиталистических странах «третьего мира». При повышении уровня образования в этих странах дешевизна рабочей силы становится для японских монополий особенно привлекательной.

Столь необычный рост валютных запасов Японии также толкает бизнес на путь зарубежных инвестиций. Японская буржуазная печать полна сетований на то, что этот рост носит нездоровый характер и что он причиняет ущерб японской экономике. Хотя, как мы видели, для такой оценки имеются серьезные основания, нельзя забывать, что в операциях по экспорту капитала доллар по-прежнему является основной валютой. И напротив, несмотря на укрепление позиций иены и на повышение ее паритета по отношению к доллару, японская валюта, не будучи обеспечена золотом³⁷, в международных валютных операциях с долларом пока еще не может состязаться. С этой точки зрения сетования японской буржуаз-

³⁵ В 1972 г. положительное сальдо платежного баланса составило свыше 8 млрд. долл., из которых 4,2 млрд. долл. пришлось на сальдо ее торговли с США.

³⁶ Газ. «Правда», 20. II. 1973.

³⁷ На декабрь 1972 г. Япония располагала иностранной валютой в размере 18,4 млрд. долл., из которых на золото приходилось всего 801 млн. долл. В августе 1972 г. золотые запасы США составляли 10,5 млрд. долл.

ной печати носят в немалой степени фарисейский характер, имеющий определенное назначение — способствовать предотвращению дальнейшей ревальвации иены. В действительности же при нынешней обстановке валютные излишки могут сыграть роль тарана, прокладывающего дорогу японскому капиталу на внешние рынки.

В этой связи следует отметить, что форсирование экспорта капитала составляет одно из главных направлений экономической политики японского правительства. От формулирования общих целей правительство перешло к таким мерам, как государственные гарантии частному капиталу, действующему в области разведки и добычи за рубежом полезных ископаемых³⁸; создание системы специальных резервов для заграничных инвестиций; разрешение филиалам японских банков в Западной Европе выпускать специальные «депозитные сертификаты» с целью внедрения на денежные рынки этих стран, использовать получаемые кредиты для покупки заграничных ценных бумаг; меры для создания в Токио мирового центра по «торговле долларами» — наподобие таких центров «евродолларов», какими сейчас являются Лондон, Франкфурт-на-Майне и Цюрих, а для «азиатских долларов» — Сингапур. Поставлено на практическую ногу создание двух специальных правительственных организаций — «Корпорации зарубежных инвестиций» и «Корпорации по зарубежным инвестициям для средних и мелких предприятий».

Характер перечисленных и других подобных мероприятий не может вызывать сомнений: все они подтверждают сделанное выше предположение о том, что в японской внешнеэкономической экспансии начинается новый этап — этап форсированного экспорта капитала.

* * *

Подводя итоги, мы можем констатировать, что, как и следовало ожидать, претензии японских буржуазных деятелей на то, что им удалось овладеть секретом непрерывности высоких темпов экономического роста, оказались беспочвенными. Депрессия 1970—1971 гг. не только принесла с собой снижение темпов роста экономики, но и обнаружила особую остроту диспропорций, возникших в ходе прежних лет быстрого экономического роста. Но совсем не беспочвенными оказались опасения западных буржуазных политиков и идеологов относительно угрозы японской экономической экспансии. Укрепление позиций Японии на мировом капиталистическом рынке товаров и капиталов несет с собой обострение противоречий и конфликтов между тремя главными центрами современного империализма — США, Японией и Западной Европой и одновременно усиливает заинтересованность правящих кругов Японии в развитии более широких экономических связей со странами социалистической системы.

³⁸ «Japan Economic Journal», 4. IV. 1972, p. 10; 7. XI. 1972, p. 1; 5. XII. 1972, p. 15; 26. XII. 1972, p. 20.

Империалистическая политика США в Юго-Восточной Азии и позиция китайского руководства

*А. М. Дубинский,
доктор исторических наук*

Хорошо известно, что американский империализм, развязав восемь лет назад войну во Вьетнаме и против других народов Индокитая, связал с этой войной свое будущее в Юго-Восточной Азии. Американские политики считали и продолжают считать, что потеря позиций США в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже нанесла бы огромный ущерб влиянию США не только в этом, но и в других районах земного шара.

Монополистические круги в США уже давно исходят из убеждения, что они контролируют одну треть «мирового богатства и могущества» и противостоят «серьезной угрозе», которая-де «в ближайшие 20 лет» будет исходить со стороны слаборазвитых стран¹, включая, естественно, страны Азиатского континента, где сосредоточено более половины населения земного шара. Именно в этом районе мира, по убеждению правящих кругов США, «положение неустойчиво», и здесь они «призваны» в ближайшие десятилетия противодействовать росту освободительной антимпериалистической борьбы, а также «возрастанию могущества» Китая², который рассматривает Юго-Восточную Азию как зону своего исключительного влияния.

Следует особо подчеркнуть, что уже давно выявились гегемонистские, великодержавные претензии китайских руководителей, что создавало атмосферу подозрительности и недоверия к КНР. Настороженность у соседних с КНР стран вызывала позиция Мао Цзэ-дуна в отношении территориального вопроса. Мао, как известно, еще в июле 1936 г. в беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу повторил «традиционную китайскую точку зрения» в отношении «территориальных потерь» Китая, которые должны быть «восстановлены»³. В 1939 г. Мао Цзэ-дун перечислил эти территории: «...Япония захватила Корею, острова Тайвань, Рюкю, Пэнхуледао и Порт-Артур. Англия захватила Бирму, Бутан, Непал и Гонконг. Франция захватила Вьетнам и Гуанчжоувань, и даже такое малое государство, как Португалия, захватило наше Макао»⁴.

¹ См. *Coming Role for U. S. in World. Top Officials Look Ahead.* — «U. S. News and World Report», vol. LXIV, 29. IV. 1968, № 18, p. 52.

² См. Roger D. Masters. *The Nation is Burdened, American Foreign Policy in a Changing World.* Ch. 7. Asian and Rising Power of China, N. Y., 1967, p. 204—245.

³ См. Edgar Snow. *Red Star over China*, N. Y., 1947, p. 96.

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 2, изд. Бюро ЦК КПК Освобожденно-го района Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, 1948, стр. 93—94 (на кит. яз.).

И хотя после образования КНР Пекин должен был считаться с тем, что соседние страны завоевали независимость, однако руководители КНР, по существу, никогда по вопросу о самоопределении этих стран не выступали с ясными и определенными заявлениями, как бы продолжая их считать «утраченными» Китаем территориями. Это служило основанием для лидеров некоторых освободившихся стран выражать беспокойство, особенно после опубликования в Пекине карт, на которых границы Китая проходили южнее Гималаев, а также в связи с выходом в 1954 г. книги «Краткая история современного Китая» с картой, обозначившей «китайские территории, захваченные империалистами в период с 1840 г. до 1919 г.». Карта включала в состав Китая Бирму, Вьетнам, Корею, Таиланд, Малайю, Непал, Бутан, Сикким, Андаманские острова, архипелаг Сулу, часть Сибири и Казахской ССР⁵. Карта воспроизводила то, что Мао Цзэ-дун рассматривал в 30-х годах как неотъемлемую часть Китая, включая территории, которые не являлись собственно китайскими.

Все это давало основание считать, что Мао Цзэ-дун в территориальном вопросе выступил в качестве преемника не только старой китайской империи, но и гоминьдановского Китая периода господства Чан Кай-ши⁶.

Китайско-индийский конфликт 1959 и 1962 гг., поправший пять принципов («панча шила»), вызвал во всей Южной и Юго-Восточной Азии еще большее чувство неуверенности и тревоги и в значительной степени облегчил американскому империализму реализацию своих агрессивных планов в этой зоне земного шара.

Тем временем группа Мао Цзэ-дуна сформулировала свой «особый курс» на международной арене, который представлял собой попытку подменить ленинскую теорию социалистической революции разного рода экстремистскими идеями. Маоисты стали абсолютизировать теорию насилия, выдвигая в качестве ее единственной формы вооруженную борьбу и ставя перед собой задачу развязать как можно больше военных конфликтов («навязать американскому империализму несколько Вьетнамов»). Маоисты предполагали «сокрушить империализм» в ходе «народных войн», однако не допуская вовлечения Китая в конфликт с американским империализмом. В Вашингтоне пришли к выводу, что политика «народных войн» используется Пекином как «передышка», чтобы выиграть время и направить свои главные усилия для наращивания китайского ядерного потенциала, что «народные войны» были призваны «компенсировать» военную слабость КНР, ее неспособность самостоятельно противостоять Соединенным Штатам.

Некоторые американские наблюдатели стали особо подчеркивать, что в этих условиях выход США из войны во Вьетнаме означал бы успех маоистской стратегии «народной войны» и явился бы наглядным доказательством того, что США всего лишь «бумажный тигр» и что они не в состоянии выполнить взятые на себя «обязательства в Юго-Восточной Азии».

Империалистические политики Вашингтона стали обосновывать тезис, что «законные правительства» в Юго-Восточной Азии нуждаются в поддержке США и ищут ее, что, если бы такая поддержка не была обеспечена, это могло бы поощрить Пекин на развязывание новых «на-

⁵ Эти данные приведены в книге: Dick Wilson. A Quarter of Mankind. An Anatomy of China Today, London, 1966, p. 210.

⁶ О совпадении взглядов Мао Цзэ-дуна и Чан Кай-ши свидетельствует книга последнего. См. Chiang Kai-shek. China's Destiny, N. Y., 1947, p. 38—39 и далее.

родных войн», «партизанских войн национального освобождения» и «обескуражить тех, кто готов оказывать им сопротивление»⁷.

Рассуждения об угрозе, которую представляли инспирируемые Пекином «народные войны», стали главным мотивом политики Вашингтона. Американский империализм использовал маоистские концепции «народной войны» для расширения своей агрессии в Юго-Восточной Азии.

Что касается постоянных заявлений маоистов о их «непримиримой» борьбе против американского империализма, то политиками Белого дома они рассматривались всего лишь как «шумные, но пустые угрозы».

Известно, что в 1963—1964 гг. маоисты выступили с лживым обвинением всего мирового коммунистического движения в «пассивности» и нежелании оказать помощь как Демократической Республике Вьетнам, так и Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама. При этом Пекин не скупился на слова, чтобы изобразить Советский Союз в качестве государства, вступившего в «сговор» с США.

Вместе с тем уже в середине 1964 г., когда, по сведениям иностранной печати, происходила концентрация китайских войск и авиации в южных районах Китая вблизи границ с Демократической Республикой Вьетнам, со стороны китайского руководства последовало заявление, из которого явствовало, что Китайская Народная Республика не собирается предпринимать каких-либо военных шагов, если только не будет поставлена под угрозу безопасность китайских границ⁸.

В опубликованном 1 августа 1964 г. интервью издателя газеты «Дер курир» Гуго Портиша, который в то время посетил Пекин и имел беседу с ответственным представителем китайского правительства, не пожелавшим, чтобы его имя попало в печать⁹, было подчеркнуто, что если американцы затронут стабильность китайских границ, то только в этом случае последует китайское вмешательство.

В заявлении правительства КНР от 8 августа 1964 г., хотя и указывалось, что «посягательство США на Демократическую Республику Вьетнам есть и посягательство на Китай», однако в нем весьма туманно были изложены возможные ответные меры китайского руководства на расширение агрессии США¹⁰.

Пассивную политику руководства КНР в отношении агрессии США во Вьетнаме Мао Цзэ-дун в январе 1965 г. объяснил американскому журналисту Эдгару Сноу тем, что вьетнамцы не нуждаются в помощи китайских солдат, что они будут драться своими силами и резервами, так как «...чем больше американцы будут посылать оружия и солдат в Сайгон, тем скорее южновьетнамские освободительные силы будут вооружены, обучены и тем быстрее наступит победа»¹¹. Эдгару Сноу было также заявлено, что «китайцы станут драться лишь в том случае, если американцы нападут на них»¹². Последующие заявления министра иностранных дел КНР Чэн И укрепили убеждение американцев, что Пе-

⁷ Edwin O. Reischauer. What We Should do Next in Asia. «Look», vol. 31, № 7, 4. IV. 1967, p. 21.

⁸ Этот вопрос освещен в рукописи научного сотрудника Института Дальнего Востока АН СССР Г. А. Боголюбова, данные которого любезно были нам предоставлены.

⁹ См.: Harold C. Hinton. Communist China in World Politics, Boston, 1966, p. 363—364.

¹⁰ См. «Информационный бюллетень агентства Синьхуа» (далее сокращенно «ИБАС»), 8. VIII. 1964, стр. 2.

¹¹ «The New Republic», 27. 11. 1965, p. 17.

¹² Там же, стр. 22.

кин предпочитает, чтобы Вьетнам продолжал свою борьбу «до следующего поколения»¹³. Премьер Чжоу Энь-лай в апреле 1966 г. в свою очередь также поспешил дать интервью. Он заявил пакистанской газете «Доон», что «Китай не возьмет на себя инициативы спровоцировать войну с Соединенными Штатами...». Для осуществления американской агрессивной политики в Юго-Восточной Азии был важен тот *carte blanche*, который Вашингтон и получил от Пекина. Официальным лицам США оставалось лишь заверить Пекин, что ему нечего опасаться «американской угрозы». Это и сделал в 1966 г. бывший министр обороны Макнамара, заявивший, что «ограниченные» цели США во Вьетнаме Пекину «абсолютно не угрожают»¹⁴.

В марте 1965 г. американские войска высадились в Южном Вьетнаме.

Позиция китайских лидеров побудила американских стратегов сформулировать в отношении КНР такой «осторожный» курс американской политики, который, по их расчетам, должен был принести окончательный политический и стратегический выигрыш Соединенным Штатам. Так родилась «идея» «новой ориентации» в отношении КНР, которую бывший посол США в Японии Эдвин Рейшауэр назвал «более мудрым средним курсом», проходящим «где-то между устаревшим изоляционизмом и безнадёжной попыткой стать полицейским Азией»¹⁵. Этот «мудрый средний курс» должен был, по мнению Рейшауэра, учитывать «великую силу Азии» — национализм. «Давайте откроем перед Китаем двери...»¹⁶ — таково было кредо Рейшауэра, которое поддерживалось известной частью американского «общественного мнения» и подкреплялось убежденностью, что самое важное для американского империализма — это использовать открывающиеся возможности для направления гегемонистских устремлений маоистов исключительно против СССР, социалистического содружества. Эти «идеи» получили развитие в Вашингтоне особенно после того, как маоисты организовали весной и летом 1969 г. вооруженные провокации на советско-китайской границе.

По мнению Рейшауэра, США должны были «начать играть роль постороннего благожелателя, помогающего азиатской инициативе». Уже в этих рекомендациях явственно просматривались идеи, которые позже легли в основу политики «вьетнамизации» войны, политики, которая была продиктована позицией Пекина.

Между тем эскалация американской агрессии во Вьетнаме проходила под взрыв китайских пропагандистских петард. 19 декабря 1967 г. в связи с 7-й годовщиной образования Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Мао Цзэ-дун заявил: «...700-миллионный китайский народ является прочной опорой вьетнамского народа, а обширная территория Китая — его надежным тылом». О том, как на деле выглядел этот «тыл», можно судить хотя бы по тому, что поток военных материалов, направляемых из СССР и других социалистических стран в Демократическую Республику Вьетнам, систематически задерживался на железных дорогах Китая.

29 июня 1968 г. газета «Нью-Йорк таймс» высказала предположение, что перебои в доставке советского вооружения борющемуся Вьетнаму через китайскую территорию были вызваны стремлением Пекина

¹³ См. «ИБАС», 1. VI. 1965, стр. 1—2.

¹⁴ См. «Entreprise», Paris, 8. IX. 1966, № 574, p. 15.

¹⁵ Edwin O. Reischauer. What We Should do Next in Asia, p. 22.

¹⁶ Там же, стр. 23.

«наказать» ДРВ за согласие принять участие в парижских мирных переговорах. Действительно, маоисты отвергли необходимость переговоров. Они выступали против любых политических средств в решении вьетнамской проблемы, считая выгодным для себя поддерживать в Юго-Восточной Азии состояние неослабевающего напряжения. Такая стратегия была на руку и американскому империализму, так как «оправдывала» его политику «эскалации».

Недовольство Пекина началом парижских переговоров сопровождалось организацией разнузданных хунвэйбиновских демонстраций перед консульствами Демократической Республики Вьетнам в различных городах Китая. В Нанкине хунвэйбины подвергли консула ДРВ дерзким оскорблениям. На улицах Гуанчжоу появилась написанная от руки «дацзыбао», обвинявшая руководителей ДРВ в предательстве. «Вы пошли в Париже на черную встречу, изменив тем самым интересам вьетнамского народа, — указывалось в этом пасквиле. — Вы перед вьетнамским народом ответите за свои преступления».

Хунвэйбиновские демонстрации, конечно, не возникли стихийно. Они были организованы китайским руководством, у которого согласие ДРВ пойти на мирные переговоры в Париже вызвало, по выражению газеты «Джапан таймс» (30 июня 1968 г.), «горькое разочарование». Эта точка зрения подтверждалась официальным заявлением заместителя премьера Государственного Совета КНР Ли Сянь-няня, которое он сделал на приеме в Пекине 11 июля 1968 г. Придав по традиции своему заявлению грубый антисоветский характер, Ли Сянь-нянь утверждал, что американский империализм осуществляет «темный план насчет «мирных переговоров» при помощи и координации советского современного ревизионизма...». Он настаивал на продолжении «затяжной войны» во Вьетнаме.

Маоистская линия на затягивание войны во Вьетнаме, враждебность Пекина к парижским переговорам, организация беспорядков, мешавших поставкам из социалистических стран оружия, вызвали чувство большого беспокойства в прогрессивной печати мира. Становилось очевидным, что значительная часть вины за продолжение американской «эскалации» во Вьетнаме падает на политику Пекина. Что же касается Вашингтона, то его вполне устраивало стремление китайских руководителей удерживать войну в определенных рамках. Вашингтон испытывал чувство «большого удовлетворения» тем, что пекинские лидеры по-прежнему отказывались образовать вместе с Советским Союзом и другими социалистическими странами общий фронт борьбы с империализмом и оказать таким образом помощь героическому вьетнамскому народу в его справедливой борьбе. Вместе с тем эксцессы «культурной революции», попытки маоистов перенести ее за пределы Китая дали американскому империализму политические и пропагандистские козыри, которыми он и воспользовался в своих агрессивных целях. Состояние беспокойства и нервозности, вызванное в ряде стран Юго-Восточной Азии попытками Пекина экспортировать «культурную революцию», в известном смысле повысило шансы Вашингтона добиться признания за собой роли «стабилизирующего фактора» в Юго-Восточной Азии. Так, маскируя агрессивную политику США, специальный помощник государственного секретаря Грэхем Мартин заявил, что присутствие США в Юго-Восточной Азии связано с «жизненными интересами» соседей Китая¹⁷.

¹⁷ Why U. S. in Asia. A Top Diplomat Explains. «U. S. News and World Report», 19. 11. 1968, vol. LXIV, № 8, p. 46.

В 1969 г., после IX съезда КПК, маоисты вынуждены были признать, что их тактика форсированного осуществления своих великодержавных гегемонистских замыслов потерпела провал. Пекинским руководителям не удалось подорвать союз социалистических стран, международного коммунистического и рабочего движения, антиимпериалистического фронта народов, борющихся за свою независимость от гнета империализма. Экстремизм пекинской дипломатии, ее гегемонизм и антисоветизм привели к изоляции КНР на международной арене.

В целях выхода из изоляции китайские лидеры после IX съезда КПК стали менять свою тактику. Они рассчитывали, что более «спокойная», «миролюбивая» внешнеполитическая линия придаст их старому гегемонистскому курсу более «благоприятную» окраску. Они сняли свои «возражения» в отношении парижских переговоров, все чаще стали заявлять о своей приверженности «пяти принципам мирного сосуществования». Они приглушили в своей пропаганде освещение «идей» «народной войны». В то же время маоисты продолжали нагнетать антисоветскую пропаганду. «Новая» тактическая линия китайского руководства была явно рассчитана на то, чтобы получить дивиденды от ряда империалистических держав и пойти на открытое сближение с ведущими странами капиталистического мира.

Эти маневры Пекина не остались незамеченными в Вашингтоне, который в ответ также провозгласил «новую политику» в Азии, так называемую политику «вьетнамизации».

После того как была объявлена «гуамская доктрина» (1969)¹⁸, американская печать запестрела сообщениями о намерениях США «уйти» из Юго-Восточной Азии. Как выяснилось позже, «новая политика» Вашингтона ничего не меняла в «старой» политике США. По выражению одной индийской газеты, США просто стремились «вливать старое вино в новую бутылку». «Стержневой момент так называемой «новой политики», — комментировала вьетнамская газета «Нян зан» от 7 августа 1969 г., — это старый замысел использовать азиатов в борьбе против азиатов, заставить сателлитов поставлять войска для замены американских солдат».

1970 г. стал годом «практической реализации» американской политики «вьетнамизации». После мартовского переворота в Камбодже американо-сайгонские войска при поддержке авиации, артиллерии и танков вторглись на территорию Камбоджи, продвинулись вглубь и поддержали правые силы, захватившие в стране власть.

Расширение масштабов войны в Индокитае не изменило позиций пекинских лидеров. Они снова прикрывались заявлениями, которые мало отличались от предыдущих. Правящая группировка КНР снова отклонила предложения о совместных действиях с СССР и другими социалистическими странами по отражению агрессии США в Юго-Восточной Азии. Тем самым она, по существу, содействовала дальнейшему развитию этой агрессии.

Однако если раньше маоисты были противниками политических средств в борьбе вьетнамского народа с империализмом и наотрез отвергали необходимость переговоров в Париже, исходя из своих корыстных стремлений надолго связать США «народной войной» во Вьетнаме и в Индокитае, не считаясь с жертвами их народов, то в 1970 г. уже явственно определилась новая тактика пекинских лидеров. Они не только

¹⁸ Подробнее о «китайском факторе» «гуамской доктрины» см. «Доктрина Никсона», М., 1972, стр. 140—164.

формально выступили за парижские четырехсторонние переговоры, но проявили явное стремление к установлению двухсторонних контактов с Вашингтоном, с тем чтобы использовать войну в Индокитае в своем торге с американской администрацией. Этому не могли не понять в Вашингтоне, в котором считали целесообразным укрепить в Пекине веру в «обоюдовыгодный компромисс».

Несмотря на то что в китайской печати по-прежнему имели место «резкие» выступления против «американского империализма», в США стали все настойчивее раздаваться голоса, требующие изменить политику в отношении КНР.

Продолжавшиеся выступления Пекина против «американского империализма» уже мало беспокоили Вашингтон, так как здесь давно поняли, что они рассчитаны только на китайское «внутреннее потребление». Соединенные Штаты устраивало, что шовинистический курс китайских лидеров приобрел еще более отчетливо выраженную антисоциалистическую, антисоветскую направленность.

Весной 1970 г. авиация США возобновила массированные бомбардировки некоторых районов Демократической Республики Вьетнам.

В американской печати появились сообщения, из которых следовало, что в правительственных кругах Вашингтона не опасаются того, что на данном этапе войны во Вьетнаме Китай «поспешит на помощь» ДРВ¹⁹. 9 июля 1970 г. государственный секретарь США Роджерс в своем интервью, которое он дал в Японии, призвал Китай начать играть разумную роль в «международном сообществе»²⁰.

В это время американская сторона, по сути дела, отказалась обсуждать на парижских переговорах вопрос о выводе войск США и их союзников из Вьетнама, отвергла предложения об образовании Временного коалиционного правительства в Южном Вьетнаме.

Американская администрация приняла энергичные меры по дальнейшей эскалации войны на Индокитайском полуострове, втянув Таиланд в военный конфликт в Лаосе. Оказавшись не в силах подавить сопротивление народов Южного Вьетнама, Камбоджи и патристических сил Лаоса, американское правительство в декабре 1970 г. снова отдало приказ возобновить налеты американской авиации на территорию Демократической Республики Вьетнам. Правительство США стало открыто угрожать расширением войны против ДРВ. В американской печати появились даже сообщения, что возможно вторжение не только марионеточных, но и американских войск на территорию ДРВ якобы «для поисков летчиков любого сбитого там американского самолета».

В конце января 1971 г. обстановка в Индокитае вновь резко осложнилась. Начались жестокие бои в Лаосе, в которых участвовали сотни американских реактивных истребителей и десятки «летающих крепостей». Общее число солдат американского агрессора и его союзников, участвовавших в операциях в Южном Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, превысило 2 миллиона человек.

Если вторжение в Камбоджу в марте 1970 г. представляло собой первый этап осуществления «гуамской доктрины», то вторым этапом ее реализации явилось вторжение в конце января 1971 г. американско-сайгонских войск в Лаос. Однако американские агрессоры и их союзники натолкнулись на упорное сопротивление народов Индокитая. Наступление американско-сайгонских войск закончилось уже в 20-х числах марта 1971 г. паническим бегством интервентов.

¹⁹ «The New York Times», 30. IV. 1970.

²⁰ «The New York Times», 10. VII. 1970.

Какова же была реакция Пекина на новые варварские акты агрессии?

В передовой статье «Жэньминь жибао» была изложена позиция Пекина о его «решимости» «оказывать поддержку народам трех стран Индокитая в их борьбе против американской агрессии». В статье указывалось, что американское правительство намеренно распространяет слухи о том, будто его действия в Лаосе «не создают угрозу для Китая... Китайский народ не допустит, чтобы американский империализм по своему произволу распространял пламя войны в Лаосе и по всему Индокитаю»²¹.

Казалось, что после такого серьезного «предупреждения» должны были последовать решительные меры. Однако и на этот раз выступление китайского руководства было рассчитано, видимо, только на «внутреннее потребление».

Какова же была действительная степень решимости Пекина противодействовать Вашингтону, показали последующие акции китайских лидеров. Опубликованная 18 марта 1971 г. редакциями журнала «Хунци», газет «Жэньминь жибао» и «Цзефаньцзнь бао» статья, формально посвященная 100-летию Парижской Коммуны, обрушила поток грязи и лжи на Коммунистическую партию Советского Союза и другие марксистско-ленинские партии, на общий курс международного коммунистического движения. В Вашингтоне не скрывали удовлетворения этой новой враждебной антисоветской и антикоммунистической вылазкой Пекина. 27 марта 1971 г. государственный секретарь США Роджерс представил конгрессу доклад об американской внешней политике. В этом докладе Роджерс заявил, что «Соединенные Штаты будут продолжать попытки нормализовать отношения с Китаем»²².

Почти одновременно с докладом Роджерса в американской печати появились статьи, в которых комментировались американо-китайские контакты. «Нью-Йорк таймс» заявила, что официальный Вашингтон был «удивлен и восхищен» приглашением в Пекин большой группы американцев «после двадцати лет враждебности»²³. Газета в связи с этим отмечала, что успех «гуамской доктрины» зависит в значительной мере от хотя бы «молчаливого содействия китайцев»²⁴.

Китайские лидеры, прежде всего Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай, заботясь о претворении в жизнь своих великодержавных целей, разыгрывали антисоветскую, антисоциалистическую «карту» в игре с империалистическими государствами, и в первую очередь с США. В Вашингтоне к этому времени уже не сомневались, что с Пекином можно договориться и сохранить за собой позиции в Юго-Восточной Азии.

Измена пекинских лидеров принципам марксизма-ленинизма, их антисоветизм, стремление расколоть социалистическое содружество, мировое коммунистическое и национально-освободительное движение — все это дало возможность США «перебросить мост», чтобы установить взаимопонимание с Пекином, несмотря на то что между США и КНР были и остаются серьезные противоречия.

Визит Никсона в Пекин (февраль 1972 г.) был воспринят многими зарубежными наблюдателями как серьезный шаг к сближению США и КНР. Наиболее «оптимистические» из них даже считали, что противоречия между США и КНР «существенно сгладились». Последующие со-

²¹ «Жэньминь жибао», 16. II. 1971.

²² «The New York Times», 27. III. 1971.

²³ Там же, 8. IV. 1971.

²⁴ Там же, 18. IV. 1971.

бытия, однако, показали, что американская сторона, с лихвой используя «уступчивость» Пекина для расширения своей агрессии в Индокитае, не намерена поступиться своими интересами в Юго-Восточной Азии.

* * *

О чем свидетельствуют изложенные факты?

Они показывают беспринципность Пекина. С середины 60-х гг. Пекин старался представить себя в качестве главной «революционной силы» в Юго-Восточной Азии, выдвигая «народную войну» как важнейший фактор своей политики в данной зоне земного шара.

Однако, по мере того как разоблачались шовинистические цели политики Пекина и он убеждался в том, что его тактика ведет к изоляции КНР на международной арене, пекинское руководство стало осуществлять курс на все большее сближение с ведущими капиталистическими державами. Это потребовало изменения «старой» линии Пекина после IX съезда КПК. В китайской печати исчезли призывы к «народной войне». Политики КНР явно дали понять, что они заинтересованы в сближении с США.

После заключения соглашения о мире во Вьетнаме в буржуазной печати всемерно начали раздувать утверждение, что «зеленый свет, установленный между Вашингтоном и Пекином, стал возможен благодаря подписанию соглашения о прекращении огня и восстановлению мира во Вьетнаме»²⁵, а американский журнал «Ньюсуик» стал распространять сообщение о том, что, по мнению Пекина, США должны сохранить свои военно-воздушные силы в Таиланде и 7-й флот в Азии как противовес «растущему советскому присутствию в этой части мира»²⁶.

На примере вьетнамского конфликта со всей очевидностью вскрывается порочный курс Пекина, его нежелание считаться с интересами народов Индокитая, стремление решать проблемы Юго-Восточной Азии не на путях обеспечения безопасности в этой зоне земного шара, а путем закулисного торга с правящими кругами США.

Всем людям, которым дорог мир на земле, хорошо понятно, чего добиваются империалисты, так усердно умеющие подстрекать любителей загребать «жар чужими руками». Пекинские лидеры, разыгрывая из себя «радетелей» за интересы «малых», «средних» народов против политики империализма, на примере вьетнамского конфликта показали, что они выступают, по существу, против коренных классовых интересов национально-освободительного движения, многомиллионных трудовых слоев всех континентов земного шара, международного рабочего класса, мирового социализма.

В современном мире, где протекает борьба двух систем — капиталистической и социалистической, — обеспечение в международном масштабе единства антиимпериалистического фронта является высшим интернациональным долгом всех тех, кто борется за национальное и социальное раскрепощение. Тот, кто маневрирует, отказывается от единства действий всех революционных сил современности в защиту прав народа, борющегося за свою свободу, неизбежно скатывается на позиции пособников империализма.

²⁵ «Daily Telegraph», 19. II. 1973.

²⁶ «News Week», 5. II. 1973.

В интересах мира и национального согласия

В. А. Васильев

Все прогрессивное и миролюбивое человечество с большим удовлетворением встретило весть о подписании Соглашения о восстановлении мира и национальном согласии в Лаосе.

Прекращение войны во Вьетнаме открыло новые благоприятные перспективы дальнейшей разрядки международной напряженности, укрепления безопасности и всеобщего мира. Политическое урегулирование во Вьетнаме показало, что можно найти справедливое, мирное решение и для других конфликтных ситуаций, добиться ликвидации сохраняющихся еще очагов военной опасности. Соглашение о восстановлении мира и национальном согласии в Лаосе — наглядное тому подтверждение.

Международная общественность, одобряя соглашения и приветствуя восстановление мира и достижение национального согласия в Лаосе, воздает должное лаосским патриотам, которые под руководством Патриотического фронта Лаоса отстаивали свою свободу, сорвали замыслы и планы американской военщины. Весть о том, что долгая, кровопролитная и разрушительная война, терзавшая лаосскую землю, прекратилась, вызвала глубокое удовлетворение во всем мире.

Подписание этого соглашения является результатом решительной и доблестной борьбы патриотических сил и многонационального народа Лаоса за независимость, мир и свободу Родины. Восстановление мира в Лаосе — это также блестящая победа стран социалистического содружества, национально-освободительного движения и миролюбивых народов мира.

Прекращение войны во Вьетнаме и Лаосе создает благоприятную обстановку в Юго-Восточной Азии для разрядки напряженности в этом районе, где скрещиваются интересы многих стран. Как известно, до недавнего времени странам этого района приходилось считаться с тем, что над ними нависли полумиллионные вооруженные силы американских агрессоров и их союзников, расположенные в Южном Вьетнаме. Победа Вьетнама и Лаоса неизбежно повышает значимость этих государств в своих же собственных глазах, поскольку и они признают теперь ту истину, что ныне возможности империализма значительно сузились.

Путь к достижению Вьетьянского соглашения был долог и труден. Он был бы гораздо короче, если бы не вмешательство американских империалистов и не противодействие местных реакционеров.

В июне 1962 года в Лаосе было сформировано временное коалиционное правительство национального единства, в которое входили представители Патриотического фронта, правой группировки и нейтралистов.

Однако в результате американского вмешательства и интриг правых сил работа этого кабинета оказалась парализованной. Кампания убийств прогрессивных политических деятелей создала для представителей Патриотического фронта Лаоса (ПФЛ) невыносимые условия, и в апреле 1963 года под угрозой физической расправы члены коалиционного правительства от ПФЛ были вынуждены покинуть Вьентьян. Вскоре войска правой группировки развернули военные операции против районов, находившихся под контролем патриотических сил, а американская авиация приступила к так называемым «разведывательным» полетам над территорией Лаоса. Таким образом, миролюбивый, нейтральный Лаос оказался втянутым в войну, продолжавшуюся в Индокитае до начала 1973 года.

Война в Лаосе, как и война во Вьетнаме, была непосредственно связана с вмешательством американского империализма, который, несмотря на свою подпись под Женевскими соглашениями 1962 года, стал на путь их саботирования и срыва. Вашингтон в 1963 году развязал в Лаосе так называемую «особую войну», а с 17 мая 1964 года приступил к регулярным бомбардировкам освобожденных районов страны.

В этой войне на стороне правых сил активно выступали Соединенные Штаты и проамериканский сайгонский режим. Таким примером их совместных действий может служить вторжение в феврале 1971 года в Южный Лаос почти 50-тысячной сайгонской армии при американской воздушной и артиллерийской поддержке.

Победа лаосского народа вслед за восстановлением мира во Вьетнаме наглядно продемонстрировала, какое поистине огромное значение в наше время имеет интернациональная солидарность прогрессивных сил мира. Действенность интернационализма Советского Союза и других социалистических стран нашла яркое выражение в победе этих стран. Это еще раз наглядно показало, что эти народы находят в Советском Союзе своего верного друга и надежного союзника.

Патриотический фронт Лаоса, выступая с инициативой проведения переговоров с правящими кругами Вьентьяна, стремился к мирному решению лаосской проблемы на основе принципов Женевских соглашений 1962 г. с учетом сложившихся в стране конкретных условий. Продолжавшиеся несколько месяцев переговоры, в основу которых была положена программа решения лаосской проблемы, ставшей известной как «5 пунктов ПФЛ», выдвинутой еще в марте 1970 года, увенчались успехом. Соглашение о восстановлении мира и национальном согласии в Лаосе, достигнутое между Патриотическим фронтом Лаоса и вьентьянским правительством, направлено на решение как политических, так и военных проблем.

Вьентьянское соглашение основывается на Женевских соглашениях 1962 года и на нынешнем реальном положении в Лаосе — именно этого решительно добивались патриотические силы. Среди государств, которые должны уважать и строго выполнять Женевские соглашения, в нем специально названы США и Таиланд. И это не случайно.

Именно вмешательство и агрессивные действия американских империалистов в Лаосе, как это неоднократно подчеркивали лаосские патриоты, вовлекли эту страну в пучину кровопролитной войны и стали главной причиной лишений и бед, испытанных лаосцами в последние годы. Вопреки Женевским соглашениям 1962 года Пентагон построил в Лаосе многочисленные военные базы и сооружения, ввез огромное количество военного снаряжения. В Лаосе находилось до 12 тысяч американских советников. Вашингтон ни на день не прекращал массированные бомбардировки территории этой страны.

При этом Белый дом, Пентагон хранили полное молчание по поводу операций в Лаосе, окрещенных прессой «тайной войной». Движение Сопротивления во главе с ПФЛ было вынуждено противостоять ведущейся США воздушной войне на уничтожение. Население укрылось в горах, зарылось в землю. Люди могли работать только по ночам. Города и деревни были уничтожены американскими бомбами. «Тайной войной» руководило Центральное разведывательное управление США.¹

Всему этому, согласно Вьетъянскому соглашению, должен быть положен конец. В соглашении указывается, что «специальные войска», созданные, вооруженные, обученные и руководимые иностранными государствами, должны быть ликвидированы, равно как и все базы, сооружения и укрепления этих «специальных войск». Запрещается также ввоз в Лаос всякого рода военного персонала, всяких категорий регулярных и нерегулярных войск, ввоз оружия и военного снаряжения иностранных государств.

Подписание соглашения о восстановлении мира и национальном согласии в Лаосе, в основу которого положены справедливые конструктивные предложения Патриотического фронта Лаоса, отвечают сокровенным чаяниям лаосского народа, направлены на укрепление мира в Индокитае и в Юго-Восточной Азии.

Многие наблюдатели, оценивая вьетъянское Соглашение о восстановлении мира и национальном согласии, единодушно подчеркивают, что мужество и несгибаемая воля патриотов Лаоса одержали победу. Эта победа оказалась возможной благодаря сплоченности народов Индокитая, поддержке, которую оказало народу Лаоса социалистическое содружество во главе с Советским Союзом, солидарности всех антиимпериалистических сил мира.²

В интервью корреспонденту «Правды» генеральный секретарь ЦК Патриотического фронта Лаоса Фуми Вонгвитит подчеркнул важную роль, которую сыграли СССР и другие социалистические государства в деле достижения мира и справедливого политического урегулирования в Лаосе. Он отметил также, что теперь сторонам, подписавшим Вьетъянское соглашение, предстоит сложная работа по его реализации. Сделан важный, но только первый шаг к миру. Успешное выполнение соглашения будет зависеть от строгого и честного выполнения всех его положений подписавшимися сторонами.

У войны в Лаосе и во Вьетнаме общий знаменатель — агрессия американского империализма. И та и другая были инспирированы, разжигались и поддерживались непосредственно Соединенными Штатами. Цель США в Лаосе состояла в том, чтобы разгромить силы Патриотического фронта Лаоса, руководимые принцем Суфанувонгом, и прибрать к рукам обширные территории, которые по Женевским соглашениям 1962 года признавались зоной ПФЛ.³

Ситуация на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии продолжает находиться в центре внимания международных наблюдателей. При этом они обращают внимание на примечательный факт: война во Вьетнаме и Лаосе окончена, а военное присутствие США в этом районе мира не сокращается. Более того, газеты США пишут о какой-то «особой роли» американской армии, и прежде всего военно-воздушных сил США, в мирное время. Предусматривая перевести свой штаб из Сайгона в Таи-

¹ «Юманите», Париж, 28. II. 1973.

² «Вархайт», Западный Берлин, 26. II. 1973.

³ «Юманите», Париж, 28. II. 1973.

ланд, американские ВВС укрупняют и расширяют многочисленные базы в этом районе.

Особенно активно эти действия проводятся, как замечают наблюдатели, после визита в Пекин специального помощника президента США Киссинджера. Не случайно в связи с этим в хорошо информированных журналистских кругах США стали муссироваться разговоры о том, что Китай, дескать, заинтересован в сохранении военного потенциала США в Азии и не только не возражает против дислоцирования американских вооруженных сил в этом районе, но и считает, что это, дескать, «стабилизирует» обстановку. «Снисходительное» отношение Китая к военному присутствию США на Дальнем Востоке выглядит странным, если учесть, что еще недавно китайская печать крикливо осуждала «кровавых американских агрессоров». Комментируя это, газета «Монд» подчеркивает, что «Китай поспешно идет на сближение с Соединенными Штатами»⁴.

Надо ли говорить, что подобная позиция отнюдь не способствует укреплению независимости и суверенитета стран Индокитая и других государств Азии.

На всем протяжении борьбы лаосских патриотических сил за свободу и независимость родины на их стороне неизменно выступал СССР. Советское правительство, проводя политику, направленную на неукоснительное выполнение Женевских соглашений 1962 года, неоднократно выступало с решительным осуждением вмешательства и агрессивных действий американских империалистов в Лаосе. Председатель ЦК ПФЛ принц Суфанувонг писал в ноябре 1972 года: «В своей борьбе против агрессии США, за национальное спасение лаосский народ постоянно пользуется горячей поддержкой и большой помощью со стороны КПСС, Верховного Совета СССР, правительства и братского советского народа».

Советские люди с большим удовлетворением встретили сообщение относительно достижения Соглашения о восстановлении мира и национальном согласии в Лаосе. Поздравляя лаосских патриотов с большой победой, руководители КПСС и Советского государства в телеграмме на имя председателя ЦК ПФЛ принца Суфанувонга отметили, что советский народ, верный высоким принципам интернационализма и солидарности со всеми народами, борющимися за национальное освобождение, всегда стоял плечом к плечу с народом Лаоса на всех этапах его борьбы за свободу и независимость родины. «Неуклонное и последовательное соблюдение Женевских соглашений, а также соглашения между лаосскими сторонами, подписанного во Вьентьяне, — говорится в телеграмме Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного королю Лаоса Шри Саванг Ваттхана, — создает условия для справедливого решения лаосской проблемы и будет способствовать, наряду с реализацией парижского соглашения по Вьетнаму, ликвидации опасного военного очага в районе Индокитая и оздоровлению всей обстановки в Юго-Восточной Азии»⁵.

Прекращение военных действий и восстановление мира во Вьетнаме, а затем в Лаосе — яркий показатель того, что совместные, солидарные действия социалистических стран, рабочего и национально-освободительного движения, всех сил мира и прогресса приносят реальные плоды.

⁴ «Правда», 4. III. 1973.

⁵ «Правда», 26. II. 1973.

Некоторые проблемы Малайзии

М. И. Дальнев

Малайзия — молодое государство, образовавшееся в результате распада колониальной системы британского империализма. Становление этого государства происходило в сложных условиях.

Территория современного малайзийского государства составляет около 333 тыс. кв. км., население — примерно 11 млн. человек, в том числе почти 5 млн. малайцев.

Государственный строй Малайзии — конституционная монархия с некоторыми специфическими особенностями. В нем сохраняются черты старого феодального уклада и развиваются демократические институты. До вторжения колонизаторов страна была раздроблена на небольшие княжества, управляемые султанами. При колониальном режиме территории, на которых сосредоточивалась основная часть иностранного населения и его собственность, управлялись непосредственно английской колониальной администрацией, а в остальных районах сохранились султаны, через которых колонизаторы осуществляли контроль над страной. Различие в формах управления в отдельных районах имеет место и в нынешнем государстве. В 9 из 13 существующих штатов правят султаны. Наряду с ними имеются главные министры штатов, представляющие центральную исполнительную власть. Четыре остальных штата управляются губернаторами.

В отличие от других стран, где сан монарха наследуется, Верховный правитель Малайзии избирается из числа султанов на 5-летний срок. Нынешним Верховным правителем страны избран в 1970 г. султан штата Кедах — Туанку Абдул Халим Мулззам Шах ибни Аль-Мархум Султан Бадлишах.

Премьер-министр Тун Абдул Разак одновременно является и председателем Союзной партии — правящего союза трех партий, организованных по национальному признаку: Объединенной малайской национальной организации, Китайской ассоциации и Индийского конгресса. Наиболее многочисленной и влиятельной партией из вышеназванных является первая — ОМНО, имеющая в парламенте более 50 мест. В целом же правительственной коалиции из 144 парламентских мест принадлежит 116.

В свою очередь ОМНО подразделяется на три самостоятельные организации: молодежную, женскую и кадровых ветеранов партии.

Как признают и сами руководители правящей партии, несмотря на возрастающую активность малайзийской общественности, в стране остаются сложные социальные проблемы, в частности проблема взаимоотношений между основными национальными общинами населения Малайзии.

При определенных недостатках и слабостях политической системы малайзийское государство, несомненно, достигло заметных успехов.

Имеются определенные достижения в области образования, культуры, материального обеспечения населения.

Малайзия обладает богатейшими природными источниками ценнейшего сырья и по производству таких видов, как каучук, олово, пальмовое масло, твердая древесина, занимает ведущее место в мире. Так, в 1971 г. из общего мирового производства натурального каучука, равного примерно 3 млн. т, в Малайзии произведено 1324 тыс. т, или 44,1% мирового производства; олова — 75 тыс. т, или 41%, пальмового масла — 578 тыс. т, или 52%. По размеру национального дохода на душу населения Малайзия занимает довольно высокое место. В 1970 г. ее среднечеловеческий национальный доход составил около 350 ам. долл., тогда как, например, в КНР он был меньше 100 ам. долл. Однако эти показатели далеко не отражают реального обеспечения малайзийцев, поскольку основные ресурсы страны находятся в распоряжении иностранного капитала. В важнейшей отрасли народного хозяйства — производстве каучука — на долю малайских хозяйств (в основном государственных) приходится всего лишь около 10% объема этой продукции. Основные крупные плантации принадлежат англичанам, а средние и мелкие — китайцам. Иностранные владельцы плантаций и перерабатывающих предприятий выплачивают малайзийскому производителю не более 40—50% от выручаемой ими на мировом рынке стоимости каучука. При этом иностранные компании, пользуясь своим монопольным положением на мировом рынке, совершают различные спекулятивные операции, например в определенные моменты искусственно придерживают закупленный каучук на складах и добиваются таким путем значительного повышения его цены на рынке, хотя закупочную плату производителю они не повышают. В другом случае компании выбрасывают на рынок накопленные товары, создают перенасыщенность рынка и играют на понижение цен, нанося потери от снижения цен на производителя.

Несмотря на то, что внешняя торговля Малайзии достигла значительных размеров и занимает важное место в национальном доходе страны, большая часть ее также сосредоточена в руках иностранных фирм. За последние четыре года — 1969—1972 — экспорт Малайзии не возрастает, тогда как импорт быстро растет.

(в млн. мал. долл.)

Год	Экспорт	Импорт	Сальдо торговли
1969	5051,5	3605,0	1446,4
1970	5163,1	4340,1	823,0
1971	5008,8	4404,2	604,6
1972	4900,0	4730,0	170,0

Торможение в развитии экспорта происходит главным образом потому, что малайзийские фирмы продолжают значительную часть своего ценнейшего сырья направлять на переработку в другие страны, где и оседает большая часть внешнеторговой прибыли. Кроме того, такая главнейшая статья экспорта, как каучук, показывает неуклонное падение. Так, стоимость экспорта каучука сократилась с 2031,1 млн. мал. долл. в 1969 г. до 1330 млн. мал. долл. в 1972 г. при одновременном росте экспорта пальмового масла (со 153 до 365 млн. мал. долл.) и леса (с 773,8 до 1005 млн. мал. долл.). Что касается импорта, то он из года в год возрастает, в чем находит отражение довольно быстрое промышленное развитие страны. Импорт машин и оборудования возрос с 840,7 млн. мал. долл.

в 1969 г. до 1635 млн. малл. долл. в 1972 году. Богатые источники сырья, несмотря на указанные трудности, позволяют Малайзии сохранять активный торговый баланс, хотя и заметно сократившийся в последние годы.

Слабостью малайзийской экономики является и то, что абсолютно большая часть внутренней розничной торговли и услуг (около 80%), доходы от которых составляют важнейшую статью бюджета, находятся в руках иностранцев.

Засилье иностранного капитала в экономике Малайзии не может не беспокоить малайзийскую общественность. «Несмотря на существенный прогресс, достигнутый в прошедшее десятилетие, — говорил премьер-министр Тун Абдул Разак 27 мая 1971 г. в связи с принятием второго пятилетнего плана на 1971—1975 гг., — предстоящие задачи весьма напряженные и предстоит много сделать. В частности, бедность, безработица и расовый небаланс в экономике продолжают оставаться серьезными проблемами, требующими нашего неотложного внимания. Решение их жизненно необходимо для национального единства»¹.

Вторым пятилетним планом предусматривается рост национального дохода в размере 6,5% в год, и среднедушевой доход должен возрасти с 1080 мал. долл. (в 1970 г.) до 1300 мал. долл. (в 1975 г.). Значительные суммы малайзийское правительство планирует направить на развитие экономики, в том числе восточных лесных районов страны, заселенных преимущественно малайцами. Большое внимание в плане уделяется развитию общественного сектора. Так, из общей суммы затрат (на пятилетний период 1971—1975 гг.) 14 350 млн. мал. долл. на долю общественного сектора предполагается израсходовать 7250 млн. мал. долл., то есть несколько более 50%. Предполагается вложить в экономику этого сектора 4794,9 млн. мал. долл., или 66,1% общих затрат, в том числе в сельское хозяйство и рудную промышленность 1936,8 млн. мал. долл., или 26,7%.

Несмотря на предпринимаемые усилия по укреплению позиций малайцев в экономике страны, в плане ставятся довольно ограниченные цели. «Правительство ставит задачу, — говорится в выступлении премьера Тун Абдул Разака, — в течение двух десятилетий по крайней мере 30% общей торговой и промышленной деятельности во всех видах должны находиться в руках малайцев на условиях собственности и управления» (цит. речь А. Разака).

Малайзийское правительство и общественность отдают себе ясный отчет в том, что осуществление даже и этих ограниченных планов развития страны зависит от сохранения мирных условий в Юго-Восточной Азии, невмешательства иностранных государств во внутренние суверенные права малайзийского государства. Правительство страны, как указывается в его официальных документах, во внешней политике придерживается курса мира со всеми государствами вне зависимости от их политических систем. Недавно Малайзия установила дипломатические отношения с правительствами ДРВ и ГДР. «Чтобы обеспечить безопасность и стабильность, — говорится в справочнике малайзийского МИД, — Малайзия трудится над возвращением к миру региона Юго-Восточной Азии, призывая к нейтрализации Юго-Восточной Азии при гарантии США, Советского Союза и КНР».

Премьер-министр А. Разак осенью 1972 г., как известно, посетил Советский Союз и вел переговоры с советскими руководящими деятелями

¹ «Основы второго малайзийского плана — 1971—1975 гг.» (англ. яз.) Куала-Лумпур, 1971 г.

о дальнейшем развитии отношений между двумя странами. В ходе переговоров произошел обмен мнениями по международным вопросам, в том числе и о положении в Юго-Восточной Азии. В советско-малайзийском коммюнике, опубликованном после завершения визита А. Разака, по этому поводу говорится: «Советский Союз и Малайзия единомысленны в том, что интересы безопасности народов Азии требуют прежде всего срочной ликвидации существующих в этом районе конфликтов и очагов напряженности».

По твердому убеждению обеих сторон, для укрепления мира и безопасности в Азии и во всем мире необходимо, чтобы государства в своих отношениях строго руководствовались принципами мирного сосуществования, полного равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы при решении спорных вопросов, развития равноправного экономического сотрудничества и взаимовыгодной торговли. Советский Союз и Малайзия будут и впредь прилагать усилия к тому, чтобы эти принципы получали все большую поддержку в мире».

В 1971 г., как известно, по приглашению Пекина делегация Малайзии впервые посетила КНР и вела переговоры о нормализации малайзийско-китайских отношений. Видимо, маоистское руководство убедилось, что организация и поддержка многих террористических актов и повстанческих выступлений экстремистов против правительства Малайзии не принесет ему успехов. Из мировой прессы известно, что Чжоу Энь-лай пытался убедить малайзийскую делегацию в том, что Китай не будет вмешиваться во внутренние дела ее страны. Несомненно, что это обстоятельство для малайзийцев является главным условием нормализации отношений с КНР.

Для Малайзии, конечно, важно установление добрососедских отношений с Китаем, необходимых также и для обеспечения общего мира в Юго-Восточной Азии, и можно ожидать, что поиски решения этой проблемы будут продолжаться. Представители малайзийской общественности тем не менее не скрывают, что их продолжают беспокоить великоханьские устремления маоистов, которые меняют лишь формы и методы, но не отказываются от своих конечных целей.

Однако факты последнего времени говорят, что банкротство авантюристического внешнеполитического курса Пекина и нарастание сил мира, несомненно, будут затруднять маневры маоистов и благоприятно скажутся на укреплении мира для народов Юго-Восточной Азии, в том числе и Малайзии. Претворение такой благоприятной перспективы в реальную действительность является важнейшей задачей народов и государств мира и потребует их коллективных усилий.

В речи на XV съезде советских профсоюзов Л. И. Брежнев говорил: «Коллективная безопасность в Азии должна, по нашему представлению, основываться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенность границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды»².

Выдвинутая Советским Союзом идея о создании системы коллективной безопасности на Азиатском континенте отвечает коренным интересам населяющих его народов, особенно таких небольших государств, как Малайзия, развитие которой непосредственно зависит от мирной обстановки в Юго-Восточной Азии.

² См. «Правда», 21. III. 1972.

ИДЕОЛОГИЯ

«Китайская проблема» в извращенном толковании Роже Гароди

---

*Е. Ф. Ковалев,
доктор исторических наук*

В наше время, время острой классовой борьбы двух систем — капиталистической и социалистической, — особенно актуально звучит призыв XXIV съезда КПСС к борьбе с современным ревизионизмом.

Главной чертой ревизионизма как идейно-политического течения в международном рабочем движении является его стремление «переосмыслить» марксистскую теорию развития и переустройства общества. «На такой «обработке» марксизма, — писал В. И. Ленин, — сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. Все социал-шовинисты нынче «марксисты», не шутите!»¹.

При известном различии классовой и идейно-политической направленности буржуазных идеологов и ревизионистов их объединяет общее негативное отношение к научному коммунизму с той лишь особенностью, что буржуазная мысль зачастую неприкрыто и начисто отвергает революционное учение, а ревизионизм под флагом этого учения и «творческого подхода» к нему справа и слева вносит «поправки» и «уточнения» в теорию К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Прикрывая свое оппортунистическое нутро «марксистскими» одеждами, ревизионисты выступают в качестве проводников буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в мировое коммунистическое движение, пытаясь в угоду буржуазии привить ему «пересмотренные» коренные положения марксизма-ленинизма и тем самым затормозить процесс революционного обновления мира.

В борьбе с научным коммунизмом буржуазные идеологи и ревизионисты охотно берут на вооружение такую разновидность право- и лево-ревизионистской мелкобуржуазной идеологии, как маонизм, и тем самым становятся не только глашатаями и пропагандистами этого «изма», но на том или ином уровне смыкают свои концепции с «идеями Мао Цзэ-дуна».

Одним из активных представителей современного ревизионизма, пытающегося интерпретацией «китайской проблемы» опрокинуть научную теорию развития и переустройства общества, является исключенный из рядов Французской коммунистической партии ренегат Роже Гароди.

Не претендуя на полноту критического анализа соответствующих взглядов Р. Гароди, задача данной статьи состоит в том, чтобы выявить

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 5.

в них то главное, что позитивно акцентирует маоизм в целях ревизии марксистской теории развития и переустройства общества.

* * *

Современная марксистская критика взглядов Р. Гароди, представленная в решениях ФКП² и в работах советских ученых и публицистов³, в основном вскрывает порочную методологию отступника от марксизма по общим вопросам научного коммунизма и общественного развития наших дней.

Начиная со второй половины 60-х годов «продукция» Р. Гароди отмечается попытками подтвердить ревизию основополагающих идей марксистско-ленинской теории прошлым и настоящим Китая. Наиболее концентрированным выражением этих попыток является его книга «Китайская проблема»⁴, существо которой, разумеется, нельзя отрывать от методологического подхода и оценок нашей эпохи, присутствующих в других работах Р. Гароди⁵.

Обращение Р. Гароди к «китайской проблеме» не случайно. Беспрецедентная «культурная революция» с ее ярко подчеркнутой националистической и антисоветской направленностью вызвала на Западе ряд вопросов, которые, в общем, относились к тому, насколько закономерно происходящее в Китае. Отвечая на этот вопрос, буржуазные идеологи, несмотря на неприязнь к экстремизму хунвэйбинов и цзаофаней, в целом не скрывали своего удовлетворения направленностью событий, оценивая их как закономерное явление, возникшее якобы в результате несоответствия марксизма-ленинизма условиям Китая. Потрясенные размахом антисоциалистических акций в ходе «культурной революции», отдельные неустойчивые и колеблющиеся элементы в рядах мирового коммунистического движения оказались не в состоянии по-марксистски разобраться в ситуации, сложившейся в Китае. Гипертрофируя роль и место этой ситуации в социально-политической структуре страны и в мировом революционном процессе, эти элементы увидели в ней основание для ревизии марксистско-ленинской теории об общих закономерностях истории, для вычленения из них Китая. Наиболее рьяным апологетом этого направления современного ревизионизма стал Р. Гароди.

Какие основные положения марксизма-ленинизма Р. Гароди «переосмысливает», опираясь на прошлое и настоящее развитие китайского общества, и в этой связи по каким основным вопросам прослеживается смыкание его ревизионистских взглядов с «идеями Мао Цзэ-дуна»?

Главные усилия Р. Гароди направлены на ревизию марксистско-ленинского учения о единой сущности социализма и интернациональной сущности идеологии научного коммунизма. Эти основные твердыни пролетарского мировоззрения подвергаются наиболее яростным атакам Р. Гароди. В наступлении на марксизм-ленинизм он берет на вооруже-

² См. Сообщение Политбюро ФКП о книге Р. Гароди «Большой поворот социализма». «L'Humanité» от 19 декабря 1969 г.; материалы пленума ЦК и Центральной комиссии политического контроля ФКП об исключении Роже Гароди из ФКП, «L'Humanité» от 21 мая 1970 г.

³ См., например, «Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами», под редакцией П. Н. Федосеева, М., 1972; X. Н. Мо дж ян. Философия ренегатства, «Новый мир», 1972, № 11, стр. 209—233; 1973, № 2, стр. 139—164.

⁴ Roger Garaudy. Le problème chinois, Paris, 1967.

⁵ Roger Garaudy. Pour un modèle Français du socialisme. Gallimard, 1968; Le grand tournant du socialisme. Gallimard, 1969; его же, Toute la vérité, Mai 1968 — Février 1970, Paris, 1970.

ние любое проявление оппортунизма, если оно помогает ему «пересмотреть» теорию К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Именно этим руководствуется Р. Гароди, когда подкрепляет свои ревизионистские взгляды ссылками на «опыт» руководителей Китайской Народной Республики. Во многих работах Р. Гароди последних 6—7 лет, в той или иной мере затрагивающих «китайскую проблему», можно обнаружить оправдание концепций множественности «моделей» социализма и «идеологии» марксизма на примере Китая.

С чего начинается Р. Гароди? Какую теоретическую основу он подводит под правомерность множественности «моделей» социализма и «идеологии» марксизма?

Р. Гароди начинает с ревизии марксистско-ленинской теории всемирно-исторического процесса. Он утверждает, что «пять стадий» (первобытная община, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм) являются «догматической и отнюдь не марксистской» концепцией исторического развития, «от которой нам надо отказаться в первую очередь»⁶. В эту концепцию, говорит Р. Гароди, «укладывается» лишь «развитие европейских стран, особенно стран Средиземноморского бассейна»⁷.

Какую же антидогматическую, «марксистскую поправку» вносит Р. Гароди в научную теорию всемирно-исторического процесса? Он выделяет «азиатский способ производства» как первичную социально-экономическую формацию, приписывая ее странам Востока и утверждая, что она якобы соответствует взглядам К. Маркса и В. И. Ленина.

Р. Гароди уверяет, что К. Маркс и Ф. Энгельс не «разработали для докапиталистических социально-экономических формаций такой же развернутой теории, какую они дали для капитализма, но они глубоко сознавали необходимость разработки теории, отличной от схемы рабовладение — феодализм — капитализм, чтобы понять специфику общественного развития в других, незападных странах»⁸. В этой связи «схеме рабовладение — феодализм — капитализм» Р. Гароди противопоставляет четыре основные ступени исторического прогресса, сформулированные К. Марксом в предисловии к «Критике политической экономии» в 1859 г. «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства, — писал К. Маркс, — можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»⁹. Р. Гароди особо подчеркивает, что у К. Маркса первая эпоха экономической общественной формации начинается с «азиатского» способа производства. Весь ход его рассуждений в главе «Об азиатском способе производства»¹⁰ сводится к доказательству того, что К. Маркс якобы наделял «азиатский способ производства» качеством первичной социально-экономической формации в «незападных странах», в результате чего развитие этих стран отличалось «от схемы рабовладение — феодализм — капитализм», будто относящейся только к Западу. Тем самым Р. Гароди отстаивает тезис о том, что Восток принципиально развивался не так, как Запад, что не существует общей закономерности развития для Запада и Востока; Восток противопоставляется Западу, последний — Востоку.

⁶ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 8—9.

⁷ Там же, стр. 8.

⁸ Там же, стр. 18.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 13, стр. 7..

¹⁰ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 15—29.

Понимали ли основоположники марксизма под категорией «азиатский способ производства» особую первичную социально-экономическую формацию в истории развития человечества?

Характеристика «азиатского» способа производства впервые была дана К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в июне 1853 г.¹¹, а сама категория появилась в 1859 г. в предисловии к «Критике политической экономии», где членение исторического процесса, как было сказано выше, К. Маркс начинает с «азиатского» способа производства. Когда в 70-х годах прошлого века К. Марксу стала известна книга Льюиса Г. Моргана о древнем обществе¹², то в начале 1881 г. он в «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич»¹³ уже не трактовал земледельческую («восточную») общину с коллективной собственностью на землю, то есть главную черту «азиатского» способа производства, как первичную социальную структуру. Характерно, что после смерти К. Маркса Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», опубликованной в 1884 г., не затрагивал «азиатский способ производства». Что касается В. И. Ленина, то Р. Гароди тенденциозно притягивает к нему «азиатский способ производства». Между тем В. И. Ленин специально не рассматривает «азиатский способ производства», а характеризует «азиатский деспотизм» как государственный строй в странах, в экономике которых преобладают докапиталистические черты¹⁴.

К. Маркс говорит о четырех ступенях исторического прогресса или формах общественного процесса производства (азиатской, античной, феодальной, буржуазной) как о ступенях или формах антагонистического общества. Р. Гароди не улавливает, что К. Маркс противопоставляет буржуазной форме различные антагонистические добуржуазные формы (азиатскую, античную, феодальную), оценивая последние как целостную предысторию человеческого общества. «Буржуазные производственные отношения, — пишет К. Маркс, — являются последней антагонистической формой общественного процесса производства...», «...буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹⁵. Это членение на два противостоящих друг другу добуржуазно и буржуазно общественные образования подтверждают также следующие слова К. Маркса. «Капитал, — говорит К. Маркс, — возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие заключает в себе целую мировую историю. Поэтому капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественного процесса производства»¹⁶. Р. Гароди проходит мимо того, что К. Маркс ставит «азиатский способ производства на первое место лишь как одну из форм добуржуазных антагонистических обществ, и в этой связи игнорирует наброски ответа К. Маркса на письмо В. И. Засулич. В этих набросках К. Маркс определил первобытную общину как первичную общественную формацию. Это открытие, как подчеркивается в исследованиях советских ученых, уточняет «глобальное» членение всемирно-исторического процесса. «Если в каче-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 23, стр. 214—215, 221—222, т. 9, стр. 130—136.

¹² К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». — «Архив Маркса и Энгельса», т. 9, М., 1941, стр. 1—192.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 19, стр. 400—421.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 266—267.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 13, стр. 7, 8.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 23, стр. 181.

стве первичной формации выступает первобытное общество, то антагонистическое общество в целом выступает как формация вторичная. Таким образом, уточняется *общая* структура исторического процесса: 1) *первобытное общество*; 2) *антагонистическое общество*, которое разделяется Марксом на две «крупные формы»: «первичную», включающую в себя все докапиталистические общественные формы, уже основанные на принуждении к труду (рабство и крепостничество), но вместе с тем еще сохраняющие в качестве своего фундамента общину, и «вторичную», т. е. капитализм»; 3) *коммунистическое общество*¹⁷. В этом членении «азиатский способ производства» открывает классовое общество после первобытного доклассового общества («первичная формация») антагонистическое общество («вторичная формация») ¹⁸. Принимая во внимание работу К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» ¹⁹, можно сказать, что под категорией «азиатский способ производства» основоположники марксизма имели в виду не особую первичную социально-экономическую формацию, свойственную только странам Азии, а специфические местные особенности в способах производства (формах собственности) и производственных отношениях, проявлявшиеся в этом регионе в антагонистических формациях (рабовладельческой, феодальной), предшествовавших капиталистическому способу производства ²⁰.

* * *

Отвергнув научную концепцию всемирно-исторического развития, Р. Гароди отвергает ее и для Китая. Он настаивает на «исключительном», «особом» пути Китая, который якобы выводит страну из общих закономерностей развития человеческого общества. Р. Гароди утверждает, что марксистская теория общественно-экономических формаций неприменима к Китаю «от начала до конца» («Inapplicable de bout en bout») ²¹.

Неприменимость к Китаю последовательного прохождения исторических эпох Р. Гароди усматривает в том, что в Китае якобы не существовало рабовладельческого и, по существу, феодального и капиталистического способов производства. Он категорически заявляет, что «подлинно рабовладельческого способа производства, то есть такого, при котором производство лежало бы в основном на рабах, в Китае никогда не существовало» ²²; феодальный способ производства подходит к Китаю лишь как «термин», так как «китайская феодальная система глу-

¹⁷ Ю. М. Бородай, В. Ж. Келле, Е. Г. Плимак. Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма. — «Принцип историзма в познании социальных явлений», под ред. В. Ж. Келле, М., 1972, стр. 69.

¹⁸ Там же, стр. 70.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 46, ч. 1, стр. 461—508.

²⁰ Такая интерпретация взглядов К. Маркса на «азиатский способ производства» ранее была дана А. Г. Редером и Р. А. Ульяновским — «Советская историческая энциклопедия», т. 1, М., 1961, стр. 267—268; Е. Ф. Ковалевым — «Идейно-теоретические позиции современной буржуазной историографии Китая». — «Народы Азии и Африки», 1964, № 2, стр. 85; В. Н. Никифоровым. — «К. Маркс и Ф. Энгельс об азиатском способе производства». — «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока», М., 1971, стр. 3—45. О том, что «азиатский способ производства» продолжает оставаться предметом дискуссии, см.: Н. Б. Тер-Акопян. «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия», т. 1, М., 1972, стр. 43.

²¹ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 15.

²² Там же.

боко отличается от классического феодализма»²³, имевшего место в Западной Европе и в Японии; «капитализм существовал только на побережье»²⁴ Китая.

Если из исторического развития Китая выпадает рабовладельческий и, по существу, феодальный и капиталистический строй, то каким способом производства двигалось общественное развитие Китая?

Р. Гароди отвечает: развитие Китая двигалось «азиатским способом производства», который, как формация, в «типичной форме» существовал в стране в период 1450—1050 гг. до н. э.²⁵, а затем в качестве «пережитков» — вплоть до победы революции в 1949 г. О том, что Китай находился «на уровне азиатского способа производства», Р. Гароди пишет как о факте, который не подлежит «никакому сомнению»²⁶. Но начиная с династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) «азиатский способ производства сохранялся в Китае уже не в типичной форме», поскольку стала создаваться частная собственность на землю, то есть исчезать одна из характерных черт «азиатского способа производства» — отсутствие частной собственности на землю²⁷. Но «пережитки» этого способа производства, говорит Р. Гароди, продолжали оказывать воздействие на дальнейшее экономическое, социальное и политическое развитие Китая «вплоть до социалистической революции»²⁸.

Естественно напрашивается следующий вопрос: от какого способа производства Китай пришел к «социалистической революции»? По Р. Гароди, «переход к социализму в Китае ни в коей мере не был «итогом» развития внутренних противоречий капитализма, и, чтобы от способа производства, в основном носившего докапиталистический характер, перейти прямо к социализму, пришлось перескочить через капиталистическую стадию»²⁹. Обосновывая этот тезис, Р. Гароди утверждает, что «в течение трех тысячелетий азиатский способ производства, а затем его пережитки, воспрепятствовав развитию в Китае настоящего рабовладельческого способа производства, тем самым помешали и созданию в стране широко развитой рыночной экономики. А не дав впоследствии полностью

²³ Там же, стр. 16. Р. Гароди отвергает как «противоречащий исторической истине» (там же, стр. 35) вывод советских историков о том, что «китайское общество развивалось от первобытнообщинного строя к феодальному, пройдя через рабовладельческий способ производства» (см.: «История древнего мира», под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева, М., 1956, стр. 229).

²⁴ Roger Gaillard. Le problème chinois, p. 9.

²⁵ Там же, стр. 29—30.

²⁶ Там же, стр. 23. В доказательство существования «азиатского» способа производства и его хронологических рамок в Китае Р. Гароди ссылается преимущественно на: J. Gernet. La Chine ancienne, des origines à l'instauration de l'Empire, Paris, 1964, p. 7—8; Ference Tokei, Les conditions de la propriété dans la Chine de l'époque des Tchéou, — «Actes de l'Académie des Sciences hongroises», 1958, t. VI, 3—4, p. 245—299; его же, Sur le mode de production asiatique, Budapest, 1966, p. 75. Ссылается Р. Гароди и на Коминтерн, но умышленно замалчивает, что в Программе Коминтерна, принятой VI конгрессом Коминтерна в 1928 г., в той ее части, где дается социально-экономическая характеристика колониальных и полуколониальных стран (Китай, Индия и т. д.), «азиатский способ производства» взят в кавычки (выделено мною — Е. К.) и не трактуется как категория социально-экономической формации. (См. «VI конгресс Коминтерна. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания». М. — Л., 1929, стр. 37.)

²⁷ Roger Gaillard. Le problème chinois, p. 33—34.

²⁸ Там же, стр. 34. Характеристику социально-экономической структуры Китая в новое и новейшее время Р. Гароди излагает весьма противоречиво. Так, в главе «Азиатский способ производства и его пережитки в Китае» последние сохраняются «вплоть до социалистической революции» (там же), а в последующей — «до 1921 г.», когда Китай был «докапиталистической ... страной полуколониальной» (там же, стр. 104).

²⁹ Там же, стр. 16.

развиться феодальной системе, они не позволили также сформироваться сильному классу буржуазии, который способен был бы вкладывать свои капиталы в промышленность и повести Китай по пути капиталистического развития»³⁰. Переоценивая уровень докапиталистических и недооценивая уровень капиталистических отношений, Р. Гароди приходит к выводу о том, что победа китайской революции и дальнейший переход страны к социализму не был итогом «внутренних противоречий капитализма», которого в стране, по существу, и не было, если не считать прибрежные районы Китая. Конечно, было бы ошибкой недооценивать удельный вес докапиталистических отношений в социально-экономической структуре прошлого Китая. Но и преувеличение докапиталистических отношений искажает картину исторического развития страны. Безоговорочное и одностороннее утверждение Р. Гароди о том, что в Китае вплоть до второй половины XX века господствовали докапиталистические отношения и, по существу, капитализм не развивался, а вместе с этим не формировался и класс китайской буржуазии, противоречит фактам социально-экономического развития Китая новейшего времени³¹.

В гипертрофию удельного веса докапиталистических отношений в Китае Р. Гароди вкладывает далеко идущий по своим выводам смысл. Подчеркивая докапиталистическую доминанту, Р. Гароди тем самым принижает формирование и развитие китайского рабочего класса, его место и роль в революционном обновлении страны. Выдвигая на первый план докапиталистические отношения, Р. Гароди солидаризируется с маоистской оценкой китайской революции новейшего времени как чисто крестьянской, в которой руководящую и направляющую роль играло крестьянство, а не рабочий класс. Вопреки проверенному историей марксистскому положению о том, что научный социализм соединяется с рабочим движением, Р. Гароди утверждает как «факт, что марксистское учение о социализме соединилось в Китае с «милленаристскими» чаяниями многовековых крестьянских восстаний, с их мечтанием о «грядущем золотом ве-

³⁰ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 40. Здесь Р. Гароди повторяет Мао Цзэ-дун, который еще в 1939 г. утверждал, что докапиталистический (феодальный) строй в Китае. «начавшийся со времен династий Чжоу (XII—III вв. до н. э. — Е. К.) и Цинь (III в. до н. э. — Е. К.), затянулся примерно на три тысячи лет» (Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, М., 1953, стр. 138).

³¹ Коминтерн, уделявший огромное внимание научному анализу социально-экономической структуры Китая, дал ей объективную и всестороннюю характеристику, учитывающую всю совокупность социально-экономических отношений в стране и включающую оценку места и роли в них докапиталистических отношений. Так, VII пленум ИККИ (ноябрь—декабрь 1926 г.) указал на пестроту укладов в Китае, «начиная от финансового капитала и кончая экономическими пережитками патриархального родового характера, при преобладании различных форм торгового капитала и мелкоремесленной и кустарной промышленности в городе и деревне. (См.: «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». — Сб. документов. М., 1934, стр. 135.) В деревне отмечалось переизлетение «многочисленных пережитков полуфеодального характера с элементами развивающегося капитализма» (там же). VI конгресс Коминтерна отнес ряд стран, в том числе и Китай, к колониям и полуколониям, в экономике и политической надстройке которых хотя и преобладали феодально-средневековые отношения, но тем не менее они были и странами «иногда и со значительным развитием индустрии» (см.: «IV конгресс Коминтерна. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания», стр. 37), где наблюдалось усиление «элементов капиталистического, промышленного развития» (там же, стр. 122), причем «капитализм, охвативший колониальную деревню своей налоговой системой и своим торговым аппаратом» (там же, стр. 131), произвел «переворот в докапиталистических отношениях» (там же), уничтожив, например, деревенскую общину. Но это не означало, что деревня была свободна от угнетающих ее докапиталистических пут (см. ж. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 26). Конкретные показатели социально-экономического развития Китая в 20—30-х гг. см. Жан Шеню. Китайское рабочее движение в 1919—1927 гг., М., 1969; А. В. Меликсетов. Бюрократический капитал в Китае, М., 1972.

ке»³². В этой связи он дает высокую оценку стратегии «окружения города деревней», которая, будучи «разработана Мао Цзэ-дуном в 1927 году, показала свою эффективность и позволила Коммунистической партии Китая одержать победу»³³.

Развивая далее ревизионистский тезис о том, что не так уж обязательно пролетарское руководство, Р. Гароди утверждает, что поскольку борьба за социализм в Китае опиралась на «динамизм антифеодального и национального крестьянского движения»³⁴, то китайская крестьянская Красная армия, «воспитанная на принципах марксизма-ленинизма, чаще всего и играла в Китае ту руководящую роль, которую в развитых капиталистических странах выполняет рабочий класс»³⁵. Так, руководящую и направляющую роль рабочего класса и его партии Р. Гароди подменяет крестьянской армией, оправдывая эту подмену «опытом» Китая.

Поскольку Китай смог прямо перейти от докапиталистического этапа к социализму, перескочив через капиталистический этап, то проблема построения социализма в стране, говорит Р. Гароди, встала «совершенно по-иному»³⁶. В доказательство этого Р. Гароди грубо фальсифицирует выступление В. И. Ленина на II Конгрессе Коминтерна летом 1920 г. Р. Гароди утверждает, что В. И. Ленин, говоря о возможности перехода от феодального строя к социализму, будто бы выдвинул для этого переход «нную концепцию государства и партии. А это, — подчеркивает Р. Гароди, — равнозначно признанию законности *специфической модели*»³⁷ (курсив Р. Гароди). Р. Гароди приписывает В. И. Ленину изменение классового содержания «государства диктатуры пролетариата»³⁸, уверяя, будто В. И. Ленин считал, что «в странах Востока, где промышленный пролетариат составляет лишь незначительное меньшинство, диктатура пролетариата станет выражением диктатуры крестьянской бедноты»³⁹, то есть переход к социализму в этих странах будет совершаться через диктатуру крестьянской бедноты. Такое толкование ничего общего не имеет с ленинской постановкой вопроса о возможности перехода отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В. И. Ленин не подменяет диктатуру пролетариата диктатурой крестьянской бедноты при переходе отсталых стран к социализму. Говоря о том, как «применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях», там, где «почти нет промышленного пролетариата» и «не может быть и речи о чисто пролетарском движении», В. И. Ленин подчеркивал, что «мы и там... должны взять на себя роль руководителей»⁴⁰. В этой связи В. И. Ленин говорил, что даже «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле... крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями... и ... безусловным долгом коммунистических партий... является пропаганда идеи крестьянских Советов»⁴¹. Выдвигая идею крестьянских Советов, В. И. Ленин отнюдь не наделял их функциями диктатуры пролетариата и способностью обеспечить переход от-

³² Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 101.

³³ Roger Garaudy. Le grand tournant du socialisme, p. 160.

³⁴ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 102.

³⁵ Там же, стр. 103.

³⁶ Там же, стр. 9.

³⁷ Roger Garaudy. Le grand tournant du socialisme, p. 159.

³⁸ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 82.

³⁹ Там же, стр. 81.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244.

⁴¹ Там же, стр. 244—245.

сталой страны к социализму, минуя капитализм, без помощи пролетариата передовых стран. Этой функцией и способностью В. И. Ленин наделял международный пролетариат, подчеркивая, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁴². В этом переходе отсталые страны опираются прежде всего на всестороннюю помощь социалистических стран, выполняющих международную функцию диктатуры пролетариата.

Р. Гароди игнорирует международную функцию диктатуры пролетариата, так как в ней он видит «импортную модель социализма». Он с удовлетворением отмечает, что если еще в 1956 г. Китай в строительстве социализма следовал в общем по пути Советского Союза, то «китайский метод начинает явно отходить от советского метода что-то около 1958 г.»⁴³. Основными элементами «китайского метода», засвидетельствовавшими отход от «советского метода», Р. Гароди считает «большой скачок», «народные коммуны», в которых не «все было плохо»⁴⁴, и «культурную революцию».

«Культурная революция» была наиболее концентрированным выражением глубокого разрыва китайских руководителей с теорией и практикой научного коммунизма, и ей Р. Гароди уделяет большое внимание. В целом он оценивает ее положительно. «Каковы бы ни были перегибы при проведении культурной революции, — утверждает Р. Гароди, — ее основу нельзя осуждать», так как она была «трудным, но необходимым этапом осуществления социализма в Китае»⁴⁵. Необходимость этого «этапа» Р. Гароди видит прежде всего в том, что «культурная революция» была призвана «разрушить чары... иностранных образцов»⁴⁶ и, как таковая, была «менее далека от марксизма»⁴⁷. Р. Гароди не находит далеким от марксизма и тот факт, что «партия не рассматривалась в качестве единственного субъективного фактора («культурной». — Е. К.) революции»⁴⁸, была ликвидирована, а ее роль передана молодежи. Эту троцкистскую версию подмены партии молодежью Р. Гароди называет «обращением к исторической инициативе масс»⁴⁹. Как видим, Р. Гароди последователен, отстаивая подмену руководящей роли рабочего класса и его партии руководящей ролью мелкобуржуазных масс: до победы революции эту роль он возлагает на китайскую крестьянскую Красную армию, после победы — снова на армию, которая воспитывает «людей в духе классовости и партийности»⁵⁰, и на хунвэйбинов и цзаофаней⁵¹. В «китайском методе» Р. Гароди ищет подтверждение своему неприятию марксистско-ленинского учения о партии как об авангарде рабочего класса. Хотя он считает, что в принципе у коммунистической партии есть основания играть роль передового отряда, но она не может «присвоить сама себе раз и навсегда звание «руководящей

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

⁴³ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 123.

⁴⁴ Там же, стр. 134.

⁴⁵ Roger Garaudy. Le grand tournant du socialisme, p. 164, 165.

⁴⁶ Там же, стр. 162.

⁴⁷ Там же, стр. 163.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 86.

⁵¹ Здесь мы наблюдаем совпадение взглядов Р. Гароди и Мао Цзэ-дуна на роль молодежи в революции. В выступлении 4 мая 1939 г. Мао Цзэ-дун утверждал, что молодежь играла «роль авангарда» и «вожака» китайской революции (см.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, М., 1953, стр. 22).

партии»⁵². Отход от классовых позиций в вопросе о партии Р. Гароди проявляет и в том, что отрывает политику партии от ее пролетарского мировоззрения, от материалистической философии. «Если партия не хочет быть сектой доктринеров, а ядром всех сил, — утверждает Р. Гароди, — ...она не может быть в принципе ни идеалистической, ни материалистической, ни религиозной, ни атеистической»⁵³. Более того, ревизуя ленинское учение о партии, Р. Гароди приходит к выводу о правомерности разработки современной «модели» коммунистической партии, поскольку существующая «модель» партии «устарела»⁵⁴.

Таким образом, «культурная революция» с ее разрушением «чужеземных образцов», направленная на вычленение Китая из общих закономерностей социалистического строительства, отрицание авангардной роли рабочего класса и его партии, получили положительную оценку Р. Гароди. Положительно Р. Гароди оценивает и «китаизацию марксизма», рассматривая ее как объективную реакцию на «иностранный образец» и как право партии на «свою» идеологию марксизма применительно к условиям Китая. Он считает, что специфика китайской «модели социализма» — это законный повод для Мао Цзэ-дуна говорить о «китаизации марксизма»⁵⁵. Обеляя этот «повод», Р. Гароди пытается уверить читателя в том, что «китаизация марксизма» возникла «не из объективных условий построения социализма в Китае»⁵⁶, а из простого «желания китайских лидеров во что бы то ни стало сделать китайскую «модель» социализма»⁵⁷. Но ведь это «простое желание» Р. Гароди не квалифицирует как проявление национализма и гегемонизма, как ревизию научного коммунизма и навязывание «китайского марксизма» странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Разменивая единую сущность социализма и идеологии марксизма на «множество моделей», Р. Гароди тем самым оправдывает антисоциалистические процессы, происходящие в Китае. Для него они свидетельство того, что Китай не был готов к переходу к социализму в рамках общих закономерностей, что его социально-экономическая структура якобы не созрела для такого перехода. Признаваемую им социалистическую революцию в Китае Р. Гароди объясняет не внутренним объективным развитием китайской революции, а внешним фактором, тем, что революция будто развивалась насильственно, по «иностранным образцам», была «экспортирована» из СССР. «Советская модель», поясняет Р. Гароди, оказалась несоответствующей незрелым социально-экономическим условиям страны, и этим несоответствием следует объяснять «взрыв» против «иностранных образцов», в данном случае против «образца» Советского Союза. А раз это так, то «китайская модель построения социализма», якобы прошедшая проверку на прочность в ходе «культурной революции», является правомерным явлением, подтверждающим специфику строительства социализма в Китае. Так Р. Гароди оправдывает «китайскую модель» с ее националистической великодержавно-шовинистической направленностью, острее которой повернуто против мирового рабочего и коммунистического движения, против содружества социалистических стран и СССР.

Р. Гароди клеветнически обвиняет КПСС и Советский Союз в «злой кампании» против Китая, основным содержанием которой будто

⁵² Roger Garaudy. Le grand tournant du socialisme, p. 282.

⁵³ Там же, стр. 284.

⁵⁴ Там же, стр. 275.

⁵⁵ Roger Garaudy. Le problème chinois, p. 104.

⁵⁶ Там же, стр. 105.

⁵⁷ Там же.

является пропаганда того, что «Китай более не является социалистической страной»⁵⁸ и будто к ней относятся как к бывшей фашистской Германии. Надо быть поистине слепым, чтобы не видеть, и глухим, чтобы не слышать неоднократные заявления советских людей о том, что КПСС и Советский Союз не отлучали и не отлучают Китай от социализма, не при этом, как заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, они и не обходят «молчанием антиленинскую, антинародную сущность политических и идейных установок нынешних руководителей Китая»⁵⁹. Решительную борьбу КПСС и Советского Союза с раскольнической политикой Пекина и с его великодержавным внешнеполитическим курсом Р. Гароди выдает за борьбу с китайским народом. Однако «мы не отождествляем выступления и действия нынешнего китайского руководства ни с чаяниями и стремлениями, ни с подлинными интересами Коммунистической партии Китая, всего китайского народа»⁶⁰, — говорит Л. И. Брежнев. Провокационные измышления Р. Гароди преследуют цель — нагнетать напряженность в советско-китайских отношениях, сеять раздор между народами Китая и СССР, раскалывать международное коммунистическое движение.

Причину раскола мирового коммунистического движения Р. Гароди видит в том, что Советский Союз якобы стремится «навязать другим коммунистическим партиям исключительно свою модель социализма»⁶¹. Что же Р. Гароди предлагает для установления единства в рядах мирового коммунистического движения? Единство мирового коммунистического движения он понимает крайне извращенно, не на базе единой сущности социализма и интернационального характера идеологии марксизма-ленинизма. По Р. Гароди, «настоящее единство» — это «единство партий, ищущих специфические модели социализма», не выступающих в роли «пропагандиста или апологета иностранной модели социализма» и к тому же способных «освободиться от импортной модели»⁶². Конечно, марксисты-ленинцы против механического перенесения опыта революционной борьбы и строительства социализма одной страны в другую без учета конкретно-исторической обстановки. Но разве признание этого обстоятельства равнозначно «установкам» Р. Гароди? Превращая мировое коммунистическое движение в конгломерат политических партий с самыми различными «моделями социализма» и «идеологиями» марксизма, Р. Гароди толкает их на путь сектантской, идейно-организационной изоляции, на национальный эгоизм и национальную ограниченность. Это в корне противоречит марксистско-ленинскому пониманию принципов интернационализма. «Установки» Р. Гароди наносят огромный вред мировому коммунистическому движению, подрывают его идейную и организационную сплоченность и, напротив, укрепляют позиции капитализма в его борьбе с социализмом.

Р. Гароди благословляет китайских руководителей на ревизию единой сущности социализма и идеологии марксизма-ленинизма, на раскол мирового рабочего и коммунистического движения, заявляя, что было бы лучше, если бы Китай помогал «другим странам и другим социалистическим партиям лучше понять через осмысливание китайского опыта необходимость различия в моделях социализма и в критериях разви-

⁵⁸ Roger Garaudy. *Le grand tournant du socialisme*, p. 157.

⁵⁹ Л. И. Брежнев. КПСС в борьбе за единство всех революционных и миролюбивых сил, М., 1972, стр. 89.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Roger Garaudy. *Le grand tournant du socialisme*, p. 313.

⁶² Там же, стр. 151, 152.

тия, необходимость отхода от ценностей и форм цивилизации и социализма, выработанных в западном мире»⁶³. Р. Гароди советует «заняться сравнительным изучением различных попыток за рубежом, создать модель социализма, отвечающую требованиям нашего времени»⁶⁴.

Весь ход рассуждений Р. Гароди о «китайской проблеме» ведет его к одному: к утверждению правомерности «множества моделей социализма» и «идеологии» марксизма, и в этом утверждении он смыкается с теорией и практикой группы Мао Цзэ-дуна. Характерно, что главную заслугу «китайских марксистов» (читай Мао Цзэ-дуна и его сторонников. — Е. К.) Р. Гароди видит в том, что они поставили «проблему множественности критериев развития»⁶⁵ (выделено Р. Гароди). Перед этой «заслугой» уходит на второй план антисоциалистическая внутренняя и внешняя политика группы Мао Цзэ-дуна, так как во внутренней политике «насилия группы Мао кажутся незначительными», а во внешней — «только на словах»⁶⁶.

Концепция «множественности моделей социализма» и «идеологии» марксизма ревизует общеизвестное положение В. И. Ленина о международном значении Великой Октябрьской социалистической революции в России. Такие черты русской революции, как диктатура пролетариата, союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства, руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата и социалистическое переустройство общества, «имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение»⁶⁷, они выражают единую сущность, основные закономерности перехода от капитализма к социализму, «историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас...»⁶⁸. Все нации, говорит В. И. Ленин, придут к социализму, «но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»⁶⁹. Но своеобразие форм демократии, разновидностей диктатуры пролетариата и темпов социалистических преобразований не затрагивает единую сущности социализма. Р. Гароди выдвигает «китайскую модель социализма» не как свидетельство многообразия форм перехода к социализму и социалистического строительства, а как доказательство многообразия сущности перехода к социализму и строительства социализма.

Руководствуясь мыслью В. И. Ленина о том, что особенности в развитии стран социализма «могут касаться только не самого главного»⁷⁰, Л. И. Брежнев говорит, что «главное состоит в том, что и путь к социализму, и сам этот строй характеризуются, как подчеркивают братские партии, рядом основных закономерностей, которые присущи социалистическому обществу в любой стране»⁷¹.

* * *

⁶³ Там же, стр. 300.

⁶⁴ Roger Garaudy. *Toute la vérité*, p. 151—152.

⁶⁵ Roger Garaudy. *Le grand tournant du socialisme*, p. 165.

⁶⁶ Там же, стр. 157, 158.

⁶⁷ В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 41, стр. 3.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, т. 30, стр. 123.

⁷⁰ Там же, т. 39, стр. 272.

⁷¹ Л. И. Брежнев. *Указ. соч.*, стр. 180.

Каковы же выводы?

Под предлогом решения «китайской проблемы» Р. Гароди ревизует основополагающие идеи научного коммунизма о единой сущности социализма и идеологии марксизма-ленинизма.

Методологической основой этого решения Р. Гароди является плюрализм — идеалистическое направление в буржуазной философии и социологии, рассматривающее мир как множество изолированных, не имеющих единой определенной сущности явлений и тем самым отрицающее объективные законы развития общества. Исходя из такой методологии, Р. Гароди пересматривает марксистско-ленинскую концепцию единой сущности перехода от капитализма к социализму и строительства социализма и марксизм-ленинизм как единую интернациональную по характеру идеологию. Такая методология привела Р. Гароди к признанию правомерности различных региональных и национальных «моделей социализма» — восточной и западной, азиатской и европейской, советской, югославской, чехословацкой, французской и китайской. Расписывая социализм и идеологию научного коммунизма по географической и национальной принадлежности, Р. Гароди подчеркивает их принципиальные отличия⁷².

Спор с Р. Гароди — это не академическая дискуссия, далекая от политически острых проблем современности. Напротив, ревизия Р. Гароди основополагающих идей марксизма-ленинизма затрагивает кардинальные вопросы нашей эпохи, ее содержание, характер, основные революционные силы. Р. Гароди претендует на роль теоретика и оригинального интерпретатора «китайской проблемы». Ознакомление с основными работами Р. Гароди последних лет, затрагивающими китайские сюжеты, убеждает, однако, в том, что в теоретическом плане Р. Гароди представляет правое крыло современного ревизионизма, прикрывающего свой отход от научного коммунизма марксистско-ленинской фразеологией. Что касается его оценок процессов, происходящих в Китайской Народной Республике, то они во многом повторяют не только взгляды буржуазных идеологов, но и совпадают с маоистскими суждениями. Тем самым Р. Гароди выступает и в качестве союзника и пропагандиста «идей Мао Цзэ-дуна», националистической, антисоветской платформы китайских руководителей, их стремления расколоть мировое коммунистическое движение, страны социалистического содружества, отколоть их от КПСС и Советского Союза.

Р. Гароди так уверен в правоте своих рассуждений о «китайской проблеме», что безапелляционно заявляет: «ничего существенного» в ней «мы менять не собираемся»⁷³, при этом он клянется в преданности марксизму-ленинизму и категорически отвергает причисление его к лику ревизионистов. Но, как говорит В. И. Ленин: «О человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его. О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают... а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей»⁷⁴. Эту характеристику человека и философа можно целиком отнести к Р. Гароди.

⁷² Roger Garaudy. Pour un modèle français du socialisme, p. 301—307.

⁷³ Roger Garaudy. Le grand tournant du socialisme, p. 157.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 228.

О сущности легизма

*Л. С. Переломов,
доктор исторических наук*

События последних лет, происходящие в Китае, свидетельствуют о стремлении пекинских руководителей любым путем укрепить свою духовную и политическую власть. Именно с этой целью ведется пропаганда величия «кормчего» и осуществляется перестройка всего государственного аппарата, который превращается в послушное орудие военно-бюрократической диктатуры группы Мао Цзэ-дуна. При изучении причин перерождения революционной власти в Китае недостаточно только анализа классовых корней маоизма. Необходимо исследование самого механизма использования мелкобуржуазными перерожденцами традиций старого мира для превращения исторически неизбежного в революции насилия народа в насилие над народом, которое наблюдаем мы ныне в КНР. Маоизм не мог бы восторжествовать в Китае (даже на время), если бы он не опирался на многовековые традиции покорности внутренне устойчивому бюрократическому аппарату власти, на веками насаждавшийся великоханьский шовинизм и особенно на устойчивый политический опыт десятков поколений теоретиков и практиков государственного управления.

В Китае государству суждено было сыграть особую роль в жизни общества и народа. Оформившись в V—I веках до нашей эры в виде так называемой «императорской системы», оно просуществовало, постоянно совершенствуясь, но не претерпевая кардинальных изменений, вплоть до буржуазно-демократической революции 1911 года. Одной из характерных черт государственной системы императорского Китая являлась преэминентность многих институтов, особенно тех, которые были связаны с укреплением экономической и идеологической функций государства. Этим двум функциям всегда придавалось очень важное значение, поскольку именно они определяли степень эффективности политической власти императоров и бюрократии.

Среди богатого арсенала институтов, концепций и идей построения мощного государства, арсенала, работающего на эти две функции, следует обратить особое внимание на понятие «древность». Понятие весьма емкое и довольно устойчивое. К нему апеллировали уже Конфуций, Гуань Чжун, Мо-цзы, Лао-цзы, Шан Ян и многие другие идеологи древнего Китая, используя мифических и подлинных исторических деятелей, а также «порядки старины» в своих теоретических построениях. Если для всех них «древностью» были времена правления легендарных властителей Яо и Шуня, иньские и раннечжоуские правители, то через несколько веков для политических мыслителей ханьского Китая (III век до н. э. — III век н. э.) — Дун Чжун-шу, Ван Фу, Цуй Ши и других — «древностью» стали сам Конфуций, Шан Ян и их современники. Для каждого последующего поколения расширялись не только времен-

ные рамки «древности», но и обогащалось содержание этого понятия, выступающего в качестве активного элемента политической жизни, умело используемого бюрократией. «Древность» стала составной частью императорской системы, и борьба в масштабах этой системы за сферы влияния на трон велась в рамках переоценки «древности». Достаточно напомнить о концепции «Фу гу» — «возврата к древности» Хань Юя (768—824), реформаторском движении X—XI веков (Фань Чжун-янь, Сыма Гуан, Ван Ань-ши). Начало эпохи Просвещения (XVI—XVII вв.) также было немыслимо без переоценки «древности», не случайно Ли Чжи (1527—1602 гг.) начал с отрицания непогрешимости Конфуция и возвеличивания Цинь Ши-хуана, которого называл «первым на тысячи лет императором». В конце XIX — начале XX века «древность» нередко ассоциировалась «с конфуцианской традиционностью».

Дальнейшее политическое развитие страны было немыслимо без отрицания или переоценки «древности» — особенно четко это проявилось в движении за реформы, возглавляемом Кан Ю-вэем, и в период «движения 4 мая» 1919 года. «Древность» сохранилась и в политической жизни КНР. Двадцать четыре года существования Народной Республики — срок небольшой для такой страны, как Китай. Тем более что маоисты и не пытаются порвать со всем традиционным, особенно в сфере политики и общественной жизни. Если принять во внимание происходящую ныне перестройку государственной системы и создание иной, типологически близкой к структуре императорского Китая, то можно предположить, что связь с «древностью» не только не ослабеет, но временем будет даже усиливаться.

Возьмем самый свежий пример: лозунг «использовать древность для современности» («гу вэй цзинь юн»), вновь появившийся на страницах китайской печати. Широко рекламируя данные археологических раскопок, организаторы этой кампании пытаются приписать результаты работ, проводимых в течение многих лет, достижениям «культурной революции». Итоги этой «революции» столь известны и печальны, что понадобилось обращение к «древности» для реабилитации в глазах масс населения «плодотворных» результатов «культурной революции».

Есть еще одна причина закономерного функционирования «древности» на современном этапе — сила традиции, устойчивость некоторых форм политического мышления. В Китае традиционные нормы духовной и политической жизни всегда отличались особенной устойчивостью, ибо сам режим был кровно заинтересован в их жизнестойкости. В среде бюрократии, а именно она являлась ревностной хранительницей всего традиционного, веками вырабатывался оптимальный вариант стереотипного мышления, ориентированного на «древность». «Древность» была существенным фактором нормального функционирования политической власти императоров и чиновничества. Известное высказывание К. Маркса о том, что «...традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹, может быть применено и к наследникам китайской бюрократии — мелкобуржуазным националистам — с одной лишь поправкой: традиции выступают в этой среде не как «кошмар», а как «благо». «Древность» является самым веским и неоспоримым аргументом, поэтому ее так усиленно и культивируют.

В теоретическом багаже маоизма «древности» отводится далеко не последняя роль. Текстологический анализ четырехтомных «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна выявил следующую статистику источни-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 119.

ков, на которые ссылается автор: труды К. Маркса и Ф. Энгельса — 4% (из общего числа ссылок и цитат); труды В. И. Ленина — 18%; работы И. В. Сталина — 24%; сочинения древнекитайских философов — 34%; китайский фольклор, легенды, классическая художественная литература — 13%; другие сочинения китайских и иностранных авторов — 7%². Такой статистический подход весьма показателен: 47% ссылок занимает «древность». Мао Цзэ-дун использует «древность» чисто прагматически. Он запускает руку в «мешок древности» и достает какого-либо деятеля, высказывание, исторический факт или концепцию для подтверждения своего положения. Весьма знаменательно, что в маоизме как бы сосуществуют два слоя «древности» — одна «древность» лежит на поверхности, в открытых работах, рассчитанных на широкий круг читателей в стране и за рубежом, а другая встречается лишь в закрытых работах и выступлениях, обращенных к узкому кругу слушателей — кадровым работникам, целиком занятым в сфере управления. Именно во второй слой «древности» долгое время включал Мао Цзэ-дун легистские концепции и практическую деятельность последователей легизма. Как стало теперь известно из хунвэйбинской печати, Мао Цзэ-дун довольно активно оперирует некоторыми легистскими положениями для доказательства своих идей. Академик П. Н. Федосеев убедительно доказал, что маоистская «теория насилия» восходит к древнекитайской философской школе легистов («фа цзя» — «законников»)³. После выхода в 1968 г. в свет на русском языке основного легистского канона «Книги правителя области Шан» связь между отдельными маоистскими и легистскими концепциями стала более очевидна⁴. Первый «экономический постулат» Мао Цзэ-дуна о преимущественном развитии сельского хозяйства заимствован им у легистов, это хорошо показано в исследовании академика А. М. Румянцева⁵. Мне кажется, что на данном этапе нашей идеологической борьбы с маоизмом необходимо познать читателя с самим учением легистов, ибо тогда мы сможем вскрыть «творческую лабораторию» Мао Цзэ-дуна, показать, что именно и почему берет он у легистов. Станет ясна и причина отнесения легизма во второй слой «древности», и подоплека рождения новой тенденции в самом маоизме — полуприкрытом признании легизма одним из идейных истоков «учения» Мао⁶. Итак, что же представляло собой легистское учение? Какова его сущность?

Легизм (школа сторонников закона «фа цзя») относится к числу политических учений императорского Китая, чья истинная роль в исто-

² См.: М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна, М., 1969, стр. 51.

³ См.: П. Н. Федосеев. Марксизм и волюнтаризм, М., 1968, стр. 33.

⁴ См.: К. В. Иванов. К вопросу об идейных истоках маоизма. — «Вопросы философии», 1969, № 7, стр. 42—52; В. Ф. Федоров. Феодалная идеология и «идей Мао Цзэ-дуна». «Философские науки». Научные доклады высшей школы, 1971, № 4, стр. 131—140.

⁵ См.: А. М. Румянцев. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна», М., 1972, стр. 146—150.

⁶ Уже после того, как материал был сдан в редакцию, поступил номер журнала «Хунци», в котором помещена статья, проливающая свет на место и роль легизма в современной политической жизни КНР. Речь идет о статье проф. Ян Юн-го «Борьба двух линий в идеологии периода Чуньцю-Чжаньго (о социальных сдвигах периода Чуньцю-Чжаньго на основании полемики конфуцианцев с легистами)». Это первое со времени «культурной революции» обращение органа ЦК КПК к древнекитайским политическим учениям. Для общественной жизни КНР стало уже обычным начинать очередной этап политической борьбы или кампании с переоценки роли конфуцианства. Речь же о легизме заходит на страницах открытой маоистской печати впервые. См.: «Хунци», 1972, № 12. Подробный разбор этой статьи — тема специального выступления.

рин еще не раскрыта. Немалая «заслуга» здесь принадлежит давним соперникам легистов — конфуцианцам, многое сделавшим для дискредитации легизма, сведения его до уровня второстепенного учения. Антилегистская политика конфуцианской бюрократии, планомерно проводимая в течение двадцати веков (II в. до н. э. — XIX), сделала свое дело; многие плодотворные идеи приняли конфуцианскую окраску, отдельные легистские концепции были просто забыты, на поверхности лишь фигурировали жестокие деяния легистских правителей. Олицетворением легизма стал император Цинь Ши-хуан (259—210 гг. до н. э.), приказавший закопать заживо 460 конфуцианцев и издавший эдикт о сожжении конфуцианской литературы, хранившейся в частных собраниях. На протяжении более двух тысяч лет бюрократия внушала китайскому народу чувство ненависти к адепту легизма Шан Яну (390—338 гг. до н. э.), уничтожившему якобы систему равновеликих полей (систему «цзин тянь» — колодезных полей), воспеваемую последователем Конфуция — Мэн-цзы. В действительности же ко времени реформ Шан Яна, проведенных им в царстве Цинь, никаких равновеликих полей уже давно не существовало: Шан Ян лишь узаконил частную земельную собственность, признав тем самым существование имущественной дифференциации в общине. Это подтверждали не только древние, но и средневековые авторы⁷, но обвинение продолжало функционировать, ибо слишком выигрышно было представить теоретика легизма врагом крестьянства, издревле мечтавшего о справедливом переделе земли.

Естественно, что на таком мрачном фоне теория Мэн-цзы о восстановлении системы «цзин тянь» должна была демонстрировать истинно конфуцианскую заботу о судьбе многомиллионного малоземельного и безземельного крестьянства. По-видимому, конфуцианцам казалось, что им удалось навсегда опорочить легизм. Однако, когда в конце XIX в. — в период движения за буржуазные реформы — Кан Ю-вэй и его сподвижники, критикуя сунское конфуцианство, решили восстановить реальное значение этого учения⁸, им пришлось заново пересмотреть и роль легизма.

Ближайший соратник Кан Ю-вэя, Май Мэн-хуа, взял на себя задачу реабилитации Шан Яна, отмечая, что он не мог причинить все то зло, которое конфуцианцы приписывали ему в связи с пресловутым разрешением системы «цзин тянь», ибо это противоречило основной идее легистов о развитии земледелия. Поставив под сомнение версию об уничтожении «цзин тянь», Май Мэн-хуа попытался снять с Шан Яна второе тяжкое обвинение — в уничтожении им конфуцианских норм поведения («ли»). Он доказывал, что во времена Шан Яна у циньцев, живших на окраинной территории по соседству с кочевыми племенами, отсутствовало представление о конфуцианских этических нормах поведения. «Поэтому, — писал Май Мэн-хуа, — обвинение конфуцианцев в уничтожении Шан Яном «ли» несостоятельно, ибо он не мог уничтожить то, чего не было»⁹. Казалось, наступает период переоценки духовного наследия, однако обращение к легизму, так же как и к конфуцианству, преследовало чисто политические цели. Воспитанные в традицион-

⁷ См.: Л. С. Переломов. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае, М., 1962, стр. 85—94.

⁸ См.: С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй, М., 1959.

⁹ См.: Лян Ци-чао (ред.). «Шесть великих политических деятелей Китая», Чунцин, 1941, стр. 33 (на кит. яз.).

ном духе реформаторы использовали «древность» как доказательство неизбежности реформ; легизм понадобился им для выдвижения концепции суверенного закона в рамках конституционной монархии. Отдельные, чисто прагматические попытки переоценки легизма, предпринимаемые позднее, не смогли все же существенно поколебать власть конфуцианского авторитета, умело приумноженного за многие века идеологического господства в стране.

Весьма знаменательно, что буржуазное китаеведение как бы восприняло традиционную эстафету китайской бюрократии, сознательно гиперболлизировавшей масштабы творческой роли конфуцианства. В буржуазной синологии до сих пор продолжает господствовать мнение об определяющем влиянии конфуцианского учения не только на духовную жизнь общества, но и на развитие китайской государственности. Следует отметить, что конфуцианство внесло известный вклад в успешное функционирование императорской системы — превращение бюрократии в элиту общества; наделение чиновничества правом критики поступков императоров, сошедших с пути, предопределенного Конфуцием (концепция «воли Неба»); дальновидная ставка на прочность патронимических связей, охраняемых с помощью конфуцианских принципов «ли», «сяо» и др. Однако значение этого вклада переоценивается — все заслуги приписываются конфуцианцам. Отдельные буржуазные синологи столь глубоко уверовали в могущество конфуцианства, выполнявшего подчас функции официальной религии, что даже объясняют возникновение и стойкость таких социальных ячеек, как род и большая семья, непосредственным влиянием конфуцианства¹⁰. Поскольку многие из них не проводят различия между обществом и государством, то это не могло не привести к «конфуцианизации» Китая. Конфуцианство стало синонимом традиционности, поэтому императорский Китай превратился в Китай конфуцианский. Именно исходя из этой посылки десятки западных сиологов доказывают определяющее воздействие конфуцианской идеологии на формирование традиционного бюрократического государства¹¹. Легизму же в лучшем случае отводится сугубо вспомогательная роль на очень узком, второстепенном направлении, якобы не характерном для китайской традиции.

Можно привести десятки примеров, свидетельствующих о том, сколь прочно внедрилась в сознание западных сиологов концепция о благотворной роли конфуцианства на протяжении всей истории страны. Весьма знаменательно, что даже те немногие ученые, которые сами выступают против чрезмерной конфуцианизации и призывают рассматривать легизм как широкое политическое учение, сыгравшее значительную роль в формировании бюрократического государства, все еще не могут полностью освободиться от конфуциомании. Именно этим и объясняется предложение Ч. О. Хакера заменить термины «легизм» и «конфуцианство» такими понятиями, как «суровое конфуцианство» и «гуманное конфуцианство»¹². Х. Г. Крил, сделавший многое для восстановления действительного облика легизма (именно ему принадлежит заслуга возвращения легистам их законных авторских прав на идею «государственных конкурсных экзаменов для замещения административных

¹⁰ См.: Henry M. Alevy. The Modern History of China, London, 1967, p. 6.

¹¹ Этой точки зрения на конфуцианство придерживаются Э. Балаш, Цянь Дуаньшен, Дж. Р. Ливенсон, Де Барн, Дж. Фербенк и др.

¹² Charles O. Hucker. Confucianism and the Chinese censorial system. — In: "Confucianism in Action", Stanford, 1959, p. 183—184.

постов», присвоенную конфуцианцами в эпоху Хан), все еще продолжает считать легистов антитрадиционалистами¹³.

Обвинение это, выдвинутое задолго до Х. Г. Крыла самими конфуцианцами, должно было по их замыслам окончательно дискредитировать легизм, ибо, с точки зрения обычного жителя Поднебесной, присоединение к легистским «грехам» еще и целенаправленного отрицания всего традиционного — «золотого века древности», превращало легистов в злейших врагов китайской нации. Пресловутый легистский антитрадиционализм стал излюбленным аргументом сторонников концепции конфуцианского Китая. Получалось, что лишь конфуцианцам обязана страна такой устойчивостью государственной системы, а следовательно, и связанной с ней преемственностью китайской культуры. Таким образом, легисты ставились вне рамок китайской традиции, отданной в монопольное пользование конфуцианцам.

Итак, только конфуцианцы являются традиционалистами, лишь они одни уважали и ценили «древность», возведя это уважение в символ китайской нации. Вычленение легизма из китайской традиции получило признание и в некоторых наших работах, особенно четко эта точка зрения прослеживается в исследованиях Л. С. Васильева. «Нет сомнений, что легистский культ безличного закона, система наград и наказаний и требование абсолютного повиновения при полном безразличии, даже презрении к сложившимся нормам и традициям старины сыграли свою роль...»¹⁴. По утверждению автора, легистское учение «ценило только закон и в грош не ставило ни мораль, ни традиции...»¹⁵. Важное значение придается легистскому антитрадиционализму, отрицательно сказавшемуся на судьбе легизма и империи Цинь. Именно в «разрыве с традицией», по мнению автора, — одна из главных причин гибели династии Цинь¹⁶.

Так ли это? Действительно ли легистские теоретики, да и практики в лице Цинь Ши-хуана и Ли Сы были столь ограничены, что не понимали значения традиций и складывавшегося культа «древности»? Я затрудняюсь определить точное время возникновения культа «древности», но безусловно, что во времена Конфуция и Шан Яна, то есть в период Чуньцю-Чжаньго (VII—III века до н. э.), в общественном сознании уже функционировало общепринятое почитание «древности», являвшейся квинтэссенцией всего традиционного. Под «древностью», считавшейся «золотым веком», подразумевали времена правления и поступки легендарных правителей и наставников народа — Яо, Шуня, Шэнь-нуна, Хуан-ди и других, а также основателей династий Инь и Чжоу. К «древности» относились с почтением, ибо она символизировала этническую общность китайцев, способствуя в определенной степени дальнейшей консолидации народа, разделенного на группы царств, веками враждовавших друг с другом. Древность уже тогда стала важным элементом политической жизни: именно следованием «древности» мотивировали свои поступки правители царств; именно ссылками на «древность» обосновывали свои концепции теоретики самых различных политических и философских школ. Так поступали конфуцианцы и моисты, даосы и легисты и многие другие. В этом отношении легисты были не меньшими традиционалистами, нежели конфуцианцы. Правда, Л. С. Василь-

¹³ Н. G. Creel. Chinese thought from Confucius to Mao Tse-t'ung, Chicago, 1953, p. 137—138.

¹⁴ Л. С. Васильев. Традиция и проблема социального прогресса в истории Китая. — Сб. «Роль традиций в истории и культуре Китая», М., 1972, стр. 29.

¹⁵ Л. С. Васильев. Культы, религии, традиции в Китае, М., 1970, стр. 177.

¹⁶ См.: Роль традиций в истории и культуре Китая, стр. 30.

ев почему-то признает право на «древность» лишь за Конфуцием: «Конфуций всегда ссылался на древних и приводил именно их в качестве примера... любитель и поклонник старины, выше всего ценивший порядок и мудрость древних... Конфуций первым в истории Китая встал на путь сознательного культивирования традиции»¹⁷. Я не думаю, чтобы Конфуций был таким бескорыстным почитателем старины. Тонкий и умный политик, он стремился использовать традиционное поклонение «древности» в своих целях, поставить на службу своему учению. И здесь нет ничего криминального, ибо этим занимался каждый уважающий себя мыслитель. Основатель политической теории, претендующей на создание оптимальной модели общества и государства, а к этому стремились многие, обязан был представить себя истинным наследником «древности», иначе он бы лишился слушателей. Все они были скованы традицией, разница заключалась лишь в трактовке порядка «золотого века».

Легисты, также объявившие себя приверженцами «древности», стремились с ее помощью доказать неизбежность кардинальных преобразований в обществе. «В древности навести порядок в Поднебесной мог лишь тот, что прежде всего мог навести порядок в собственной стране; мог одолеть сильного врага лишь тот, кто прежде всего победил свой собственный народ. Поэтому основа подчинения народа — наведение порядка в народе»¹⁸. Во времена Шан Яна, когда «древность» еще не была монополизирована конфуцианцами, возможны были разночтения, существовали благоприятные условия для творческого восприятия «древности», и легисты, подобно представителям иных идеологических течений, широко пользовались этой возможностью. Критикуя уже проявившееся в их время стремление конфуцианцев догматизировать «древность», легисты доказывали, что сами древние правители отнюдь не были консервативны в следовании какой-то определенной «древности» — они смело шли на изменение методов правления в зависимости от нужд времени, расширяя тем самым для потомков рамки «древности»¹⁹. Легисты широко использовали «древность», аргументируя с ее помощью необходимость осуществления самых различных реформ и концепций: закона об охране частной собственности; концепции неизбежности войны и неотвратимости наказаний и многих других.

Именно к «древности» обратились легисты, обосновывая теорию разумного соотношения двух начал — государственного и частного. Теоретики легизма понимали, что их модель государства, ориентированная на концентрацию политической и экономической власти в руках правителя, осуществима лишь в условиях определенного развития частнособственнической деятельности, именуемой термином «частные интересы» (сы и). Не случайно торговля наряду с земледелием и управлением была отнесена к разряду «основных функций государства»²⁰. Однако чрезмерное развитие этого вида деятельности чревато серьезными опасностями и для легистского общества, и для легистского государства, поэтому теоретики легизма ратовали за контролируемое удовлетворение «частных интересов». Государство в лице правителя должно постоянно держать руку на пульсе частной собственности и вовремя пресекать ее бурное развитие. Положение это, выдвигаемое в ряде глав легистского канона (гл. 2, 6), обосновывается ссылками на решительные действия

¹⁷ Там же, стр. 27.

¹⁸ Книга правителя области Шан (перевод, вступительная статья и комментарий Л. С. Переломова), М., 1968, стр. 210.

¹⁹ Там же, стр. 141.

²⁰ Там же, стр. 157.

Тан-вана (1766—1754 годы до н. э.) и У-вана (1027—1025 годы до н. э.) — основателей династий Инь и Чжоу²¹. Точно так же поступали легисты, рассматривая отношения, согласно своей модели, в государственной системе. По мнению легистов, административный аппарат подвержен развращающему влиянию своекорыстных интересов — «стяжательству и пренебрежению своими обязанностями» — этих двух «вшей», мешающих нормальному управлению государством²². Поэтому правителю надлежит всячески ограничивать своекорыстие. Была выработана серия мер, обеспечивавших реальную власть центрального аппарата над местными органами управления, правителя над чиновниками. И все это, называемое «умелым сочетанием общественных и частных интересов», определявших «судьбу страны», обосновывалось ссылками на деяния древних правителей²³.

Итак, сами легисты считали себя правопреемниками «древности», а следовательно, наследниками тех «лучших, с их точки зрения, традиций, которые сложились к тому времени в недрах китайского общества. Естественно, что, проводя социально-экономические и государственные преобразования, они ломали отжившие нормы и традиции, однако их частичный антитрадиционализм осуществлялся в рамках национальной традиции: легисты не посягали на разрушение ее основного ядра — культа «древности».

Теория «конфуцианского Китая» породила не только концепцию легистского антитрадиционализма, но и лишила это учение социальной базы²⁴. Буржуазные синологи, как правило, считают эту проблему несущественной, ибо легизм, по их мнению, явление эпизодическое, не связанное с социальными изменениями в недрах общества — становлением частной собственности, имущественной дифференциацией в общине и др.²⁵ Так возникла концепция «территориального» происхождения легизма (Х. Г. Крил, С. Нишидзима, Т. Мацубуси). Ее сторонники объясняют причины появления и победы легизма спецификой территориальной структуры чжоуского Китая. По их мнению, легизм не мог победить в «старых» восточных царствах, заселенных китайцами, ибо там были сильны традиции и сохранялись прочные клановые связи; наиболее благоприятные условия для развития легизма и внедрения более совершенных форм управления, связанных с территориально-административным делением, существовали в окраинных, «новых» царствах, заселенных этнически неоднородными общностями²⁶. Эту же концепцию разделяют и некоторые наши синологи, считающие, что легизм возник и победил в окраинных царствах прежде всего потому, что там были слабы патриархально-клановые традиции, в «старых» же районах, где традиции эти были сильны, прочно удерживалось конфуцианство²⁷. Не-

²¹ Книга правителя области Шан, стр. 172.

²² Там же, стр. 157.

²³ Там же, стр. 197—198.

²⁴ См.: Л. С. Переломов. Социальная обусловленность легизма. Общество и государство в Китае, М., 1970, стр. 184—187.

²⁵ Исключение составляет лишь исследование Л. Вандермерша. К сожалению, он сужает социальную базу сторонников легизма, ограничивая ее лишь ремесленниками и купцами. См.: L. Van der Meersch. La formation du legisme. Recherches sur la constitution d'une philosophie politique caractéristique de la Chine ancienne, Paris, 1965, p. 131.

²⁶ См.: G. Creel. Chinese thought from Confucius to Mao Tse-tung, p. 137—138. S. Nishijima. Characteristics of the United States of Ch'in and Han. Comité International des Sciences Historiques. Rapports vol. II. Histoire des Continents, Wien, 1965. T. Masubuchi. Characteristics of the United States of Ch'in and Han.

²⁷ См.: Л. С. Васильев. Конфуцианство в Китае. — «Вопросы истории», 1963, № 10, стр. 66—67.

вольно возникает вопрос: почему в экономически наиболее развитых частях Китая патриархально-клановые традиции оказались более прочными, нежели в «новых» районах, где процесс имущественной и социальной дифференциации начался позднее? Патриархально-клановые, точнее, патронимические традиции играли большую роль. Но нельзя забывать и о том, что патронимия не была статична — она сама развивалась²⁸. Именно возникновение и рост частной земельной собственности в самой общине, экономическое и политическое усиление общинной верхушки и создали благоприятную почву для возникновения легизма²⁹.

Следует обратить особое внимание на то, что рост имущественной дифференциации внутри общины, развитие торговли и ремесла, частной собственности, рост городов, формирование качественно новой государственной структуры — все эти процессы в равной степени охватывали как «новые», так и «старые» царства. Более того, многие из этих процессов (территориально-административное деление; введение новых, более совершенных форм налогообложения — поземельного налога и др.) возникли впервые именно на территории «старых царств»³⁰.

Своим происхождением легизм обязан не территориальному делению Китая на «старые» и «новые» царства с различной степенью влияния традиций, а прежде всего социальным сдвигам в структуре древнекитайского общества, захватившим всю территорию страны. В последних своих работах Л. С. Васильев, прежде вообще отрицавший наличие у легистов какой-либо «массовой социальной базы»³¹, теперь считает, что легисты все же «способствовали развитию новых социальных сил и явлений — частной собственности, товарно-денежных отношений»³². Однако идти дальше он не решился и, критикуя мои взгляды, пишет, что: «представление о легизме как об идеологии так называемой имущественной знати, которая якобы появилась в конце Чжаньго на смену пришедшей в упадок родовой аристократии, — плод явного недоразумения. Ни о какой имущественной знати легисты не бесспорно и никак не выражали ее интересы... Во всяком случае, идеи и практика деятельности Шан Яна не дают для этого основания»³³. Стремясь усилить столь категорическое утверждение, он отмечает, что «богатые общинники», составлявшие, по мнению Л. С. Переломова, основной костяк имущественной знати, — «категория весьма неопределенная и источниками не «фиксируемая»³⁴. Утверждение повисает в воздухе, поскольку автор не приводит никаких доказательств.

Известно, что в древнекитайском памятнике «Шююань» приводится текст обращения Люй Цю — главы общины из района Шэшань — к цинскому царю Сюань вану (454—403 годы до н. э.) с просьбой, «чтобы великий царь отобрал сыновей из богатых свободных семей, отличающихся хорошим воспитанием, и назначил бы их чиновниками. А затем с их помощью уравнил бы законы»³⁵. Здесь речь идет именно о богатых общинниках, также как и в сообщении ханьского конфуцианца Дун Чжун-шу о китайской деревне времен Шан Яна: «в ли (общине) встре-

²⁸ См.: Л. С. Переломов. *Община и семья в древнем Китае*, М., 1964; *Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н. э. — III в. н. э.* — Сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966, стр. 150—160.

²⁹ См.: Книга правителя области Шан, стр. 42—59.

³⁰ Там же.

³¹ См.: «Вопросы истории», 1968, № 10, стр. 67.

³² См.: «Роль традиций в истории и культуре Китая», стр. 29.

³³ Там же, стр. 29—30.

³⁴ Там же, стр. 58.

³⁵ Лю Сянь. *Шююань*. Чанша, 1937, гл. II, стр. 106 (на кит. яз.).

чались люди, обладавшие богатствами гуннов и хоу»³⁶. И когда мы встречаем в источнике сведения о том, что в одном и том же «цзуне» (патронимии) — дед беден, а внук богат, то это еще одно свидетельство имущественного расслоения общины³⁷.

Сообщения о богатых землевладельцах-общинниках встречаются, естественно, и в легистских трактатах, где они выступают под различными терминами: «главы семей», нанимающие «лишних сыновей» (сыновей бедных общинников) для обработки полей, в то время как их собственные сыновья — «любимые сыновья... предаются лености и чревоугодию»³⁸; это и «люди, обладающие излишками зерна»³⁹, которые в состоянии внести десятки тонн зерна за ранг знатности и т. п. Когда в источнике говорится об обнищании одной категории населения за счет другой: «низы не имеют пахотных полей и жилищ», а «верхи народа не сообщают двору свои имена», то есть уклоняются от подворной переписи, скрывая количество полей и зависимых, то под «верхами народа» подразумеваются все те же богатые общинники⁴⁰. Поэтому утверждение Л. С. Васильева о том, будто «источники не фиксируют» такой категории, как «богатые общинники», не соответствует действительности.

Проблема богатых общинников-землевладельцев имеет важное значение для определения формационной принадлежности древнего Китая: сторонники извечной государственной собственности на землю (на этой почве произрастают концепции азиатского способа производства или восточного феодализма) всячески преуменьшают масштабы частной земельной собственности и степень ее распространенности, отсюда и негативное отношение к категории богатых общинников.

Несколько слов об имущественной знати и ее месте в легистском учении.

Действительно ли идеи и практика деятельности Шан Яна не были связаны с ее интересами? К категории имущественной знати я отношу представителей трех социальных слоев: богатых общинников-землевладельцев, не связанных тесными кровными узами с наследственной аристократией; зажиточных торговцев и ремесленников; нарождающуюся бюрократию на самом раннем ее этапе⁴¹. Осуществляя социальные преобразования, Шан Ян стремился не только к внедрению закона и укреплению личной власти правителя, но и к привлечению на свою сторону вполне определенных социальных слоев, заинтересованных в построении легистской модели. Об этом свидетельствует институт частной земельной собственности, институт рангов знатности, концепция равных возможностей при выдвижении на административные посты, теория контролируемого развития торговли и ремесла.

Официальное признание права частной собственности на пахотные поля означало узаконение тех имущественных изменений, которые произошли в недрах общины. Отныне не только совет старейшин, но и само государство брало под охрану права частника — это было выгодно прежде всего тем, кто округлил свои владения за счет обедневших соседей.

³⁶ См.: Хэ Чан-цзунь. К вопросу о значении терминов «цзун цзу» и «цзун бу». «Лиши яньцзю», 1956, № 11, стр. 92 (на кит. яз.).

³⁷ См.: Бань Гу. История Ранней династии Хань. Цит. по кн. Вэн Сян-цзянь. История Ранней династии Хань с добавлениями и комментариями (Цянь Хапь шу бучжу), Чанша, 1901, гл. 21 (1), стр. 16 (2) (на кит. яз.).

³⁸ См.: Книга правителя области Шан, стр. 143—144.

³⁹ Там же, стр. 192.

⁴⁰ Там же, стр. 199.

⁴¹ См.: Общество и государство в Китае, М., 1970, стр. 184—187.

Легистский институт рангов знатности, по существу, означал создание качественно новой элиты китайского общества. Обладатели рангов знатности (всего было 20 рангов) наделялись статутом особых граждан: они не только освобождались от уплаты налогов и несения повинностей (этим правом наделялись обладатели средних и высших рангов), но и, начиная с 9-го ранга, получали право взимания налогов с определенного количества домохозяйств. Легисты умело использовали традиционный культ предков, пожаловав обладателям рангов знатности особые знаки отличия после смерти⁴².

Концепция равных возможностей была неразрывно связана с перестройкой всей государственной структуры. Отныне доступ к административным постам определялся не положением человека в системе родственных связей, как это было в период Чжоу, а его личными способностями и богатством. Создавались благоприятные условия для социальной мобильности и, главное, формирования нового социального слоя — бюрократии.

Легисты так же, как и конфуцианцы, моисты и представители других политических школ древнего Китая, считали земледелие основным, а торговлю второстепенным видом занятия. Впрочем, они понимали, и здесь следует отдать должное их прозорливости, что без развитой торговли ни одно государство не просуществует. Однако государство должно следить за тем, чтобы частная торговля не подрывала экономические устои страны, этим и объясняется появление различных легистских запретов и ограничений.

Рассмотренные легистские концепции и институты, претворенные в жизнь Шан Яном и его последователями, открывали широкое поле деятельности для дальнейшего обогащения имущественной знати и приобщения ее к правящему сословию. Однако, значение легизма в истории развития китайского общества этим не ограничивается. Легистское учение сыграло большую роль в формировании императорско-бюрократической системы⁴³. Перечислим лишь некоторые, наиболее существенные легистские институты: государственное регулирование экономическими процессами в стране; формирование института бюрократии; система круговой поруки; институт рангов знатности; законодательная система; равные возможности; личная ответственность чиновника; унификация мышления чиновничества; институт цензорского надзора.

Таков далеко не полный вклад легизма в теорию и практику государственного строительства в Китае — это учение создало целый ряд несущих конструкций. Попытайтесь изъять их — и рухнет вся императорско-бюрократическая система управления.

Однако, как мы показали в начале статьи, сторонники концепции «конфуцианского Китая» стараются не видеть (а может быть, просто не знают?) этой роли легистского учения и сводят легизм к теории антигуманного законодательства. Действительно, в легистском учении содержится ряд реакционных концепций: апологетика войны, оглушение народа, ужесточение наказаний, методика всеобщей слежки и надзора⁴⁴. Однако, оценивая легизм в целом, не следует отрывать его от эпохи,

⁴² Ср.: «При погребении простых людей и (именитых лиц), вплоть до обладателей пятого ранга знатности, надлежит класть их в особые гробы, соответствующие их рангам; число и вид деревьев, высаженных на могилах, также должны соответствовать рангам умерших». Книга правителя области Шан, стр. 218.

⁴³ Подр. см.: Л. С. Переломов. Вклад легизма в формирование традиционных институтов китайской государственности. Сб. «Роль традиций в истории и культуре Китая», стр. 151—160.

⁴⁴ Подр. см.: Книга правителя области Шан, стр. 76—97.

породившей это учение. Антигуманность в легизме — это антигуманность в самом китайском обществе V—III веков до н. э., когда рушились многие моральные и этические нормы.

В то же время императорско-бюрократическая система управления, в создании которой легисты приняли самое непосредственное участие, была прогрессивна для своего времени и сыграла значительную роль в истории страны и народа. Уместно напомнить оценку Ф. Энгельсом роли бонапартизма как политической системы в истории Германии. По словам Ф. Энгельса, переход Пруссии к бонапартистской монархии «...был самым большим шагом вперед, сделанным Пруссией после 1848 г., — настолько отстала Пруссия от современного развития. Она все еще оставалась полуфеодальным государством, а бонапартизм — уж во всяком случае современная государственная форма, которая предполагает устранение феодализма»⁴⁵. Легизм и легистские реформы способствовали экономическому и государственному развитию страны.

Казалось, что в связи с крушением в 1911 г. императорско-бюрократической системы легизм, сыгравший свою роль, отойдет в прошлое и станет объектом изучения специалистов древнего и средневекового Китая. Однако и в двадцатом веке нашлись политические деятели, считавшие возможным реставрировать отдельные легистские концепции во имя построения мощной державы, главенствующей над своими соседями. Лидер этатистов Чэнь Ци-тянь, один из соратников Чан Кай-ши, писал в период антияпонской войны: «Необходимо из старого легистского учения заимствовать ту часть, которая подходит к нынешнему Китаю... Затем, сообразуясь с внутренней обстановкой в Китае и его международным положением, надлежит создать новую легистскую теорию. День успешного завершения этой новой теории легизма станет днем спасения Китая»⁴⁶. Действительно, чанкайшисты восстановили некоторые испытанные институты императорского Китая, в частности систему круговой поруки, ставшей неотъемлемой частью гоминьдановского государства. С ее помощью чанкайшистский аппарат осуществлял полицейско-фискальные функции. Эта система играла крайне реакционную роль в формировании общественного сознания наиболее отсталых слоев населения, создавая атмосферу подозрительности и страха.

В последние годы в КНР в связи с дальнейшей ломкой государственного аппарата, превращающегося в орудие военно-бюрократической диктатуры, наблюдаются тенденции к возрождению некоторых институтов императорско-бюрократической системы.

Стремясь к обожествлению собственной власти, Мао Цзэ-дун использует концепции идеологов деспотического государства, восстанавливая именно те традиционные институты, которые в течение многих сотен лет служили опорой авторитарных режимов. Весьма знаменательно, что Мао Цзэ-дун уже не скрывает своей заинтересованности в культивировании испытанных методов управления. В беседе с Эдгаром Сноу в феврале 1971 г. он прямо заявил, что «китайскому народу трудно отвыкнуть от привычек, выработанных трехтысячелетней традицией поклонения императорам». И добавил, что в период «культурной революции» он умышленно раздул культ личности для того, чтобы вдохновить массы на борьбу со своими противниками. Именно этим объясняется возвеличивание отдельных поступков Цинь Ши-хуана, призывы

⁴⁵ Ф. Энгельс. «Добавление к Предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 495.

⁴⁶ Чэнь Ци-тянь. Очерк истории легизма в Китае, Шанхай, 1936, стр. 120 (на кит. яз.).

«сочетать при управлении государством К. Маркса и Цинь Ши-хуана» (из выступления Мао Цзэ-дуна на совещании в Бэйдайхэ в августе 1958 г.).

Мао Цзэ-дун пытается возродить также некоторые наиболее реакционные легистские концепции и институты, в частности концепцию оглушения народа (стремление превратить людей в послушные винтики «великого кормчего»), апологетику войны.

Выдвинув концепцию борьбы «острия против острия», Мао Цзэ-дун доказывает, подобно легистам, неизбежность и необходимость войн. Любая война — благо, отсутствие войны приводит к загниванию государства. По его мнению, война Китая с Японией способствовала развитию страны. Поэтому Китаю необходимы постоянные войны и враги⁴⁷. Весьма знаменательно, что Мао Цзэ-дун заимствует у легистов не только концепцию войны, но и саму систему доказательств неизбежности войны. Достаточно сопоставить два следующих высказывания.

Шан Ян: «Поэтому, ежели войной можно уничтожить войну, то позволительна даже война; ежели убийством можно уничтожить убийство, то разрешены даже убийства; ежели наказаниями можно уничтожить наказания, то допустимы даже суровые наказания»⁴⁸.

Мао Цзэ-дун: «Мы за уничтожение войны, нам война не нужна, но уничтожить войну можно только через войну. Если хочешь, чтобы винтовок не было — берись за винтовку».

Это высказывание Мао Цзэ-дуна счел столь удачным, что даже поместил в свой пресловутый цитатник.

Сам факт обращения Мао Цзэ-дуна к некоторым давно отжившим легистским концепциям является еще одним наглядным свидетельством реакционной, антимарксистской сущности маонизма. В то же время спекулятивное обращение маонистов к легизму не должно влиять на нашу общую оценку этого учения. Нельзя согласиться с теми, кто пытается поставить знак равенства между легизмом и маонизмом. Легизм в основном был для своего времени прогрессивен, несмотря на некоторые реакционные концепции, чего нельзя никак сказать о тех, кто пытается паразитировать на этом учении.

⁴⁷ См.: М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна, М., 1969, стр. 105.

⁴⁸ Книга правителя области Шан, стр. 210.

Перекраивание истории маоистами

*В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук*

До середины 60-х годов китайская историческая наука наряду с чертами средневековой схоластики, догматизма и национализма несла в себе и вековые традиции добросовестного исследования, а также многие прогрессивные традиции, вызванные к жизни общим революционным порывом в стране, воздействием марксистско-ленинских идей и влиянием советской исторической науки. Печатавшиеся в 50-е годы книги Фань Вэнь-ланя, Ло Эр-гана, Цзянь Бо-цзяня, Го Мо-жо, Хоу Вай-лу, Шан Юэ и других историков были при всех их недостатках достижением китайской науки. Не случайно труды историков — У Ханя, Дэн То, Ли Шу, Цзянь Бо-цзяня и других — стали потом, как утверждали маоисты, одним из основных источников распространения оппозиционных Мао Цзэ-дуну взглядов¹.

Маоистское руководство, пытаясь обосновать «особую» роль Китая в современном мире, отводит исторической науке роль чисто практического инструмента для внедрения в массы националистических, социалшовинистических идей.

Показательны в этом отношении материалы археологических раскопок, сообщения о которых публикуются и пропагандируются с наибольшим шумом. Некоторые из них носят, так сказать, политически «нейтральный» характер. Таковы, например, два комплекта одежды, относящиеся к ханьскому периоду, найденные в провинции Хэбэй, золотая и серебряная утварь танского периода, найденная в предместье города Сиань провинции Шэньси. Бесспорно, нельзя отрицать тех больших достижений, которых добились китайские ученые в области археологии, однако ничего общего с наукой не имеют шумные кампании, устраиваемые маоистской печатью по поводу некоторых предметов, найденных при раскопках в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и провинции Хэйлунцзян — районах, непосредственно прилегающих к границам Советского Союза.

В 1969 г. в Синьцзяне была обнаружена чрезвычайно интересная рукопись. Некий мальчик Бу Тянь-шоу, живший в 710 г. н. э. в современном Турфане, переписал по заданию учителя пять глав известного конфуцианского канона «Лунь Юй» с комментариями автора П в. Чжэн Сюаня. В списке, кроме точного указания места, где учился мальчик, написано еще несколько шуточных строк («Переписывать кончил, учитель, не сердись, завтра выходной — отпусти пораньше»), текст какой-то популярной песни. Эти данные ценны как памятник быта того времени. Но маоисты подняли шум совсем по другому поводу. По их словам, находка в Синьцзяне свидетельствует, что «так называемые за-

¹ О состоянии китайской исторической науки до 1966—1967 гг. см. сб.: «Историческая наука в КНР». М., 1971.

надные районы в то время фактически не отличались от внутреннего Китая».

Историкам хорошо известно, что территория современного Синьцзяна завоевывалась китайскими полководцами еще в древности. Затем эта территория то отпадала от Китая, то снова им захватывалась. Последний раз Синьцзян был покорен Китаем только в XVIII—XIX вв. В периоды китайского господства здесь проживало, естественно, и много китайцев. Они жили в условиях своего быта, своих традиций и культуры. Мальчик Бу Тянь-шоу принадлежал, очевидно, именно к этой части населения. Утверждение же, сделанное на основании найденной рукописи, что «западные районы в то время фактически ничем не отличались от внутреннего Китая», является конкретным проявлением великоханьского шовинизма в отношении коренного населения Синьцзяна. Го Мо-жо на основе «анализа» рукописи Бу Тянь-шоу делает вывод, что территория Синьцзяна будто бы всегда была китайской².

Еще прозрачнее смысл другой кампании, поднятой вокруг каменных неолитических орудий и нефритовых дисков, обнаруженных в провинции Хэйлуцзян в бассейне реки Уссури. Найденные здесь предметы имеют общие черты с такими же предметами, обнаруженными в бассейне р. Хуанхэ, что для маонистских пропагандистов явилось достаточным основанием утверждать, будто китайский народ искони жил и трудился в районе острова Даманского. В данном случае грубая натяжка в выводах настолько очевидна, что вряд ли требует подробного разбора.

Перейдем, однако, от археологии к общеисторическим проблемам. В китайской исторической науке всегда вызывала живейший интерес проблема периодизации древней истории. Имелся ли в Китае период рабовладельческой формации? Если да, то каковы его хронологические рамки? Эту тему вновь поднимает сейчас статья Го Мо-жо «Проблемы периодизации древней истории Китая».

Дискуссии по этому поводу велись давно, но особого размаха они достигли в 1956—1957 гг. В то время Го Мо-жо признавал рубеж между рабовладением и феодализмом в Китае в VI—IV вв. до н. э. Сегодня он повторяет свою старую точку зрения, которая, очевидно, должна восприниматься как официозная.

Советские авторы давно указывали, что при всей спорности проблем древней истории точка зрения Го Мо-жо представляется неубедительной³. Смена общественных формаций — момент революционной переломы. Она всегда сопровождается разрушением старой надстройки и заменой ее новой. В VI—IV вв. до н. э. Китай, как известно, шел к объединению в единое централизованное государство, это был период сравнительно мирной эволюции китайского общества. Го Мо-жо повторяет и свои прежние доводы, которые строились лишь на одной фразе из записи летописи «Чунь Цю» («Весна и осень»), датированной 15-ым годом правления луского Сюань-гуна (594 годом до н. э.), о первом взимании налогов с одного му земли. «Хотя эта фраза состоит всего из трех иероглифов, — подчеркивает Го Мо-жо, — но в ней скрыт глубокий исторический смысл; она свидетельствует о том, что в Китае на арену общественной жизни впервые выступил класс помещиков и что такое явление впервые получило законное признание... Таким образом, вряд ли можно как-то оспаривать тот факт, что до середины пери-

² Го Мо-жо. Стихи и записи Бу Тянь-шоу на списке «Лунь юй». — «Каогу», 1972, № 1, стр. 7.

³ См.: «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966, стр. 25—26.

ода Чунь Цю китайское общество было не феодальным, а рабовладельческим»⁴.

В этом рассуждении необычайно наглядно выступают отрицательные черты метода Го Мо-жо. По его логике, выходит: если один источник, в одном районе Китая, зафиксировал первое появление поземельного налога, то, значит, отношения поземельной зависимости стали главными в социально-экономической жизни всего общества, которое полностью преобразилось, включая огромную политическую, идеологическую и правовую надстройку. Между тем любому марксисту известна элементарная истина о том, что изменения надстройки отнюдь не всегда и не в полной мере следуют сразу же за соответствующими изменениями в базисе. Особенно медленными темпами это происходило в период древней истории.

Если выводы и ход рассуждений Го Мо-жо в основном остались неизменными по сравнению с выводами и доводами 1952 г., то статья 1972 г. демонстрирует еще более усердное, чем прежде, обращение автора к цитатам Мао Цзэ-дуна как к абсолютной истине.

«Три раза, — пишет Го Мо-жо, — менял я точку зрения по поводу границы между рабовладельческой и феодальной формацией, относя ее то к VIII, то к III, то к V в. до н. э. Почему же я смог в третий раз изменить свою точку зрения? Дали мне ключ, научили меня шевелить мозгами и позволили уверенно разрубить этот гордиев узел древнекитайского общества не что иное, как произведения председателя Мао... Председатель Мао... говорит: «Главным противоречием феодального общества является противоречие между классом крестьян и классом помещиков...» Я сознательно пошел по пути, указанному председателем Мао, то есть ухватился за главное противоречие феодального общества — между классом крестьян и классом помещиков, и особенно за такую сторону этого противоречия, как класс помещиков. Если в какой-то исторический период класс помещиков, в строгом смысле этого термина, еще не существует, то, значит, и общество данного периода отнюдь не может быть феодальным. Так мне удалось найти правильный путь»⁵.

Характер «доказательства» Го Мо-жо говорит сам за себя. Конечно, когда нет класса феодалов, тогда нет и феодального общества, но неужели такое умозаключение следует считать открытием? И можно ли с помощью такого «открытия» ответить на вопросы: когда в истории Китая все же возник класс помещиков и когда этот класс стал господствующим в обществе?

Приведем еще «заключение» статьи Го Мо-жо, которое может служить другим образцом его «исследовательского метода». Мао Цзэ-дун в статье «Китайская революция и КПК» писал: «Со времен Чжоуской и Циньской династий в Китае существовало феодальное общество». Согласно этому утверждению, следует, что Мао Цзэ-дун (как и многие китайские историки) считает древнекитайское общество феодальным, но при этом не указывает, с какого именно века начинается эпоха феодализма. Выражение же «со времен Чжоу и Цинь» достаточно туманно, так как оно может относиться к любому веку, начиная с XI в. до III в. до н. э. Но Го Мо-жо нужно обосновать свой тезис, что рабовладельческий строй сменился в Китае феодальным именно в VI—IV вв. до н. э.

⁴ Го Мо-жо. Проблема периодизации древней истории Китая. — «Хунци», 1972. № 7, стр. 58—59.

⁵ Там же, стр. 57.

Поэтому он приводит указанную цитату Мао как непреложную истину и считает ее решающим доказательством.

Такой «метод доказательства» весьма характерен для всей сегодняшней китайской исторической науки.

К тематике нового периода истории относится популярная брошюра, подготовленная Шанхайским педагогическим институтом, — «Движение ихэтуаней», посвященная событиям 1898—1900 годов⁶.

Сам выбор этой темы не случаен. Трудно во всей истории Китая найти пример более стихийного и слепого взрыва народной ненависти против иностранного гнета, чем восстание ихэтуаней, когда праведный гнев против империалистов подчас переходил в темную враждебность ко всему иностранному. Тема движения ихэтуаней имеет и еще одну специфическую сторону. 1900 г. был трагической страницей истории русско-китайских отношений, когда увлекаемый на путь внешнеполитических авантур военно-империалистическими кругами царизм, поправ многолетние традиции добрососедских отношений между Россией и Китаем, принял участие в совместной интервенции империалистических держав, подавивших восстание ихэтуаней. Организаторы антисоветских кампаний в Пекине в целях возбуждения националистических страстей считают, видимо, выгодным воскресить этот факт.

Отрицательные стороны движения ихэтуаней поднимались на широкую арену в годы «культурной революции». Известный представитель «крайне левых», претендовавший в те годы на роль «вождя» исторической науки, Ци Бэнь-юй, ссылаясь на изречение Мао Цзэ-дуна «бунт — дело правое», назвал восстание ихэтуаней «великим антиимпериалистическим, антифеодалным революционным массовым движением новой истории Китая»⁷. Ци Бэнь-юй клеймил выпущенный в то время в Китае фильм «Тайна цинского двора», в котором признавались невежество и мистицизм ихэтуаней. Он называл это клеветой, отразившей «лютую ненависть классовых врагов к крестьянству как главной силе китайской революции». Кончилась «культурная революция», давно сброшен со сцены Ци Бэнь-юй, но оценки, данные им, остались.

Безымянные авторы брошюры «Движение ихэтуаней», перемежая текст цитатами Мао Цзэ-дуна, пытаются изобразить ихэтуаней революционерами, сражавшимися не только против иноземных захватчиков, но и против феодализма в Китае. Факт союза ихэтуаней с реакционной феодальной верхушкой всячески преуменьшается. Превозносится отсталая форма восстания — стихийный бунт.

Советские ученые, исходя из высказываний В. И. Ленина о восстании ихэтуаней и о народных движениях типа «старых китайских бунтов», считают восстание 1900 г. справедливым, исторически оправданным возмущением темных, отсталых масс против империалистического гнета. Однако нельзя не отметить и слабые стороны этого движения: отрицательное отношение повстанцев к прогрессу, который они отождествляли с господством «заморских чертей»; их монархизм, исключавший возможность союза с руководимой Сунь Ят-сеном передовой, революционной частью китайского общества и т. д. Не случайно поэтому сравнительно небольшой, примерно 40-тысячной, но хорошо организованной и вооруженной армии интервентов удалось быстро и жестоко подавить

⁶ Ихэтуань юньдун, Шанхай, 1971. (При характеристике указанной брошюры мы используем некоторые оценки советского исследователя данной темы — Н. М. Калужной.)

⁷ Ци Бэнь-юй. «Патриотизм или национальное предательство» (критика реакционного фильма «Тайна цинского двора»). — «Жэньминь жибао», I. IV. 1967.

восстание, несмотря на то, что на ее пути стояли цинские войска и 100-тысячное ополчение ихэтуаней.

Движение ихэтуаней продемонстрировало с величайшей наглядностью бессилие крестьянских масс, не руководимых передовым классом. Однако авторы китайской брошюры, не взирая на хорошо известные факты, прославляют это движение как идеал «великого бунта», показавшего будто бы, что империализм — всего лишь «бумажный тигр»! Писать так — значит совершать подлинное насилие над историей.

Другая безымянная брошюра о тайпинском полководце Чэнь Юй-чэне⁸, недавно вышедшая в свет в КНР, привлекает внимание главным образом тем, что образ Чэнь Юй-чэна в ней противопоставлен известнейшему и популярнейшему в народной традиции вождю тайпинов Ли Сю-чэну. Последний характеризуется в брошюре как отступник и изменник. Эта точка зрения принадлежит Ци Бэнь-юю, который в 1963 г. впервые выступил с яростными нападениями на Ли Сю-чэна, обвиняя его в предательстве. Сидя в темнице, Ли пытался перехитрить своих палачей. Он написал на имя захватившего его цинского генерала Цзэн Го-фаня письмо с предложением своих услуг. Ци Бэнь-юй, развенчивая Ли Сю-чэна, метил в Лю Шао-ци, которого маоисты в то время обвиняли в том, что он, руководя в прошлом подпольными организациями КПК, якобы разрешил коммунистам, арестованным гоминьдановцами, писать ложные отречения от партии. Историческая тема, таким образом, подчинялась сугубо практическим целям политики маоистов. То же происходит и в настоящее время. Сейчас, как свидетельствуют факты, закрепляются оценки, данные историческим явлениям и лицам в ходе «культурной революции».

Проблемы новейшего периода китайской революции после второй мировой войны нашли отражение в августовской статье прошлого года о Ляошэньском сражении⁹. Изучение этой битвы, явившейся переломной в ходе народно-освободительной войны 1945—1949 гг., несомненно, важно. Именно Северо-Восточный Китай — Маньчжурия, освобожденная Советской Армией в 1945 г. от японского империализма, стала в те годы главным оплотом китайской революции, которая получала всестороннюю помощь и поддержку со стороны Советского Союза. Опираясь на них, армия Линь Бяо смогла в 1946 г. отразить атаки гоминьдановцев и перейти в 1948 г. в решающее наступление, которое создало совершенно новую обстановку в Северо-Восточном и Северном Китае и завершилось полной победой китайской революции в 1949 году.

Описание Ляошэньской битвы в названной статье страдает обычными недостатками, свойственными маоистской историографии. Оно сводится к перечислению чисто военных действий и факторов. Однако в нем ничего не говорится о роли революционной базы в Маньчжурии, о помощи, оказанной революционным силам Китая со стороны СССР. В описании нет лиц, реально действовавших в то время в Северо-Восточном Китае, вся слава победы приписывается Мао Цзэ-дуну, которого там не было. В ней упоминаются лишь «мошенники типа Лю Шао-ци», предлагавшие якобы ошибочный стратегический план наступления на Чаньчунь, которому Мао Цзэ-дун якобы противопоставил другой, собственный план — главного удара на Цзиньчжоу. Вся эта схема рассуждений строится на двух телеграммах Мао Цзэ-дуна, от сентяб-

⁸ «Чэнь Юй-чэн», Шанхай, 1972.

⁹ Шэнь Цзюнь. Великая победа стратегических идей Мао Цзэ-дуна. — «Хуши», 1972, № 8.

ря и октября 1948 года, и не подтверждается никакими другими документами или источниками. Очевидно, маоисты все еще рассматривают новейшую историю прежде всего как арену пропагандистской борьбы против своих противников в рядах КПК, которым стараются приписать ошибки на всех этапах истории.

Рассмотренные вопросы относятся к проблемам отечественной истории, но *принципиально новой особенностью современного «изучения» истории в Китае является перенос центра тяжести в пропаганде исторических знаний с отечественной на всемирную историю.*

До провозглашения КНР дело с исследованием и преподаванием всемирной истории в Китае было поставлено исключительно плохо. Во всем Китае в то время ею занималось всего лишь несколько человек, обучавшихся за рубежом. Подготовка кадров соответствующего профиля и введение всемирной истории как повсеместной учебной дисциплины в вузах начались лишь после 1949 года. В дальнейшем маоисты воспрепятствовали широкому развитию этой молодой для Китая отрасли исторической науки. Однако начиная с апреля 1972 г., в КНР была опубликована серия установочных статей, темой которых вновь стала история зарубежных стран. Автор (или авторы) четырех статей¹⁰, укрывшись за псевдонимом Ши Цзюнь (буквальный перевод — «Историческая армия»), с самого первого абзаца ставит задачу «членам партии, кадровым работникам, широким массам рабочих, крестьян и солдат, всей молодежи» «всемерно ознакомиться с мировой историей». Ссылаясь на «председателя Мао», автор статьи предлагает «рассматривать наличие или отсутствие знаний истории как условие возможности или невозможности завоевания победы революционной партией пролетариата», т. е. маоистской партией¹¹.

Главная особенность опубликованных в 1972 г. статей о всемирной истории — подмена марксистско-ленинского принципа классового анализа подходом неклассовым, узконациональным. Во всем изложении ударение в статьях делается не на борьбу классов, а на историю национально-освободительного движения, хотя в общей форме и признается, что содержание всемирной истории составляет прежде всего классовая борьба. Упоминание об этом автору, видимо, потребовалось для того, чтобы более тщательно закамуфлировать одну из самых характерных черт подхода маоистов к общественно-политическим явлениям, при котором они отбрасывают общественно-экономический анализ и классовые принципы, заменяя их волюнтаристскими установками.

Подмена исторического материализма субъективизмом наблюдалась в современной китайской исторической науке и на ранних этапах. Советские историки не раз отмечали, что некоторые китайские авторы, испытавшие влияние взглядов Мао Цзэ-дуна при характеристике прослойки компрадорской буржуазии Китая XIX и первой половины XX веков, исходят из чисто политического принципа. Социальные группы,

¹⁰ См.: Ши Цзюнь. Изучать всемирную историю. — «Хунци», 1972, № 4, стр. 16. Еще раз об изучении всемирной истории. — «Хунци», 1972, № 5. Изучить историю империализма. — «Хунци», 1972, № 6. Понимать историю национально-освободительного движения. — «Хунци», 1972, № 11. Критику этих статей см.: Е. М. Жуков, В. А. Кривоцов, В. Фетов, Всемирная история в кривом зеркале маоизма, — «Коммунист», 1972, № 16. Ф. Б. Белелюбский. Маоистская концепция всемирной истории и подлинная история народов Востока. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 5. Г. В. Астафьев, А. Л. Нарочницкий. Лжеистория на службе великодержавных замыслов Пекина, «Новая и новейшая история», 1973, № 1. К. В. Кукучкин. Апология пекинского гегемонизма, — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1.

¹¹ Ши Цзюнь. Изучать всемирную историю. — «Хунци», 1972, № 4, стр. 16.

поддерживавшие на том или ином этапе революции, рассматривались этими авторами как национальная буржуазия, а слон, выступавшие против революции, немедленно зачислялись ими в компрадорскую буржуазию. Компрадорство, таким образом, из социально-экономического понятия превращалось в конъюнктурно-политическое. Это вело к совершенно неразрешимой путанице. В произведениях Мао Цзэ-дуня, например, правые гоминьдановцы рассматривались как компрадорская буржуазия, в то время как их главный идеолог Дай Цзи-тао назывался идеологом национальной буржуазии¹². В статьях Ши Цзюня по всемирной истории конъюнктурно-политический подход к историческим явлениям доведен до предела.

Отправной момент в «изучении» всемирной истории в понимании Ши Цзюня — это общность судеб Китая с судьбами угнетенных наций Азии, Африки, Латинской Америки. Эти континенты, по словам автора статьи, имели блестящую древнюю цивилизацию и внесли великий вклад в дело прогресса всего человечества, но с конца XV в., после вторжения «западного колониализма», были превращены в колонии и полукolonии, и в этом состоит, по его мнению, то главное, что объединяет «Китай и абсолютное большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки» в понятие «третий мир». Из этого положения автор статьи пытается вывести понятие «класс», «подкрепляя» его следующим демагогическим утверждением: «Народ нашей страны, угнетенные нации и угнетенные народы Азии, Африки и Латинской Америки кровно связаны между собой и являются братьями по классу»¹³. Для Ши Цзюня, как видно из данной фразы, не существует различия между рабочими и буржуазией в странах Азии, Африки и Латинской Америки только потому, что народы этих трех континентов были угнетенными, и поэтому он включает в понятие «класс» целые нации. На первый взгляд данное утверждение Ши Цзюня может показаться абсурдным, но все дело как раз и состоит в том, что абсурдность этого утверждения потребовалась автору для того, чтобы объяснить с идеалистических позиций факт смены общественно-экономических формаций и возникновения национально-освободительного движения.

Его не интересует, идет ли речь о самозащите первобытных общин, борющихся против колонизаторов с копьями и луками, или о борьбе за независимость рабоче-крестьянских масс. Он не спрашивает: буржуазия или рабочий класс стоит во главе борьбы, какой строй установится в освободившейся стране — социалистический или буржуазный? Все объясняется абстрактной, внеклассовой формулировкой — «где существует угнетение, там возникает и противодействие ему».

Той же идеалистической трактовки Ши Цзюнь придерживается в третьей статье, специально посвященной империализму. Формально повторенные ленинские цитаты об империализме используются автором для того, чтобы скрыть свое «понимание» империализма, которое полностью отождествляется с понятием «колониализм», и делается это отнюдь не случайно. Ши Цзюнь придает особое значение колониализму лишь с одной целью — протащить пресловутый тезис маоистов о «сверхдержавках».

Рассуждения о «сверхдержавках» буквально пронизывают каждую из рассматриваемых статей по всемирной истории. Всемирная история излагается автором таким образом, чтобы внушить читателю мысль, будто главными ее чертами, по крайней мере в XIX и XX вв., была борь-

¹² См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 1, М., 1952, стр. 16, 17.

¹³ Ши Цзюнь. Изучать всемирную историю. — «Хунши», 1972, № 4, стр. 19.

ба между двумя «сверхдержавами» и сопротивление им остальных стран и народов. Причем США, по утверждению Ши Цзюня, долгое время «мало вмешивались в борьбу за гегемонию между европейскими державами», потому что они-де лишь после второй мировой войны вступили в борьбу за мировое господство. Между тем вся «новая история России показывает» неизменность борьбы России за «мировое господство».

О политике России в статьях говорится с особой ненавистью, как об «агрессивной экспансионистской глобальной стратегии»¹⁴. Автор статей испытывает полное презрение к историческим фактам, у него получается, что даже во времена Алексея Михайловича (авторы начинают новый период всемирной истории с 1640 г.) Московская Русь боролась уже ни много ни мало как за господство над всем миром.

Ши Цзюнь большое значение придает тому, чтобы изобразить Россию извечным врагом китайского народа, якобы «захватившим большую территорию Китая». Им ставится знак равенства между царской Россией и СССР, в котором-де унаследованы империалистические традиции царской России и «окончательно реставрирован капитализм». Вся эта ложь потребовалась автору для того, чтобы изобразить Советский Союз «империалистической державой», пытающейся якобы «снова создать великую колониальную империю»¹⁵.

Характерно, что ни одна из упомянутых статей, даже та, которая специально посвящена изучению новой и новейшей истории (причем термины «новая история» — «цзиньдайши» и «новейшая история» — «синьдайши» четко отделены в ней друг от друга), фактически не выделяет во всемирной истории новейший период. Период этот рассматривается автором как один из этапов новой истории, хотя китайские историки раньше, как известно, соглашались с советскими учеными относительно необходимости рассматривать новейшую историю с 1917 г. в качестве отдельной всемирно-исторической эпохи. Так, виднейший китайский историк, директор института новой истории Академии наук КНР, ныне покойный Фань Вэнь-лань в 1959 г. признал неверным название своего труда «Новая история Китая» (1945 г.), так как труд этот по замыслу автора включал не только новую, но и новейшую историю. Фань Вэнь-лань решил тогда оставить термин «новая история» лишь за теми частями своего труда, в которых изложение доводилось до 1917 года. Он сделал это, как сам признавал, на основании «четкого разграничения между новой и новейшей историей», существующего в марксистской науке¹⁶. Не потому ли маонистам не подходит сейчас 1917 г. в качестве одной из основных вех всемирно-исторической периодизации, что само признание исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции давно превратилось у них в формальную, ничего не значащую фразу? Недаром об Октябрьской революции в тех же статьях Ши Цзюня говорится вскользь, в общем ряду с английской, американской, французской буржуазными революциями, революцией 1848 г., Парижской коммуной и китайской революцией 1949 года.

Разобранные нами статьи, посвященные всемирной истории, имеют прямое отношение и к истории Китая. Несмотря на то что Китай в этих статьях охарактеризован как социалистическая страна, однако социалистическое общество в Китае определяется в них весьма и весьма свое-

¹⁴ Ши Цзюнь. Еще раз об изучении всемирной истории. — «Хунци», 1972, № 5, стр. 21.

¹⁵ Там же, стр. 22.

¹⁶ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая, т. 1. М., 1955. пер. с кит., стр. 8.

образно. С точки зрения маонистских догм, как известно, социалистическое общество — это общество с антагонистическими классами, с классовой борьбой, с периодическими насильственными взрывами типа «культурной революции». Само понятие «социализм», социалистический этап развития как в самом Китае, так и в современном мире, по существу, отрицается, так же как отрицался в свое время социалистический этап развития Китая в годы пресловутого «большого скачка», когда Мао Цзэ-дун и его сторонники обращались к китайскому народу с призывом: «идти прямо к коммунизму», минуя социалистическую стадию.

Глубокое неверие в социализм, в победу прогрессивных сил на современном этапе отражается в постоянных напоминаниях автора о «длительности и извилистости революционного пути». Говорит ли он о смене рабовладельческого строя феодальным или о переходе от феодального строя к капиталистическому — всюду подчеркивается их мучительность и сложность дела прогресса. «Историческое развитие и путь революции извилисты... — вторит Ши Цзюню газета «Жэньминь жибао». — Это особенно относится к пролетарской революции, цель которой в ликвидации капиталистического строя и всех эксплуататорских систем»¹⁷.

Ши Цзюнь не случайно делает от статьи к статье все большее упреждение на «зигзагах истории». По-видимому, он рассчитывает тем самым «исторически» оправдать провалы авантюристического курса китайского руководства как в области внутренней, так и внешней политики, возвести их в «общий исторический закон». С другой стороны, Мао Цзэ-дун и его окружение, очевидно, испытывают глубокое разочарование международным революционным движением, отвергшим их притязание на лидерство в нем, заклеившим курс китайского руководства как раскольнический, авантюристический и шовинистический, направленный против сил мира, демократии и социализма, на пособничество мировой реакции. Свое разочарование пекинские лидеры пытаются прикрыть шумными заверениями об «исключительно благоприятной обстановке», о неизбежности своей победы и наигранной бодростью призывов к оптимизму. Однако вместе с этим многие выступления и статьи китайского руководства, в том числе и разбираемые, проникнуты унынием и пессимизмом. «На пути революции, — жаловалась «Жэньминь жибао» от 11 июля 1972 г., — существует еще много преград, много трудностей...»¹⁸.

¹⁷ Хун Юань. Овладеть общим ходом исторического развития. — «Жэньминь жибао», 11. VII. 1972.

¹⁸ Там же.

Важная веха в истории КПК

*А. М. Григорьев,
кандидат исторических наук*

VI съезд КПК, со времени работы которого исполняется 45 лет, занимает важное место в истории китайской революции и компартии Китая, в истории разработки ее стратегии и тактики. В сложный период, который переживала партия после поражения революции 1925—1927 гг., ее VI съезд, опираясь на опыт борьбы в предшествующие годы, на достижения Коминтерна и КПК в области анализа общих закономерностей и особенностей революционного процесса в стране, на выводы о характере и задачах китайской революции, о роли вооруженной борьбы, о значении аграрно-крестьянского вопроса и др., дал китайским коммунистам новую ориентацию, вооружил их решениями, оказавшими глубокое влияние на весь дальнейший ход революционной борьбы в Китае.

Обращение к материалам VI съезда КПК и сегодня имеет важное значение для углубленной научной разработки проблем китайской революции, для воссоздания объективной, очищенной от маоистских и других фальсификаторских искажений истории компартии, истории разработки ее стратегии и тактики. Имеющиеся в распоряжении советских историков материалы, связанные с работой VI съезда, предоставляют для этого чрезвычайно богатые возможности. Наиболее важные среди них: опубликованный стенографический отчет¹, несколько изданий текстов резолюций², устный (стенографический) и письменные варианты Отчетного доклада ЦК КПК съезду³. Названные материалы содержат ценные данные для анализа тогдашнего состояния КПК, ее истории на предыдущем этапе борьбы, о ходе и характере массового движения, о позиции различных групп и руководителей компартии по основным вопросам стратегии и тактики⁴.

¹ «Стенографический отчет VI съезда КПК», М., 1930, кн. 1—6. Несколько экземпляров этого издания, хранящихся в библиотеках Москвы, стали в настоящее время библиографической редкостью.

² «Резолюции VI съезда Коммунистической партии Китая», М., КУТК, 1928 (на кит. яз.); «Стенографический отчет VI съезда КПК», М., 1930, кн. 6 («Резолюции»); «Политическая резолюция», «Резолюция по аграрному вопросу» и «Резолюция по вопросу об организации советской власти» опубликованы в сб.: «Программные документы коммунистических партий Востока», М., 1934, стр. 14—68.

³ «Отчет ЦК» — «Стенографический отчет VI съезда КПК», кн. 1, стр. 53—112; Цюй Цю-бо. «Китайская революция и КПК», М., 1928 (на кит. яз.).

⁴ Следует признать, что эти возможности использованы в нашей историографии до сих пор далеко не в полной мере. Из работ советских китайцев, опубликованных сразу после съезда, следует отметить статьи принимавшего участие в работе съезда и подготовке его материалов П. А. Мифа: «VI съезд Коммунистической партии Китая» и «Аграрный вопрос на VI съезде Коммунистической партии Китая» («Коммунистический Интернационал», 1928, № 39—40 и № 43). Из работ последних лет укажем на главу «VI съезд Коммунистической партии Китая и его аграрно-крестьянская программа» в кн.: Л. П. Делюсия. «Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921—1928)» (М., 1972, стр. 376—439) и на изложение хода и решений VI съезда КПК в кн.: «Коминтерн и Восток» (М., 1969) и «Новейшая история Китая» (М., 1972).

В рамках журнальной статьи, разумеется, нет возможности сколь-нибудь подробно осветить все отмеченные выше аспекты. В статье ставится задача рассмотреть главным образом те моменты в решениях VI съезда, которые определили его место и роль в разработке новой ориентации КПК, стратегии и тактики китайской революции.

* * *

VI съезд КПК состоялся после поражения китайской революции 1925—1927 гг., в период, который был во многом переломным для партии.

Различные группировки гоминьдана, превратившегося в партию буржуазно-помещичье-милитаристского блока, разорвав соглашение о едином фронте с КПК, развернули кровавый террор против коммунистов, жестоко подавляли массовое движение, взяли курс на соглашение с империализмом в борьбе против революционных сил.

Однако становление гоминьдановского режима в конце 20-х — начале 30-х гг. происходило в условиях продолжавшегося глубокого национального кризиса. Нерешенными оставались все основные задачи антифеодальной и антиимпериалистической революции. Сохранялось господство империализма и раздел Китая на сферы влияния. Страна оставалась политически раздробленной. С 1927 по 1931 г. непрерывно шла война между милитаристскими группировками в районах к северу и югу от Янцзы. Стремление региональных группировок сконцентрировать максимум военных сил на фронтах милитаристских войн и в крупнейших городах — центрах политического и экономического влияния, главных центрах революционного брожения в предшествовавшие годы — сопровождалось прогрессирующим разложением традиционных политических структур в сельских районах, резким ослаблением военного и политического контроля уездных и других местных властей.

В глубоком кризисе находились промышленность и особенно сельское хозяйство страны; господство феодальных отношений и длительная полоса войн привели деревню в состояние хронической, глубокой депрессии, накопили здесь громадный горючий материал. В результате наступления правящих классов на завоевания трудящихся, достигнутые в ряде мест в ходе революции 1925—1927 гг., ухудшилось и без того тяжелое материальное положение основных слоев рабочего класса, крестьянства, городской бедноты и мелкой буржуазии.

Все эти явления составляли объективные предпосылки для возникновения нового революционного подъема в Китае, для продолжения борьбы за решение задач китайской революции революционным путем. Но для реализации этих задач требовались верная оценка обстановки, правильный учет соотношения сил и соответствующая изменившимся условиям новая тактическая ориентация революционного авангарда.

После разрыва единого фронта между КПК и гоминьданом компартия и революционные силы Китая переживали весьма трудный период.

Во второй половине 1927 г. новое руководство КПК во главе с Цюй Цю-бо попыталось путем организации вооруженных выступлений в армии (Наньчанское восстание), в сельских районах («восстания осеннего урожая»), серия восстаний в деревне в период с осени 1927 по весну 1928 г.), в городах спасти завоевания революции, остановить спад революционной волны. Эти выступления обогатили партию ценным опытом борьбы и организации масс в новых условиях — в условиях разрыва единого национального фронта. Восстания в армии, в деревне были первыми шагами на пути создания собственных вооруженных сил партии и осуществления аграрной революции. Уже в конце 1927 — начале 1928 г. руководство КПК, изучая опыт этих выступлений, сделало ряд важных (хотя и частных) выводов, использованных VI съездом партии при разработке новой линии. Однако эти восстания, проходившие в условиях общего спада революции, не смогли изменить положения: они стали арьергардными боями революции 1925—1927 гг. Неудача этих выступлений усугубила положение КПК и революционных массовых организаций (профсоюзов, крестьянских союзов), на которые обрушились тяжелейшие удары реакции. В результате белого террора и неподготовленных революционных выступлений к началу 1928 г. большинство организаций партии в крупнейших центрах страны было разгромлено. В условиях резкой смены обстановки от компартии стали отходить неустойчивые, колеблющиеся элементы.

В тяжелой обстановке, сложившейся в конце 1927 г., партийное руководство не сумело верно оценить политическую ситуацию и приняло ряд решений левацкого толка по вопросам характера китайской революции, момента и тактической линии партии. Так, в решениях ноябрьского (1927 г.) пленума ЦК КПК революция в Китае характеризовалась как «перманентная», как перерастающая в ближайшей перспективе в революцию социалистическую; обстановка в стране определялась как непосредственная рево-

люционная ситуация, и выдвигался курс на немедленную организацию вооруженных восстаний в городах и сельских районах с расчетом слить эти выступления во всеобщее вооруженное восстание.

В этот трудный для КПК момент большую помощь ей оказал Коминтерн. IX пленум ИККИ, состоявшийся в феврале 1928 г., в специальной «Резолюции по китайскому вопросу» дал четкое определение текущего момента и характера китайской революции, наметил основы тактики партии на ближайший период. Пленум указал, что китайская революция в настоящее время переживает период тяжелого поражения, спада рабочего и крестьянского движения, в связи с чем партия должна решительно проводить тактику отступления, собирания сил. Коминтерн призвал КПК к борьбе против путчизма, способного погубить революцию, привести партию к отрыву от масс.

Пленум подчеркнул, что китайская революция остается по содержанию буржуазно-демократической, и особо отметил ошибочность и опасность попыток характеризовать ее как социалистическую или «перманентную», ведущих к серьезным ошибкам в определении задач революции, к отрыву от реальности, к авантюризму. Весьма важным для дальнейшей разработки курса КПК был вывод IX пленума ИККИ о неравномерности развития революции в Китае в различных его районах и об отставании рабочего движения по сравнению с крестьянским.

Исходя из специфики ситуации, сложившейся в стране (продолжение выступлений в деревне при спаде революционной волны в городах и в общенациональном масштабе), ИККИ рекомендовал компартии и впредь обращать серьезнейшее внимание на организацию выступлений крестьянства, учитывать различия в условиях борьбы в разных провинциях и главную перспективу борьбы в деревне — создание советских районов и вооруженных сил КПК. «Главной задачей партии и в советизированных крестьянских районах, — говорилось в резолюции IX пленума, — является проведение аграрной революции и организация частей Красной армии в расчете, что эти части будут постепенно объединяться потом в одну общую всекитайскую красную армию»⁵.

Принципиальные позиции, сформулированные в резолюции IX пленума ИККИ, явились той основой, на которой проходила подготовка компартии Китая к VI съезду. В связи с усилившимся в стране белым террором съезд, который первоначально намечалось созвать в Китае в марте 1928 г., было решено провести летом того же года в Советском Союзе, в Москве. По мере того как в столицу СССР приезжали его делегаты⁶, формировались комиссии по выработке проектов резолюций, которые возглавлялись руководящими работниками КПК. В работе ряда комиссий принимали участие ответственные сотрудники аппарата Восточного секретариата ИККИ. Тесное, подлинно интернациональное сотрудничество, проявившееся в деятельности комиссий, возможность анализировать богатый опыт борьбы китайских коммунистов с учетом опыта и теоретических выводов других коммунистических партий, опыта освободительного движения в других странах во многом предопределили теоретическую глубину и практическое значение большинства резолюций, представленных съезду. Особое внимание уделили комиссии VI съезда

⁵ IX пленум ИККИ (февраль 1928 г.). «Резолюция по китайскому вопросу», — «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая», М., 1934, стр. 207—211.

⁶ Выезд на съезд делегатов из Китая обеспечивался А. Л. Разумовой — сотрудником ИККИ.

КПК материалам делегатов «с мест» — рабочих и крестьян, непосредственных участников выступлений в армии, восстаний в сельских районах. Их материалы — в форме сообщений и записанных устных рассказов, представленные в комиссии, их выступления на съезде в значительной мере объясняют конкретность и жизненность резолюций и рекомендаций, принятых съездом⁷.

* * *

VI съезд КПК открылся 18 июня 1928 г. и продолжал работу до 11 июля. В его работе приняли участие 118 делегатов, из которых 84 было с решающим и 34 — с совещательным голосом. 60% участников, согласно данным, оглашенным на съезде, составляли рабочие⁸.

В работе съезда активное участие принимала делегация ИККИ, глава которой выступил с докладом «О международном положении и задачах КПК». Кроме того, был заслушан и обсужден Отчетный доклад ЦК (докладчик Цюй Цю-бо), доклад делегации КПК в ИККИ о решениях IX пленума ИККИ по китайскому вопросу (Сян Чжун-фа), Организационный отчет и доклад о военной работе (Чжоу Энь-лай), доклады о работе в профсоюзах (Сян Чжун-фа и представитель Профинтерна), доклады об аграрной программе и крестьянском движении (Ли Лисань). Съезд принял общую «Политическую резолюцию» и специальные резолюции по важнейшим вопросам работы партии⁹. Он принял также новый устав КПК и избрал новый состав ЦК.

Съезд приковал внимание партии буквально ко всем важнейшим проблемам жизни и работы партии. В совокупности резолюции VI съезда практически составляли первую развернутую программу КПК¹⁰.

С первых же дней своей работы съезд уделил большое внимание обсуждению вопросов о характере китайской революции и оценке текущего момента. Детальный анализ этих проблем имел для КПК важное значение. Это объяснялось тем, что и в предшествовавший съезду период деятельности компартии, и в ходе дискуссии на самом форуме китайских коммунистов обнаружились факты, свидетельствовавшие о том, что в партии по вышеназванным вопросам глубоко укоренились левачьи взгляды.

Так, одна группа руководителей КПК исходила из того, что китайская революция, будучи в настоящий момент буржуазно-демократической, в ближайшей перспективе перерастет в социалистическую. Таким образом, эти коммунисты оставались, по сути, на позициях ноябрьского (1927 г.) пленума ЦК КПК. Наиболее откровенно эту точку зрения, тол-

⁷ Многие из этих весьма ценных для изучения истории китайской революции материалов были затем опубликованы в 1928—1929 гг. в «Материалах по китайскому вопросу». Часть из них вошла в сб. «Советы в Китае», М., 1934.

⁸ «Стенографический отчет VI съезда КПК», кн. 2, стр. 34.

⁹ Наряду с «Политической резолюцией» VI съездом были приняты: «Резолюция по профдвижению», «Резолюция по аграрному вопросу», «Резолюция по крестьянскому вопросу» (О крестьянском движении), «Об организации советской власти», «Резолюция по агитпропработе», «Резолюция о КСМК», «Резолюция по женскому вопросу», «Организационные задачи КПК», «Обращение съезда к парторганизациям», «Об установлении праздника годовщины Кантонской коммуны», «Резолюция по вопросу о выработке программы партии», «Резолюция по национальному вопросу». (См.: «Стенографический отчет VI съезда КПК», кн. 6 («Резолюции VI съезда КПК», разд/пар.).

¹⁰ Съезд официально не принимал новой программы в связи с тем, что в период его проведения выработывался проект программы к предстоящему VI конгрессу Коминтерна. Руководству партии съезд поручил представить проект программы КПК на утверждение очередному, VII съезду. См.: «Резолюция по вопросу о выработке программы партии». Как известно, это требование остается невыполненным в КПК и в настоящее время.

кавшую партию на «перепрыгивание» через необходимый этап борьбы, высказал на съезде Ли Ли-сань¹¹.

Другая часть работников партии, работавших в деревне, стояла на позиции, согласно которой китайская революция становится социалистической в связи с выдвижением лозунга конфискации земли и ее уравнительного распределения. Источником такой точки зрения, как указывалось в выступлениях на съезде, являются мелкобуржуазные представления о социализме, а также влияние взглядов большого слоя люмпенов в китайской деревне. «Большинство делегатов этого съезда, — говорилось в одном из выступлений, — знают теперь, что это, конечно, не социализм, но для многих китайских товарищей, которые работают в крестьянском движении в Китае, это еще не ясно. Я думаю, что такие товарищи, как Мао Цзэ-дун, он, может быть, и теперь думает, что у нас имеется социализм, потому что выдвинули уже лозунг»¹² (конфискации земли и уравнительного распределения земли и имущества помещиков. — *Авт.*).

Съезд КПК принял коминтерновскую оценку характера революции в Китае как революции буржуазно-демократической¹³, тремя главными задачами которой являются: борьба за национальную независимость и объединение страны; ликвидация помещичьего землевладения и всех феодальных пережитков; свержение власти реакционного гоминьдана, власти буржуазно-помещичьего блока и революционная замена ее революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов¹⁴.

Эта оценка в течение всего последующего периода революционного движения в Китае служила опорой для борьбы марксистских сил в КПК против левацких уклонов и тенденций в оценке характера революции, против троцкистских и подобных им «теорий» китайской революции, означавших на практике отрицание ее антифеодальных задач.

Однако определение съездом движущих сил революции, а именно оценка национальной буржуазии как силы контрреволюционной, исчерпавшей свои революционные возможности в антиимпериалистической борьбе, неспособной даже частично разрешить отдельные задачи буржуазно-демократической революции¹⁵, несла на себе сильный налет сектантства. Отражая ситуацию, сложившуюся после поражения революции 1925—1927 гг. в Китае (главным образом отношение различных группировок буржуазии к компартии и к руководимым коммунистами революционным выступлениям рабочих и крестьян), эта оценка, распространявшаяся на весь период буржуазно-демократической революции, явилась в начале 30-х гг. одним из источников сектантско-догматического

¹¹ «Стенографический отчет VI съезда КПК», кн. 2, стр. 88—89.

¹² «Стенографический отчет VI съезда КПК», кн. 4, стр. 50. Оценку наступившего этапа революции в Китае как социалистического Мао Цзэ-дун дал в письме к ЦК КПК из Хунани от 20 августа 1927 г. («Переписка ЦК КПК», 30.VIII.1927, № 3 (на кит. яз.). Делегат из Хунани говорил на съезде: «В провинции Хунань существует уклон, особая теория тов. Мао Цзэ-дуна. У него целая система идей... Он говорил, что мы теперь вступаем в непосредственную рабоче-крестьянскую революцию, т. е. в социалистическую... Я должен сказать, что мнение товарища Мао о том, что революция уже стала социалистической, получило широкое распространение...». («Стенографический отчет VI съезда КПК», кн. 2, стр. 80—81.)

¹³ В решениях съезда указывалось: «ошибочно считать, что настоящий этап революции уже превратился в социалистический, так же, как и считать китайскую революцию перманентной» («Политическая резолюция VI съезда КПК», — Программные документы компартии Востока, М., 1934, стр. 15—16.)

¹⁴ «Политическая резолюция VI съезда КПК», стр. 16.

¹⁵ Там же, стр. 16, 18—19, 23, 31.

подхода КПК к проблеме поиска союзников, препятствовала творческому обобщению опыта революционной борьбы¹⁶.

Важное значение для определения новой ориентации партии имели данная съездом правильная оценка момента, а также четкое определение и решительное осуждение путчизма. VI съезд подтвердил определение текущего момента, данное в резолюции IX пленума ИККИ: «Настоящее положение в основном характеризуется отсутствием революционного подъема в сколько-нибудь широких массах китайского народа»¹⁷.

Форум коммунистов Китая указал, что неразрешенность противоречий, породивших китайскую революцию, делает в перспективе неизбежным ее новый подъем, что последний вновь поставит перед партией задачу подготовки вооруженного восстания как единственного пути завершения буржуазно-демократической революции. Но в настоящее время, подчеркивалось в решениях съезда, лозунг вооруженного восстания во всекитайском масштабе может быть только пропагандистским¹⁸. Съезд указал, что в настоящее время, когда «первая волна революции закончилась тяжелым поражением, а вторая еще не пришла», когда силы контрреволюции еще превышают силы рабочего класса и крестьянства, генеральной линией партии является борьба за массы¹⁹.

Намечая перспективы развития революционных сил, VI съезд КПК опирался на сформулированный в решениях IX пленума ИККИ вывод о неравномерности развития революции в Китае. Учитывая эту принципиальную особенность революционного процесса в стране, съезд сделал вывод о том, что в дальнейшем, в обстановке нового революционного подъема, «возможна победа (революции. — Авт.) в одной или некоторых главных провинциях»²⁰. В этом коренном положении, учитывавшем прошлый опыт борьбы (в частности, опыт гуандунской революционной базы), была определена специфическая черта развития революции в условиях Китая. Плодотворность выдвинутой VI съездом идеи о завоевании относительно стабильной территории в качестве базы дальнейшего развития революции (или как формулировалась эта идея позднее, территориального базиса революции) была подтверждена всем последующим ходом китайского революционного движения.

Большой заслугой партийного форума явился творческий подход к определению тактической линии и непосредственных задач партии на ближайший период в городе и деревне.

В городе намечалось проведение «классической» тактики отступления и собирания сил: восстановление организаций партии, в особенности на крупных предприятиях²¹, восстановление и укрепление революционных профсоюзов и борьба в них за большинство представителей рабочего класса, борьба в «желтых» союзах за повседневные требования рабочих и разоблачение антинародной политики гоминьдана; привлечение на свою сторону мелкой буржуазии на основе лозунгов борьбы против империализма и милитаризма²².

В деревне, основываясь на данных о продолжающихся выступлениях крестьянства и сохранении в ряде районов Китая партизанских отрядов, руководимых коммунистами, VI съезд принял курс на расширение советских очагов, захват и закрепление районов, могущих стать базой развития более мощного движения²³, курс на развитие крестьянского движения и партизанской борьбы под лозунгами аграрной революции с перспективой создания на базе партизанских отрядов Красной

¹⁶ «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», М., ИМЛ при ЦК КПСС, стр. 302.

¹⁷ «Политическая резолюция VI съезда КПК», стр. 21.

¹⁸ Там же, стр. 31.

¹⁹ Там же, стр. 25.

²⁰ Там же, стр. 24.

²¹ Там же, стр. 25—26, 28.

²² Там же, стр. 28—29.

²³ «Политическая резолюция VI съезда КПК», стр. 30.

армии. В «Политической резолюции» подчеркивалось, что создание Красной армии в сельских районах возможно «и в настоящее время в силу своеобразия политической обстановки...». Эта задача должна, говорилось в резолюции, «стоять в центре внимания партийной работы в деревне, охваченной партизанским движением. Успех в этом деле может оказаться одним из решающих факторов в нарастании нового революционного подъема»²⁴.

Вопрос о роли партизанской борьбы как средства «раскачки» крестьянства, как пути к созданию собственных вооруженных сил, а также лозунг создания первоначально небольших партизанских баз и советских очагов — в масштабе одного-двух уездов — были выдвинуты руководством КПК в период организации вооруженных выступлений в ряде сельских районов осенью — зимой 1927 года. В середине октября, после поражения армии наньчанских повстанцев, Временное политбюро ЦК КПК рекомендовало местным организациям партии приступить к организации партизанских действий в деревне, объединять усилия контролируемых коммунистами частей регулярных войск с силами крестьянства²⁵.

Эта установка была закреплена в решениях ноябрьского (1927 г.) пленума ЦК КПК, в которых рекомендовалось придавать крестьянским выступлениям характер партизанской войны, с тем чтобы в ее ходе осуществить «мобилизацию еще больших революционных масс к участию в революции ... к захвату земли и власти (советов)...»²⁶. Органы власти советов предлагалось создавать при захвате территории одного или нескольких уездов²⁷. Эти решения определили политику руководителей восстаний в Хайлуфэне, в северном Гуандуне, в южной и восточной Хунани (Лилян, Люян), проходивших с осени 1927 по весну 1928 г., в ходе которых были созданы первые очаги советской власти.

В декабре 1927 г. Цюй Цю-бо в статье «Проблемы вооруженного восстания» вопрос о возможностях и перспективах партизанских действий в деревне связал с политической раздробленностью страны, с отсутствием в Китае мощной централизованной власти и слабостью феодальных сил на местах. Революция в Китае в этой ситуации, писал Цюй Цю-бо, не может начаться с захвата «столицы», победить одним ударом. Одной из форм созревания и наступления сил революции является партизанская война крестьянства в различных провинциях. Он расценивал эту форму борьбы как «первоначальный этап вооруженного восстания»²⁸. «Партизанская война, — писал Цюй Цю-бо, — должна вести к созданию революционных баз»²⁹.

Из опыта успехов и неудач советских баз в борьбе с силами местных милитаристов, когда в междоусобной борьбе милитаристы стремились закрепить за собой прежде всего крупные городские центры, ЦК КПК во главе с Цюй Цю-бо сделал вывод, что партизанские и советские базы необходимо создавать в отдаленных районах, там, где нет значительных контингентов регулярных войск реакции. При благоприятных условиях на этом этапе рекомендовалось создавать «автономные» базы, действующие независимо друг от друга³⁰.

Однако вплоть до VI съезда руководство КПК исходило из того, что партизанские выступления и крестьянские восстания в деревне в ближайшей перспективе сольются с восстаниями в ряде крупнейших городских центров. Оно считало, что одним из решающих условий возникновения и существования небольших советских очагов в деревне является обстановка общего революционного подъема, революционная ситуация. Такой подход во многом затушевывал реальные условия, необходимые для создания советских районов и первых частей вооруженных сил компартии, а в последующем — в случае верной, реалистической оценки обстановки — мог бы привести к пессимистическим, ликвидаторским настроениям в отношении возможностей борьбы в деревне и ее перспектив.

²⁴ «Политическая резолюция VI съезда КПК», — Программные документы, стр. 30.

²⁵ «Сообщение ЦК КПК по поводу поражения армии Хэ Луна и Е Тина», — «Переписка ЦК КПК», 30.X.1927, № 7 (на кит. яз.).

²⁶ «Политическая резолюция ноябрьского (1927 г.) пленума ЦК КПК», — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 1 (10), стр. 8.

²⁷ Там же, стр. 10.

²⁸ Цюй Цю-бо. Вопросы вооруженного восстания. — «Буэрсайвэйкэ», 1928, № 10, стр. 294 (на кит. яз.).

²⁹ Там же, стр. 297.

³⁰ «The Letter from the Central to the Provincial Committees of Hunan, Hupei and Kiangsi» (10.III.1928), in: «The documents of the Chinese communist party, 1927—1930», Hong-Kong, 1970, p. 371.

Уместно отметить, что именно такое мнение об условиях существования советских баз выражалось в решении партийной конференции Пограничного района Хуань-Цзян-си от 5 октября 1928 г.³¹, автором которого был Мао Цзэ-дун.

Большая заслуга VI съезда КПК состояла в том, что, проанализировав особенности положения в китайской деревне по стране в целом и в отдельных ее районах, он ответил в своих решениях на вопрос о возможности создания советских баз, развития партизанской борьбы и создания вооруженных сил КПК в сельской местности в обстановке, характеризовавшейся отсутствием революционного подъема.

Значительную помощь в творческом решении этой проблемы съезду оказал Коминтерн. Специфика обстановки в китайской деревне активно обсуждалась в ИККИ в конце 1927 — начале 1928 г. В одном из внутренних документов ИККИ, относящихся к этому времени, в числе факторов, обуславливающих возможность продолжения борьбы крестьянства, несмотря на общий спад революционной волны, спад рабочего движения, отмечались слабость централизации, слабость связей между отдельными провинциями и даже внутри отдельных провинций, слабость местного административного аппарата и его известный отрыв от аппарата власти на уровне провинций и центрального аппарата, резкие различия в социально-экономическом положении отдельных районов, отсутствие общенационального рынка, слабость связей между городом и деревней, а также факторы, имеющие большое значение в военно-техническом отношении: огромные размеры территории Китая и отсутствие средств сообщения, которые может использовать реакция для быстрой переброски войск в районы восстаний в деревне; постоянные милитаристские междуусобицы.

Эти факторы ИККИ рекомендовал учесть руководителям КПК как то «своеобразие политической обстановки», которое позволяло «и в настоящее время» создавать в деревне советские очаги и силы Красной армии³².

Вопросам борьбы в деревне, помимо общей «Политической резолюции», были посвящены три специальных документа — «Резолюция по аграрному вопросу», «Резолюция по крестьянскому движению», а также «Резолюция об организации советской власти», в которой рассматривались вопросы организации революционных органов власти — советов — и вооруженных сил революции.

В «Резолюции по аграрному вопросу» в целом было дано правильное определение социально-экономических отношений в деревне как «пронизанных насквозь пережитками феодальных отношений», «полуфеодальных»³³ (хотя и с известным преувеличением степени развития капитализма).

В этом документе съезда отмечались особенности землевладения и землепользования в различных районах страны, а также ряд важнейших особенностей китайской деревни в целом: отсутствие крупных помещичьих хозяйств, малоземелье, преобладание в структуре населения деревни слоев малоземельных и безземельных крестьян.

³¹ «Избранные произведения Мао Цзэ-дуна», изд. Бюро ЦК Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнань, 1948, т. 1, стр. 61 (на кит. яз.). Обстановка в стране оценивалась в решении как «продолжение развития революционной ситуации», как приближение момента «захвата власти в стране в целом» (там же). Ср. с новым вариантом текста: Мао Цзэ-дун. Почему в Китае может существовать Красная власть? Избранные произведения, М., 1951, т. 1, стр. 104.

³² «Политическая резолюция VI съезда КПК», стр. 30.

³³ «Резолюция по аграрному вопросу», стр. 39. Съезд отверг определение аграрного строя Китая как «переходного от азиатского способа производства к капитализму», содержащееся в составленном осенью 1927 г. «Проекте аграрной программы» (там же).

Исходя из этих особенностей, в резолюции делались важные выводы, что в отличие от Европы периода буржуазных революций «борьба за землю китайского крестьянства не есть борьба мелкобуржуазных собственников против крупнофеодалов... а борьба многомиллионной массы совершенно экспропрированного (обезземеленного), а также еще не до конца экспропрированного крестьянства против монополистов-землевладельцев...», что эта борьба является «в известной степени борьбой за физическое существование»³⁴.

Детальная характеристика в резолюции форм эксплуатации, их сложного переплетения, позволила выявить особенности положения различных слоев крестьянства Китая, способствовала выработке съездом критериев социальной стратификации.

В резолюции давалось определение основных классов и социальных слоев китайской деревни и их особенностей: помещиков и шэньши (с указанием на преобладание средних и мелких помещиков), кулаков (указывалось на наличие двух типов кулаков и преобладание «полукулака-полупомещика»), слоя «самостоятельных крестьян» — середняков, массы малоземельных («мелких», «парцельных», «полупролетариев» — по терминологии резолюции) и полностью безземельных, отнесенных к сельскохозяйственному пролетариату³⁵.

Определение массы безземельных крестьян (фактически сельских пауперов) как сельского пролетариата оказалось по своему значению двойственным. С одной стороны, оно привлекло особое внимание партии к организации этого огромного по численности слоя, обладавшего значительными потенциями в антифеодалной борьбе. Выходцы из этого слоя составляли преобладающую массу бойцов Красной армии, Красной и Молодой гвардии. С другой стороны, определение массы сельских пауперов как сельских пролетариев (так же, как и принятое с начала 30-х гг. в КПК их определение как «деревенской бедноты») вело к затушевыванию особенностей положения, психологии и требований этого слоя, к смазыванию того факта, что его эгалитаризм, как отмечал К. Маркс, был выражением не пролетарского понимания равенства, а отражением зависти к имущим «несостоявшимся» мелким собственникам, в данном случае мелких производителей докапиталистического типа. Это обстоятельство, на наш взгляд, не всегда учитывается и до сих пор в наших работах об идейных и социальных истоках маоизма.

В принятых съездом основных положениях аграрной программы партии выдвигалось требование конфискации всей помещичьей земли и передачи ее в собственность малоземельным и безземельным крестьянам. Съезд подчеркнул, что лозунг национализации земли, за который выступали многие левацки настроенные работники КПК³⁶, не отвечает сегодня требованиям крестьянства, что партия вернется к этому лозунгу после победы революции³⁷.

В решениях съезда была четко определена ориентация партии в деревне: главная опора партии — беднейшие слои крестьянства, важное условие успеха ее работы — установление союза с середняком.

В «Резолюции о крестьянском движении»³⁸ рассматривались характер, типы и основные формы борьбы крестьянства и детально — тактика и лозунги партии в организации крестьянских выступлений. Тактику предлагалось определять с учетом различий в уровне и формах борьбы в разных районах, с учетом необходимости перехода от частных требований к главным требованиям аграрной революции.

Важным моментом резолюции была ориентация партии на использование всех наличных форм борьбы крестьянства и его вооруженных организаций, на слияние их под ее руководством в общий поток борьбы против сил феодализма и реакции. Разработанная на основе анализа

³⁴ «Резолюция по аграрному вопросу», стр. 39—40.

³⁵ «Резолюция по аграрному вопросу», стр. 44—45.

³⁶ Так, например, Мао Цзэ-дун выступал за этот лозунг в августе 1927 г. и пытался осуществить его летом — осенью 1928 г. в Цзинганьшане, а весной 1929 г. в уезде Синго.

³⁷ «Резолюция по аграрному вопросу», стр. 51.

³⁸ Полный текст резолюции публикуется в настоящем номере журнала, стр. 154—162.

опыта вооруженной борьбы крестьянства в предшествующий период, эта резолюция рассмотрела и наметила практически все основные проблемы, с которыми в дальнейшем китайским коммунистам пришлось сталкиваться в деревне.

Столь же далеко идущее значение имели и решения съезда о строительстве Красной армии, о ее стратегии и тактике, к выработке которых были привлечены видные советские военные специалисты. В решениях о Красной армии были определены основные пути ее создания (партизанские действия, традиционные крестьянские организации, восстания в частях милитаристов); принципы организации и различные типы вооруженных сил. Намечалось создавать части Красной армии и связанные с ними полурегулярные местные отряды Красной и Молодой гвардии — школу и резерв основных боевых сил. Основой стратегии и тактики Красной армии, подчеркивалось на съезде, должна стать стратегия и тактика партизанской войны. Особое внимание было уделено принципам организации политической работы, подбору кадров командиров и политработников. Перед партией ставилась задача обеспечить безусловное руководство создаваемыми вооруженными силами революции³⁹.

В целом решения съезда, посвященные задачам работы в деревне⁴⁰, означали курс на развертывание крестьянской войны под руководством партии, то есть проложили путь процессу, составившему основное содержание народной революции в Китае.

Практика революционной борьбы в период VI съезда КПК еще не давала материала для выводов о том, каков будет путь китайской революции, где будет находиться центр революционной работы: станет ли таким центром город (как в период революции 1925—1927 гг.) или деревня. Возможности для ответа на этот вопрос появились в начале 30-х гг.; факты показали, что, несмотря на слабость революционного движения и слабость позиции компартии в городах, в ряде сельских районов укрепляются революционные базы, растут и крепнут вооруженные силы КПК.

В 1930 и 1931 гг. Коминтерн смело сделал новые выводы из анализа этой ситуации. Эти новые выводы были сформулированы в «Резолюции Президиума ИККИ о задачах КПК Китая» (август 1931 г.). В качестве главной задачи партии в этом документе выдвигалась задача строительства и укрепления Красной армии и советских территориальных баз. В специфических условиях Китая, говорилось в резолюции, «рабоче-крестьянская Красная армия, руководимая коммунистами, естественно становится центром собирания, сплочения и организации революционных сил, важнейшим рычагом подъема всего революционного движения...»⁴¹. Содержание революционного процесса в китайской деревне определялось как «крестьянская война под пролетарским ру-

³⁹ Важнейшие положения VI съезда о военном строительстве см. в: «Политическая резолюция», разделы — 16. Основные задачи партии в крестьянском движении» и «20. В области военной работы и солдатского движения» («Программные документы», стр. 29—30 и стр. 32); «Резолюция по вопросу об организации советской власти», раздел «IV. Организация Красной армии» (там же, стр. 55—57; 58—59); «Резолюция по крестьянскому вопросу».

⁴⁰ Анализ этих документов, их сравнение с документами, которые в маоистской и промаоистской историографии выдаются за «доказательства» того, что Мао Цзэ-дун якобы «единолично» разработал «единственно правильную линию» в аграрно-крестьянском и военном вопросах, показывает, что подавляющее большинство соответствующих положений в его работах является либо прямым «заимствованием», либо уточнением и развитием положений, сформулированных на VI съезде КПК.

⁴¹ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая, М., 1934, стр. 296.

ководством... осуществляемым через компартию, Красную армию и советы...»⁴². Этот новый поворот в тактике был четко сформулирован на основе рекомендаций Коминтерна и в решениях тогдашнего руководства партии. В резолюции ЦК КПК от 4 апреля 1932 г. говорилось: «Особенность китайской революции выражается как раз в том, что китайский пролетариат ведет крестьянские массы и распространяет советскую власть из деревни на города, из маленьких городов — на большие»⁴³.

* * *

О значении VI съезда КПК убедительно говорит и тот факт, что с конца 20-х гг. и до сего времени его решения являются объектом острой политической и идеологической борьбы, находящей отражение в историографии различных направлений.

В конце 20-х — начале 30-х гг. с нападками на линию VI съезда, в особенности на определенный им курс действий в деревне, выступили троцкисты — Троцкий и его китайские сторонники, объявившие этот курс «гибельным» для КПК и китайской революции, «навязанным извне». «Классическим» выражением этой точки зрения, господствовавшей тогда в буржуазной историографии, была книга Г. Айзекса, вышедшая в 1938 г. с предисловием Троцкого⁴⁴.

Со второй половины 30-х гг. начала складываться маоистская версия роли VI съезда, ставившая целью принизить и исказить значение его решений в угоду культу Мао Цзэ-дуна. Первый шаг в этом направлении сделал сам Мао Цзэ-дун в 1936 г., когда в своем автобиографическом рассказе Э. Сноу попытался представить дело таким образом, будто VI съезд задним числом одобрил и принял курс, который он, Мао Цзэ-дун, якобы уже осуществлял с осени 1927 г.⁴⁵ По мере усиления его притязаний на роль «единоличного» создателя «правильной» линии китайской революции, маоистская фальсификация решений VI съезда вылилась в оценку, зафиксированную в маоцзэдуновском «Решении по некоторым вопросам истории КПК». В этом документе VI съезд оценивался главным образом с антиисторической позиции — с позиции «чего он не дал». В его работе выпячивались слабые стороны, а важнейшие решения (в особенности по аграрно-крестьянскому вопросу, о строительстве, стратегии и тактике Красной армии и революционных баз) замалчивались, выдавались за положения, якобы разработанные Мао Цзэ-дуном.

Своего рода «синтезом» троцкистской и маоистской версий явилась «классическая» для буржуазной синологии 50-х — первой половины 60-х гг. концепция, изложенная Б. Шварцем в книге «Китайский коммунизм и возвышение Мао»⁴⁶, претендовавшая на «объяснение» китайской революции, истоков ее стратегии и тактики. От троцкистской версии Б. Шварц заимствовал трактовку взаимоотношений между КПК и Коминтерном; от маоистской — тезис о том, что линия, приведшая китайскую революцию к победе, была разработана Мао Цзэ-дуном вне всякой связи с деятельностью Коминтерна и даже вопреки ей. С таких позиций толкуются в книге Б. Шварца и решения VI съезда КПК⁴⁷. В последние годы ряд буржуазных сиологов, в особенности те из них, кто вышел за «традиционный» для западной синологии 50-х гг. круг источников⁴⁸ и «свидетельств» троцкистских ренегатов, вынуждены признать несостоятельность основных выводов по этим вопросам как маоистской историографии, так и отмеченных выше работ буржуазных сиологов. Уже в начале 60-х гг. буржуазный историк Сяо Цзо-лян сделал вывод, что все существенные компоненты политики, которую Мао Цзэ-дун в «Решении по некоторым вопросам КПК» в 1945 г. попытался представить как «соб-

⁴² Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая, М., 1934, стр. 296.

⁴³ Сб. документов и материалов, «Материалы по третьей «левой» линии», Пекин, 1957, т. 1, стр. 85 (на кит. яз.). Приведенные выше документы Коминтерна и КПК показывают несостоятельность утверждений маоистской историографии о том, что курс на развитие китайской революции в сельских районах, установка на окружение революционной деревней городов и т. д. был разработан Мао Цзэ-дуном в борьбе против якобы ошибочных установок тогдашнего руководства КПК.

⁴⁴ H. I s a a c s. The Tragedy of the Chinese revolution, London, 1938.

⁴⁵ E. S n o w. Red Star over China. N. Y., 1961, p. 169, 171.

⁴⁶ B. S c h w a r t z. Chinese communism and the rise of Mao, Cambridge, 1951, 1958.

⁴⁷ Там же, стр. 115—126.

⁴⁸ B r a n d t C., B. S c h w a r t z and J. K. F a i r b a n k. A documentary history of Chinese communism. Harvard Univ. Press, 1952.

ственную линию», на деле были разработаны в соответствующих документах Коминтерна и КПК начиная с 1926 г., в особенности в решениях 1928—1930 гг.⁴⁹ К такому же выводу пришел Р. Торнтон в работе «Коминтерн и китайские коммунисты, 1928—1931 гг.»⁵⁰, по-новому для буржуазной историографии положительно оценивший и решения VI съезда.

Такого рода выводы и оценки дали почву для появления в буржуазной историографии в последнее время попыток отождествить стратегию и тактику китайской революции, разработанную Коминтерном и КПК в 30-х гг., с «линией Мао Цзэ-дуна». Так, американский синолог Ф. Майкл в работе «Идеология и культ Мао», отмечая влияние на западную синологию искаженной, троцкистской трактовки политики Коминтерна, признавая, что бытующие на Западе оценки роли Мао «не учитывают документы Коминтерна, относящиеся к Китаю, и роль Ленина в создании стратегии, использованной Мао», рассматривает Мао Цзэ-дуна как «переводчика» стратегии Коминтерна на язык китайской революции⁵¹.

Верно, что в решениях Коминтерна и КПК конца 20-х — начала 30-х гг., а затем в решениях VII конгресса Коминтерна, ориентировавших партию на борьбу за дальнейшее повышение своей роли в стране в рамках единого антияпонского национального фронта, были определены важнейшие моменты стратегии и тактики КПК. важнейшие внутренние и международные факторы, приведшие китайскую революцию к победе. Верно и то, что многие положения, разработанные Коминтерном и КПК, были присвоены Мао Цзэ-дуном и выдаются в маоистской историографии за его единственное «творчество». Но фальсификация истории КПК Мао Цзэ-дуном отнюдь не сводилась лишь к присвоению себе задним числом заслуг Коминтерна, партии, других ее руководителей.

Сложившаяся к середине 40-х гг. «линия Мао Цзэ-дуна», его версия истории КПК означали в то же время извращение многих существенных сторон революционного процесса в самом Китае, были националистическим искажением реального соотношения внутренних и международных факторов, определявших развитие этого процесса. Эта сторона маоистской фальсификации ясно выявляется и в трактовке Мао Цзэ-дуном значения решений VI съезда.

Стремление принизить значение съезда и его решений было связано с отказом Мао Цзэ-дуна и его сторонников от выполнения ряда этих решений. Они отказались принять программу партии, ревизовали утвержденное в уставе, принятом на VI съезде, положение о том, что идеологической основой работы партии является марксизм-ленинизм, отказались от принятого съездом в качестве основы национальной программы КПК принципа самоопределения наций⁵². Указания в маоистских документах на такие «недостатки» VI съезда, как якобы проявившаяся в его решениях «недооценка» значения революционных баз и «преждевременность» резолюций на усиление работы в городах⁵³, были призваны «оправдать» особую, маоцзэдуновскую трактовку существа революционного процесса в Китае. Вопреки коминтерновскому определению советского движения как крестьянской войны под пролетарским руководством в «Решении по некоторым вопросам истории КПК» советское движение характеризовалось просто как «крестьянское движение»⁵⁴. Такое определение, искажавшее существо революционного

⁴⁹ Hsiao Tso-liang. Power relations within the Chinese communist movement. Seattle—London, 1961, p. 5.

⁵⁰ R. Thornton. The Comintern and the Chinese communists, 1928—1931, Univ. of Washington press. Seattle and London, 1969, p. 38—59.

Р. Торнтон — первый и пока единственный западный историк, ознакомившийся во время поездки в СССР со «Стенографическим отчетом VI съезда КПК».

⁵¹ F. Michael. Ideology and the cult of Mao. In: "Communist China 1949—1969. A twenty-year appraisal." Ed. by F. N. Trager and W. Henderson. N. Y., 1970, p. 33.

⁵² «Резолюция по национальному вопросу», — «Стенографический отчет VI съезда КПК», кн. 6.

⁵³ «Решение по некоторым вопросам истории КПК», Яньань, 1945, стр. 16, 18 (на кит. яз.).

⁵⁴ Там же, стр. 17.

процесса, было в то же время попыткой представить результаты его развития — революционные базы и строительство Красной армии — как нечто самодовлеющее, возникшее и развивавшееся вне связи с руководством партийного центра, находившегося в конце 20-х — начале 30-х гг. в «городе», вне связи с помощью и поддержкой международного коммунистического движения, Коминтерна. Маоистская «особая линия», таким образом, выступила как проявление глубочайшей недооценки руководящей роли рабочего класса в революционном процессе внутри страны, как националистическое отрицание роли в этом процессе интернациональных связей, значения помощи КПК со стороны партий Коминтерна.

Реальный ход истории, победа китайской революции показали несостоятельность этих националистических построений⁵⁵. Ход событий пародной революции в Китае подтвердил вопреки фальсификаторским попыткам маоистов значение основных решений VI съезда КПК. Этот съезд и его резолюции остаются в истории КПК свидетельством великой силы интернационального единства всех отрядов международного коммунистического движения, демонстрацией плодотворности их единства и сотрудничества в борьбе за общие цели, в определении стратегии и тактики всего движения в целом и каждого национального отряда в отдельности.

---

⁵⁵ Принятая после создания КНР новая редакция этого раздела «Решения» (в новом варианте говорилось: «...движение Красной армии было крестьянским движением, руководимым пролетариатом» — Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, М., 1953, т. 4, стр. 355) была не просто попыткой камуфляжа маоизма под марксизм. Она была, по сути, признанием несостоятельности прежней маоистской трактовки содержания революционного процесса в Китае.

Поражение Мао Цзэ-дуна на совещании в Нинду

А. С. Титов

Расширенное совещание Бюро ЦК КПК Центрального советского района в Нинду (провинция Цзянси), состоявшееся в августе 1932 г., явилось важным эпизодом внутрипартийной борьбы в истории Коммунистической партии Китая. Подавляющее большинство участников этого совещания решительно осудило оппортунистические взгляды Мао Цзэ-дуна по ряду политических и военных вопросов советского движения и отстранило его от руководства в Центральном советском районе. В маоистской историографии это совещание (названное «Совещание Центрального Комитета КПК в Нинду». — А. Т.) и его решения полностью фальсифицированы. Сфабрикованная Мао Цзэ-дуном и его последователями версия состояла в том, что именно он, Мао Цзэ-дун, проводил в то время «правильную линию» и стал жертвой якобы порочной линии ЦК КПК. Отсюда понятно, что правдивое освещение этого исторического события в жизни компартии страны помогает сегодня глубже понять существо оппортунистических взглядов Мао Цзэ-дуна и потому имеет большое актуальное политическое значение.

Что же в действительности произошло на совещании в Нинду? Какие обсуждались на нем вопросы? Какую позицию по ним занимали Мао Цзэ-дун и другие?

Документальные и другие данные свидетельствуют о том, что в Нинду обсуждался один вопрос — как отразить четвертый поход гоминьдановских войск против советских районов и Красной армии Китая.

Конкретный план этого похода был принят, по свидетельству Чан Кай-ши, 18 июня 1932 г. в Гуйлине на так называемой конференции «по подавлению коммунистов» пяти провинций (Хэнань, Хубэй, Аньхуэй, Хунань и Цзянси). В походе участвовало около 90 дивизий гоминьдановских войск общей численностью 500 тыс. солдат. Особенностью этого наступления, продолжавшегося с июня 1932 по май 1933 г.¹, было то, что главный удар наносился гоминьдановцами прежде всего по советским районам на стыке провинций Хубэй — Хэнань — Аньхуэй (где действовала Красная армия 4-го фронта под командованием Сюй Сян-цяня и Чжан Го-тао) и Хунань — Западная Хубэй (район озера Хунху, где действовал 2-й армейский корпус Хэ Луна), которые прикрывали Центральный советский район в провинции Цзянси с севера.

К тому времени в Южном и Центральном Китае китайскими коммунистами было уже создано несколько более или менее стабильных со-

¹ Первоначально этот поход Чан Кай-ши подразделялся китайскими коммунистами на два похода: четвертый, который длился с июня 1932 г. и до конца этого года, и пятый — с января 1933-го по май того же года. Маоистская историография считает четвертым походом лишь военные действия весной 1933 г. (см.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 4, стр. 345).

ветских районов. Наиболее важными из них были: Центральный советский район в провинции Цзянси и Западной Фуцзяни, советские районы на стыке провинций Хубэй — Хэнань — Аньхуэй, Цзянси — Фуцзянь — Чжэцзян, Хунань — Западная Хубэй, Цзянси — Хунань — Хубэй и др.

Следует подчеркнуть, что к 1932 г. у КПК был уже накоплен определенный опыт строительства советских районов и Красной армии Китая. Совершенствовалась их организация и методы работы, укреплялись и расширялись связи с массами. Все это имело очень важное значение для революционной борьбы в стране.

В конце 1931 г. на сторону Красной армии перешел 26-й корпус гоминьдановских войск (около 10 тыс. бойцов), перестроенный в 5-й корпус Красной армии. Общая численность китайской Красной армии к концу 1931 г. достигла примерно 100 тыс. человек, росло ее боевое мастерство, совершенствовалась стратегия и тактика боевых действий.

Касаясь проблемы строительства вооруженных сил КПК, Президиум ИККИ в своем решении от 26 августа 1931 г. указывал: «Главнейшая задача момента — усилить и укрепить Красную армию, обеспечить единство действий всех частей Красной армии, боевую поддержку ее всей массой рабочих и крестьян, отбить новые атаки гоминьдана, разбить и разложить его вооруженные силы и начать наступление с целью расширения советских районов...»

«Отказ правых или принижение ими задач строительства Красной армии, укрепления партруководства в ней, поддержка местничества и локалистских тенденций в советских районах, отказ или недооценка борьбы за расширение советского движения, — говорилось далее в этом решении ИККИ, — все эти и подобные рода проявления правого оппортунизма играют лишь на руку эксплуататорским классам»².

Руководствуясь этими указаниями и располагая информацией о готовящемся новом наступлении гоминьдановских войск против советских районов, ЦК КПК 21 июня 1932 г. принял резолюцию «Четвертый карательный поход империалистов и гоминьдана и наши задачи», в которой рекомендовал различным советским районам и соединениям Красной армии Китая придерживаться тактики активной обороны: сочетать удары с фронта с партизанскими действиями в тылу и на флангах наступающего противника. Учитывая, что главный удар враг наносил по советским районам, расположенным к северу от реки Янцзы, а в провинциях к югу от нее отсутствовали крупные соединения гоминьдановских войск, ЦК КПК рекомендовал вооруженным силам Центрального советского района начать наступательные действия и тем самым облегчить положение Красной армии 4-го фронта и 2-го корпуса Хэ Луна, отражавших главный удар противника.

Для обсуждения этого вопроса и было создано расширенное совещание Бюро ЦК КПК Центрального советского района в Нинду. В его работе принимали участие члены военных советов, работники политотделов, командиры и политкомиссары 1, 3 и 5-го корпусов, представители Цзянсийского военного округа и др. Однако при обсуждении решения ЦК КПК на совещании столкнулись два принципиально различных мнения, затрагивавших проблемы революционного движения в Китае, строительства и укрепления советских районов и китайской Красной армии.

Большинство руководителей Центрального советского района, исходя из учета реальной обстановки, установок ЦК КПК и генеральной линии партии, разработанной совместно с Коминтерном, считали необ-

² Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, стр. 299.

ходимым бороться за сохранение, расширение советских районов и укрепление регулярных частей вооруженных сил КПК — китайской Красной армии. В целях укрепления последней они стремились к подготовке костяка командных кадров, знакомых как с партизанской тактикой, так и с тактикой борьбы регулярных армий, к превращению наиболее боеспособных корпусов в воинские формирования, приближающиеся по военной выучке и дисциплине к современному уровню и способных вести военные действия как регулярного, так партизанского и полупартизанского характера.

Иной позиции придерживался Мао Цзэ-дун. В силу неправильной оценки политической обстановки в стране и непонимания перспектив революционного движения в Китае, он, в сущности, не верил в возможность сохранения, укрепления и расширения советских районов — территориальных революционных опорных баз. Мао Цзэ-дун считал, что существование «небольших островков советской власти» возможно в стране только при условии постоянных междоусобных войн в лагере противника. В случае же их прекращения эта возможность, по его мнению, исчезала³.

Именно к такому выводу он пришел, когда в конце 1930 г. Чан Кай-ши прекратил войну с Фэн Юй-сяном и Янь Си-шанем и начал свой первый поход против «красных» районов и китайской Красной армии. Полагая, что в лагере господствующих классов Китая наступил мир и единство, что развитие борьбы масс подталкивает все гоминьдановские и милитаристские клики к объединению и совместным действиям против лагеря революции, Мао Цзэ-дун занял пассивную, выжидательную позицию, ориентируясь лишь на отступление и на выжидание более благоприятной обстановки, т. е. возобновление междоусобных войн в стане противника.

Успехи в отражении первых трех походов Чан Кай-ши против Центрального советского района в 1930—1931 гг. были достигнуты вопреки тактике Мао Цзэ-дуна, ориентировавшегося лишь на отступление. Кроме того, в начале 1931 г. началась междоусобная борьба между войсками Чан Кай-ши и войсками гуандун-гуансийской группировки, и вопрос об отступательной тактике Мао Цзэ-дуна сам по себе отпал.

Когда же Чан Кай-ши начал готовить свой четвертый поход, предварительно замирившись с гуандун-гуансийской милитаристской группировкой, Мао Цзэ-дун снова расценил это как наступление мира и единства в лагере противника. Более того, узнав о том, что Чан Кай-ши готовит полумиллионную армию для следующего похода, он в определенной степени поддался панике и впал в пессимизм. Поэтому на совещании в Нинду Мао Цзэ-дун выступил за отступательную тактику, против какого-либо наступления частей Красной армии в Центральном советском районе. Он даже высказывался за то, чтобы разукрупнить части Красной армии, превратить их в партизанские соединения и, просочившись через фронт наступающего противника, рассеяться на гоминьдановской территории, ограничиваясь там пока массовой работой среди населения.

Предлагаемая Мао Цзэ-дуном тактика могла принести лишь временное сохранение какой-то части живой силы. Но это достигалось ценой сдачи врагу более или менее консолидированных районов советской власти, с населением которых гоминьдановцы жестоко расправлялись. Оставление частями Красной армии этих районов без боя могло привести к тому, что народные массы потеряли бы веру в КПК и ее вооруженные силы. Это была совершенно бесперспективная тактика, которая фактиче-

³ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Харбин, 1948, стр. 511—512 (на кит. яз.).

ски исключала борьбу за расширение революционного движения в Китае, за мобилизацию и организацию широких народных масс вокруг партии и ее лозунгов, за создание и развитие революционных опорных баз и регулярной Красной армии. Она означала бы возвращение к начальному этапу советского движения и самоликвидацию главного завоевания КПК за годы борьбы под лозунгом Советов — крупных собственных вооруженных сил, благодаря которым партия становилась важным фактором в политической жизни страны.

По сути, это была тактика на выживание любой ценой, к которой часто прибегали китайские милитаристы, не располагавшие крупными военными силами. Она обрекала партизан на длительные скитания без определенной территориальной базы и была опасна превращением партизанских подразделений в полубандитские отряды.

Совещание в Нинду решительно отвергло курс, предложенный Мао Цзэ-дуном. Против него высказались Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуай, Сян Ин, Жэнь Би-ши, Лю Бо-чэн, Ван Цзя-сян и другие. Выступавшие, в частности, говорили, что, в то время когда Красная армия советских районов Хубэй — Хэнань — Аньхуэй и Хунань — Западная Хубэй втянута в смертельные бои с врагом, было бы преступлением отсиживаться, бездействовать и позволить противнику разгромить эти войска. Этого как раз и хочет добиться противник перед тем, как предпринять свое наступление против Центрального советского района. Поэтому тактика, за которую ратует Мао Цзэ-дун, является не просто правооппортунистической ошибкой, но и может привести к тяжелому преступлению.

Ораторы также отмечали, что Мао Цзэ-дун под видом применения партизанской тактики культивирует партизанщину. Они далее подвергли критике противопоставление Мао Цзэ-дуном и его приверженцами трудов китайских военных теоретиков и полководцев прошлого — Сунь-цзы, Цзэн Го-фаня и других, военных приемов Чжугэ Ляна, описанных в исторических романах «Троецарствие» и «Речные заводи», изучению современной стратегии и тактики. Так, по некоторым данным, Мао Цзэ-дун заставлял военные кадры среднего звена китайской Красной армии штудировать в качестве стратегического руководства исторические романы «Троецарствие» и «Речные заводи», а высшие кадры — трактат Сунь-цзы о военном искусстве и «Сборник работ» Цзэн Го-фаня.

Как указывал видный военный деятель КПК Лю Бо-чэн, который возглавлял в 1932—1933 гг. генеральный штаб и военную академию Красной армии, эти книги и трактаты можно и нужно читать, но одновременно необходимо изучать и использовать современную стратегию и тактику. Увлечение же исключительно прошлой тактикой и стратегией привело к тому, что «некоторые командиры оказались не в состоянии управлять своими подразделениями в специфических условиях только потому, что в древних книгах ничего не говорится о боевых действиях в этих условиях».

По словам Лю Бо-чэна, некоторые командиры, увлекшись тактикой прошлого не изучали сами, не учили бойцов стрелковому делу и искусству штыкового боя. Многие командиры, направленные на учебу в военную академию Красной армии, не знали, как правильно стрелять из винтовки и пользоваться штыком. Он считал, что одной из главных причин больших потерь, которые несли части Красной армии по сравнению с гоминьдановскими войсками, было неумение бойцов стрелять и пользоваться штыком⁴.

⁴ См. статью Лю Бо-чэна в журнале «Революция и война», № 1, VIII.1932.

В ходе дискуссии выступавшие указывали, что Мао Цзэ-дун придерживается узкого эмпиризма и прагматизма и что он не понимает марксизма.

Совещание в Нинду приняло решение о ведении активных наступательных действий, нанесении ударов по слабым местам противника, с тем чтобы расстроить его наступление. Главный удар должен быть нанесен по ослабленной оборонительной линии гоминьдановцев — между Лоаном и Ихуаном на севере провинции Цзянси.

Кроме того, было принято решение отстранить Мао Цзэ-дуна от руководящей военной, партийной и политической работы и провести открытую критику его ошибочных взглядов и установок в партийных организациях советских районов. Об этом было сообщено временному Политбюро ЦК КПК в Шанхае. Оно одобрило план наступательных операций, расширения и укрепления Красной армии, но, учитывая серьезность военной обстановки в связи с четвертым походом Чан Кай-ши, не согласилось с решением совещания относительно Мао Цзэ-дуна и в интересах единства рекомендовало партийному и военному руководству Центрального советского района попытаться убедить последнего в ошибочности его взглядов и установить с ним тесное сотрудничество.

Совещание в Нинду сыграло важную роль в революционном движении Китая. Курс на расширение Центрального советского района и особенно на увеличение и укрепление его армии дал возможность руководству КПК создать здесь прочный костяк вооруженных сил и военных кадров, накопить богатый опыт военной, политической и массовой работы.

Боевые действия против четвертого похода Чан Кай-ши осуществлялись по плану и под руководством Бюро ЦК КПК Центрального советского района. Активная наступательная тактика войск этого района, рекомендованная руководством КПК и ИККИ, меры по пресечению панических настроений позволили частям Красной армии летом 1932 г. выбить гуандунские войска, вторгшиеся в Центральный советский район, а осенью того же года предпринять поход на восток в провинцию Фуцзянь и весной 1933 г. успешно отбить в Цзянси четвертое наступление войск Чан Кай-ши. Красная армия Центрального советского района захватила богатые трофеи, ряд новых территорий в Цзянси и Западной Фуцзяни, приобрела ценный опыт и выиграла время для дальнейшего своего роста, перестройки и укрепления.

Хотя Чан Кай-ши и удалось во время четвертого похода частично занять и окружить некоторые советские районы в Центральном и Южном Китае и вынудить отдельные соединения Красной армии перебазироваться в другие места, но он не смог добиться главной цели — ликвидировать «красные» районы и Красную армию, навсегда покончить с советским движением в Китае⁵. В боях против регулярных, лучше вооруженных войск Чан Кай-ши и юго-западных милитаристов Красная армия показала себя грозным противником, серьезной и реальной силой.

Таким образом, активные наступательные действия армии Центрального советского района во время четвертого похода Чан Кай-ши, против чего решительно возражал Мао Цзэ-дун, полностью себя оправдали. Это был вынужден признать и он сам. В статье «Новое положение и новые задачи», опубликованной 29 июля 1933 г. в журнале «Красный Китай» № 97, Мао Цзэ-дун писал: «Благодаря правильной наступа-

⁵ См.: Ван Мин. Речь на XIII пленуме ИККИ — «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». М., 1934, стр. 328.

тельной линии партии и позитивному руководству Советов мы вдребезги разбили пятый (т. е. четвертый. — А. Т.) поход врага».

Старая китайская поговорка гласит: «Нетрудно найти слова, если хочешь свалить грехи на кого-либо другого».

Впоследствии, фальсифицируя историю КПК, чтобы обелить себя, Мао Цзэ-дун представил дело так, что четвертый поход Чан Кай-ши потерпел неудачу «благодаря большому влиянию правильных стратегических установок товарища Мао Цзэ-дуна в частях Красной армии» и что его высказывания за отступление были неправильно поняты «левыми» уклонистами из руководства партии, которые якобы «рассматривали необходимые перебазирования как «установку на отступление и бегство...»⁶.

Однако вышеприведенные факты разоблачают эту фальсификацию, а также опровергают утверждение маоистов о том, что якобы уже в конце 20-х — начале 30-х годов Мао Цзэ-дун разработал теорию строительства революционных опорных баз и китайской Красной армии.

Постановка и разработка вопросов создания и строительства собственных вооруженных сил КПК и территориальных опорных баз, имевших исключительно большое значение для судеб китайской революции, принадлежит, как известно, Коминтерну и тогдашнему руководству компартии Китая.

Таковы в общих чертах истинная история и значение расширенного совещания Бюро ЦК КПК Центрального советского района (или Центрального Бюро ЦК КПК) в городе Нинду.

---

⁶ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 4, стр. 374.

МИР ГЛАЗАМИ УЧЕНОГО

Япония наступает: новое в японо-американских экономических отношениях

(Письмо из США)

*И. А. Латышев,
доктор исторических наук*

В сложной системе внутренних взаимоотношений стран капиталистического мира все большее значение приобретают контакты между двумя крупными державами этого мира: США и Японией. Возрастание экономической мощи Японии и ее удельного веса в мировой экономике сопровождается значительным расширением деловых связей между монополистическими кругами обеих стран — связей, которые в конечном счете определяют пути развития японо-американских отношений не только в сфере экономики, но и в сфере внешней политики. Переплетаясь все теснее, интересы американских и японских монополий в то же время все больше и больше сталкиваются.

Укрепляя свои позиции на мировой арене в качестве экономического и политического партнера США, Япония в то же время превращается в основного конкурента американских монополий. И сегодня уже с полным основанием можно говорить не только об экономической экспансии США в Японии, которая имела и имеет место со времени оккупации Японии американскими вооруженными силами, но и о встречной экономической экспансии Японии в США. Японские монополии обнаруживают в последние годы достаточно сил не только для того, чтобы противостоять конкуренции американских монополий у себя в стране, но и для того, чтобы самим захватывать экономические плацдармы в Соединенных Штатах, успешно расширяя там свои позиции и влияние. В этом заключается одна из важнейших особенностей японо-американских деловых отношений на современном этапе.

Японское «вторжение» в США

Усиливая свою активность в глобальном масштабе, японские монополии поставили американских бизнесменов сегодня перед лицом новой и неожиданной для них ситуации, а именно ситуации, порожденной стремительным и широким продвижением японских товаров и капиталов на территории самих США. На протяжении последних лет японский капитал на территории США превратился в грозного конкурента многих американских фирм, что побуждает теперь американскую прессу с тревогой обращаться на это внимание местной общественности. Ярким примером тому может служить публикация в декабре 1972 г. в журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» статьи под выразительным заголовком: «Японцы приближаются? — Нет, они уже здесь!», авторы которой пишут о повсеместном «вторжении» японских бизнесменов в экономическую жизнь США¹.

Зоны «вторжения» японских бизнесменов включают сегодня как западную часть страны, обращенную к Тихому океану, так и восточную, обращенную к Атлантике. Прежде всего к этим зонам относятся те районы, где значительную часть населения составляют выходцы из Японии: Гавайские острова и Гуам, Калифорния, Нью-Йорк, Вашингтон и Иллинойс. Численность переселенцев японского происхождения в США увеличилась со 150 тысяч в 1950 г. до 591 тысячи в 1970 году². На первых порах переселенцы из Японии стали для японских бизнесменов той

¹ «U. S. News and World Report», 18.XII. 1972, p. 44.

² «Statistical Abstract of the United States, 1972». U. S. Department of Commerce. Social and Economic Statistic Administration, 1972, p. 29.

благоприятной средой, которая позволила им закрепиться, пустить корни и развить деятельность в новой для них обстановке. Однако в настоящее время главной средой коммерческих, банковских и предпринимательских операций японских монополий в США стал деловой мир Америки в целом.

В связи с этим быстро возрастает число японских граждан, командированных в США с деловыми целями. Если в 1960 г. в США насчитывался 29 731 японских граждан, то в 1970 г. число их возросло до 193 312 человек, а в 1971 г. — до 287 686³. В большинстве своем это лица, находящиеся на службе крупных компаний или связанные так или иначе с бизнесом. Они-то и образуют «армию вторжения» японского монополистического капитала в США.

Присутствие японских бизнесменов в стране сегодня ощущается зримо, начиная с Гавайев и Гуама и кончая Нью-Йорком. На Гавайях приезжий чувствует себя скорее как в Японии, чем на американской земле, потому что японцам на острове принадлежит большинство магазинов, гостиниц, торговых центров, увеселительных заведений и стадионов для игры в гольф. Да и сам контингент приезжих — это в значительной массе своей японцы — представители буржуазных верхов японского общества, облюбовавшие Гавайи в качестве своего самого модного курорта.

«Поскольку Гонолулу находится лишь в шести с половиной часах полета от Токио, — пишет журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», — Гавайские острова стали в глазах японцев Меккой для отдыха. Число японских туристов составило в 1971 году 145 000 человек и с каждым годом растет все выше и выше. Были случаи, когда за одну неделю на Гавайях побывало 25 тысяч японцев. И японские бизнесмены сделали все, чтобы пребывание их соотечественников на Гавайях выглядело счастливым»⁴.

В равной мере тот же процесс «японизации» местной жизни можно наблюдать и на американском острове Гуам, где за последние три-четыре года японцы построили большое число своих гостиниц, которые даже по названиям ничем не отличаются от токийских: «Токийский Гуам», «Фудзита», «Дайити», «Окура» и т. д.⁵

Прочно обосновались японские бизнесмены и на Тихоокеанском побережье США — в Калифорнии. В Сан-Франциско целый квартал занимает так называемый «Японский центр» — комплекс зданий и архитектурных сооружений, построенных японскими фирмами и государственными учреждениями на протяжении минувшего десятилетия. Костяком центра служат Генеральное консульство, Калифорнийский филиал Токийского банка, отделение «Ассоциации внешней торговли Японии» (Джетро), а также конторы крупных японских торговых и промышленных фирм: компании «Ниссан», страховой компании «Окамото», транспортной компании «Кинтэцу», электрической компании «Токё Дэнки» и т. д. Там же рядом с деловыми учреждениями расположены четырнадцатизэтажное здание отеля «Мияко» с фешенебельными номерами, оборудованными в японском национальном стиле, десятки магазинов, продающих всевозможную продукцию японских предприятий, ресторан «Суэтиро», демонстрирующий достоинства японской национальной кухни, кинотеатр, показывающий самурайские фильмы, филиал театра «Кабуки», баня с популярным в Японии горячим бассейном — «онсэн». Здесь же пятиэтажная каменная пагода, построенная в модернистском стиле с прилегающей к ней площадью — местом массовых церемоний и зрелищ. Японский язык преобладает там на вывесках магазинов, на афишах, на уличных указателях и в устной речи.

Сан-францисский «сеттельмент» — это самое большое, но далеко не единственное гнездо японских монополий в Калифорнии. Такие же гнезда разбросаны по всему западному побережью США.

Весьма заметно присутствие японских бизнесменов и на американском восточном побережье. В деловых кварталах Нью-Йорка бок о бок с крупнейшими банками и фирмами США находятся конторы японских монополистических компаний. Пришлось потесниться, в частности, банкирам Уолл-стрита: в настоящее время там открыли более десятка своих контор крупнейшие банки и компании ценных бумаг Японии: «Мицубиси синтаку», «Мицуи синтаку», «Сумитомо синтаку», «Номура сёкэн», Японский ипотечный банк «Ясуда синтаку» и т. д. В небоскребах проспекта Парк-авеню, где сосредоточены конторы крупнейших монополистических корпораций США, ведут деловые операции около 70 японских монополистических фирм, включая такие гиганты, как машиностроительная компания «Мицубиси Дзюкогё», как электротехническая корпорация «Дэнки Кагаку», как металлургические компании «Нихон Кокан» и «Кавасаки», как торговые фирмы «Марубэни» и «Итоман» и т. д. А что касается самой бойкой и фешенебельной торговой магистрали города — Пятой авеню, то нашествие

³ Там же, стр. 96.

⁴ "U. S. News and World Report", 18.XII. 1972, p. 47.

⁵ Там же, стр. 47.

японских дельцов на нее приняло еще большие масштабы: сегодня там открыли свои офисы более ста (точнее 112) японских фирм⁶.

И это не случайное стечение обстоятельств: в деловой активности на территории США японские монополистические круги видят в настоящий момент важнейший рычаг для дальнейшего укрепления своих международных позиций. В то же время их влекут на Американский континент надежды на быстрое увеличение своих прибылей. «Японские бизнесмены, — писал осенью 1972 года обозреватель «Нью-Йорк Таймс», — видят в экономике Соединенных Штатов гусыню, несущую золотые яйца... Для представителей японского бизнеса назначение на должность в США, где ему предстоит вести сбор золотых яиц, является важным шагом вверх по ступеням его деловой карьеры и влечет за собой как повышение его авторитета, так и финансовые вознаграждения. Учитывая важность Соединенных Штатов, такие японские торговые компании, как Мицуи и Мицубиси, такие промышленные компании, как Сони и Тоёта, а также банки, компании ценных бумаг и туристские агентства, назначают зачастую главами своих американских контор членов советов головных компаний»⁷.

Характерным явлением последних лет стало быстрое увеличение числа японских компаний, ведущих деловые операции в США. В 1972 г. здесь вели предпринимательскую деятельность более 820 японских фирм, включая торговые, промышленные, страховые, транспортные и газетные компании⁸. Общая численность их филиалов и представительств в стране составляла на октябрь 1972 года — 1557⁹. В одном Нью-Йорке имелось около 530 таких контор¹⁰. Штат их служащих, по данным американской прессы, составлял около 18 тысяч человек¹¹.

Резкое увеличение масштабов деловой активности японских монополий на американской территории нарушило в последние два-три года сложившиеся ранее рамки экономического сотрудничества обеих стран. Новая ситуация складывается в настоящее время и в области торговли, и в сфере предпринимательской деятельности, и в области банковских операций. Характерная черта этой ситуации состоит в неспособности монополий США восстановить прежнее соотношение сил, в нежелании японцев возвращаться к прошлому и в отсутствии у обеих сторон взаимоприемлемых вариантов стабилизации обстановки и упорядочения своих отношений. В результате расширение сферы деловых связей американо-японских монополий и их сближение друг с другом сопровождаются учащением конфликтных ситуаций, ростом вражды и взаимного недоверия.

Успехи японских монополий в «торговой войне»

Главной формой деловых связей японских бизнесменов со своими контрагентами в США была и остается по сей день торговля. Для сбыта своих товаров японские деловые круги создали в Америке разветвленную сеть торговых центров и агентств. Координирующая роль в деятельности этих учреждений принадлежит полуправительственной организации японских монополий — «Ассоциации внешней торговли Японии» (Джэтро), имеющей в семи городах США: Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго, Лос-Анджелесе, Лонг-Бич, Хьюстоне и Новом Орлеане — так называемые «торговые центры». Цель этих центров — оказывать японским бизнесменам всемерное содействие в освоении американского рынка. В 1972 году торговые компании Японии имели в различных районах США, и прежде всего в Калифорнии и Нью-Йорке, 167 своих агентств¹². Ведущая роль в «освоении» американского рынка принадлежит крупнейшим торговым фирмам, связанным с монополистическими кругами Японии, а именно: «Мицуи» (10 агентств), «Мицубиси интернэшнл» (11 агентств), «Сумитомо сёдзи» (6 агентств), «Марубени Америка» (11 агентств), «Нитимэн» (6 агентств) и т. д.¹³. Именно эти фирмы поставляют в США основную массу японских товаров.

В настоящее время американский рынок — это самый емкий и самый большой из зарубежных рынков японских монополий. В 1971 году, по данным официальной

⁶ "Directory. Japanese Firms, Offices, and Subsidiaries in the United States, October 1972". Japanese Trade Centre, Chicago, p. 35—57.

⁷ "The New York Times", 12. XI. 1972.

⁸ "Directory. Japanese Firms, Offices, and Subsidiaries in the United States, October 1972". Japan Trade Center, Chicago, p. 77—81.

⁹ Там же, стр. 1—64.

¹⁰ Там же, стр. 35—57.

¹¹ "The New York Times", 12. XI. 1972.

¹² "Directory. Japanese Firms, Offices, and Subsidiaries in the United States, October 1972". Japanese Trade Center, Chicago, p. 69—70.

¹³ Там же, стр. 69—70.

статистики, стоимость товаров, ввезенных в Америку из Японии, составила 7495 млн. долл., или около 30% всего японского экспорта¹⁴. Многие крупные японские компании, производящие телевизоры, радиоприемники, автомобили, магнитофоны и т. п., реализуют на американском рынке большую часть своей продукции, вывозимой за рубеж. Это определяет большую заинтересованность японских монополий в американском рынке и связанные с этим стремления всемерно расширять и закреплять свои экономические позиции в стране; в этом деле они добились немалых успехов. В последние годы потребительские товары японского производства широко вошли в быт американцев. Их можно видеть постоянно и в оптовых магазинах, и в крупных универмагах, и в мелких магазинах любого угла Соединенных Штатов. В торговле радиотоварами, игрушками, сувенирами и т. д. японские изделия занимают доминирующее место. Едва ли не большая часть подарочных безделушек, продаваемых в Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско и других городах США в качестве «местных» сувениров, оказывается на поверку помеченной одним и тем же клеймом: «сделано в Японии».

Масса японских товаров на рынке Америки становится все больше и больше. Так, в 1971 г. в Соединенные Штаты было завезено из Японии телевизионных приемников 3875 тыс. (в 1970 г. — 3376 тыс.), радиоприемников с магнитофонной записью — 4025 тыс. (в 1970 г. — 3063 тыс.), настольных электронно-вычислительных машин — 543 191 (в 1970 г. — 314 148), магнитофонов — 12 585 тыс. (в 1970 г. 11 111 тыс.), восьмимиллиметровых кинопроекторов — 410 223 (в 1970 г. — 404 191), автомобилей 858 354 (в 1970 г. — 442 661), в том числе 722 430 легковых автомашин (в 1970 г. — 353 779), велосипедов — 692 008 тыс.¹⁵. Этот перечень не нуждается в комментариях.

Характерной особенностью последних лет является неуклонное увеличение удельного веса Японии в импорте США. Если в 1960 г. доля японских товаров в импорте США составляла 7,8% (импорт из Японии в абсолютных цифрах составил 1149 млн. долл. при общем объеме импорта 14 654 млн. долл.), то в 1971 году эта доля возросла до 15,9% (импорт из Японии в абсолютных цифрах составил 7261 млн. долл. при общем объеме импорта 45 662 млн. долл.)¹⁶. В последние годы Япония занимает в импорте США второе место после Канады, причем разрыв между этими странами год от года сокращается. Если в 1960 г. закупки США в Японии составляли по стоимости лишь 39,6% от стоимости закупок в Канаде (2901 млн. долл.), то в 1971 г. стоимость импорта из Японии по отношению к закупкам США в Канаде составила уже 56,9%. Что касается европейских держав, то их доля в импорте США становится по сравнению с долей Японии все меньше и меньше. В 1971 г. японские фирмы продали в США почти в два раза больше товаров, чем монополии Западной Германии (импорт США из Западной Германии составил 3651 млн. долл.), почти в 3 раза больше товаров, чем монополии Англии (2459 млн. долл.), почти в 5 раз больше, чем монополии Италии (1406 млн. долл.), и почти в 7 раз больше, чем монополии Франции (1088 млн. долл.). Япония поставляет в США в полтора раза больше товаров, чем все страны Азии, вместе взятые (за исключением социалистических стран)¹⁷.

С другой стороны, постепенно увеличивается заинтересованность деловых кругов США в японском рынке. Если в 1960 г. американские фирмы сбывали на рынок Японии около 7% своих товаров, отправляемых за рубеж, то в 1971 г. доля японского рынка в американском экспорте превысила 9%. Из всех стран капиталистического мира только в Канаде американцы продают пока больше своих товаров, чем в Японии. В то время как в 1971 г. стоимость американского экспорта в Западную Германию составляла 2832 млн. долл., в Англию — 2374 млн. долл., во Францию 1380 млн. долл., в Японию составила 4055 млн. долл.¹⁸, то есть по меньшей мере в полтора — три раза большую сумму, чем в каждую из указанных выше стран. Теперь уже не будет ошибкой утверждать, что сейчас не только японские монополии испытывают зависимость от торговли с США, но и американские монополии зависят в определенной мере от торговли с Японией, хотя степень зависимости от японского рынка остается в три раза меньшей, чем у японской стороны.

Обращает при этом на себя внимание огромный разрыв, образовавшийся в последние три-четыре года в американско-японском торговом балансе, между стоимостью японского экспорта и импорта. В 1971 г. японские компании продали в США в стоимостном выражении чуть ли не в два раза больше товаров, чем закупали сами. В результате в 1971 г. превышение японского экспорта над импортом достигло

¹⁴ Кэйдзай Токэй Нэмпо (Economic Statistic Annual 1971; Statistic Department, Bank of Japan, March 1972, p. 227—237).

¹⁵ «Цусё Хакусё. 1972», изд. «Цусансё», 1972, Токио, стр. 520.

¹⁶ "Statistical Abstract of the United States, 1972". U. S. Department of Commerce. Social and Economic Statistic Administration, 93d Annual Edition, p. 778—780;

«Цусё Хакусё, 1972», Токио, 1972, стр. 517.

¹⁷ Там же, стр. 778—780.

¹⁸ Там же.

3206 млн. долл., что стало одной из причин острого дефицита в платежном балансе США и серьезных трудностей в дальнейшем развитии американской внешней торговли.

Диспропорции в торговом балансе Японии и США оказывают сильное влияние и на валютно-финансовое положение Японии. Характерной особенностью последних лет стал неудержимый рост долларовых резервов Японии, накапливающихся в результате общего превышения японского экспорта над импортом. Положительное сальдо японского торгового баланса составляло в 1972 г., по предварительным данным, свыше восьми млрд. долл.¹⁹, а долларовые накопления в начале 1973 г. приблизились к 20 млрд.

Громадный дефицит, образовавшийся в торговом балансе между США и Японией, представляет собой цифровое отражение неровностей и несоответствия в движении товарных потоков между обеими странами. Преобладание японского экспорта над импортом служит прямым свидетельством тому, что поток товаров, движущихся от берегов Японии к берегам США, легче поглощается рынком Соединенных Штатов, чем встречный поток товаров рынком Японии. И дело здесь не в чьих-то случайных просчетах или преднамеренных махинациях. Определяющими факторами в данном случае служат качество самих товаров, особенности обоих рынков и эффективность деятельности торгующих организаций.

Если говорить о значении каждого из указанных трех факторов, то важнейшими из них являются, несомненно, цена и качество тех товаров, которые поступают на рынки обеих стран. Ничуть не уступая американским по качеству, японские товары, и прежде всего те, которые в громадном количестве доставляются на рынок США (автомобили, телевизоры, радиоприемники, магнитофоны, синтетические волокна и т. п.), отличаются в то же время своей ценой, которая, несмотря на таможенные пошлины, остается в большинстве случаев меньшей, чем цена соответствующих товаров американского производства. И причина того ясна для всех — себестоимость производства этих изделий благодаря низкой заработной плате японских трудящихся значительно ниже, чем в США, что позволяет японским предпринимателям продавать их дешевле, а следовательно, и в большем количестве. Низкий уровень заработной платы японских трудящихся и высокая норма эксплуатации наемного труда в Японии — вот главный козырь японских монополий в той азартной игре, которую они ведут на мировом капиталистическом рынке, и в частности на рынке США.

Преимущества японской стороны нельзя, однако, сводить лишь к одной цене товаров. Сегодня американские эксперты в области экономики с некоторой растерянностью констатируют и другое обстоятельство: система организации японского бизнеса в целом и японской торговой сети в США оказывается, как и профессиональный уровень самих японских дельцов, в ряде отношений выше американских. Достаточно сказать, например, что американские компании не имеют в Японии каких-либо государственных или частных общенациональных, межфирменных организаций, подобных «Ассоциации внешней торговли Японии» (Джетро), которая оказывает японским экспортерам на Американском континенте всестороннюю помощь, включая информацию, содействие деловым контактам, посредничество и т. д. Не располагают американцы в Японии и специализированными торговыми фирмами, подобными «Марубэни Иида», «Сумитомо Сёдзи», «Нитимэн» и другим, играющими ведущую роль в развитии японской торговли на рынке США. По мнению компетентных экспертов, американские бизнесмены в Японии слабо знают обстановку, не изучают достаточно тщательно запросы японских покупателей и неумело рекламируют свои товары.

Нельзя также упускать из виду и другое обстоятельство: государственный аппарат Японии играет большую роль в вопросах внешней торговли, чем государственный аппарат США, оказывает японским бизнесменам на внутреннем рынке скрытую помощь в борьбе с американскими конкурентами, что серьезно осложняет положение последних. И все это в совокупности определяет сегодня парадоксальное на первый взгляд явление, когда японский империализм, значительно уступающий американскому по своей экономической мощи и находящийся до сих пор в политической и военной зависимости от США, теснит тем не менее американские монополии в сфере торговли — на их же «собственном» рынке, создавая непреднамеренно сложные конфликтные отношения с терпящим урон американским деловым миром.

Быстрое увеличение массы японских товаров на рынке США, наносящее ущерб интересам местных торговцев и предпринимателей, неспособность американских предпринимателей столь же быстро и успешно внедряться на японский рынок, а также диспропорции, возникшие в связи с этим в платежном балансе США, привели американские деловые круги к выводу о необходимости принять экстренные экономические и политические меры. Выражая интересы деловых кругов страны, правительство Никсона в 1971 г. оказало сильное дипломатическое и экономическое давление на правительство Японии, вынудив последнее ввести некоторые «добровольные ограничения» на экспорт японских товаров в США и осуществить в декабре 1971 г. ревальвацию иены.

¹⁹ "Oriental Economist", February, 1973.

Американо-японские переговоры велись на протяжении 1972 г. на разных уровнях и в разных плоскостях, но в их ходе повсеместно обнаруживалось глубокое взаимное недовольство обеих сторон и упорное стремление американской стороны заставить японцев пойти на сокращение масштабов или по крайней мере на замедление темпов роста своего экспорта в США, создать для американцев более выгодные условия на японском рынке и провести с этой целью вторичную ревальвацию иены, что менее всего отвечало интересам большинства представителей японского делового мира.

Одним из ярких примеров диаметрально противоположного подхода стран к вопросам их экономических отношений могла служить конференция японо-американских экономических организаций, проходившая в Токио с 15 по 18 июня 1972 г. с участием 60 лидеров японских и американских деловых кругов. Возлагая на японскую сторону всю ответственность за диспропорции в торговом балансе между обеими странами, американские бизнесмены ультимативно требовали, чтобы японская сторона немедленно сняла бы все ограничения на ввоз американских товаров и капиталов в Японию, снизила бы таможенные пошлины на американские товары и резко увеличила бы объем ввозимых в страну американских сельскохозяйственных товаров. В противном случае американцы угрожали усилить протекционистские ограничения и с помощью административных мер преградить путь японским товарам в США. Японские делегаты вежливо, но упорно отклоняли эти ультимативные требования, расценивая их в своих частных заявлениях для прессы как «великодержавное отсутствие выдержки», как «нежелание реально оценить обстановку» и «примитивный подход к решению сложных экономических проблем». Ответные предложения японцев предусматривали ликвидацию существующих диспропорций в торговле в течение нескольких лет на основе «постепенного выравнивания» торгового баланса²⁰.

Столь же безрезультатными оказались и американо-японские торговые переговоры, проходившие в Токио на правительственном уровне с 25 по 28 июля. После четырех дней взаимных обвинений и пререканий участники переговоров расстались, так и не договорившись по основным спорным вопросам²¹.

В последующие месяцы решение вопроса было перенесено на более высокий уровень. Проблема ликвидации дефицита в торговом балансе США стала главным предметом переговоров при встрече президента США Р. Никсона с премьер-министром Японии К. Танакой, состоявшейся 31 августа — 1 сентября 1972 г. в Гонолулу. Уступая нажиму американской стороны, премьер Танака дал Никсону обещание принять необходимые меры к тому, чтобы к 1975 г. положительное saldo в платежном балансе Японии не превышало бы 1% валового национального продукта (то есть не превышало бы 3 млрд. иен)²².

Это обещание не произвело, видимо, большого впечатления на правительственные круги США, ибо в заявлениях руководителей американской внешней политики, сделанных в конце 1972 г., они вновь и вновь напоминали правительству Японии о необходимости проведения неотложных и чрезвычайных мероприятий, призванных умирить пыл японских бизнесменов. Напоминанием такого рода явилось, в частности, заявление, сделанное в октябре 1972 г. помощником государственного секретаря США Алексисом Джонсоном. В этом заявлении указывалось, что «если диспропорции в балансе не будут устранены, то это станет самым серьезным дипломатическим осложнением 70-х годов». Приблизительно в те же дни напоминание аналогичного характера получил из уст президента США Никсона министр иностранных дел М. Охира, нанесший визит в Вашингтон в октябре 1972 года²³.

Настойчивые требования и угрозы американских бизнесменов и государственных деятелей, несмотря на возмущение, которое они вызывали у японской стороны, в конце концов возымели все-таки определенное действие: правящие круги Японии, и в том числе лидеры делового мира, как бы благоприятно ни складывались для них в данный момент конъюнктура в конкурентной борьбе с США, не могли не отдавать себе отчета в реальном соотношении сил между обеими сторонами. Опасения навлечь на себя американские экономические санкции со всеми тяжелыми для японцев последствиями, побудили деловой мир Японии не углублять назревавший конфликт и слегка «нажать на тормоза», предприняв некоторые паллиативные меры.

В октябре 1972 г. руководство штаба японских монополий — Федерации экономических организаций в лице ее президента К. Уэмуры в частной беседе с премьер-министром Танакой сделало ему ряд «чрезвычайных рекомендаций», предусматривавших проведение мер, призванных создать у американцев впечатление, что японская сторона пошла им навстречу. В рекомендациях признавалось необходимым введение правительством ряда дополнительных ограничений на вывоз японских товаров

²⁰ «Экономисутто», 4.VII. 1972, стр. 12—13.

²¹ «Экономисутто», 8.VIII.1972, стр. 26.

²² "Far Eastern Economic Review", October 15, 1972, p. 37.

²³ "The Japan Times Weekly", 29. X. 1972.

в США и увеличение в то же время квоты на ввоз американских товаров в Японию, несмотря на то, что подобные меры предполагали определенно ущемление интересов отдельных японских торговых и промышленных фирм²⁴. Смысл этих предложений состоял, иначе говоря, в том, чтобы ценой некоторых потерь в доходах отдельных фирм предотвратить вторичную ревальвацию иены, чреватую для большинства компаний Японии значительными материальными потерями.

Руководствуясь этими рекомендациями, правительство Танаки 20 октября 1972 г. провело через парламент законопроект, предусматривавший сокращение на 20% таможенных пошлин на целый ряд промышленных и сельскохозяйственных продуктов, увеличение на 30% ежегодных импортных квот, сокращение квот на экспорт ряда японских товаров и некоторые другие мероприятия по ограничению экспорта²⁵. Премьер-министр выступил 4 января 1973 г. с публичным заявлением о «смягчении остроты валютной проблемы», хотя в том же заявлении ему пришлось признать, что вопрос о сокращении диспропорции в японо-американской торговле остается нерешенным и его решение потребует еще двух-трех лет²⁶.

Действуя заодно, японские монополии и правительство ведут, таким образом, в сфере торговли активную, наступательную, но в то же время гибкую политику: то наращивая свой натиск на американских конкурентов, то смягчая его, то вступая с американцами в открытые споры, то успокаивая их мнимой готовностью идти на уступки, они упорно продолжают расширять объем продажи своих товаров на рынке США.

В следующем письме мы расскажем о новой стратегии Японии, главное место в которой занимает упор на инвестирование японских капиталов в США.

г. Сан-Франциско, февраль 1973.

---

²⁴ "The Japan Times Weekly", 28. X. 1972.

²⁵ "The Japan Times Weekly", 14. XI. 1972; "The Wall Street Journal", 12. XII. 1972.

²⁶ "The Japan Times", 5. I. 1973.

Бессмертие Цюй Юаня

[К 2250-летию со дня смерти поэта]

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Со времени жизни Цюй Юаня прошло две тысячи двести пятьдесят лет. Но сквозь минувшие века пронес китайский народ живую любовь к своему гениальному певцу. Неумирающее его имя стоит в самом первом ряду творцов высочайших произведений китайской поэзии, мирового словесного искусства. Строфы его поэзии стали поистине крылатыми. Взлет их был настолько могуч, что время над ними оказалось не властным. Поэт высоко поднимался над своим временем. Справедливо существует выражение «высокий талант».

Истинный писатель захвачен, по ленинскому выражению, человеческим исканием истины¹, но у каждого писателя свой духовный опыт, связанный с опытом своего народа, с опытом тех или иных социальных сил и идейных течений. С необыкновенной яркостью и проникновенным выразил Цюй Юань в своей поэзии народную самобытность Китая. В его творчестве получило свое высшее воплощение то своеобразие поэтического мироощущения, которое лежит в основе китайского художественного творчества.

Случается, что великие явления литературы и искусства бывают не в полной мере оценены современниками и лишь позднее начинает все полнее и всесторонне вырисовываться их значение в общем культурном развитии человечества. Оставаясь многосторонними, многоплановыми, эти явления литературы и искусства воздействуют на современников отдельными своими чертами и свойствами, производя иногда даже противоречивое впечатление и толкование. Порой требуется много времени и внимания, немало активных усилий исследователей, чтобы открыть, увидеть и собрать воедино множественные черты выдающегося художественного явления, свести их в органическое целое. Для этого нередко необходима работа многих поколений.

Творчество Цюй Юаня принадлежит к именно таким явлениям культуры всемирно-исторического значения. В китайской истории Цюй Юань остается личностью великой и блистательной, но участь его далеко не проста и не бестрагична.

Человек трудной судьбы, большого благородства, Цюй Юань, в сущности, не был признан при жизни. И посмертная слава пришла к нему с опозданием. Промедлили с изучением биографии, сбором материалов о поэте и историки. Похоже, что из современников никому не пришло в голову оставить о нем воспоминания. Лишь много времени спустя историки пристальнее занялись творчеством Цюй Юаня, личной его судьбой. Однако в биографии поэта и до сих пор остаются стертые белые страницы. Быть может, со временем науке удастся обнаружить дополнительные материалы о Цюй Юане, как удалось, например, при раскопках обнаружить огромной научной ценности гадательные кости жертвенных животных, относящиеся к далекому доисторическому прошлому китайской культуры.

Известно, что нередко благодаря своим самобытным чертам художественные образы, создаваемые теми или иными национальными писателями, представляют интерес и для других народов, приобретают значение общечеловеческое.

Справедливо это и в отношении такого художественного гения, как Цюй Юань. Он сумел отобразить душу современного ему общества, тонко чувствовал природу родной страны, показал народ с его великой любовью к жизни, неодолимой стойкостью в испытаниях.

Неоспоримо, что истинно общечеловеческое не противопоставит самобытному или национальному. Справедливо это и в отношении китайской классической литературы, где через конкретно национальное находит свое выражение общечеловеческое.

Для нас всегда актуальна мысль исследователя о важности прогрессивных и реалистических традиций китайской литературы, ее нынешнего и грядущего дня.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112.

Глубоко пронизательно наблюдение А. С. Пушкина, отметившего: «...между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими — произведение истинных поэтов остаются свежи и вечно юны»².

Изучаемый автор — это живая личность, его творчество — неповторимый по своей индивидуальности мир.

Поэтические творения Цюй Юаня, созданные им образы, в которых выражена правда жизни, противоречия и социальные конфликты его времени, доныне сохраняют эстетическую ценность и способность доставлять наслаждение. Они остаются нетленными и продолжают нас восхищать своею свежестью.

По словам римлянина Тацита, далекое (то есть древнее) кажется более почтенным. Однако к старине можно, как свидетельствует опыт, отнестись по-всякому. Китайские националисты — прежние и новоявленные — создавали искусственную стену отчуждения от других народов, пытаясь соорудить с ее помощью некую духовную заграду. Они тщились изобразить Китай в виде некой поднебесной империи, некоего центра вселенной, претендуя на исключительность, особую избранность, считая весь остальной мир, все другие народы варварскими племенами. «Исконно великоханьское», «исконно китайское» объявляли высшим критерием, надменно возвеличивали «китайское начало».

Достаточно, однако, обратиться к поэтическому творчеству, к китайским фольклорным песням и стихам, чтобы убедиться в том, насколько народное словесное искусство чуждо какой-либо национальной спеси, как высоки в нем благородство и чувство добра, социальной справедливости.

Подлинно художественные творения, возникающие в какой-либо стране, в определенных исторических обстоятельствах, нередко выходят далеко за рубежи своей национальной принадлежности, обретают значение общечеловеческое. И относится это не только к эстетическим достоинствам произведения. Анализ конкретно-исторического контекста с позиций историзма как принципа исследования, как основы методологии позволяет нам понять особенности и своеобразие творчества художника, его мировоззрение, его видение мира, которое порой страдает национальной ограниченностью и предрешениями. Наша задача — понять силу цюйюаневского историзма, достоверность его психологических характеристик.

Древнекитайское словесно-речевое искусство, зафиксированное в литературных па-

мятниках, помогает понять многое, помогает осмыслить то, как творилась история. В классической китайской поэзии нас привлекает возвышенная духовность, интерес к человеческой личности, углубленность философской мысли, богатый мир фантазии. Поэзия Цюй Юаня пережила и в эпохи, когда искусство, казалось, погибало перед лицом торжествующей реакции, когда художественные ценности предавались анафеме и уносились дымом костра, и доказало свою жизнестойкость в годы разгула хунвэйбинских орд пресловутой «культурной революции». Потому что извечные гуманистические цели певца древности оставались неизблевыми — отражать жизнь в ее много-сложных противоречиях, неустрашимо бороться за утверждение светлых начал, отличать все, теснящее душу, быть знаменосцем эпохи, народа, человечества. И хотя все это известные истины, однако это истины, неоднократно подтвержденные долгими столетиями исторического движения.

Столь же быстро гибли, сколь и скорпалительно возникали, лишь декоративные пустоцветы, искусственно насаждавшиеся в угоду и на потребу эфемерных политических конъюнктур. Но разве принимались они когда-либо во внимание или оказывали сколь-нибудь заметное влияние на развитие искусства, на создание подлинно художественных ценностей китайского народа, хотя, как гласит древнее речение, «и чертополох цветет порой».

Огромно художественное наследие китайского народа, одного из древнейших на земле. Оно пришло к нам вместе с античными литературными и историческими памятниками: «Книгой истории» — «Шуцзин», «Книгой песен» — «Шицзин», «Книгой перемен» — «Ицзин», возникновение которых относится к третьему—второму тысячелетиям до н. э. Эти литературные памятники китайской древности представляют собой драгоценные россыпи крылатой мудрости народа. Они доносят до наших дней сам духовный климат далекой эпохи китайской античности. Им принадлежит выдающаяся роль в истории жизни китайского народа.

Литература в широком значении (народные жанры и письменная традиция) — историческая, философская, повествовательная, особенно поэзия, — исконно рассматривалась в Китае как жизненная сила, способная воздействовать на государственные дела и общественные отношения. Чудовищно поэтому звучали дикие призывы хунвэйбинских орд, стремившихся «ликвидировать китайское прошлое», «убить традицию», предать анафеме духовное наследие китайского народа как «феодалную отраву», «ядовитый сорняк».

Марксистско-ленинскому мировоззрению чужда концепция ненужности прошлого, отказа от истории, нигилистическое отношение к духовному наследию народа. Прошлое — это опыт, диалектически сложный и противоречивый. Опыт прошлого, размышления над

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. VI, М.—Л., изд-во АН СССР, 1937, стр. 541.

историей, ее наследием, духовным творчеством минувших эпох — это одновременно и размышления о настоящем и будущем. В. И. Ленин еще в 1919 г. говорил: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»³.

Обращение к литературному наследию помогает понять масштабы человеческого мышления, те критерии и меру, с которой авторы прошлого подходили к оценке современной им реальности. Мы должны, писал Ф. Бэкон, сохранить память не об одних только деяниях людей, но и об их словах... Настоящее хранилище этих слов, этих сказаний — это сборники речей, посланий, сочинений.

Известно, что духовное творчество прошлого и по своему смыслу, и по выразительным средствам весьма различного достоинства и масштаба. Разумеется, далеко не все из наследия прошлого отвечает нашему миропониманию либо вообще имеет сколь-нибудь существенное значение для литературы и искусства. Это, конечно, так. Тем не менее существуют неумирающие ценности, которые сохраняют свое философское, историческое и эстетическое значение, хотя и пришли к нам из глубины столетий, а порой и тысячелетий. Вечные эти творения человеческой мысли и духа непрестанно оказывают свое воздействие на культурное движение народов мира.

На жизнь и творчество Цюй Юаня оказал огромное воздействие социально-исторический процесс современной ему эпохи. Потому особенно важно обратиться к тем историческим и социальным условиям, которые формировали его мироощущение, его этические и эстетические взгляды.

Цюй Юань жил в одно время с выдающимися мыслителями древнего Китая. Именно в период «Чунь цю» и «Воюющих царств» выдвинулись такие прославленные представители философской мысли, как Кун-цзы, Мо-цзы, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы и многие другие. И если ряду ученых той эпохи принадлежит крупнейшая роль в различных областях идеологической жизни, то Цюй Юань в равной мере сыграл особую роль — роль основоположника китайской индивидуальной поэзии, создав неподражаемые образцы художественного творчества.

Цюй Юаню пришлось жить поистине в сложный и полный противоречий период истории Китая. Это было время смены эпох, время могучих социальных сдвигов и важнейших человеческих решений, время, обусловившее целый ряд драматических судеб. Страна представляла собой арену противо-

борствующих царств, борющихся за политическое господство. Период этот, охватывающий V—III вв. до нашей эры, известен под названием эпохи «Воюющих царств» — «Чжаньго» — время огромных перемен во всех областях материальной и духовной жизни древнего китайского общества. Время большого подъема и развития производительных сил страны. Рост крупной земельной собственности, денежного обращения, образования крупных городов сопровождался значительными изменениями в классовой структуре китайского общества.

Глубокие изменения происходили в идеологии, культуре, искусстве. В истории Китая период этот представлял чрезвычайно плодотворный этап. Именно к тому времени относится рождение трех основных философских учений: конфуцианство, начавшее проповедь своей этико-моральной системы, в основе которой лежал принцип «жэнь» — «гуманности»; даосизм с его абсолютным началом вселенной «дао» и моизм, ставивший во главе всего принцип «всеобщей любви». Три эти направления произвели глубокий переворот в философской мысли древнего Китая.

Достаточно яркое выражение получили политические течения, направленные против несправедливых войн и жестоких междоусобиц, требовавшие «уважения мудрых», «прихода к власти добродетельных лиц», борющихся за ликвидацию общинно-родовых традиций и за объединение всего Китая под эгидой «Великого Управителя».

Для эпохи Цюй Юаня характерно также обострение политической борьбы антагонистических социальных сил и ожесточение войн между «Воюющими царствами». Показательно, что лишь за время правления чжоуского царя Сянь-вана (368—320 гг. до н. э.) возникло шестнадцать войн между различными царствами и княжествами.

Жестокие эти побойща нашли отражение и в творчестве Цюй Юаня. Рассказывая о битве за родную чжускую землю в стихотворении «Смерть за родину», поэт с особым волнением воспекает героизм и мужество воинов-патриотов, павших в сражении с врагом:

Мужи настоящей отваги,
Высокой воинской чести!
Их — сильных и непреклонных —
Никто покорить не может.
Пусть умерло смертное тело,
Но дух остается вечным.
Отважные души павших
И там, среди душ, — герой⁴.

Цюй Юаню суждено было пережить печальный период падения династии и господства бездарности на престоле Чжоуского

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 55.

⁴ Здесь и далее произведения Цюй Юаня в переводе на русский язык приводятся по книге: «Цюй Юань. Стихи». Гослитиздат, М., 1956.

царства. Полоса великих событий, обусловивших исторические пути Китая, определила мировоззрение и характер художественного творчества поэта, позволила Цюю Юаню на фоне личной трагедии, переживаний поэта в изгнании, умирающего в одиночестве, в опале, воплотить в своих произведениях чувства глубокой и нежной любви к своей родине.

Творчество Цюю Юаня — отображение не только богатого внутреннего мира поэта, его личных чувств и стремлений, в его произведениях получила свое образное выражение жизнь и борьба китайского народа.

Магическая сила творческой индивидуальности поэта проявилась на почве драматического конфликта личности с господствующими силами Чуского царства. Современный литературовед Хэ Ци-фан в статье «Цюю Юань и его творчество» не без основания указывал, что уважение последующих поколений к Цюю Юаню пронеслось не столько из-за его политических идеалов, сколько потому, что они высоко ценили его непоколебимую веру в свои убеждения и мужество, с каким он их защищал.

Тревожась за судьбы родного края, он не находил справедливости в придворной среде, которой отказался служить, и возвышал свой голос против произвола и «отряхнул прах от ног своих». Отсюда и взрывы пафоса его патристических поэм:

Справедливое небо,
Ты закон преступило,
Почему весь народ мой
Ты повергло в смятенье?

В этом была для него единственная возможность утвердиться в жизни, сознавая себя достойным сыном своей родины, способным протестовать и бороться, быть нужным своему народу.

Цюю Юань был движим высокими нравственными идеалами, он не поступился своими принципами гражданственности, которая повелевала ему деятельное участие в жизни и упреждала его от пассивного непротивления злу и преступности. Поэт отнюдь не был заморожен течением времени. Судьба наносила ему удар за ударом, он не понимал (и выразил это в своем творчестве), что в его век смиренно мудрому не пройти правым путем. Именно об этом говорит поэт в элегии «Скорбь изгнанника»:

Теснят мне грудь уныние и горесть,
Скорблю, что в век постыдный я живу,
Цветами нежными скрываю слезы.
Но слезы скорби льются без конца.

В «Исторических записках» Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.), основоположник китайской историографии, автор первой биографии Цюю Юаня, отмечает, что поэт происходил из высших аристократических кругов Чуского царства, был крупным сановником, пользовался большим доверием, принимал деятельное участие и в подготовке государ-

ственных указов, оказывал значительное влияние на внешнюю политику Чуского царства. Цюю Юань, видя угрозу нападения на свою родину со стороны царства Шень, имевшего самую сильную армию, настойчиво добивался изменения внутренней политики царства Чу и выступал за союз с царством Ци в целях взаимной безопасности. Однако планы и предложения Цюю Юаня отвергались чуским правителем, который был окружен политическими врагами поэта и агентами Циньского царства.

Цюю Юань предвидел, что вооруженное столкновение между царствами Цинь и Чу было неизбежным, и оно началось вторжением циньских войск в пределы Чуского царства. Кровопролитные войны, явившиеся величайшей трагедией для чуского народа, ворвались в жизнь поэта и оставили огромный след на всем художественном его творчестве.

Цюю Юань, мужественно осуждая порочность политики царского двора, смело ставит острые политические вопросы, глубокое затрагивавшие судьбу его народа, волновали современников поэта, и стремился дать этим актуальным вопросам такое разрешение, которое, по его убеждениям, в наибольшей мере соответствовало интересам в чаяниях его родины, всего народа Чуского царства.

Не удивительно, что Цюю Юань был отстранен правящей верхушкой от всех должностей, подвергся ссылке и находился в изгнании до конца своих дней. Вторая половина его жизни была полна испытаний и трагизма. И несмотря на это, он не отказался от своих убеждений, голос его стал звучать еще сильнее, творчество достигло своего апогея. Поэт порвал с господствующей кликой, царским двором, с его вероломными министрами и фаворитами, интересы которых ему были чужды и ненавистны. Это были годы изгнания, но и творческого подъема.

Врагам Цюю Юаня удавалось искусно прикидываться поборниками искренности и правоты, маскируя перед царствовавшим ваном свое тщеславие и политические амбиции, пользуясь почетом при дворе владыки. Это была страшная и бесчеловечная среда.

Бездарные всегда к коварству склонны,
Они скрывают черные дела,
Всегда идут окольными путями,
Увертливость — единый их закон, —

неустрасимо заявлял поэт. Он верил в человека, в возможность лучшей жизни для своего народа. И неустанно вел борьбу против творимого зла. Он не стремился уйти в прошлое, не идеализировал древность, однако призывал следовать лучшим традициями истории. Не искал спасения он и в духовном одиночестве, но жестоко преследовался, подвергся многолетнему изгнанию.

Цюй Юань не льстил властям предержавшим, не дрогнул перед гневом вана, не скрывал мыслей, которые хотел высказать. С позней Цюй Юаня разлучила лишь смерть.

Сыма Цянь далее подчеркивает: именно потому, что «стремления Цюй Юаня чисты, то все вещи, о которых он говорит, благоухают. Так как деяния его были бескорыстны, то он предпочел смерть изгнанию. Его хотели втоптать в грязь, но он отпрянул и вспорхнул над прахом, как мотылек. Никакая грязь не пристала к нему!

Стремления, которые им руководили, в беспеске своем могут соперничать с сиянием солнца и луны».

По мнению некоторых исследователей, Сыма Цянь в созданном им портрете Цюй Юаня якобы изобразил его человеком слишком высоких нравственных достоинств и патриотизма. На это можно возразить: историк создавал жизнеописание Цюй Юаня со всею возможною тщательностью и знанием материала.

Но и сохранившиеся другие литературные источники говорят о том, что Цюй Юаню были присущи высокие качества человека и поэта. В нем не было спесн аристократа, происхождение и звание были для него несущественны, но он очень ревниво относился к своей репутации.

Я твердо знаю: прямота — несчастье,
Но с ней не в силах разлучиться я.

Не была занята и личная жизнь поэта. Чувства его были возвышены и независимы. Все свидетельствует о его удивительной живости ума. Именно своему дарованию обязан он возвышением на весьма значительный в Чуском царстве пост. Несомненно, его знания и способности были выше, чем у сановников, окружавших вана, а горячее воображение в сочетании с поэтической одаренностью еще более возвышало его над другими придворными, служили причиной зависти и недоброжелательности.

Литературные источники также свидетельствуют, что Цюй Юань был весьма искусным оратором. Красноречивым, убедительным, эрудированным. В его распоряжении всегда были веские доводы, выступал он по вопросам внутренней жизни или внешних связей. Существующие материалы указывают на то, что Цюй Юань превосходно владел различными стилями красноречия и умел убедить как логикой своих доводов, так и высокой патетикой. Оружие выпадало из рук его противников, которые не могли не считаться с превосходством его ума. Это относилось прежде всего к тем, кто стилистом много говорил об общем благе, но преследовал исключительно личные интересы.

Поэт видел не только разверзнутые пропасти перед своим народом, он думал не только о прошедшем, но и о настоящем и будущем: не может оказаться раздроблен-

ной, униженной и покоренной страна, народ которой движим гордой независимостью и патриотизмом. Благо родины, ее величие, ее слава возбуждали в его сердце глубокие и сильные отзывы.

Сановники веселью предаются,
Их путь во мраке к пропасти ведет.
Но разве о себе самом горюю?
Меня страшит династии конец, —

читаем в элегии «Скорбь изгнанника», в которой слышатся раскаты возмущения поэта, строки его стихов дышат огнем непримиримости и борьбы.

Страдания народа поэт переживал как свои собственные. «Я мыслю о людях, скорбящих в тревоге», — писал Цюй Юань в стихотворении «Великому повелителю жизни». Строки эти созданы свыше двух тысячелетий назад. Но разве и сегодня не восхищают они нас своей чудесной образностью? Разве оставляет нас равнодушным волнение их творца?

Поэт черпал силы для борьбы в прошлом своего народа. Он постоянно обращался к историческому наследию, опираясь на опыт истории, выдающихся личностей и легендарных героев.

Но он устремлял свой взгляд и в грядущее, ясно видел перспективу, мысленно начертанную просветленным его воображением.

Поэт сталкивал в своем творчестве противостояние начала добра и зла, занимая позицию справедливости. Мир развращен злом, но оправданий у него быть не может. Осознание зла и утверждение добра, идеи социального протеста — высшая точка прозрения поэта.

Мои дела — цветущие поляны,
Я орхидеями покрыл сто му.
Взрастил благоухающие травы,
И среди них — и шпажник и духэн.

В этих строках передано суровое напряжение творческого процесса. Они принадлежат к произведениям, выстраданным, созданным по памяти сердца.

Как я хотел увидеть их в расцвете
И в должный час их срезать и набрать.
Пусть я увяну — горевать не стоит,
Жаль, если луг бурьяном зарастет.

Внешняя простота и безыскусственность, словно бы говорит четверостишие, рождаются в результате мучительных поисков, и не всегда увенчиваются мукой поэта успехом. Так доминантой изображения становится выявление индивидуальности автора, его мироощущения. И мы видим, как в сложных соотношениях творческого исследования преобразуется диалогический конфликт в новаторской художественной системе этого выдающегося художника слова.

Разумеется, некоторые взгляды и убеждения Цюй Юаня содержат мысли, с которыми мы не можем согласиться. Это и по-

нятно: поэт, высказавший их, отдален от нас многими тысячелетиями. И в своем отношении к Цюй Юаню мы должны учитывать определенную пространственную и психологическую дистанцию.

Могучий дар поэтического выражения правды жизни у Цюй Юаня, однако, оказался сильнее неизбежной исторической ограниченности и социальной его принадлежности судьбе. Цюй Юань — наследник лучших национальных традиций, диктующих поэту свой путь в жизни и творчестве. И никому не удалось столкнуть поэта на путь попрания святынь народных традиций, иными словами, попрания гуманистических традиций китайского литературного творчества.

Известно: сокол не летает в стае,

Так истарин на свете повелось.

И как квадрат и круг несоместимы,

Так два пути враждуют меж собой, —

таково нравственное и политическое credo Цюй Юаня, выраженное в элегии «Скорбь изгнанника».

* * *

Поэтическим творчеством Цюй Юаня заканчивается эпоха безымянного фольклорного искусства, получившего выражение в «Книге песен» — «Шицзине», поэзии преимущественно народной, и начинается новая эпоха — индивидуального художественного творчества. Именно на Цюй Юаня выпала эта миссия исторической и революционной значимости. Исторической — поскольку именно с него начинается новый этап в развитии словесного искусства в Китае. И это явление уже само по себе закрепило за Цюй Юанем роль родоначальника индивидуального поэтического творчества. Революционной — потому что Цюй Юанем совершен переход от безыскусной песенной поэзии к высшим ступеням литературного искусства, а в поэтическом творчестве — от древней народной, безымянной поэзии «Книги песен», уходящей в глубь веков, к тому, что получило определение как индивидуальная авторская поэзия.

Велика заслуга Цюй Юаня и в том, что им был создан особый поэтический жанр «цы» («строфы») или «саоти» («свободный стиль», относительно свободный по сравнению с песнями «Шицзина»). Именно отсюда берет свое начало художественная традиция развития поэтического жанра «цы», ставшего одним из основных в китайской классической поэзии.

«Цы» или «саоти» — это сочетание преемственности, вековых накоплений песенно-поэтического творчества и острого видения современной поэту жизни. В жанре «цы» или «саоти» наглядно воплотились характерные особенности чуского фольклора, которому присущи черты высокой гуманности, благородства человеческих мыслей и чувств.

Иными словами, реальная сущность самого явления — рождение жанра «цы» или

«саоти» — это неповторимая судьба поэтического гения, феноменальность личности Цюй Юаня, его характера, душевных его движений. Литературное увлечение, особенно поэтическое, по словам К. Федина, «само волнующее, самое коварное из человеческих занятий». Однако о Цюй Юане мы можем сказать: это было его предназначение. Он не обманулся, встретив свою судьбу, которая не отвернулась от него, от его поэтического увлечения, хотя многое и многие пытались стать на горло его песне.

Созданные Цюй Юанем строфы «цы» были названы впоследствии «чускими» по имени царства Чу — родины поэта. В «Истории династии Хань» содержится указание, что название «Чуцы» находилось в обращении уже в конце II века до н.э. Древнекитайскому философу Лю Сяну, жившему в конце династии Западная Хань (III в. до н.э. — I в. н.э.), принадлежит составление первого сборника «Чуских строф», включившего поэзию Цюй Юаня и других авторов. Характеризуя творчество Цюй Юаня, известный китайский исследователь Хуан Бо-сы обратил внимание на то, что в его поэзии записаны чуские слова, слышны чуские звуки, запечатлены чуские места, названы чуские предметы.

В поэтическом творчестве Цюй Юаня видел могучее средство для выражения своего мироощущения, своих взглядов, идеалов, эстетических воззрений. И он пользовался им в мужественной борьбе за утверждение своих патристических и эстетических убеждений.

Естественно задать вопрос, чем объяснить возникновение такого явления, как «Чуские строфы». На наш взгляд, вопрос этот следует рассматривать с точки зрения эпохальных изменений общественного строя. Стихосложение и стопосложение Цюй Юаня, применение им ритмического стихосложения к языковым возможностям своего времени, нового строения старорифмы и т. д. должны быть рассмотрены сквозь призму исторических изменений господствовавших в современную поэту эпоху. Изменился общественный строй, произошло освобождение рабов, многие ученые и литераторы сами происходили из бедняков, из низших слоев населения. В связи с этим народный язык, народные формы не могли не восторжествовать. И родные формы поэтического творчества приобрели новое значение. И подобно тому как безвозвратно ушла в прошлое рабовладельческая власть периодов Инь, Чжоу, безвозвратно ушли в прошлое и стихи мертвой формы периодов Инь и Чжоу.

«Чуские строфы» ознаменовали собой новую эпоху в области древних китайских стихов и песен. В них применена форма народных напевов, причем эта форма в них расширена, использовано немало диалектов. «Чуские строфы» исполнены смелой фантазией, обладают свежестью и изящным стилем, звонкими рифмами

Особенно это относится к произведениям Цюй Юаня «Скорьбь изгнанника», «Девять жанево», «Вопросы к небу».

Благодаря неповторимому своеобразию «Чуских строк», явившихся творческим сочетанием жизненной правды и художественного таланта, поэзия Цюй Юаня стала фактом высокого искусства, тем чудом словесного творчества, которое не перестает удивлять людей на протяжении тысячелетий и которое сохранит свое непреходящее значение, пока существует литература.

В известном смысле поэзия Цюй Юаня сопоставима с античным стихосложением Древней Греции и Рима. Примечательно, что в античном мире, как и в китайской древности, стихи не читались и не декламировались. Их пели. Создатели стихов были одновременно и музыкантами, а нередко и певцами. Китайское слово «цы» — «строфа», «станс», «поэзия», «напевная поэзия» — означает также «мелодия», «мелодия — стихотворение», «ария», «романс». При этом мотив или мелодия, многочисленны и разнообразны, определяют метрику и другие особенности «цы», в том числе количество строк в стихотворении, строгое чередование строк с различным числом иероглифов — слов в каждой строке, наличие рефренов, зачинов, повторов и т. д. Главное отличие жанра «цы» от других поэтических жанров и форм заключено в лирическом начале, «певучей лиричности», в органической взаимосвязи с мелодией. Обладая многими чертами народной песни, образным языком, строфы «цы» повевают о любви, о чувствах разлуки и тоски, о печальной участи женщины, о тяжелой солдатской доле. Нередко «цы», посвящаются природе, созерцаем многообразных ее явлений, воспевают пейзажа, который часто служит фоном для большей выразительности сокровенных мыслей и чувств поэта.

История развития жанра «цы» свидетельствует о том, что органическая взаимосвязь стиха и мелодии, столь характерная для раннего периода, постепенно утрачивалась. И чем более отдалялся этот жанр от своих первоисточников, тем связь строк с музыкой становилась слабее. Оригинальные мотивы, на которые создавались ранние «цы», все чаще предавались забвению, а многие с веками и вовсе исчезли. Со временем «цы» уже не напевались, как прежде, а декламировались или читались, как обычные стихотворения. И все же прежняя связь их с музыкой дает о себе знать даже теперь. При чтении «цы» невольно напрягается слух и как бы стремится уловить звучание мелодии, напевность стиха, доносящиеся до нас эхом через громаду минувших веков.

В «Чуских строках» перед нами раскрывается сам автор, но и реальность обстоятельств, жизненная обстановка, вызвавшая его чувства, переживания, настроение. Стила поэтического творчества зависит от того, насколько глубоко художник в произведении своем сумеет вместить, соотнести,

соизмерить многосложную жизнь современного ему общества и судьбу личности.

В произведениях «цы», которые порою бывают довольно краткими, присутствуют все черты художественного, образного отображения окружающего мира, всего многообразия жизни. Здесь прежде всего обнаруживается обобщенность и собирательность, с помощью которых передаются в конкретных индивидуальных ощущениях и переживаниях черты типические. Здесь содержится индивидуализированность, личностное начало, передающее непосредственное, живое чувство отдельного человека, эмоциональное его самовыражение. Мы видим здесь и элементы вымысла, фантазии, которые выражают не только личные ощущения и переживания отдельной личности, но и чувственный опыт, свойственный определенной общественной среде исторически определенного времени.

Вчитываясь в поэтические строки Цюй Юаня, мы ощущаем некую невидимую, но существенную среду, обволакивающую простые и знакомые слова-иероглифы, и видим, как нечто ординарное и обыденное обретает значение необыкновенное, глубокий философский смысл. В этом обнаруживается впечатление чуда, непостижимость словесного искусства художника, способность сделать поэзией, то есть одухотворить в иероглифической вязи, обычное, факты и явления окружающего мира.

С жанром «цы» или «саоти» связана и общая стилистическая атмосфера, и яркая образность творений Цюй Юаня. Своими строками поэт словно вселяет в нас властную силу, пробуждая глубокие волнения, мы ощущаем в цюйюаневских строках прелесть, свежесть и живость красок.

Особенности эти проистекают из того, что фольклор Чуского царства послужил Цюй Юаню главным источником его выразительных средств и позволил ярко охарактеризовать окружающий его мир, передать колорит эпохи, специфику жизни и быта своего народа.

Исследование творчества Цюй Юаня показывает, что он близко стоял к народному творчеству. Но поэт не копировал фольклор, а использовал его творчески. Он не просто опосредствовал различные формы устного творчества, не механически вставлял в свои поэтические произведения фольклорные слова, фразы, образы. Заслуга Цюй Юаня именно в том и состоит, что фольклор у него органически слится с его собственным замыслом, его личным творческим восприятием и видением окружающего мира. Возникла принципиально новая поэтическая ткань, из которой невозможно ничего вырвать, которую невозможно расплести, не разрушив живой основы произведения, ибо «фольклорные нити» превратились в структурные элементы качественного явления. Таким образом, строфы Цюй Юаня не только органически впитали в себя народное творчество, но придали

ему новые особенности: свежие краски, новое звучание, неповторимое своеобразие и большую силу идейно-художественного воздействия. Из этого также вытекает, что Цюй Юань обогатил и самый фольклор и внес в китайскую поэтическую сокровищницу бесценный вклад.

В основе применяемого Цюй Юанем приема — определенная образность: автор освобождается от описательных подробностей, сосредоточивая внимание на главном. Особенность художественного приема здесь заключается в том, что автор создает нечто сущностное, предоставляя читателю прочее додумывать, доосмысливать самому. Иногда же читатель видит как бы лишь вершину стиха-айсберга. Иными словами, по части угадывается и довос создается целое. Это художественные образы, взятые из действительности, соотносимые с ней, раскрывающие ее на основе более общего символического смысла.

Образы Цюй Юаня проникнуты чистым поэтическим стремлением выразить изменения, происходившие в сознании и душе человека его времени под воздействием грозных событий. И более того — в меру сил своих способствовать сближению и пониманию людей во имя интересов народа.

Изначально народное отношение к жизни и к смерти, к историческим событиям и персонажам, нравственные идеалы, быт и фольклор — все это глубоко воспринято поэзией Цюй Юаня и предстает перед нами в своем оригинальном виде, достоверно, без какой-либо экзальтации. И лишь высочайшее мастерство, изощренность поэтического искусства, подчинившего себе материал, явили нечто новое, самобытное, чего китайская поэзия ранее не знала.

Основным средством в поэзии Цюй Юаня, как и в искусстве вообще, явился художественный образ, синтезирующий типическое в определенных исторических условиях и индивидуально-самобытные черты творческой личности. Новаторство Цюй Юаня обусловлено новаторским идейным содержанием его словесного искусства.

Поэзия Цюй Юаня — мышление образами, художественное постижение окружавшего его мира и общественной жизни. Известно, что человеческое сознание никогда не отказывалось от чувственного художественного восприятия мира как источника познания истины. Известно также, что образное мышление, художественное воображение поэтически одаренной личности явились перспективным началом в научном познании человека и окружающего его мира. Нередко художник постигает мир лучше, чем разум исследователя. Здесь действуют не только законы логики, но и законы воображения. Художник доверяется эмоциям, подтверждающим, а нередко и поправляющим сознание. Поэзия — это не мечтательность и не фантазирование, а строгий, близкий к научному самоанализ, это документ. Открывая себя как человека, поэт открывает нам внутренний мир людей.

Оставляя в стороне вопрос об истоках и не пытаясь заниматься установлением вех, по которым китайская поэтическая мысль шла к своим главным вершинам, поскольку это предмет специального исследования, мы ограничиваем свою задачу здесь лишь рассмотрением концептуально-творческих доминант Цюй Юаня.

Главенствуют в словесном искусстве Цюй Юаня глубоко поэтическое слово, философское, образное видение окружающего его мира. В художественную логику образов Цюй Юань включает философию природы, мироздания, поэтому жизнь народа и жизнь окружающего мира оказывается целостным космосом, охватывающим его героев и проникающим в их поведение и поступки.

В своей непримиримости к тирании и лиходейству, в борьбе против зла и несправедливости уже в глубокой древности угнетенными и бесправными применялся не только меч, но и беспощадное оружие песни, разящее своей сатирой, отличающейся силой народного гнева. Именно поэтому поэтическое слово в речевом искусстве, в литературе обретает в творчестве художника таинственную силу, способствующую обществу в его умственном прогрессе, в преодолении своеобразного барьера, пролегающего между прошлым и будущим.

В творчестве Цюй Юаня — вера художника в силу поэтического слова, доброго и беспощадного, проникнутого ищущим духом, открыленного великой гуманистической идеей, которая ведет в день грядущий, в будущее. При этом тончайший, проникновенный анализ вскрывает глубины социального и нравственного планов в их взаимозависимости от исторических обстоятельств и идеологических соображений.

Только подлинно поэтический дух мог вложить в творчество Цюй Юаня искреннее благоговение и воодушевляющее чувство истинного жреца природы, ее покоряющей силы, первородного начала прекрасного.

Здесь редкостное нравственное здоровье, трезвость ума, вольнодумие и нетерпимость к порокам. Во всем этом нельзя не видеть того, как воплощается опыт поэта моральным величием души, возвышающим его над теми, кто окружал его при дворе и стремился оклеветать поэта.

Неумоимо стремление поэта к познанию и проникновению в тайны мироздания и человеческой жизни. Цюй Юань пытался познать смысл прошедших дней, минувшего, понять первопричины событий, проникнуть в сердцевину происходящего, осмыслить нити взаимосвязей явлений, жизненных процессов, судьбы человека и страны. Примечательна в этом отношении поэма «Вопросы к небу», отражающая один из важнейших этапов общественного развития и движения сознания, воссоздающая целый мир мыслей, чувств, стремлений и самого поэта и его современников. Цюй Юань стремился поэтическими средствами раскрыть попре

ду вещей, разрушить заблуждения в суевещии и сверхъестественном.

«Был древний хаос», — говорят.
Кто четкости добился в нем?
В том, что кружились и неслоь,
Кто разобрался? Как пойдем? —

спрашивает Цюй Юань в поэме «Вопросы к небу», где он пытается осмыслить и то, «Кто держит солнце и луну», «Кто звездам утвердил часы», и «Как в мерах истинных длины Путь солнца за день рассчитать?», и «Откуда родом лунный свет?», и «Светло ли от солнца почему?».

Однако творческий путь Цюй Юаня слишком сложен и не может быть охарактеризован какой-либо однозначной формулировкой. Чем талантливее и глубже художник слова, тем просторнее поле представляет он для размышлений об острых социальных и личных проблемах его времени и тем сложнее сделать однозначные социологические выводы из этих размышлений. Причина здесь в том, что такой писатель не исчерпывается ни этими проблемами, ни тем более такими выводами.

Сила Цюй Юаня порой выражается не столько в рационалистическом анализе, сколько в удивительной мощи фантазии, видящей реальность окружающего мира конкретно, образно и обнаруживающей в ней скрытые явления, не осознанные и не передугаданные другими взаимосвязями.

Многих исследователей привлекала история попыток человека решить загадку: кто же он? Кто влияет на его судьбу и делает ее такой, а не иной? Это относится к различным теориям древней Индии и античности, христианской теологии и к древнекитайским философским и астрологическим течениям. Делались различные высказывания, объясняющие природу человека, бесконечной сложности и тонкости материи и духа. Тем не менее для науки и для искусства всегда оставалась огромная трудность проникновения во всю сложность внутреннего мира человека и окружающего его мира.

В произведениях Цюй Юаня, в частности в поэме «Вопросы к небу», мы видим, сколь жгучим было стремление поэта постигнуть, понять, что такое человек, каков смысл его жизни, возможно ли человеческое счастье и разумное существование людей на земле, уяснить взаимную связь человека и природы, человека и общества. Здесь, в сущности, символическая активизация реальности, продлевающая которую автор стремится заглянуть в сферу духовного, в сферу человеческого воображения и таинство вселенной.

Каков был довременный мир —
Чей может высказать язык?
Кто Твердь и Землю — «Верх»

и «Низ» —

Без качеств и без форм постиг? —

спрашивает поэт в стихотворении «Вопросы к небу».

О Цюй Юане можно сказать, что он видит, а не изображает. И предстает перед ним именно то, что и есть, — образы, картины, явления. Или лучше сказать — лишь образы, лишь картины и явления. Иными словами, он словно бы и не прибегает к скрытому сравнению умозрительного с конкретным.

Известный китайский филолог Чжан Хуэй-янь (XVIII в.) в своем предисловии к «Избранным стихам цы», рассматривая вопрос соотношения смысла стиха и значения поэтического образа, подчеркивал значение непосредственного художественного выражения в произведениях Цюй Юаня. В строфах «цы», отмечал он, раскрываются чаяния поэта, прибегающего к сравнению предметов по аналогии; говоря о пути трех государей (идеальных правителей, мифических Фу-си, Шэнь-нуня и Хуан-ди), он стремится осудить бесконечную суетность своего времени, ложную мораль века.

Речь идет об аллегоризации жизненных отношений, живописности образов и описаний, реального пейзажа, использовании будничных и натуралистических деталей в сочетании с мифологией — фантастикой. По словам Гегеля, в символическом искусстве те или иные аллегорические фигуры служат «...лишь атрибутом и знаком, как, например, орел, стоящий возле Зевса, и бык, сопровождающий евангелиста Луку, между тем как египтяне верили, что созерцают в Аписе само божество»⁵.

Цюй Юань в известном смысле скорее сходен с древними египтянами. И поэтическая форма произведений Цюй Юаня представляет собой не какое-либо средство, которое мы вправе принять или отвергнуть, ища в нем некое содержание. Здесь мы должны исходить из иного понимания: форма поэзии Цюй Юаня и представляет собой реальность содержания. При этом реальность единственную, поскольку иного содержания тут усмотреть невозможно.

Фантастика — один из важнейших компонентов и стиля, и содержания поэзии Цюй Юаня. Она неразрывно слита с действительностью, является частью реальности, позволяет увидеть эту реальность с новой стороны, порой глубже и отчетливее познать ее. Мифический образ у Цюй Юаня выступает не просто неким символом. Он является собой самое существо во всей его противоречивой полноте.

Поэт, движимый творческим воображением, дерзнул раздвинуть кругозор мысли за пределы граней обычности и установил новые границы, которые должны быть осмыслены. В своих мечтах, в поэтической фантазии Цюй Юань совершает путешествие по всеобъемлющему и всемогущему универсуму, которому подвластны все потенциалы реального и идеального.

⁵ Гегель, Соч., т. XII, стр. 323.

Бег солнца я велел Си-хэ замедлить
И не спешить в пещеру — на ночлег.
Путь предо мной просторный и далекий,
Взлечу и вновь спущусь к своей судьбе.

Фантастика Цюй Юаня берет начало из разных источников, среди которых есть фольклорные и мифологические образы и мотивы народных сказок. Это — художественные средства, призванные придать событиям и героям глубину, масштабность, иногда снабдить образ ироническим подтекстом. Чудеса, которыми проникнута поэзия Цюй Юаня, служат либо целям сатирического, гротескного изображения действительности, либо поэтизируют ее.

Цюй Юань в своих творческих устремлениях нередко выходил из ограниченного мира каждодневной жизни, переходил границы обыденного, давая волю поэтическому взлету, своим сокровенным мечтаниям. Но в творениях его неизменно сохраняется резко индивидуальный, даже местный колорит в обычаях и преданиях, как они хранились народом его родной земли. И этим как бы подчеркивается обыденность фантастического.

Фантастические образы у Цюй Юаня представляют собой как бы опредмеченное видение, обретшую плоть метафору. Летящие в упряжке дракон и феникс — не из другого измерения, но из окружающего мира.

Склонив колени, чувства изливаю,
Моей душе я вновь обрел покой,
На феникса сажусь, дракон в упряжке,
Над бранным миром я взмываю ввысь.

И метафора в поэтической фантазии Цюй Юаня раскрывается скорее как реальность, а не как иносказание, сопоставление, сравнение. Сама притча словно обретает в поэзии Цюй Юаня черты действительного, осязаемого реально существующего.

В Сянчи я наполнил коня-дракона,
К стволу фусана вожжи привязал
И, солнце веткою прикрыв волшебной,
Отправляюсь средь облаков бродить.

Нереальное и действительное выступает здесь одинаково истинно, как бы равнозначно. Между фантастическим и сущим не возникает антагонизма, хотя и не происходит заметных переходов одного в другое. Они представляют собой элементы единого художественного целого и как бы осязаемы, зримы, весомы. Здесь смысл и образ едины.

Примечательно, что вторжение фантастического в духе традиций эпохи отнюдь не сопровождается какими-либо необычайностями и эффектами, а изображается как нечто не вызывающее удивления, как нечто естественное в окружающей жизни. Вторжение чуда в поэтический мир Цюй Юаня ничего не разрушает: оно утверждается здесь, рядом, и составляет одно из

свойств существующего мира. И это отсылается и к персонажам китайской мифологии о мироздании, и к легендарным личностям, и к летающим драконам, и к вешуньям, и к образам фантастики — своеобразным посредникам.

Будь только верен чистоте душевной,
К чему теперь посредники тебе?
Был мудрый Фу на каторгу отправлен,
А после первым у престола стал.

Поэт стремился выразить в стихах свою нерушимую уверенность, что в силах людей сделать разум и прекрасное мерой жизни на земле.

Чудесное у Цюй Юаня находится не по ту сторону повседневного, не в некоем таинственном окружении, но в непосредственной близости. Так фантастика, миф, легенда делаются у поэта реальностью, освобожденной от непостижимости, загадочности, магического. Вторжение поэта в мир таинственный и волшебный как бы знаменовало нарушение традиций. Перед нами проходят невероятные, фантастические события. Однако поэт продолжает оставаться в том самом обыкновенном, вполне реальном окружении, в котором он жил и действовал до сих пор.

В элегии «Скорбь изгнанника» Цюй Юань выступает в роли обладателя сверхъестественной способности, чудодейственной силы. Он — повелитель стихий, самый могущественный человек на земле и во время обитания в заоблачных высях. Несмотря на всю условность исходной поэзии воображаемого небесного путешествия поэта, продолжают сохранять свою силу естественные законы природы. Да и сам герой, по сути дела, не меняется. Сохраняется лишь некий авторитет предания. Здесь нет какой-либо несогласуемости или несообразности. Он вовсе не обращал мир в груды развалин. В своем фантастическом путешествии автор отнюдь не разрушает реальную действительность. Не покидает он и ее пределов. Поэт не обрывает нить связывающих его с окружающим миром

Мной движет чувство радости и мира,
Подругу, странствуя, везде ищу;
Пока мое убранство ароматно,
Я вышел в путь, чтоб видеть земли все

Это обстоятельство имеет весьма существенное значение. Оно свидетельствует, что в основе поисков героем истины и справедливости в заоблачном мире лежат социальные причины мира реального со всеми его общественными и политическими многозначностями. Таким образом, мы обнаруживаем, что мифотворческая природа цюйюаневских образов, восходящая к народным представлениям и легендам, органически взаимосвязана с объективно существующей реальностью.

Благодаря этому подчеркивается чистота метафорического смысла сюжета: в финале

элегии «Скорбь изгнанника» автор как бы снимает условный характер своего повествования, возвращает все на изначальные места реальности.

И вот приблизился я к свету неба
И под собою родину узрел.
Растрогался возница... конь уныло
На месте замер, дальше не идет.

Поэт таким образом вновь в заключительных строках поэмы возвращается к теме о родном крае, — теме, которая проходит красной нитью через все творчество Цюй Юаня.

В своем фантастическом путешествии поэт из царства Чу приближается к вратам воображаемой правоты и справедливости. «Быть мне мостом я приказал дракону», и «Владыка Запада меня впустил», но врата высвешенного судьи оказываются закрытыми. Поэт стремится пройти, однако дорогу ему преграждает страж неба. Он препятствует человеку, отвергает его стремления:

Сходясь и расходясь, летели в вихре
И в яркий блеск ныряли облака.
Открыть врата велел я стражу неба,
Но он сурово на меня взглянул...

Особенный смысл приобретает все это в контексте всей поэмы «Скорбь изгнанника» с ее идеей поправки добра, недостижимости правды и справедливости. Столь обличительная позиция поэта в условиях деспотической власти царского двора требовала необыкновенной смелости, подлинного мужества.

Поиски Цюй Юанем справедливости неотступно сопровождали мучительный, до конца жизни длившийся процесс духовного самоопределения художника. Поэт был одержим идеями, более драгоценными для него, чем сама жизнь. И лишь благодаря «саморастворенности» и «самовозжиганию» себя в верности этим высоким движениям души рождается пафос творчества, поэтический экстаз Цюй Юаня, кровью сердца питающего образы своих творений.

«Скорбь изгнанника» проникнута трагедийным опытом, выстраданным в тяжчайших для Цюй Юаня обстоятельствах. Поэт, однако, не просто избрал путь страдания, хотя в самом страдании Цюй Юань видел средства протеста и борьбы, даже когда человек подходит к конечной грани жизни.

«Все кончено!» — в смятенье восклицаю.
Не понят я в отечестве моем.
Зачем же я о нем скорблю безмерно?
Мои высокие дум не признают —
В обители Пэн Сяня скроюсь... —

Звучат слова поэта в эпилоге его элегии «Скорбь изгнанника». Будто следуя путем вечности, поэт тем самым одолев чувство страха перед физической смертью.

В этот критический момент клокотавшие в Цюй Юане чувства достигли своего апогея и на какое-то время подчинили себе все остальное. Цюй Юань тем самым стремится показать истинное положение человека в мире, которое определяется его трагическим одиночеством. Здесь поэтический пафос Цюй Юаня достигает подлинной драматической высоты. Мы чувствуем истинно гомеровскую силу.

Все это похоже на состояние прозрения, которое наступило у поэта при осознании своего действительного положения в мире, в обществе, трагического своего положения, в котором он оказался в результате неравной борьбы с господствовавшими силами.

Он сам себе повесил на шею «камень вины времени» и предал себя небытию. Это было необходимо Цюй Юаню, и лично без этого он не мог дышать в той среде, в том мире, которые его окружили и борьбе против которых он посвятил всего себя.

И уж конечно, это не плод минутной слабости, охватившей поэта в преддверии трагической развязки, и не продукт больного воображения. Напротив, это осознанное завершение противоборства, негибемого мужества, той окончательной последовательности, которую только и видел сам поэт.

В душе моей — печаль, досада, горечь,
Несу один невзгоды этих дней.
Но лучше смерть, чтоб навсегда исчезнуть,
Чем примириться с участью такой, —

признавал поэт в элегии «Скорбь изгнанника».

В 278 г. до н.э. трагически оборвалась жизнь Цюй Юаня, бросившегося в омут реки Мило в местечке Чанша в знак протеста против действий царского двора. И история знает, что Чуский ван и его царедворцы, стоявшие у трона, — истинные гонители и убийцы величайшего поэта китайского народа.

Самоуничтожение для Цюй Юаня явилось логическим завершением его борьбы против зла во имя утверждения справедливости. У поэта было достаточно оснований считать, что это было воистину безумное состояние мира и души. И счастлив был бы поэт лишь в том случае, если бы смог привести мир к чистоте, правде, справедливости.

В анналах человеческой истории Цюй Юань останется великой и блистательной фигурой, окруженной ореолом бескорыстия и патриотического долга. Глубина и драматизм неостывших мыслей и ощущений Цюй Юаня, имя которого продолжает сиять на вершинах китайской поэзии, находят пути живого соприкосновения с мыслью нашего современника. В этом неистощимая сила его поэтического таланта.

Изданные на русском языке, поэмы Цюй Юаня стали постоянным советского читателя, чье сердце широко распахнуто художникам всех времен и народов.

Слова подлинных доброжелателей

Р. С. Белоусов

На протяжении многих лет наша страна, верная своему интернациональному долгу, оказывала бескорыстную помощь и поддержку китайскому народу, боровшемуся за свое освобождение.

Сегодня маоистам, предавшим интересы своего народа и провозгласившим антисоветизм главным направлением своей политики, невыгодно вспоминать о том, какую роль сыграла всесторонняя поддержка первой страны победившего социализма китайской революции, они предпочитают замалчивать этот факт, извращают интернациональный характер помощи Советского Союза.

Не вспоминают сегодня в Пекине и о той моральной поддержке, которую оказывали советские люди китайскому народу в его освободительной борьбе, в том числе и о добрых словах дружбы советских писателей, ставших в этом смысле продолжателями традиций передовых русских литераторов, — словах, которые невозможно, как ни тшятся маоисты, ни забыть, ни перечеркнуть.

В 1840 году в Петербурге появилась книга «Цин-Кну-Тонг, или три добрых дела духа тьмы». Подзаголовок к ней уточнял, что это «фантастический роман в 4 частях». А в предисловии сообщалось, что книга вышла в Небесной империи, т. е. в Китае, на русский ее перевел якобы один промышленник, живущий в Кяхте. Действительный же автор этого сочинения — модный тогда романист и драматург Рафаил Зотов — выступал в роли издателя. Этот довольно нехитрый камуфляж, разумеется, никого не мог обмануть. «Ба! Да вот и китайский роман!.. Какое блаженство!» — восклицал

В. Белинский, отнюдь не радуясь появлению еще одной литературной поделки плодотворного Р. Зотова. В своей рецензии В. Белинский, мечтавший увидеть настоящий, неподдельный, истинный китайский роман, высмеял сочинение Р. Зотова как псевдокитайское. По «сочинительским» замашкам писал критик, оно есть подражание известному сочинению с раскрашенными лубочными картинками «нелюбо — не слушай, а лгать не мешай»; по краскам и вообще по художественной отделке оно есть подражание тоже известным российским сочинениям, вышедшим из народных суздальских литографий, а именно: «Как мыши kota погребают» и «Как пришел Яков, ерша смяка»¹.

Суровая оценка В. Белинским «китайского» романа Р. Зотова была характерна для русской прогрессивной критики прошлого века. Подобные отзывы об «экзотической» литературе не только разоблачали ее авторов перед современниками как литературных поденщиков, но и вырабатывали у читателя вкус, препятствовали распространению пошлых и поверхностных книг с Востока.

Возможно, именно благодаря этому в России жанр так называемого колониального романа не получил такого широкого развития, как, скажем, в Англии, Франции и других странах. На Западе в эпоху колониальных захватов жанр этот приобрел большое распространение и сыграл весьма неблагоприятную роль в оправдании империалистической политики держав.

Лучшие представители русской демократической литературы, если им случалось в своем творчестве обращаться к теме Китая, всегда умели преодолеть необычность материала, его «экзотичность», were самым счастливо избегая нелестной возможности продолжить в этом смысле «традиции» Р. Зотова. Они опирались на традиции передовой русской литературы. Вот отчетливо, если исторически проследить сочинения русских писателей о Китае, мы почти не найдем произведений, где искажался бы истинный облик этой страны в угоду ложной энциклопедичности, в угоду созданию вымышленного ее образа. Идеология буржуазной колониально-экзотической литературы, прославлявшая и оправдывавшая колониальные захваты западных держав, их «цивилизаторскую» миссию в лице, к примеру, таких ее представителей, как Редьярд Киплинг, Пьер Лоти (псевдоним, за которым скрывался Жюльен Вю), Клод Фаррер, Ос-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1953, т. V, стр. 519.

став Мирбо и другие, — эта идеология не получила в России такого развития, как на Западе.

Нашим соотечественникам издавна было присуще чувство уважения к жизни и быту соседнего китайского народа, стремление к изучению его самобытной национальной культуры, обычаев и прав.

Об этом, например, свидетельствуют очерки Е. Ковалевского «Путешествие в Китай», опубликованные в 1853 году². Журнал «Современник» в связи с появлением очерков в печати отмечал «ясный, верный взгляд» их автора, подарившего читателям живые, яркие картины особенностей китайской жизни, его острую наблюдательность. Не только об одном сожалел журнал, только один упрек был сделан в адрес автора очерков — «слишком коротко», хотя, надо сказать, объем книги был совсем не так уж мал: около 400 страниц³. Откликнулись на публикацию очерков и журналы «Отечественные записки» и «Москвитинин». В рецензии, помещенной на страницах первого, говорилось, что «книжка господина Ковалевского — лучшее приобретение русской литературы» того времени и что «нет никакого сомнения, что сочинение это возбудит общий интерес во всех... кто привык считать серединную империю за государство учтеннейшее и искуснейшее»⁴.

«Москвитинин» также отмечал очерки Е. Ковалевского как «отрадное явление в современной литературе». Особую заслугу автора журнал видел в том, что в очерках отсутствовали те смешные дорожные приключения, которыми часто наполняются описания путешествий, чтобы не казаться сухими дневниками. «Здесь так много дельного и любопытного, и все это рассказано так просто и отчетливо, что мы говорим еще раз наше полное русское спасибо достойному русскому путешественнику», — писал журнал⁵.

Повышенный интерес к Китаю, присущий русскому читателю, нашел, в частности, свое выражение и в том, с каким удовлетворением были встречены очерки И. Гончарова «Фрегат «Паллада», вышедшие отдельным изданием в 1858 году, а до этого публиковавшиеся в различных журналах. Русская критика дала высокую оценку этим путевым очеркам писателя, совершившего кругосветное плавание и побывавшего в Китае, за их достоверность, правдивость, за то чувство глубокой симпатии к китайскому народу, которым они проникнуты.

Критик Д. Писарев назвал эти очерки художественным произведением, существенно важным для русской литературы, отмечая тонкую наблюдательность автора. «Вы замечаете, — писал Д. Писарев, — что

нечувствительно познакомились с духом и складом ума известного народа»⁶.

Подобное в высшей степени заинтересованное отношение у нас наблюдалось к каждой правдивой книге о Китае: к очеркам Н. Гарины-Михайловского, К. Станюковича, Вас. И. Немировича-Данченко и другим. Немало добрых слов о Китае можно найти и у Л. Толстого, Н. Лескова, Д. Мамина-Сибиряка, А. Чехова, М. Горького, И. Буннина и у многих других наших писателей.

Известно, с каким увлечением Л. Толстой занимался изучением Китая, который, как считал Р. Роллан, был для него из всех стран Востока «ближе других по строю своей мысли».

Китайская мудрость, учения древних философов интересовали и М. Горького. В одном из писем к своему сибирскому корреспонденту В. И. Анучину он благодарил его «за сообщение о социальных проектах Конфуция» и добавлял, что жалеет знать об этом во всех подробностях, и спрашивал, где ему об этом прочитать. Интерес Горького к Китаю находит отражение и в творчестве писателя. В первом томе «Жизни Клима Самгина» мы встречаем описание посещения Нижегородской ярмарки в 1896 году китайским дипломатом Ли Хун-чжаном. Для этого эпизода Горький использовал свои личные газетные заметки того времени.

Тема Китая встречается у Горького в повести «Лето» и в цикле рассказов «Жалобы» и освещена теплым сочувственным отношением автора.

Не случайно и упоминание М. Горьким в романе «Жизнь Клима Самгина» о движении ихэтуаней. Во время этого восстания, направленного против империализма на китайской земле, М. Горького, по его словам, одолевали китайские мысли. «Очень хочется в Китай! — писал он А. П. Чехову. — Поедемте! Мне ужасно хочется поехать туда, и я думаю предложить себя кому-нибудь в корреспонденты...» В своем ответе А. Чехов писал, что «если война затянется, то поеду...» — он хотел ехать в Китай военным врачом.

У Д. Мамина-Сибиряка есть небольшой рассказ «Китайцы и американцы». Он интересен искренней симпатией к китайским труженикам. В нем противопоставлены друг другу два лица — мистер Брукс, который «стоит 15 миллионов», и его скромный слуга китаец Тон Ки⁷.

Делец и финансовый воротила, мистер Брукс одним из первых пришел на американский Запад, разбогател, стал владельцем «Отеля всех народов» в Сан-Франциско. В его гостинице прислуга состоит из переселенцев-китайцев. И хотя хозяин берет их к себе на службу — это богачу выгодно: «они трудолюбивы, скромны и вчетверо дешевле

² Е. Ковалевский. Путешествие в Китай. СПб., 1853.

³ См.: «Современник», 1853, т. 42, № 12.

⁴ «Отечественные записки», 1853, т. 91.

⁵ «Москвитинин», 1853, т. 6, № 22.

⁶ См.: «И. Гончаров в русской критике». М., 1958.

⁷ Д. Мамин-Сибиряк. Китайцы и американцы. М., 1914.

всякой другой прислуги», — тем не менее он не может скрыть своей к ним ненависти. В глазах расиста все это представители «низшей» расы.

Писатель, как бы отвечая ему, говорит, что нет «ни дурных, ни хороших народов и что дело не в национальности, а в том, что все мы — дети одной цивилизации, одного века». Рассказ проникнут чувством подлинной симпатии к китайскому народу и вместе с тем полон иронии к чванливому американцам, рассматривающим другие народы с точки зрения мнимого превосходства представителей «белой» расы.

Многие годы боролся китайский народ за свое освобождение. С новой силой развернулась эта борьба во время восстания ихэтуаней в начале нашего века, продолжалась во время революции в 1911 году, в тревожные майские дни 1919 года, обретая в двадцатых годах благодаря залпам Октября новую силу и направление под руководством коммунистов.

И во все периоды этой долгой и упорной освободительной борьбы представители передовой русской и советской общественной мысли, писатели выражали поддержку китайскому народу. Это была поддержка искренняя и бескорыстная, поддержка добрых друзей и соседей.

Еще Н. Чернышевский, пристально следивший за революцией тайпиров, более десяти лет ураганом бушевавшей в Китае, приветствовал восставших китайских крестьян и протестовал против агрессивных действий западных конкистадоров, пытавшихся вместе с местными феодалами задушить в крошечном восстании народа⁸.

Писатели посвящали этой борьбе свои произведения. Одно из них — написанный на документальной основе рассказ Вас. И. Немировича-Данченко «Хунхуз Ваннпо».

В начале века Вас. И. Немирович-Данченко совершил поездку в Китай. В итоге ее были созданы путевые китайские очерки «В царстве желтого дракона». Очерки содержали немало ценных наблюдений над китайской действительностью того времени, отличались серьезным писательским подходом при ее изучении. Автор предупреждал, что, несмотря на влияние красок и света, он не преувеличит действительности. Совершив первую поездку по Китаю накануне революционных событий 1911 года, Вас. И. Немирович-Данченко увидел во многих областях «неожиданный поворот»; вести оттуда, писал он позже, «полны для нас громадного значения», он называет Китай «огромной бродильней».

В рассказе «Хунхуз Ваннпо» отражена революционная борьба китайских бедняков⁹.

Ваннпо — хунхуз, т. е. разбойник, бандит. Таким он является для тех, кто ведет

его на казнь. А для бедняков это защитник, он такой же, как и они, только дерзнувший поднять оружие против их общих недругов — господ.

Ваннпо — герой, неуловимый для своих врагов. Умирая за свободу своего народа, он поет об этом в песне: «За счастье я умираю, за то, чтобы другим жилось хорошо. Моя мать — наш Китай, а братья — вы, ее замученные дети...» Обращаясь в свой смертный час к землякам, Ваннпо произносит страстную, полную революционного призыва речь.

В жизни дорого одно, говорит он, — свобода и добродетель. И завещает: «Нет хуже терпения! Правда в борьбе, и мы сбрасывающий с себя жестокого, куда лучше осла, который терпит его побои и служит ему». Ваннпо продолжает: «Отечество и его силу создают народы... Поймите же, что вы именно народ. И вас много, очень много. Если бы всех, кто носит косу, сложить в одну голову и дать им одну грудь, так достаточно было бы ей дунуть, чтобы ни одной звезды не осталось на небе».

Автор рассказа называет своего героя трибуном, в честь которого народ сложил песню, и спрашивает: исполнится ли его пророчество и воспрянет ли измученный Китай?

Исторические перемены, которые происходили на китайской земле в двадцатых и тридцатых годах, находили отражение в книгах советских писателей, принявших в этом смысле эстафету у прогрессивных писателей дореволюционной России.

Если обратиться к опыту советской литературы о Китае, и прежде всего к очеркам и здесь мы увидим, что он развивался, впитывая традиции русской прогрессивной литературы, но и с первых шагов складывался, как искусство качественно новое, в поенное свежими соками идей пролетарского интернационализма.

Героическая борьба китайских трудящихся была близка советским людям, пристально следившим за ходом китайской революции, радовавшимся ее победам и переживавшим ее поражения. Дело китайского народа было и нашим делом — делом пролетариев всего мира. Юность поколения двадцатых годов, говорит писатель Борис Полевой, проходила под знаком жгучего интереса к Китаю. «Отзвуки огромных классовых боев все время доносились к нам с Востока. Мы жадно читали каждую заметку о Китае». Зарево Кантонской коммуны окрашивало молодость Ванды Василевской как и молодость многих людей того поколения, к которому принадлежала писательница. «Мы наклонялись над картой Китая, — говорит она, — учили трудные названия китайских рек и китайских городов. Мы ждали вестей. В далеком Китае революция поднимала красное знамя, шла борьба за свободу»¹⁰. Современник событий тех лет

⁸ См.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 891.

⁹ Вас. И. Немирович-Данченко. Новое собр. соч., Пг., 1916, кн. 2, стр. 152.

¹⁰ В. Василевская. Под небом Китая. М., 1958, стр. 285.

поэт Алексей Сурков, вспоминает о том, что во время знаменитого Северного похода лекции о Китае читались не только в просторных столичных аудиториях, но и в глухих деревнях, аулах и кишлаках. О таких лекциях можно было прочитать на страницах газет. Весной 1927 года «Правда», например, сообщала о том, что в МГУ состоится вечер на тему «Китай, как он есть». Выступают: Н. Асеев, С. Третьяков, А. Безыменский¹¹. Часто проводились интернациональные вечера революционной литературы, где Китаю отводилось первое место.

В эти же годы мы познакомились с книгой Веры Юрениной о китайском театре, с первым советским балетом на современную тему, «Красный мак» Р. Глиэра, оперой «Сын солнца» С. Василенко. Зрители московских и ленинградских театров аплодировали герою пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» китайцу Сун Би-у. Тогда же появился один из первых наших мультипликационных фильмов «Китай в огне», документальные кинофильмы «Великий перелет» и «Шанхайский дневник».

Советские писатели не могли оставаться равнодушными к борьбе китайского народа. Они первыми подняли голос в защиту китайских тружеников от империалистов, бросив лозунг «Руки прочь от Китая!».

Высохшие, хрупкие страницы газет того времени хранят атмосферу горячей симпатии советских людей к революционному делу китайского народа.

Почти в каждом номере «Правды» в напряженные дни боев шанхайского пролетариата в марте 1927 года появлялись броские плакаты и карикатуры художников Морера, Дени, Бор. Ефимова. Из номера в номер печатались призывные революционные стихи Демьяна Бедного. А когда восставший пролетариат и Народно-революционная армия взяли Шанхай, советские газеты сообщили о демонстрациях в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Днепрпетровске. Грудящиеся Советского Союза приветствовали победу своих китайских братьев. «Закрытие революции!» — призывали рабочие Трехгорки, фабрики «Большевик», «Красного путиловца». С голосами рабочих перекликались слова наших писателей. «Хорошо, далекие, но близкие китайские рабочие! Поздравляем!» — писал в «Правде» Михаил Кольцов¹². В статье «Шанхайский сигнал» Николай Погодин восклицал: «Как несказанно дорого, как сердечно близко дело китайского народа русскому пролетариату»¹³.

Китайская тема в то время находила отражение в творчестве многих писателей и поэтов. В. Маяковский от имени советских людей именно в те дни протянул руку на долгую дружбу сотне миллионному рабочему Китаю. Со стихами, воспевающими борьбу

и победу китайцев, кроме В. Маяковского, на страницах газет выступают И. Уткин, Н. Асеев, А. Жаров. В 1927 году выходит полная обличительного гнева поэма Сагена Сейфуллина «Чжан Цзо-лян», в которой автор сатирически остро изобразил этого реакционера, милитариста, врага китайского народа. Несколько ранее Николай Тихонов создает свой рассказ «Друг народа» — о жизни пламенного революционера Сунь Ятсена¹⁴; публикуются рассказы, стихи, очерки многих других писателей.

Если говорить об очерках о Китае тех лет, то, по словам Б. Агапова, они открыли «впервые Китай не по Элизе Реклю, а новый, революционный Китай»¹⁵. Почти все очерки очевидцев до того, как выходили отдельной книгой, публиковались в газетах и журналах и становились как бы документами эпохи, отражавшими классовые сдвиги в Китае. Они являлись наглядным и необходимым дополнением к газетной информации о событиях в стране.

Фронтовые китайские репортажи Николая Костарева, публиковавшиеся тогда в «Рабочей газете» и позже выдержавшие не одно издание, учили понимать существо того, что происходило в Китае. Одним из первых Н. Костарев рассказал о советских военных советниках, помогавших китайским труженикам сражаться против внутренних врагов. Отражали суть и смысл событий в Китае и новеллы Оскара Эрцберга. Молодой писатель, окунувшийся в самое пекло революционных битв, мастерски передал накаленную, грозную атмосферу тогдашнего Китая, влияние идей революции на массы. Вместе с тем ему удалось увидеть и показать предательский характер гоминьдана, его стремление установить господство буржуазии.

В очерках Сергея Третьякова, собранных в книге под названием «Чжунго», публицистичность сочеталась с глубоким изображением китайской действительности. Китайская тема у С. Третьякова, наблюдавшего страну в течение двух лет, в те годы стала одной из ведущих в его творчестве. Помню книгу очерков, она питает его как драматурга, поэта и публициста. Особо надо отметить, что произведения о Китае оказывали действительную помощь китайским борцам за освобождение родины. В качестве примера можно привести пьесу, или, как называл ее сам автор, С. Третьяков, пьесу-статью «Рычи, Китай!». Это была первая пьеса советского автора, поставленная на китайской сцене. Ее острая антиимпериалистическая направленность, гневно разоблачающая преступления «цивилизованных варваров» в Китае, набатом отзывалась в сердцах китайских тружеников, тех самых бесчисленных ваньсянских лодочников, кото-

¹¹ См.: «История русской советской литературы», т. 1, стр. 677.

¹² «Правда», 22.III.1927.

¹³ Там же.

¹⁴ Н. С. Тихонов. Избр. произв., т. 2.

¹⁵ См. «I съезд советских писателей. Стенографический отчет». М., 1934, стр. 605.

рых изобразил автор в своей пьесе. «Рычи, Китай!» выдержала в Китае не одно издание и неоднократно ставилась на китайской сцене¹⁶.

Мировоззрение советских художников слова определяло содержание их произведений о Китае, являясь компасом в правильном освещении фактов китайской действительности. Оно помогало ориентироваться в сложной исторической обстановке в разные периоды революционной борьбы в Китае. Естественно, что прежде всего на страницах их книг находили отражение те, кто шел в первых рядах, борцы-коммунисты.

В романе С. Алымова «Нанкин-род», наблюдалшего Китай своими глазами, выведен образ коммуниста Чэна¹⁷. Это бесстрашный борец, страстный пропагандист дела, ради которого он отдает свою жизнь — чтобы не быть гостями на собственной земле. Книга рассказывает о борьбе шанхайских пролетариев против империалистов, против таких, как американец Линтон Ворд — шанхайский делец и авантюрист. Он вошел во вкус легкой жизни на чужой земле, постиг механизм успеха и чувствовал себя в своем особняке феодальным бароном, деспотом. Знакомство его с Китаем не пошло дальше коммерческих обследований. В его воображении Китай — это «корова с восемнадцатью сосками (по числу китайских провинций), а в стороне — удобно лежащий в кресле европеец, лениво наблюдавший за армией китайцев, терпеливо собирающих удой в большое ведро с надписью «Европа».

Но время, когда полмиллиона брошенных в ад шанхайских рабочих и кули создавали рай для нескольких тысяч белых, прошло. Китайцы хотят, как учит их коммунист Чэн, сделать жизнь такой, чтобы не нужно было искать утешения в мечтах. Он учит их действовать, бороться за эту жизнь. Отвечая сомневающимся на их слова о том, что за тысячи лет бедняки для себя ничего не сумели сделать, Чэн убежденно произносит: «Раньше не умели, а теперь сумеют... Теперь они почувствовали свою силу».

Наша критика отмечала, что книга С. Алымова, сильная своей обличительной стороной, показывает Китай «с простыми человеческими глазами». «Литературная газета» писала, в частности, что автор романа «Нанкин-род» настойчиво и успешно борется с прежним изображением Востока, характерным для Мирбо, Лоти, Фаррера¹⁸.

Тему революционной борьбы китайских трудящихся продолжил П. Павленко в романе «На Востоке», где выведен образ революционера¹⁹. Коммунист Сяо — Агитатор Партии, как его называет автор, — близок алымовскому Чэну.

¹⁶ См.: Р. Белоусов. В тысячах иероглифов. О книгах и людях. ИВЛ, М., 1963.

¹⁷ С. Алымов. Нанкин-род. Харьков, 1929.

¹⁸ См. «Литературная газета», 9.IX.1929.

¹⁹ П. Павленко. На Востоке. Собр. соч., т. I, М., 1953.

Сяо — профессиональный революционер. Он бастовал с носильщиками, сидел в тюрьмах, голодал вместе с безработными. Быть профессиональным революционером, говорит автор, — значит думать в беде за других, развивать ненависть и отчаявшиеся революционные гимны над умирающим, выступать на митингах. Коммунист Сяо — «человек, в котором отражалась с удивительной яркостью воля масс к лучшей, счастливой жизни». Таким рисует П. Павленко своего героя — одного из славной гурты подлинных коммунистов-интернационалистов, столь ненавистных сегодня макистам. Об этой книге П. Павленко, так же как и раньше по поводу романа С. Алымова, советская критика писала, что его Восток — уже не Восток Лоти и Фаррера. «Он разворочен годами войн и революций. Он — в непрерывном, судорожном возмущении»²⁰.

В это же время тема борющегося Китая находит отражение и в других произведениях наших литераторов, которые, говоря словами писателя Л. Леонова, с глубочайшей дружеской симпатией следили за героической борьбой китайского народа.

В разгар антияпонской войны Р. Фраерман написал рассказ «Смерть Юн Фа-фу»²¹.

Неуловимый и смелый партизан Юн Фа-фу, движимый искренним человеческим чувством любви и нежности к ребенку, пытается спасти его, хотя это и грозит ему смертью.

Партизану-гуманисту противопоставлен майор-японец и мельник-предатель. Юн Фа-фу погибает. И хотя он оказывается побежденным, моральная победа на его стороне — он герой в наших глазах, он поступает как подлинный сын своего народа. Писатель веря в победу китайских патриотов, подчеркивает духовное и моральное превосходство китайских революционеров над врагами. «К славному имени его нет равнодушных», — говорит автор о своем герое.

Огромный интерес советской общественности и советских литераторов к Китаю ослабел и в тридцатые годы. И в это время события в Китае становятся темой произведений многих советских художников слова. Читателям запомнились рассказы А. Хамданна, метко назвавшего свою книгу «Гнев», рассказы Юрия Королькова о помощи советских летчиков-добровольцев в войне с японскими захватчиками, образы китайцев в новеллах В. Лидина, стихи В. Луговского, Джамбула, очерк Евг. Петрова о китайском театре, боевые корреспонденции Р. Кармена с фронтов борющегося Китая.

Публиковавшиеся в 1938 г. в газете «Известия» очерки Р. Кармена спустя некоторое время вышли отдельной книжкой под названием «Год в Китае». В ней автор, исколесивший чуть не всю страну, рассказал о своих скитаниях по фронтам Китая, о простых и мужественных его защитниках, пат-

²⁰ См. «Литературная газета», 29.IV.1929.

²¹ Р. Фраерман. Избранное. М., 1958.

дрютах, стеной вставших против нашествия японской воищины.

Как бы продолжением фронтовых репортажей Р. Кармена стали созданные десятки годами позже фронтовые корреспонденции К. Симонова, изданные потом отдельной книжкой под общим названием «Сражающийся Китай».

К. Симонов в конце 1949 года, т. е. уже после образования КНР, в качестве спецкорреспондента «Правды» прошел путь вместе с наступающими частями НОА, громившей остатки чанкайшестских орд на юге Китая. Примечательно, и сегодня это следует особо подчеркнуть, что очерки К. Симонова были с одобрением встречены китайской критикой. В отличие от нынешних маоистских пропагандистов, причисливших советского писателя к «реакционерам», она писала об авторе очерков как о проникательном наблюдателе, отмечая, что очерки К. Симонова превосходны, «именно таковы, какими могут быть описания лишь большого мастера пера и подлинного друга китайского народа».

Китайские очерки К. Симонова лежат как бы на рубеже двух эпох. Они завершали рассказ о многолетней героической борьбе китайского народа, о которой в течение многих лет советские писатели, подобно летописцам, рассказывали советским людям. Вместе с тем они ознаменовали начало нового сражения, теперь уже на фронте мирного созидательного труда, — сражения за построение социалистического Китая, которое начиналось тогда на просторах Китая при активной и бескорыстной помощи Советского Союза и других социалистических стран.

В те годы наши писатели, наблюдая и изучая жизнь страны, рассказывали о ходе строительства в Китае. Об этом советский читатель узнавал из таких книг, как «Тысяча изнаний» В. Кожевникова, «Под небом Китая» В. Василевской, «Китай сегодня и завтра» В. Кетлинской, «Ветви старого вяза» С. Бабаевского, «Китай вблизи» О. Гончара. Страницы этих книг были согреты большой любовью к китайскому народу, как и китайские очерки А. Венцловы, Б. Галина, С. Залыгина, С. Кожевникова, А. Кожина, Е. Кочетова, Г. Кунгурова, С. Муканова, В. Полевого, В. Полторацкого, А. Смердова, В. Собо, А. Токомбаева, Н. Федоренко.

Главное место в своих книгах наши писатели, как и прежде, отводили образам коммунистов, истинным борцам за народное дело, таким, каким показан в рассказе В. Кожевникова партгор Линь; у Б. Галина — это молодой коммунист Ли Юань; у С. Залыгина — «бесстрашный человек» Ян Фу-лин, рабочий-революционер, всю жизнь борющийся за новый мир.

Китайская печать тех лет с одобрением отзывалась о книгах советских писателей о Китае. Журнал «Вэнь бао», например, в рецензии на очерки В. Полевого отмечал пронизывающее их горячее чувство дружбы к китайскому народу, а писатель Ба Цань

назвал эти очерки «замечательной по своей глубине книгой».

Сегодня, когда маоисты, предав интересы своего народа, пытаются извратить интернациональный характер помощи, оказанной в ту пору Страной Советов, особое значение приобретают те странички книг наших писателей, где они рассказывали о советских людях, бескорыстно помогавших делу строительства социализма на китайской земле.

С огромным уважением говорили авторы китайских очерков о наших инженерах, техниках, рабочих, которые прибыли в Китай после победы народной революции, когда перед страной открылась перспектива движения к социализму.

Советские специалисты помогали строить новые современные металлургические комбинаты, налаживать добычу нефти, вести разведку полезных ископаемых, возводить плотины и мосты.

Они знакомили китайских товарищей с достижениями советской науки и техники, советовали, учили, показывали. «Начинали сразу с самого нового, самого прогрессивного», — свидетельствовала В. Василевская. Китай, по ее словам, оказался в более выгодном положении, чем была Страна Советов, когда мы начинали. «Их заводы строятся по последнему слову техники», — писала она с гордостью за советских специалистов, пользовавшихся всеобщим уважением и любовью. «В прекрасной истории борьбы и труда советского человека возникает новая страница! — восклицала писательница. — Советский специалист помог пускать домны Аньшаня и разрабатывать планы металлургического комбината в Чунцине. Он показал, как применять лак, чтобы он не крошился и отставал, помогая таким образом улучшить продукцию велосипедного завода. Советский специалист осмотрел вентиляционную систему ткацкой фабрики в Шанхае и показал, что надо сделать, чтобы лучше очищался воздух в цехе. Советский советник приходит на большие заводы и на маленькие фабрики и в мастерские, приезжает в города и деревни. Помогает в борьбе с вредителями сельскохозяйственных культур, показывает новые методы посадки и культивации. Делится своими знаниями и опытом в больших и маленьких вопросах, будь то экономика всей страны или мелкие, хотя и важные, улучшения на заводе»²².

Об истории создания первого в Китае Чанчуньского автомобильного завода — крупного предприятия, построенного по последнему слову техники с помощью советских специалистов, — рассказал Б. Галин. Над созданием проекта этого завода работало до тридцати промышленных и научно-исследовательских институтов СССР. А технологический проект будущего завода выработывался на Московском автозаводе

²² В. Василевская. Под небом Китая. М., 1958, стр. 296.

им, Лихачева. Здесь же проходили практику и многие китайские рабочие. Один из них — товарищ Чжуан. Б. Галин рассказывает о дружбе и поддержке, которую нашел молодой китайский инженер Чжуан у советских специалистов в Москве. Их влекли к этому юноше из Китая его «пытливая жадность, горячее желание понять», упорство и стремление учиться и учиться. В свою очередь и Чжуан «понимал, что московские инженеры и мастера занимаются с ним с такой любовью потому еще, что видят в нем, как и во всех китайских практикантах, тех инженеров, мастеров, наладчиков, которые у себя на родине, в Чанчуне, будут делиться опытом с массами рабочих»²³.

Наши писатели в своих очерках о Китае стремились вскрыть смысл факта, идти в глубь характера человека, его духовного мира, раскрывая силу человеческой личности, силу разума, силу дружеских уз людей и народов. Создавая образы наших специалистов, они писали о беспокойном характере советских людей, о неизменно свойственной им черте — поиске, жажде деятельности, борьбы. На страницах очерков о Китае мы видим наших людей в деле, видим, как и здесь, в Китае, отчетливо проявляется их отношение к труду, раскрывается их высокий моральный облик. И мы вновь убеждаемся в одной из отличитель-

ных черт, присущих советскому человеку, — в его интернационализме, чувстве дружеского долга. Таков, например, Сергей Павлов из галинского очерка. Таковы и те, кто вместе с ним воплощал в жизнь идею создания моста-гиганта через Янцзы. Река «требовала нового решения задачи. Не слепое копирование старого, не простая передача опыта, а шаг вперед в мостостроении. И в одном этом, если хотите...», — говорит герой очерка, — выразился советский человек. Передовые его черты».

Большой знаток Китая академик В. Алексеев говорил об этой стране, что ее «нужно уметь видеть, обдумывать, наблюдать и наблюдать не простым, а (как в астрономии) вооруженным глазом». Зрение советских литераторов, писавших о Китае, всегда было вооружено самым лучшим в самом, пожалуй, точным инструментом, которой возможен при наблюдении жизни другого народа: дружеским чувством советского человека к китайским людям.

Если составить вместе все книги очерков советских писателей о Китае, созданные в первые годы после образования КНР, а также всю ту обширную художественно-очерковую литературу об этой стране, что была опубликована за полвека, и прибавить к этому написанное русскими писателями до революции, получится многотомная летопись жизни китайского народа в различные периоды его истории, — летопись, овященная чувством подлинного интернационализма.

²³ Б. Галин. Крепкая завязь. М., 1959, стр. 99.

«Фальсификации

продолжаются

по страницам публикаций
китайской прессы о Лу Сине

А. Н. Желоховцев,

кандидат филологических наук

Во-вторых — и это, пожалуй, самое главное, — авторитет Лу Синя настолько велик, что с ним маоисты не могут не считаться. Не было и нет такого образованного китайца, который не знал хотя бы часть произведений Лу Синя, не произносил бы с глубоким уважением его имени. Порочить этого всемирно известного писателя маоисты не решились, а использовать его авторитет и отдельные высказывания в чисто пропагандистских целях сочли выгодным и целесообразным.

Уже с первых месяцев «культурной революции» в Китае стало модным цитировать отдельные слова и выражения Лу Синя безотносительно к тому, когда и почему он их написал. Особенно часто обрывки фраз звучали в статьях и выступлениях антисоветского характера. Так, например, 31 октября 1966 г. на собрании, посвященном 30-летию кончины Лу Синя (писатель умер 19 октября 1936 г.) Го Мо-жо обрушился с бранью на общественность Советского Союза, обливая неких «диких зверей и вредителей», которые будто бы воспользовались юбилеем Лу Синя с тем, чтобы «извратить» его, надругаться над ним.

Го Мо-жо произносил эти слова, понимая, конечно, что антисоветизм противоречит всему духу творчества писателя. Право же, он знал, что Лу Синь не только переводил произведения русской и советской литературы, но и, как публицист, выступал за дружбу и сотрудничество с СССР. Среди его произведений 30-х годов имеется множество высказываний в поддержку Советского Союза, против агрессивных антисоветских вылазок белокитайских и империалистических недругов.

«... У нас, китайцев, — писал Лу Синь, — есть слабость: мы не очень-то любим рассказы о чужих достоинствах. И эта нелюбовь особенно обострилась после чистки партии (Лу Синь подразумевал гомиندان. — А. Ж.). Стоило лишь упомянуть о Советском Союзе, о его строителе, чтобы тебя заподозрили в злостной пропаганде либо в получении русских рублей... В современном Китае с высочайшего повеления или правительственного разрешения беспрепятственно распространяется подобная писанина, но читателей у нее совсем немного, ибо пропаганда остается пропагандой лишь в том случае, если немедленно и впоследствии подтверждается фактами. Факты же говорят о лживости ведущейся в Китае пропаганды»².

Общезвестно, что из всех китайских писателей XX в. и в Китае и за его пределами наибольшую известность стяжал Лу Синь. Но известно также и то, что Лу Синь не был одиноком, что вокруг него тесно сплотилась наиболее прогрессивная часть китайской интеллигенции 30-х годов, из среды которой выросло немало писателей, художников, литературных критиков, стоявших на позициях марксизма-ленинизма и преданно служивших делу китайской революции. Судьба этих деятелей культуры, которых по праву можно назвать лусиневцами, через тридцать лет после смерти их учителя оказалась трагичной: «культурная революция» объявила их «вредными элементами», «буржуазными авторитетами», а их произведения были отнесены к разряду «ядовитых трав». Единственным литератором 30-х годов, на которого не распространялись проклятия маоистской пропаганды, оказался сам Лу Синь, хотя его литературное наследие тоже было упряганно от людских глаз.

Чем объяснить тот факт, что имя Лу Синя не попало в мутный поток клеветы, выливающейся во второй половине 60-х годов на всех его единомышленников и последователей?

Объяснение этому есть. Во-первых, в свое время о Лу Сине положительно высказался Мао Цзэ-дун, назвав его полководцем «культурной революции» в Китае, «не только великим писателем, но и великим мыслителем и революционером»¹. Эти слова Мао Цзэ-дуна широко известны в Китае и отречение от них было бы равнозначным признанию собственной несостоятельности.

¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 2, Пекин, 1969, стр. 471.

² Лу Синь. Собр. соч., т. 2, М., 1955, стр. 80.

В статье «Нас больше не обманут», написанной в 1932 г., Лу Синь высказался еще смелее: «Если рабы империалистов хотя бы драться, пускай идут восставать сами (!) вместе со своими хозяевами. Интересы у нашего народа и у них прямо противоположны. Мы — против нападения на Советский Союз. Мы стремимся уничтожить нападающие на него темные силы, какие бы медовые речи они ни произносили, какой бы личной справедливости ни прикрывались»³.

Злонамеренное искажение маоистской пропагандой истинного лица Лу Синя для подтверждения антисоветских выпадов очевидно: Лу Синь выступал активным популяризатором в Китае русской и советской литературы, а в 30-х годах стал крупнейшим пропагандистом марксистско-ленинской эстетики. Он вел упорную борьбу с догматиками как публицист, отдавая этому все свои силы писателя. В борьбе с левацкими загибами Лу Синь ссылался на письма Энгельса, на высказывания В. И. Ленина, А. М. Горького, на документы ЦК ВКП(б). Уже тогда он обличал проявления национализма у так называемых «революционных» писателей.

Не считаясь с этими фактами, маоистская печать силится представить Лу Синя недругом всего советского, заявляя, например, что Лу Синь был «отважным борцом против ревизионизма» (сейчас в Китае выражение «борьба против ревизионизма» фактически стало равнозначно слову «антисоветизм»). Даже сборник статей о Лу Синь, изданный в конце прошлого года, озаглавлен: «Учась у Лу Синя, углублять критику ревизионизма». Подробнее об этом сборнике пойдет речь ниже, здесь же мы хотим лишь подчеркнуть, что, жонглируя именем Лу Синя, маоистская пропаганда прежде всего ставит своей целью раздувание антисоветизма, внедрение в стране того враждебного к СССР духа, которым была проникнута ненавистная Лу Синю белокитайская и чанкайшистская пропаганда 30-х годов. Тут уж пекинские «ценители» Лу Синя теряют самое элементарное чувство меры, выдавая белое за черное, а черное за белое.

Маоисты любой ценой стремятся заставить авторитет Лу Синя служить своим политическим целям. Прежде всего они обращаются к тем его строкам, которые в свое время процитировал Мао Цзэ-дун на Советании по вопросам литературы и искусства в Яньани в 1942 г.: «Нахмури в брови, с холодным презрением взираю на указующий перст вельможи. Но, склонив голову, готов, как буйвол, служить ребенку»⁴.

Общезвестно, что образ «ребенка» в этих стихотворных строках символизировал народ, трудящиеся массы, а под «буйволом» автор имел в виду революционера, борца за народное дело. Совсем иную трактовку стихотворению Лу Синя дала «куль-

турная революция». В ходе ее хунвэйбины и другие твердолобые маоисты объявили «буйволами» всех тех, кто верой и правдой «служит председателю Мао», а «вельможей», к которому нужно проникнуться «холодным презрением», не империализм и колониализм, а опять-таки «ревизионистов» в маоистском понимании этого слова.

Так, верность народу и революции, различно выраженная Лу Синем, превращается ныне в Китае в своеобразную клятву слепой преданности Мао Цзэ-дуну и его «идеям».

Аналогичным способом маоисты «пересмысливают» целые произведения Лу Синя. Подобная передержка была предпринята ими в 1967 г., когда «Жэньминь жибао» неожиданно опубликовала полный текст фельетона Лу Синя «Для игры благородней еще не настало время»⁵. Этот фельетон написан в декабре 1925 г., в период нарастающего подъема революции в Китае 1925—1927 гг. Зачем же понадобилось маоистам опубликовывать в центральной газете именно этот фельетон спустя 24 года, на 17-м году существования КНР?

Отвечал ли он своим содержанием политической обстановке в стране на втором году «культурной революции»?

Напомним, что в фельетоне Лу Синь обличал представителя реакционной интеллигенции Линь Юй-тана, пресмыкавшегося перед американским империализмом. Эта статья, отразившая антиимпериалистские настроения прогрессивной общественности страны в 1925 году, явилась вызовом апологетам полуколониального режима, псевдоученым, оправдывавшим духовное порабощение народа.

В 1967 году маоистская печать вновь опубликовала этот фельетон как актуальный и якобы отвечающий ситуации, сложившейся в Китае в период разгула хунвэйбинщины. В этой ситуации, однако, роль «собак» выпала не на каких-то «реакционеров» или «апологетов полуколониального режима», а на китайских коммунистов, которые в 60-х годах оставались верными решениям VIII съезда КПК и оказались в оппозиции маоистскому курсу. «Кучка облеченных властью в партии и идущих по капиталистическому пути не просто «кусачие псы», а «дликие звери-людоеды», — витийствовала «Жэньминь жибао», используя слова лусневского фельетона⁶. Повторяя его призыв «добьем упавших в воду собак», маоисты требовали расправы над китайскими коммунистами, над всеми истинными марксистами-ленинцами. Нужно ли еще доказывать, сколь разительна была разница между взглядами и политической позицией Лу Синя и его нынешних «почитателей» в Китае!

Но маоистов это не смущало, и дело дошло до того, что к Лу Синю приравняли Цзян Цин! Это было предпринято для того,

³ Лу Синь. Собр. соч., т. 2, М., 1955, стр. 85.

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. III, Пекин, 1959, стр. 120.

⁵ «Жэньминь жибао», 17. VII. 1967.

⁶ Там же.

чтобы прославить «героиню» «культурной революции» по всем канонам китайской придворной лести. Некто Цзи Хун-сюй писал тогда: «Главным проводником пролетарского революционного курса председателя Мао в отношении литературы и искусства на культурном фронте в 30-х годах был Лу Синь, а в 60-е годы самым смелым, самым решительным, самым последовательным пролетарским революционером, проводящим пролетарский революционный курс председателя Мао в отношении литературы и искусства на культурном фронте, является наша горячо любимая товарищи Цзян Цин»⁷.

Так на протяжении ряда лет пекинская пропаганда приспосабливала авторитет Лу Синя к требованиям и нуждам «культурной революции». После IX съезда КПК имя Лу Синя еще чаще стало появляться в газетах и других изданиях КНР. Но в статьях о Лу Сине, содержащих по-прежнему антисоветский подтекст, отчетливо проявилась и основная тенденция внутривластного курса, намеченная IX съездом: углубление и расширение так называемой «классовой борьбы» (то есть борьбы против Лю Шао-ци и всех других «инакомыслящих») в целях укрепления военно-бюрократического режима в стране. «Как бы ни была сложна обстановка классовой борьбы и борьбы линий, имевших место в то время, — писала «Жэньминь жибао», — Лу Синь всегда был в состоянии осознанно стоять на стороне пролетарской революционной линии председателя Мао»⁸. Эта фраза могла бы быть эпиграфом ко всему, что написано и опубликовано в китайской прессе о Лу Сине.

В сентябре 1971 г. в Пекине приняли решение отметить 90-летие со дня рождения писателя. Подготовка к юбилею началась заранее публикацией статьи Чжоу Цзянь-жэня⁹ — одного из младших братьев писателя, которому сейчас далеко за восемьдесят. Он является заместителем председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и заместителем председателя ревкома провинции Чжэцзян. За первой его статьей последовали и другие. То, что ряд статей о Лу Сине, появившихся в 1971 г., был подписан его именем, видимо, не случайно: таким образом пекинская пропаганда хотела придать бо́льший авторитет официальной точке зрения на лусиневскую публицистику.

Как же Чжоу Цзянь-жэнь подтверждает мысль о причастности Лу Синя к так называемой «линии Мао Цзэ-дуна»?

Обратимся к конкретным примерам. Известно, что Лу Синь, приветствуя борьбу освобожденных советских районов в Китае, послал телеграмму ЦК КПК, в которой, в частности, говорилось: «На вас возлагает

свои надежды Китай и человечество». Этот общеизвестный факт дает повод автору статьи делать такой неожиданный вывод: «Здесь полностью выражена безграничная горячая любовь Лу Синя к председателю Мао». Как мы видим, налицо явная фальсификация, рассчитанная на несведущего читателя.

Опять-таки с целью извращения истины автор выдергивает из публицистики Лу Синя лишь цитаты, отрывая их от контекста и статей в целом. Так, говоря о трудностях и жертвах революционной борьбы в Китае, Лу Синь писал: «Для революционера хорошо начать нетрудно, труднее потом сохранить стойкость и хорошо кончить». Эти слова, которые отражали тяжелую борьбу китайских революционеров, Чжоу Цзянь-жэнь использует для оправдания гонений на ветеранов революции и антияпонской войны, на тех, кто имел заслуги перед партией и народом, а теперь, дескать, «остановились в своем развитии» (иначе говоря, не поддерживают нынешний политический курс).

Далее автор статьи объявляет, что Лу Синь якобы претерпел в своем политическом развитии «коренное перерождение». Это, мол, и сделало его «великим пролетарским литератором в отличие от всяких *ский*».

Здесь нельзя не увидеть националистическое по духу противопоставление Лу Синя тем иностранным литераторам, чьи фамилии оканчивались на *ский*. Сам Лу Синь, как уже было сказано, много и с уважением писал о зарубежной, и в первую очередь о советской, литературе. В заметке «Приветствую литературные связи Китая и России»¹⁰ Лу Синь высоко оценил творчество Ф. Достоевского и советского писателя Ю. Либединского, чья повесть «Неделя» была переведена в Китае. Но для Лу Синя это обстоятельство (окончание фамилии на *ский*) не было ни символичным, ни определяющим. Кроме переводов многих статей Луначарского, Лу Синь переводил М. Горького, А. Чехова, редактировал перевод «Тихого Дона» М. Шолохова — ненавистной для маоистов книги. В послесловии к китайскому изданию «Тихого Дона» он выразил надежду, что эпопея М. Шолохова будет способствовать «появлению в Китае новых писателей, которые покажут живую душу людей своей родины — великого древнего государства». Злобная клевета маоистов на М. Шолохова и восхищение Лу Синя эпопеей «Тихий Дон» — может ли быть более ярко выражена та пропасть, которая разделяет великого писателя от нынешних его пекинских «ценителей»?

Повторяя основные положения Чжоу Цзянь-жэня, другие авторы кое-что добавляют и от себя. Так, например, некто Вэй Гэ-мин, вовсе не задаваясь целью научно и объективно осветить творчество Лу Синя и его общественную деятельность, но при

⁷ «Гуанмин жибао», 1. IV. 1968.

⁸ «Жэньминь жибао», 20. X. 1971.

⁹ Чжоу Цзянь-жэнь. Учиться у Лу Синя, углублять критику ревизионизма. — «Хунцзи», 1971, № 3.

¹⁰ Лу Синь. Собр. соч., т. 2, М., 1955, стр. 98—102.

этом распространяясь в общих словах о «величии Лу Синя», заявляет, что писатель якобы не отличался самостоятельностью, не являлся независимым мыслителем и даже не был... талантистым литератором. «Основной творчество Лу Синя, — подчеркивает он, — был не талант, а классовая борьба».

По сути дела, эта статья явилась одной из попыток подтвердить давно уже появившийся на свет тезис маоистской пропаганды о том, что-де нынешнее так называемое «перевоспитание» интеллигентов в Китае требует отречения их от способности рассуждать, то есть попыткой еще раз (при помощи отдельных фраз Лу Синя) обосновать отрицание творчески одаренной личности.

* * *

Как видно из сказанного, имя Лу Синя склоняется китайскими пропагандистами на все лады. В минувшем году его именем и авторитетом активно спекулировали те, кто стремился, сохранив сущность маоистского курса, внести в него тактические коррективы, чтобы укрепить пошатнувшуюся веру масс в маоизм и сделать политику и пропаганду более эффективной. Этому отчасти посвящена статья Цзи Вэнь-куня «Братья с Лу Синя пример для изучения марксизма-ленинизма, изучения общества», в которой, безудержно прославляя «культурную революцию», разглагольствуя о ее «полной победе», автор снова возвеличивает Цзян Цин в выражениях, знакомых еще по 1968 г. Сопоставление этих столь различных имен, по-видимому, преследует прежнюю цель — возвысить Цзян Цин, укрепить ее авторитет и позиции. Вместе с тем автор статьи обрушивается с обвинениями на Чжоу Яна и Лю Шао-ци, упрекая их за приверженность к «буржуазным демократам царской России», и прежде всего к Н. Г. Чернышевскому. По признанию автора статьи, «многие китайские писатели опьянялись литературными теориями буржуазной России XIX в., ценили их как священное писание... не читали сочинения председателя Мао»; поэтому-де часть писателей даже создала «ядовитые сорняки». Эти «аргументы» не новы. Ненависть к русским революционерам-демократам со всей полнотой выразили хунвэйбины еще в 1966 г. Если же «Гуанмин жибао» в 1971 г. возрождает их взгляды на русскую революционную демократию, то это может свидетельствовать только о том, что действительно люди, уважающие Чернышевского, Белинского, Добролюбова, отвергают маоизм. Но вот, «развенчав» русских революционеро-демократов, Цзи Вэнь-кунь выставляет в противовес им лицо, которое должно служить «положительным образцом». Это Лу Синь. Автора не смущает тот факт, что Лу Синь глубоко уважал Чернышевского и Добролюбова, учился у них, любил русскую литературу XIX в., призывал братья с нее пример, говоря о развитии китайской революционной литературы. Умалчивая об этом,

автор статьи безапелляционно заявляет, будто Лу Синь «был одиноким независимым деревом».

Таков еще один пример того, как китайская пропаганда извращает деятельность Лу Синя, не считаясь ни с фактами, ни с логикой, забывая об элементарной добросовестности. Однако Цзи Вэнь-кунь не ограничивается единственной фальсификацией. За одной следует и другая. То и дело в его статье повторяется тезис о связи творчества с «общественной практикой», но в этом тексте внешне, казалось бы, правильный тезис в действительности означает требование ограничить литературу и искусство одной целью — воспевать деяния маоистов. Poleмику, которую вел Лу Синь при жизни, маоисты беззастенчиво адресуют ныне существующей оппозиции. При этом цитаты произведений самого Лу Синя в статье почти нет, а взяты лишь те слова, которые приводил в своих выступлениях Мао Цзэ-дун.

То же самое можно сказать о статье Чжун Вэнь-си из Фуданьского университета «Надо изучать их тактику. (Читая послесловие Лу Синя к «Книге о ложной свободе)». Заглавие, как мы видим, взято из указаний Мао Цзэ-дуна о борьбе с Ху Фэном, китайским писателем и литературоведом, арестованным еще в 1955 г. за анти-маоистскую деятельность. Автор приводит высказывание Мао Цзэ-дуна: «Они имеют длительный опыт классовой борьбы, умеют применять легальные и нелегальные формы. Мы, революционеры, должны раскусить их, надо изучать их тактику, чтобы победить их». Ясно, что за местоимениями «они», «их» в данном случае скрываются те коммунисты-интернационалисты, с которыми жонглирует именем Лу Синя, маоисты призывают вести борьбу. Вместе с тем автор называет Лу Синя авторитетом, «раскусившим тактику классовых врагов». Он пишет: «Лу Синь разоблачил Лю Шао-ци, Чжоу Яна и других обманщиков». Тут великий писатель причисляется к союзникам маоистов, как говорится, совершенно без спроса. Общеизвестно, что полемика Лу Синя с Чжоу Яном в конце 30-х годов вовсе не носила враждебного, антагонистического характера, а Лю Шао-ци вообще был вне поля зрения писателя. И тем не менее Чжун Вэнь-си, стягивая Лу Синя в нынешнюю так называемую «борьбу двух линий», представляет его поистине воинствующим маоистом.

Все это еще раз говорит о том, что нынешняя шумиха вокруг имени Лу Синя есть не что иное, как прикрытые для выражения собственных взглядов различного рода преследователей «идей Мао Цзэ-дуна». Особо следует отметить, что под флагом «авторитета Лу Синя» развертывается своеобразная кампания за «реформу» пекинской пропаганды. Оставляя в неприкосновенности ее суть и цели, маоисты хотели бы найти средства совершенствовать стиль и форму. За этими попытками обновления пропаганды, несомненно, скрывается серьезная тревога тех, кто ею руководит.

«Учиться боевому стилю публицистики Лу Синя» — так озаглавил свою статью Чжун Бинь¹¹. Он ратует за изменение стиля пропаганды ради доходчивости и выразительности. Может быть, пекинское руководство наконец-то стало осознавать, что сухие, скучные статьи, из которых вытраивается даже намек на живую мысль, не возмущают на изнуренные эксцессами «культурной революции» население? Видимо, это так, хотя пекинские власти, разумеется, не помышляют о радикальных изменениях курса или политической платформы. Речь идет лишь об изменении «литературного стиля». Поощряется краткость, доходчивость, выразительность. В связи с этим снова поднимается на щит имя Лу Синя.

Несомненно, публицистика Лу Синя написана великолепно, у него действительно есть чему учиться, в том числе и стилю. Однако едва ли возможно гибкие и сложные изобразительные средства лусиневской художественной публицистики применять для пропаганды, в основе которой лежат догмы и формулировки, цитаты и свыше установленные термины, давно уже определившие особый, однообразный, казенный язык и стиль. Поэтому нельзя без иронии отнестись к такому, например, правильному, но абсолютно неосуществимому в этих условиях требованию Чжун Биня: «Литературный стиль является отражением духовного облика автора и мировоззрения определенного класса. Выдвигать некий стиль, бороться против какого-то стиля — все это непосредственно связано с борьбой классов и курсов на фронте идеологии и политики. Ясное разграничение лжи и правды, сильная и пылкая любовь и ненависть придают стилю Лу Синя величайшую остроту и ясность».

В статье Чжун Биня ведется разговор о вреде политической демагогии, при этом говорится, что Лу Синь не любил «праздно болтавших о высоких принципах».

Что ж, это справедливо: Лу Синь действительно не выносил демагогов, бросавших с трибуны левацкие, псевдореволюционные фразы. В статье «Революционная литература» он выделил «два типа писателей», которые незаслуженно именуются «революционными»: одни под защитой властей выискивают и бранят неких «врагов»; другие же «испещряют бумагу словами «бей», «убивай»¹². «Слова «бей» или «убивай», — замечает Лу Синь, — на первый взгляд кажутся действительно очень революционными, но ... если перед их автором нет никакого врага, а за спиной — ни одного сторонника, они звучат как бессмысленный барабанный бой».

Если бы Чжун Бинь привел в своей статье это высказывание Лу Синя, он наверняка сказал бы всю правду о маонистской пропаганде нынешних дней. Но этого выска-

зывания он не привел, да и не мог привести: из Лу Синя ныне цитируется только то, что укладывается в рамки директив пекинских властей. Именно поэтому, сколько бы Чжун Бинь и ему подобные ни распространялись о «вреде» демагогии, сколько бы на словах они ни клялись в верности марксизму-ленинизму, на деле они же и оказываются демагогами, против которых восставал Лу Синь. Разве может честный работник печати отстанывать, например, человеконенавистническую проповедь аскетизма, навязывать людям «идею» самоотречения? Касаясь подобных писак, Лу Синь заявлял, что «нередко в Китае разом испровергают и эгоизм, и индивидуализм, и личность, думая, что стоят на позиции исторического материализма». «Если люди по таким авторам будут судить об историческом материализме, — подчеркивал писатель, — то это очень скверно»¹³.

Как мы уже говорили, после IX съезда КПК китайская пропаганда заострила вопрос о так называемой «борьбе двух линий» и «классовой борьбе». Целью этого, по сути дела, может быть только одно: не дать народу возможности жить в мирной и дружественной атмосфере, разобщать людей, насаждать шпиономанию, подозрительность, недоверие, отчужденность.

В числе мер раздувания в народе так называемой «классовой борьбы» маонистская пропаганда обратилась и к Лу Синю как якобы к теоретику и проповеднику этой политики. Людям старшего поколения, конечно, понятно, что это не что иное, как низкопробный пропагандистский трюк: они в прошлом читали Лу Синя и помнят такие, к примеру, слова: «Я сильно сомневаюсь в людях, именующих себя «руководителями». Опыт мне подсказывает: большинство из них, рядящихся под революционеров и легко раздараивающих другим страшные ярлыки, вроде «перерожденец», «контрреволюционер» или «изменник», идут по ложному пути. Они мастерски убивают революционные силы нации и рассматривают революционный лагерь как собственную вотчину, не заботясь об интересах масс».

Здесь что ни слово — то сокрушительный удар по нынешним пекинским руководителям. На самом деле: кто, как не они, присвоил право называть себя революционерами и в то же время порочить мировое коммунистическое и рабочее движение? Кто, как не они, отравляет жизнь своего народа, навязывая ему совершенно чуждые великодержавные, шовинистические лозунги, превращая страну в военную казарму, действительно убивая здоровые, революционные силы нации?

Эти вопросы наверняка возникнут в головах не только старшего, но и молодого поколения граждан КНР при чтении того Лу Синя, каким он был, а не каким его си-

¹¹ «Жэньминь жибао», 11.VIII.1972.

¹² Лу Синь. Собр. соч., т. 3, стр. 407 (на кит. яз.).

¹³ Лу Синь. Собр. соч., т. 3, стр. 100.

лится представить официальная китайская пропаганда.

Ныне все статьи о Лу Синь, написанные в Китае за последние три года, объединены в сборник «Учась у Лу Синя, углублять критику ревизионизма». Сборник этот хотя и внушительного объема, но далеко не разнообразен: какую бы мы ни открыли страницу, сталкиваемся все с тем же чтивом, что продемонстрировали Чжоу Цзянь-жэнь, Вэй Гэ-мин, Чжун Бинь. Для чтива этого характерна одна общая черта: обильное цитирование различного рода высказываний Мао Цзэ-дуна и очень робкое — слов Лу Синя. Уже эта деталь наводит на размышление о том, какой эффект может произвести подобное издание на китайского читателя. Вполне возможно, что эффект будет совсем иного рода, чем ожидают издатели и составители сборника. Ведь пока о Лу Синь вообще умалчивали или говорили не так уж много, могла на время притупиться к нему и тяга читателей, особенно молодежи. Ныне же вслед за «Хунци» и «Жэньминь жибао» статьи о Лу Синь стали появляться в таких полуофициальных газетах и журналах (кстати говоря, разгромленных во время «культурной революции»), как «Бэйцзин жибао», «Вэньхуэй бао», «Дачжун бао» и других; и, наконец, центральное издательство «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» тоже выпустило большим тиражом вполне доступный по цене рядовому читателю сборник статей о Лу Синь.

Думается, этого вполне достаточно, чтобы Лу Синь в настоящее время приковал к себе внимание огромной читательской массы Китая. Здесь надо подчеркнуть, что читатель статей о Лу Синь, естественно, захочет видеть самого Лу Синя без маоистских регалий и ярлыков, навязанных великому пи-

сателю его братом и прочими современными «критиками». И тогда тяга к Лу Синю может привести к непредвиденным для маоистов результатам и произведения писателя, официально не названные «ядовитыми травами», могут оказаться гораздо опаснее даже тех произведений соратников и наследников Лу Синя, которые давно уже отнесены к «ядовитым».

Говоря в целом о материалах, посвященных Лу Синю, опубликованных в китайской прессе в последние годы, нетрудно сделать вывод, что ничего сколько-нибудь существенного в изучение и анализ наследия Лу Синя, его творчества, его общественной деятельности они не внесли.

Наследие Лу Синя является достоянием китайской культуры, оно неотделимо от нее. Использование же отдельных, вырванных из контекста фраз, преднамеренное их перекручивание на потребу момента в целях сиюминутной междоусобной политической борьбы, в целях раздувания антисоветизма, разумеется, не может повредить самому Лу Синю, его престижу и тому уважению, которым он пользуется у китайского народа, у народов всего мира.

По сообщению агентства Синьхуа от 9 апреля 1973 г., издательство «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» приступило к переизданию полного собрания и отдельных сборников произведений Лу Синя.

Это отрядный факт. Если ныне в Китае будет издан Лу Синь в полном объеме (ведь до этого на страницах китайской прессы речь заходила лишь о возможном издании «некоторых пестрых заметок» писателя), — любой гражданин КНР сможет сам судить, какова цена тем статьям и статейкам последних лет, о которых речь шла выше.

Резолюция VI съезда КПК о крестьянском движении

Публикуемая ниже «Резолюция о крестьянском движении» (в русском переводе известна как «Резолюция по крестьянскому вопросу») была принята на заключительном этапе работы VI съезда КПК 9 июля 1928 г.¹ после продолжительной и плодотворной дискуссии. Общую оценку резолюции, ее значения и места в разработке аграрно-крестьянской политики КПК читатель найдет в статье о VI съезде КПК, публикуемой в этом номере журнала. В кратком введении к публикации хотелось бы добавить следующее.

Проект резолюции был составлен комиссией съезда на основе всестороннего изучения широкого круга материалов о борьбе крестьянства в различных районах страны, в особенности материалов восстаний в Хайфине, Луфыне, Пинцзяне, Лилине, в северном Гуандуне и южной Хунани в конце 1927 — начале 1928 года. Это обстоятельство определило ее практическую ценность, охват важнейших вопросов организации крестьянского движения под руководством КПК, под лозунгами аграрной революции, создания советских органов власти и вооруженных сил компартии.

Вместе с двумя другими документами съезда — «Резолюцией по аграрному вопросу» и «Резолюцией по организации советской власти» — данная резолюция заложила принципиальные основы политики партии на новом этапе в деревне.

В конце 1928 — начале 1929 г. этот документ вместе с другими резолюциями VI съезда КПК стал основным руководством по организации крестьянского движения во всех основных партизанских базах Китая.

Жизненность и глубину основных положений резолюции — ее указаний на необходимость сочетать борьбу за частные требования с главными лозунгами аграрной революции, указаний на роль партизанской войны и условия ее развертывания, на роль молодежи в формировании вооруженных сил, а главное — правильность ее ориентации на использование всех наличных форм борьбы и организации крестьянства под руководством партии — подтвердил весь дальнейший ход революционной борьбы в деревне. По существу, в этом документе была поставлена задача и намечены конкретные пути развертывания крестьянской войны под руководством КПК, то есть были намечены, «схвачены» основное содержание советского движения и важнейшая сторона всего процесса китайской революции, получившие четкое определение несколько позже — в «Резолюции Президиума ИККИ о задачах КП Китая» от 26 августа 1931 года².

Содержание «Резолюции о крестьянском движении», «Резолюции по аграрному вопросу» и «Резолюции об организации советской власти» еще раз наглядно показывает полную несостоятельность мифа маоистской историографии о Мао Цзэ-дуне как о «единоличном создателе» теории аграрно-крестьянского вопроса в Китае, как об

¹ «Стенографический отчет VI съезда КПК», М., 1930, кн. 6, Разд./паг.

² «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая», М., 1934, стр. 296.

авторе «единственно правильной линии» в вопросах крестьянского движения, партизанской борьбы и строительства вооруженных сил КПК.

На русском языке резолюция была опубликована лишь в издании «Стенографический отчет VI съезда КПК» (кн. 6 «Резолюция VI съезда КПК»), ставшего ныне библиографической редкостью. Публикуемый текст сверен с китайским текстом резолюции, опубликованным в сб. «Резолюции VI Всекитайского съезда КПК» (М., 1928, на кит. яз.).

Резолюция о крестьянском движении

(ПРИНЯТА 9. VII-28 г.)

I. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Ухудшение условий жизни крестьянских масс.

Положение в деревне в настоящее время характеризуется ухудшением условий жизни широких крестьянских масс, вызванным, с одной стороны, непрекращающимися милитаристскими войнами и экономическим кризисом в стране, и с другой — усилением непосредственного гнета и эксплуатации крестьянства в результате временной победы буржуазно-помещичьей реакции. В силу этих условий классовые противоречия в деревне крайне обострились; крестьянское движение выдвигает более глубокие и высокие требования, его борьба становится более ожесточенной*.

2. Подъем крестьянского движения и неравномерность его развития.

Крестьянские вооруженные восстания и партизанские выступления во многих провинциях за последние месяцы свидетельствуют о значительном росте крестьянского движения (установление советской власти в ряде уездов, захват и передел помещичьей земли, истребление шэньши, ростовщиков и т. д.) и о значительном расширении территории борьбы (вплоть до Северного Китая и Манчжурии). Вместе с тем на данном этапе особенно ясно обнаружилось локальный характер и неравномерность крестьянского движения, обусловленные как общими объективными факторами (распыленность крестьянского населения, огромная территория, слабое развитие путей сообщений, различные экономические уклады), так и недостаточным организационным охватом крестьянских масс и слабым централизованным руководством движения со стороны КПК.

3. Особенности крестьянских требований в различных районах крестьянской борьбы.

Требования крестьянства в последнее время обнаруживают определенные особенности и различия в характере крестьянского движения в разных районах страны. В провинциях Южного и Центрального Китая, где обезземеленное крестьянство, составляющее большинство сельского населения, выступает против класса помещиков, стержнем борьбы является вопрос о земле и о захвате власти.

В Северном Китае (Хэнань, Шаньдун, Чжили, Манчжурия), где преобладает мелкое «самостоятельное» крестьянство, борьба направлена преимущественно против налогового гнета и военных мобилизаций милитаристов, против чиновничества, тухао и шэньши, против власти милитаристов.

* Выделено в китайском тексте.

Эта борьба также представляет собой форму разрушения феодальных земельных отношений. На Севере разворачивается также борьба арендаторов против помещиков за землю. Но сейчас там преобладает борьба самостоятельного крестьянства за сохранение своей земельной собственности.

II. КЛАССОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ДЕРЕВНЕ И ТАКТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ КОМПАРТИИ

1. Классовые противоречия выявляются по мере развития крестьянской борьбы.

Опыт крестьянского движения показал, что в борьбе против милитариста, помещика, тухао, шэньши и всех видов феодальной эксплуатации вся масса крестьянства может выступать единым политическим фронтом. Однако по мере углубления и развития крестьянской борьбы очень скоро выявляется классовый антагонизм между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией, между бедной и зажиточными слоями деревни. Особенно наглядно это проявляется после победы крестьянских восстаний при уравнительном переделе земли.

2. Особенности китайского кулака и тактика по отношению к кулаку.

В процессе развития крестьянского движения кулачество часто занимало пассивную, нейтральную или враждебную позицию и часто быстро переходило в лагерь контрреволюции. Это объясняется особенностью китайского кулака, которая заключается в том, что кулак практикует капиталистические и докапиталистические, феодальные формы эксплуатации. Китайский кулак часто выступает и как эксплуататор наемного труда в сельскохозяйственном или торгово-промышленном предприятии, и как помещик, сдающий часть своей земли в аренду на кабальных условиях, эксплуатируя также крестьянскую бедноту путем ростовщичества. Партия, предвидя дальнейшую дифференциацию крестьянства и неизбежность перехода кулака в лагерь контрреволюции, должна, развивая крестьянское движение, готовиться к следующему этапу борьбы.

Поскольку и где кулак уже сейчас выступает как реакционная сила, постольку и там борьба против кулака должна идти одновременно с борьбой против милитариста, помещика, тухао и шэньши.

Там, где кулачество вследствие угнетения милитаристами и чиновниками еще не исчерпало своих революционных возможностей и продолжает борьбу, КПК должна стремиться к вовлечению кулака в общекрестьянскую борьбу против милитаристов, помещиков, тухао и шэньши.

Там, где кулачество колеблется между революцией и контрреволюцией, партия должна в пределах, не наносящих вреда интересам борьбы бедноты против кулаков, не заострять борьбу против кулака и не толкать его на переход в лагерь контрреволюции, не превращать его в активного врага революции. На этом этапе революции партия должна нейтрализовать эту группу кулачества, чтобы уменьшить силы врагов.

Однако борьбу за интересы батрачества и крестьянской бедноты необходимо продолжать и уступки кулачеству ради сохранения единого фронта недопустимы.

3. Союз с середняком и основное условие победы аграрной революции.

Крестьянская беднота и сельскохозяйственный пролетариат, борющиеся под руководством рабочего класса, являются основными движущими силами аграрной революции. Наряду с этим союз с середняком является важнейшим условием победы аграрной революции. Выдвигаемая КПК

программа конфискации всей помещичьей земли и передачи ее без- и малоземельному крестьянству может быть поддержана широкими массами среднего крестьянства, ввиду того что среднее крестьянство составляет часть общей массы крестьянства, угнетаемого всеми видами феодальной эксплуатации.

4. Тактическая линия КПК на данном этапе революции.

На данном этапе революции основной тактической задачей КПК является создание единого фронта подавляющего большинства эксплуатируемого пережитками феодализма крестьянства от батрака до середняка включительно. При этом необходимо при всех условиях обращать особое внимание на работу среди бедноты, препятствовать захвату кулаками руководства в крестьянских организациях и укреплять в них идеологическое и организационное руководство бедноты и батраков.

III. ВОПРОС ОБ УРАВНИТЕЛЬНОМ ПЕРЕДЕЛЕ ЗЕМЛИ

1. Лозунг уравнительного передела земли необходимо поддерживать, но одновременно критиковать.

В районах, где находится большое количество безработного и бедного крестьянства, естественно, возникает движение за уравнильный передел земли. В тех случаях, когда за этот лозунг стоит большинство крестьянской массы, КПК должна поддержать его, потому что этот лозунг вычищает самым основательным образом все феодальные пережитки и наносит удар всей системе частной собственности.

В то же время партия должна критиковать иллюзорные, мелкобуржуазные представления, согласно которым реализация лозунга уравнильного передела является осуществлением социализма. Необходимо разъяснить крестьянству, что при капитализме невозможно настоящее равенство, что лишь после победы пролетарской революции можно будет пойти по пути подлинного строительства социализма.

2. В районах преобладания среднего крестьянства нельзя проводить принудительных переделов.

В районах преобладания среднего и мелкого крестьянского землевладения, где уравнильный передел может ущемить интересы широких слоев среднего крестьянства, нельзя проводить никаких принудительных переделов.

IV. СЕЛЬСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

1. Сельский пролетариат должен иметь самостоятельную организацию и программу.

Сельскохозяйственный пролетариат и полупролетариат являются опорой партии в деревне. Важнейшей задачей КПК является организация сельского пролетариата, выдвигание ясной программы его требований и руководство его классовой борьбой. На юге, там, где в крестьянском движении установилась гегемония бедноты, необходимо создавать батрацкие секции при существующих крестьянских организациях и усилить в последних руководящую роль батрачества. В районах, где развито кулацкое и по-

мещичье хозяйство, необходимо создавать самостоятельные организации деревенского пролетариата (батрацкие союзы). Члены этих союзов должны входить одновременно в крестьянские союзы и быть связанными с уездными профсоюзными организациями. Там, где не создаются батрацкие союзы, необходимо в крестьянских организациях формировать крепкие батрацкие секции. Деревенские ремесленные рабочие могут входить в батрацкие союзы.

Необходимо также развернуть работу и среди переселенцев в Манчжурии и Внутренней Монголии, являющихся обычно безземельными крестьянами других провинций и пришедших в эти районы для работы в качестве сельскохозяйственных рабочих.

V. РОЛЬ ЖЕНЩИН В КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ

Огромное значение для успешного революционного крестьянского движения имеет вовлечение в него крестьянок. Принимая непосредственное участие в крестьянском хозяйстве, заполняя ряды наемных сельскохозяйственных рабочих, наконец, играя крупнейшую роль в крестьянском быту, крестьянки не могут быть в стороне от разворачивающейся в деревне классовой борьбы. Опыт крестьянского движения в ряде районов показал, что крестьянки составляют один из наиболее активных отрядов борющегося крестьянства. Пренебрежение вопросом вовлечения крестьянок в революционную борьбу может быть чревато серьезными неудачами для аграрной крестьянской революции.

Важнейшей задачей партии является максимальное вовлечение крестьянок в аграрную революцию в качестве активных ее участников, вовлечение их во все революционные организации крестьянства, и в первую очередь в крестьянские союзы и советы.

VI. МОЛОДЕЖЬ В КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ

Роль крестьянской молодежи в крестьянском движении и в борьбе за землю была чрезвычайно велика. В советских районах, в крестьянских партизанских отрядах и в других формах крестьянской борьбы участвовала большая часть крестьянской молодежи. Необходимо и в дальнейшем повышать роль молодежи в разных формах борьбы крестьянства. Необходимо выдвигать особые требования, обеспечивающие интересы молодежи, и содействовать их удовлетворению. Нужно вовлечь молодежь в активную работу в крестьянских союзах и советах. Необходимо усилить отделы молодежи в крестьянских союзах и помогать организации «авангарда молодежи» и пионеров.

VII. ПРОПАГАНДА АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ И ПОДДЕРЖКА ЧАСТИЧНЫХ ТРЕБОВАНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА

КПК, имея своей ближайшей задачей распространение влияния на широкие крестьянские массы, должна всемерно популяризировать аграрную программу, увязывая ее с особенностями местных условий. Вместе с тем в районах со слабым движением и в районах, где крестьянское движение потерпело временное поражение, партия должна поддерживать всевозможные частичные требования, выдвигаемые крестьянством (например, снижение арендной платы, снижение ростовщического процента, борьба против налогов), одновременно стремясь к подъему движения на более высокую ступень.

VIII. КРЕСТЬЯНСКИЕ СОЮЗЫ И ДРУГИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

1. Необходимо всемерно расширять и укреплять организации крестьянских союзов.

В крестьянском движении в Южном и Центральном Китае в последние месяцы обнаруживается известное сужение организующей и руководящей роли крестьянских союзов, вызванное перенесением центра тяжести крестьянской борьбы в сторону партизанских выступлений, недостаточно связанных с широким массовым движением. Крестьянские союзы в Южном и Центральном Китае являются исторически сложившейся формой революционных организаций и имеют в крестьянских массах большой авторитет. КПК должна стремиться к расширению и укреплению крестьянских союзов, сплачивать миллионные массы и готовить их к новому революционному подъему. Крестьянские союзы должны сохранить свое значение как средство мобилизации широчайших масс крестьянства вокруг лозунгов революции.

В условиях господства реакции в деревне крестьянские союзы должны действовать как нелегальные организации, руководящие всеми формами крестьянской борьбы, начиная с отказа от взноса арендной платы, отказа от уплаты налогов, с расправы с помещиками и шэньши и кончая подготовкой и руководством вооруженного восстания.

Внутри крестьянских союзов необходимо добиваться, насколько это возможно, демократизации, избегать методов назначенчества, стремиться сделать крестьянские союзы настоящими массовыми организациями.

2. Крестьянские союзы и советы.

Во время восстаний крестьянские союзы являются руководящими органами восставших масс. После победы восстания крестьянские союзы естественно становятся костяком новой власти советов крестьянских депутатов. После установления советской власти решение всех политических и экономических дел деревни должно сосредоточиваться в советах.

3. Тактика в отношении союзов «больших ножей», «красных пик» и тому подобных организаций*.

Во многих местах до сих пор организации типа «Красных пик», «Больших ножей» и др. пользуются огромным влиянием в крестьянских массах. Руководство в этих организациях в большинстве случаев находится в руках шэньши, помещиков и кулаков. Массовый характер этих организаций и объективно революционная их роль в борьбе с милитаризмом требуют от партии продолжать и усиливать в них низовую массовую работу, с тем чтобы овладеть руководством. Необходимо усилить работу по созданию в этих союзах вокруг основных партийных лозунгов прочной опоры партии из бедняков и середняков и постепенно реорганизовать эти организации.

4. Создание крестьянских союзов и других видов организаций.

Наряду с этим необходимо продолжать работу по созданию крестьянских союзов. Там, где массы не воспринимают эту форму организации, необходимо в случае надобности перейти к иным формам, более отвечающим местным условиям (например, к организации «союзов борьбы с милитаризмом» или «союзов борьбы с налоговым гнетом»). Необходимо также использовать любые самобытные крестьянские организации.

* Традиционные организации китайской деревни, — как правило, тайные общества со специфическим религиозно-мистическим ритуалом и т. п. (Прим. перев.)

IX. ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

1. Партизанская война становится важной формой борьбы, необходимо усилить руководство ею.

Там, где классовые противоречия и классовая борьба носят особенно ожесточенный характер, любые повседневные мелкие столкновения неизбежно превращаются в вооруженный конфликт. В таких местах партизанская война становится главной формой борьбы. Поэтому КПК должна решительно руководить этой борьбой, с тем чтобы внести в нее организованность и теснейшим образом связать ее с массами.

2. Важнейшие задачи партизанской войны — осуществление лозунгов борьбы крестьян.

Важнейшими задачами партизанской войны являются: во-первых, осуществление лозунгов борьбы крестьянства (конфискация помещичьей земли и передача ее крестьянам, истребление помещиков, тухао, шэньши, установление власти советов крестьянских депутатов) и вовлечение все более широких масс в революционную борьбу. Во-вторых, создание Красной армии путем привлечения в ходе партизанской войны наиболее отважной молодежи, особенно ее пролетарских и полупролетарских элементов, с тем чтобы постепенно расширить партизанские отряды и создать рабоче-крестьянскую армию. В третьих, в задачи партизанских действий входит также всемерное ослабление сил реакции (разоружение миньтуаней, полиции и проч.).

3. Слабые стороны партизанской войны: распыленность, оторванность от масс, тенденции к уничтожению городов, к бесцельным повальным убийствам и поджогам.

В партизанском движении в прошлом выявилось немало слабых сторон и отрицательных тенденций, которые вредят развитию этого движения и могут привести к вырождению, погубить его. Против этих явлений надо повести борьбу. К ним относятся: 1. Отрыв от масс. Это приводит к тому, что массы не понимают значения партизанских действий и, более того, поддаваясь агитации помещиков и шэньши, рассматривают их как бандитские выступления. Поэтому в дальнейшем партизанское движение должно развиваться в тесной связи с требованиями масс, должно проходить под руководством массовых организаций и должно сопровождаться агитационной работой. 2. Тенденции к уничтожению городов, к бесцельным повальным убийствам, поджогам и т. п. Эти тенденции являются отражением люмпен-пролетарской психологии, они способны лишь мешать росту влияния партии в массах, в рабочем классе, поэтому необходимо изжить в партийных рядах такого рода неправильные уклоны. Разумеется, партия должна активно руководить уничтожением крестьянами помещиков, тухао и шэньши, борьбой за ослабление сил реакции. Но она против бесцельных, не вызываемых истинными интересами революции убийств и поджогов. 3. Распыленность и недостаточная организованность. В дальнейшем необходимо стремиться к планомерному, организованному и централизованному руководству партизанскими действиями со стороны крестьянских союзов.

**4. При перерастании партизанских выступлений
в локальные восстания необходимо,
учитывая объективные условия
и субъективные силы, руководить
этими восстаниями на основе соответствующей тактики.**

Резолюция IX Пленума ИККИ указывает, что «стихийные партизанские выступления могут превратиться в исходный пункт победоносного всенародного восстания лишь при том условии, если они будут связаны с новым подъемом революционной волны пролетарских центров». Опыт недавнего прошлого показывает правильность этого положения. В условиях обострения классовой борьбы возможно установление советской власти в масштабе одного или нескольких уездов. Не всякое партизанское движение может и должно перерасти в локальное восстание. Необходимо, чтобы в процессе борьбы были подняты широчайшие крестьянские массы, чтобы со стороны масс исходило требование установления собственной власти, чтобы власть местной реакции действительно стала неустойчивой. Тогда можно осуществить локальное восстание. Когда партизанская война распространяется на более широкую территорию, когда в нее втянуты широчайшие массы и она приобретает характер локального восстания, ставящего целью захват уездных городов, партия должна, учитывая объективные условия и субъективные возможности, планомерно и организованно готовить восстание и руководить им при участии рабочих масс уездных городов.

После победы восстания необходимо осуществить лозунги борьбы масс — истребить реакционные элементы, поднять еще более широкие рабоче-крестьянские массы и проводить политику советской власти. При этом необходимо обратить внимание на расширение территории восстания на соседние районы.

**5. Партия должна руководить
стихийными крестьянскими восстаниями.**

В настоящее время в условиях ухудшения положения крестьянских масс легко вспыхивают стихийные восстания. Партия должна руководить этими восстаниями. Необходимо также усилить работу среди ремесленных рабочих уездных городов и поселков по разъяснению им значения крестьянских восстаний и необходимости помощи и руководства этими восстаниями, ставя целью создание советской власти.

**X. ТАКТИКА В ОТНОШЕНИИ
МИНЬТУАНЕЙ И ТУФЭВ**

**1. Партия должна пропагандировать свою аграрную
программу среди миньтуаней и туфэв,
создавать среди них опору и завоевывать массы*.**

По своему социальному составу миньтуани и туфэи связаны с бедняцкими слоями крестьянства, из которых во многих местах комплектуются их ряды. Поэтому партия должна усилить свою работу в этих организациях, пропагандируя свою аграрную программу, создавая свои законспирированные ячейки, ведя работу по разложению этих организаций и выводу масс из-под руководства тухао и шэньши.

* Миньтуани — местные, обычно помещичьи вооруженные отряды. Туфэи — разбойничьи отряды, повсеместно существовавшие в этот период в сельских районах Китая в условиях общего кризиса китайской деревни.
(Прим. перев.)

XI. РУКОВОДСТВО КРЕСТЬЯНСТВОМ СО СТОРОНЫ ПРОЛЕТАРИАТА

1. Усиление руководства рабочего класса крестьянством есть решающее условие победы аграрной революции.

Тесный союз с рабочим движением и укрепление идеологического и организационного руководства крестьянским движением со стороны рабочего класса и КПК является основной предпосылкой успеха аграрной революции. Необходимо поэтому всемерно усилить связь между организованным крестьянским движением и рабочим движением в городах и вовлечение пролетарских элементов в крестьянское движение и его руководящие органы. В этих целях следует организационно обеспечить связь рабочих организаций с крестьянскими союзами, необходимо проводить работу среди возвращающихся в деревню безработных рабочих.

В деревне нужно всячески разъяснять широким крестьянским массам цели и задачи борьбы рабочего класса и внедрять в сознание этих масс мысль, что только под руководством пролетариата может быть достигнуто полное раскрепощение крестьянства.

XII. ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В ДЕРЕВНЕ

1. Усиление гегемонии рабочего класса в крестьянском движении есть важнейшая задача партийной работы в деревне.

Основной задачей практической работы парторганизаций в деревне должно стать завоевание и укрепление гегемонии рабочего класса в крестьянском движении.

Во всех крестьянских выступлениях и в работе крестьянских организаций партия должны обеспечить за собой руководящую и направляющую роль. В своей агитационно-пропагандистской работе парторганизации должны разъяснить роль КПК и те задачи, которые партия ставит перед собой.

2. Организации партии в деревне должны строиться из пролетарских и полупролетарских элементов.

Организации КПК в деревне должны расширить свои ряды и строиться из передовых пролетарских и полупролетарских элементов крестьянства (ремесленные рабочие, батраки, крестьянская беднота). Если допускать в партию всю революционную крестьянскую массу, то это приведет к подмене партией крестьянских массовых организаций (крестьянских союзов). Поэтому революционные крестьянские массы необходимо организовывать в крестьянские союзы или советы. Нужно освободиться от прошлой тенденции, когда партия, принимая в свои ряды широкие слои мелкобуржуазного крестьянства, подменяла крестьянские союзы и советы. Партия должна влиять на крестьянские союзы и советы через партийные фракции, отнюдь не указывая своего влияния путем приказов и непосредственного руководства.

На работу в деревню следует бросить часть активных членов партии (городских рабочих), должна быть усилена работа крестьянских комиссий в ЦК и в провинциальных комитетах партии.

КОММЕНТАРИИ

Реальный путь к добрососедству

*В. Л. Кудрявцев,
политический обозреватель
газеты «Известия»*

В отношениях между Советским Союзом и Японией намечились новые отрядные моменты. Вехой на этом пути послужил прием Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневым посла Японии в СССР К. Ниидзэки 6 марта текущего года. Японский посол передал тов. Брежневу послание премьер-министра Японии Какуэя Танаки, одновременно занимающего, как известно, пост председателя правящей Либерально-демократической партии. Затем последовало вручение К. Танаке ответного послания Л. И. Брежнева.

Встреча эта и обмен посланиями получили широкий отклик з японской прессе и общественности, расценивших эти акции как признак улучшения и углубления советско-японских отношений, в которых, и это не секрет, были омрачающие их моменты, исходившие отнюдь не от советской стороны.

Япония — дальневосточный сосед СССР, и, хотя обе страны не имеют общих сухопутных границ, разделяющие их водные пространства в наш век развивающейся техники не представляют серьезного препятствия для установления между ними всесторонних связей. А как известно, в своей миролюбивой внешней политике Советский Союз (это было специально отмечено на XXIV съезде КПСС) большое внимание уделяет прежде всего отношениям со своими соседями. В Отчетном докладе ЦК КПСС на последнем съезде партии этому вопросу было посвящено немало места, в частности отношениям с Японией. И как всегда, с четкой последовательностью там было высказано мнение о том, что для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества с Японией имеются немалые возможности. Там же было отмечено, что дело, по существу, остается за японской стороной.

Советский Союз далек от того, чтобы вмешиваться в дела других государств и в их взаимоотношения с третьими сторонами. Но вопрос о базах на Японских островах всегда вызывал у советской общественности настороженность: против кого они направлены? Время, прошедшее после окончания второй мировой войны, подтвердило, что на Дальнем Востоке сложилась обстановка, в условиях которой Японии ни с какой стороны не грозит какая-либо опасность военного характера. Руководители же Пентагона никогда не скрывали того, что военные базы на Японских островах направлены как против Советского Союза, так и национально-освободительного движения в странах Азии, которое они иначе не называли, как «угрозой коммунизма».

Что касается Советского Союза, то он всегда стремился к установлению нормальных, взаимовыгодных отношений с Японией, поскольку их нормализация соответствовала бы интересам народов обеих стран, интересам мира на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. К тому же Советский Союз и Япония, еще не имея мирного договора после второй мировой войны, с 1956 г. установили нормальные дипломатические и иные отношения, которые, как показал опыт, весьма устраняют обе стороны. Все это подтверждает миролюбие Советского Союза в отношении Японии.

В конце 1972 г. Советский Союз отмечал историческую 50-ю годовщину со дня образования Союза ССР. Советская общественность подводила в эти дни как итоги строительства коммунизма в своей стране, так и результаты ленинской внешней политики, перед которой поставлена задача обеспечить международные условия для такого строительства. Во время празднования этой годовщины тема советско-японских отношений нашла место в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР. В докладе было сказано: «В будущем году (т. е. в 1973-м. — В. К.) должны состояться важ-

ные советско-японские переговоры. Их цель — урегулировать вопросы, оставшиеся со времен второй мировой войны, подвести договорную основу под отношения между нашими странами. Мы стремимся к взаимоприемлемой договоренности по всему кругу обсуждаемых вопросов. Однако ясно, что положительных результатов от переговоров можно ожидать лишь в том случае, если такое же стремление проявит и японская сторона. Советский Союз, со своей стороны, стоит за установление отношений подлинного добрососедства с Японией». Эти слова еще раз подтверждают последовательность политики Советского Союза в отношении Японии.

После XXIV съезда КПСС, позицию которого в вопросах советско-японских отношений мы отметили раньше, произошли знаменательные перемены на международной арене вообще и в Азии в частности. Нормализуется обстановка в Европе, бывшей дважды эпицентром мировых войн и ныне постепенно разрешающей проблему превращения Европейского континента в континент мира, безопасности, взаимовыгодного сотрудничества. Произошли сдвиги в положительную сторону в советско-американских отношениях, которые продолжают улучшаться. Изменились за это время отношения между США и КНР, между КНР и Японией. Положено начало восстановлению мира в Индокитае, прекращены войны во Вьетнаме и Лаосе.

Все эти события по-новому ставят вопросы взаимоотношений между государствами на Дальнем Востоке и на Азиатском континенте вообще. Реальные политики понимают, что старая политика военных блоков, агрессии против азиатских народов, искусственного разъединения азиатских народов уже не соответствует складывающейся ныне обстановке в Азии.

Современная обстановка на Дальнем Востоке и в Восточной Азии еще раз со всей силой показывает, что у Японии нет никаких оснований беспокоиться за свою безопасность, если говорить об Азиатском континенте как источнике такого беспокойства. Если же говорить специально о Советском Союзе, то можно напомнить, что за прошедшие 28 лет после окончания второй мировой войны на Дальнем Востоке и за 17 лет утвердившихся нормальных дипломатических отношений между СССР и Японией, по существу, не было никаких серьезных конфликтов или препятствий на пути установления подлинного добрососедства. Обмен посланиями между Л. И. Брежневым и К. Танакой японская пресса и общественность расценили как показатель стремления Японии к подлинному добрососедству с Советским Союзом, как новую веху в отношениях между обоими государствами. Следует также иметь в виду, что незадолго до этого обмена в японском парламенте произошло весьма показательное событие. 16 февраля этого года там была создана парламентская Ассоциация японо-советской дружбы, в которой объединились депутаты парламента от Либерально-демократической партии, Социалистической партии, Коммунистической партии, партии Комэйто и Партии демократического социализма. В Ассоциацию, инициатива создания которой, что весьма знаменательно, принадлежит правящей Либерально-демократической партии, сразу записалось свыше 300 депутатов. Если учесть, что каждый депутат представляет десятки тысяч избирателей, то, несомненно, создание такой Ассоциации выражает волю широкой японской общественности. Тот, кто знает отношение японцев к Советскому Союзу, особенно к его культуре, не удивится тому, что в эту организацию вступило столь большое число депутатов нижней палаты и палаты советников. Кстати сказать, в Парламентской группе СССР уже много лет существует советско-японская секция, ставящая своей целью расширение и углубление парламентских связей между обоими государствами.

Торгово-экономическое сотрудничество на взаимовыгодной основе, как известно, цементирует добрососедские отношения между государствами. Это хорошо понимают в широких сферах японской общественности, прежде всего, конечно, в деловых кругах. Последние особенно чувствуют необходимость расширения экономического сотрудничества с Советским Союзом, поскольку японская промышленность в огромной степени зависит от импортируемого сырья; по некоторым категориям промышленного сырья зависимость Японии от импорта составляет 100 процентов или несколько меньше. Особенно это относится к энергетическому сырью, дефицит которого все больше чувствуется в капиталистическом мире. Кроме того, для японской экономики большую проблему составляет размещение экспорта на внешних рынках в условиях обостряющейся конкуренции со стороны других стран-экспортеров. Япония, как никакая другая промышленно развитая держава, прикована к нескольким рынкам, поглощающим изрядную долю ее экспорта (США — свыше одной трети, Юго-Восточная Азия — около одной трети). Это затрудняет Японии маневрирование на внешних рынках, а главное — ставит ее в зависимость от других держав и в вопросах, выходящих за рамки внешней торговли.

Опрос, проведенный в начале марта текущего года газетой «Санкэй симбун», показал, что 84 процента опрошенных высказались за экономическое сотрудничество с СССР. Такой же процент опрошенных высказался за дружбу с Советским Союзом, причем характерно, что среди участников опроса — членов правящей Либерально-демократической партии за дружбу с соседом высказались 85 процентов. Разумеется, что такие настроения в стране не могут не учитываться теми правящими кругами, от которых зависит определение курса внешней политики страны.

Деловые люди Японии горячо обсуждают вопросы, связанные с совместной советско-японской разработкой естественных богатств Сибири, которая, по их мнению, должна влить в японскую экономику новые силы. Со страниц общеполитических и специально-экономических газет и журналов в Японии не сходит тема совместного использования нефтяных ресурсов Тюмени, якутского природного газа, нефти и газа на континентальном шельфе Сахалина.

Как сообщает газета «Иомиури», министр внешней торговли и промышленности Я. Накасонэ в ответ на запрос в парламенте недавно сказал: «Нехватка нефти в стране с каждым годом становится все более острой. Необходимо прилагать усилия повсюду — на севере и юге, на востоке и западе. Сейчас эта проблема становится проблемой существования самого государства. Правительство намерено как можно скорее приступить к реализации тюменского проекта. Конечно, при этом необходимо иметь в виду и политические соображения (негативную позицию Китая), но естественно, что Япония будет действовать, исходя из интересов государства» (подчеркнуто мною. — В. К.). Я специально подчеркнул эти слова Накасонэ, поскольку они показывают, что если исходить из внутриполитических соображений, соображений национальных интересов Японии, то с этой стороны нет никаких серьезных препятствий для расширения советско-японского экономического сотрудничества на взаимовыгодной основе. Преобладание такой реалистической позиции в вопросах добрососедства с Советским Союзом можно только приветствовать.

Следовательно, остаются лишь внешнеполитические причины, а вернее попытки некоторых неазиатских сил воздействовать на политику Японии в отношении Советского Союза. Само собой разумеется, что советско-японские отношения, а также связанные с ними мир на Дальнем Востоке не могут выиграть от того, что они станут объектом дипломатической игры тех, кто отнюдь не заинтересован в нормализации дальневосточной и не только дальневосточной обстановки. А попытки в этом направлении постоянно предпринимаются недругами советско-японской дружбы.

Именно Пекин пытается использовать рычаги своей дипломатии в Японии, стремясь помешать дальнейшей нормализации советско-японских отношений. Нормализацию своих отношений с Токио он старается подчинить проводимой им политике антисоветизма. Эта позиция маоистов в вопросах советско-японских отношений стала предельно ясной, поскольку оказалось, что КНР не в состоянии чем-либо компенсировать Японии товарообмен последней с Советским Союзом. Пекинское правительство ничего не может предложить Японии для того, чтобы удовлетворить ее потребности в энергетическом сырье, а также в сырье для промышленности. Как сообщала иностранная печать, все предложения КНР свелись к обещанию поставить Японии... 200 тысяч тонн сырой нефти, что, как иронизировали японские газеты, недостаточно даже для того, чтобы загрузить один современный большегрузный танкер. Таким образом, жизненную для Японии проблему импорта сырья маоисты пытаются подменить голой демагогией, направленной на обострение обстановки в зоне Дальнего Востока, ради своих узкокорыстных интересов великодержавного шовинизма.

В частности, пекинское руководство тщетно пытается доказать японским правящим кругам, будто нефтепровод, который протянется от сибирских месторождений до портов на Дальнем Востоке, является «антикитайским мероприятием» и будет способствовать военной угрозе Китаю со стороны... Советского Союза. Китайские представители дошли до того, что открыто шантажируют Японию какими-то санкциями, если она посмеет развивать сотрудничество с СССР по освоению богатств Сибири. В беседе с корреспондентом газеты «Иомиури» председатель Общества китайско-японской дружбы Ляо Чэнь-чжи стал угрожать Японии «скандалом большим, чем при разводе». Такие угрозы раздаются по адресу Японии и со страниц китайской печати, и из уст представителей правительственных кругов Пекина. В этих условиях весьма важным представляется приведенное мною несколько раньше заявление японского министра внешней торговли и промышленности Я. Накасонэ о том, что Япония будет действовать в вопросах сотрудничества с Советским Союзом, исходя из интересов своего государства.

Об этом же, по существу, говорят и крупные представители японского промышленного мира. Президент компании «Кайгай сэкию кайхацу» Х. Имадзато, являющийся, по свидетельству газеты «Иомиури», одной из центральных фигур в вопросе продвижения тюменского проекта, сделал такое заключение: «С точки зрения запасов и качества нефти осуществление долгосрочных сделок возможно. Нет проблем также и в плане прокладки нефтепровода». Можно привести и его слова в отношении китайских угроз по адресу Японии. «Я,— сказал Х. Имадзато,— убежден, что Советский Союз способен проложить подобный нефтепровод собственными силами, чего ему никто не может запретить». Логично и разумно!

Политика маоистов, направленная на подрыв расширяющихся взаимовыгодных всесторонних связей и сотрудничества между Японией и Советским Союзом, касается не только проектов по совместной разработке тюменской нефти. Нет, пекинское руководство пытается вообще отравить политическую атмосферу, благоприятно складывающуюся за последнее время в пользу укрепления мира на Дальнем Востоке.

Таким образом, если и говорить о каких-либо препятствиях на пути к установлению отношений подлинного добрососедства между Советским Союзом и Японией, то они идут главным образом извне, а точнее говоря, из Пекина, от маоистского руководства. Надо надеяться, что политика здравого смысла, политика реализма в Токио преодолет все препятствия, воздвигаемые китайскими подстрекателями. Факты последних недель подтверждают, что в Японии растут и крепнут настроения в пользу дальнейшего развития всестороннего взаимовыгодного сотрудничества с Советским Союзом.

Уже признаки положительных сдвигов в этой области налицо. Как сообщает японская печать, К. Танака, получив послание Л. И. Брежнева, в котором изложена позиция СССР относительно дальнейшего развития советско-японских отношений, заявил, что он «полностью согласен с таким подходом» и от души надеется, что отношения между двумя странами будут развиваться в направлении добрососедства и сотрудничества.

Поэтому следует приветствовать появление ростков такой политики Японии, основанной на принципах мирного сосуществования, которая становится повседневной нормой в международных отношениях. Дальнейшее развитие добрососедских советско-японских отношений — не только в национальных интересах обеих сторон, но оно также внесет большой и весомый вклад в нормализацию обстановки на Дальнем Востоке, в Азии и во всем мире. История возлагает большую ответственность на страны Дальнего Востока за судьбы мира в этом обширном районе земного шара.

Проблемы Европы и политика Пекина

*В. И. Петухов,
кандидат исторических наук*

В последние годы Пекин проявляет особый, повышенный интерес к европейским делам и прилагает большие усилия к развитию отношений со странами Западной Европы. Если судить по активности китайской дипломатии в ряде европейских столиц, по числу и уровню делегаций, которыми КНР обменивалась за два — три года с Англией, ФРГ, Францией, Италией, то можно подумать, что дела Европы для Китая куда важнее, чем, скажем, положение даже в непосредственно прилегающем к нему азиатском районе. До сих пор не видно, например, чтобы Пекин, снова рекламирующий в наши дни свою приверженность принципам мирного сосуществования, заботился о нормализации отношений со многими своими соседями — с Таиландом, Индонезией, Филиппинами и другими, но зато в Европе он за короткое время обеспечил себе дипломатическое присутствие во всех больших и малых капиталистических странах, за исключением пока Ирландии и Португалии.

Особенность политики Пекина в Европе заключается в том, что цели и методы ее осуществления здесь, пожалуй, наиболее откровенно, чем где-либо, демонстрируют морально-политическую деградацию маоистского режима, его вероломное отступничество от принципов социалистической внешней политики, стремление опереться на капиталистический мир и сохранить международную напряженность в интересах подрыва позиций Советского Союза и всего социалистического содружества.

Ярким проявлением этой политической линии Пекина является его отношение к созову общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, призванного заложить основы системы коллективной безопасности на континенте Европы. Маоистское руководство явно раздражено успехом СССР и его союзников, инициатива которых по вопросу о проведении этого совещания в конечном итоге привела к тому, что западные государства дали согласие участвовать в нем.

Совместно разработанная странами социализма — участниками Варшавского договора программа борьбы за упрочение мира в Европе отвечает коренным национальным интересам каждой из этих стран, общим интересам социалистического содружества, а

также интересам всех миролюбивых сил. Но она совершенно не устраивает маоистов. По сути дела, все в ней расходится с великодержавными планами Пекина, с его новыми внешнеполитическими доктринами.

Маоистов пугает прежде всего сама возможность полной нормализации отношений на Европейском континенте, которая лишила бы их надежд на серьезное обострение отношений между Советским Союзом и капиталистическим Западом, на ослабление в результате этого международных позиций СССР. Претит маоистам и то, что борьба за упрочение мира в Европе сплачивает страны социалистического содружества, демонстрирует возросшую степень их сотрудничества на мировой арене и обрекает на провал попытки Пекина подорвать их единство. Наконец, китайское руководство не может не учитывать, что реализация принципов системы коллективной безопасности на Европейском континенте, провозглашенных в 1972 г. в Пражской декларации социалистических стран, означала бы, по существу, международное осуждение авантюристической линии маоистов по ряду важных вопросов, затрагивающих интересы соседей КНР, да и других государств.

Можно сослаться, к примеру, на принцип нерушимости существующих границ. Известно, что, выдвигая абсурдные притязания на территории, принадлежащие Советскому Союзу и ряду соседних с КНР стран, маоисты стараются создать ажиотаж вокруг вопросов о границах также и в отношениях между другими государствами. Еще в 1964 г. Мао Цзэ-дун в беседе с делегацией японских социалистов заявил о поддержке Китаем требований Японии насчет возвращения «северных территорий», а заодно и о необходимости, по его мнению, пересмотра границ, сложившихся в Европе в результате второй мировой войны. С тех пор официальные деятели и органы пропаганды Китая не прекращают подстрекательских призывов к ревизии существующих границ в расчете на то, что таким путем им удастся не только подкрепить собственную экспансионистскую позицию в искусственно раздуваемых спорах с соседями, но и осложнить отношения между другими странами, посеять недоверие и неприязнь между народами. Вот почему любые позитивные акции социалистических и других европейских государств, ведущие к закреплению принципа нерушимости границ в качестве нормы международного права, подвергаются яростным атакам со стороны Пекина.

Нельзя не вспомнить в этой связи, что Китай занял резко отрицательную позицию в отношении договоров СССР и Польской Народной Республики с Федеративной Республикой Германии, в которых последняя признала существующие границы, и прежде всего границы по Одере — Нейсе и между ГДР и ФРГ. Пекинская пропаганда пыталась представить эти договоры, а позднее и четырехстороннее соглашение по Западному Берлину как «предательство интересов германского народа, советского народа и народов всей Европы»¹, тогда как сами народы этих стран считали указанные договоры необходимой предпосылкой для оздоровления отношений между европейскими государствами.

Нынешняя линия пекинского руководства расходится с позицией социалистических стран, изложенной в Пражской декларации, также по таким важнейшим международным вопросам, как всеобщее и полное разоружение, запрещение испытаний ядерного оружия, ликвидация военных блоков. Маоистская пропаганда выступает, в частности, против предложения о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, поскольку в Пекине опасаются, что реализация такого предложения может привести к ослаблению напряженности между блоком НАТО и государствами Варшавского договора. Одним словом, в усилиях СССР и других социалистических стран, направленных на обеспечение успеха общеевропейского совещания и создание надежной системы коллективной безопасности в Европе, китайские лидеры видят серьезную угрозу собственным великодержавно-авантюристическим планам.

Все средства — политические, дипломатические, пропагандистские — были пущены в ход маоистами, чтобы торпедировать созыв общеевропейского совещания. Заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянь использовал свою поездку в Европу в декабре 1969 г. для открытых нападок на программу обеспечения европейской безопасности, выдвинутую на совещании министров иностранных дел стран Варшавского договора. Инициатива стран социалистического содружества преподносилась пекинской печатью на первых порах как попытка «сколотить контрреволюционный священный союз, подавить революционное движение в Европе, стабилизировать порядок в капиталистическом мире»².

Позже, по мере установления и закрепления связей между Пекином и западноевропейскими странами, в столице Китая решили апеллировать уже не к революционным, а к империалистическим силам. Китайское руководство попыталось оказать влияние на

¹ «Жэньминь жибао», 13.IX.1970.

² «Жэньминь жибао», 11.IX.1969.

последние, загугивая их «коварством Москвы». Так, агентство Синьхуа, используя свой излюбленный метод — выражать собственные мысли путем цитирования чужих, распространило сообщение, в котором утверждалось, что, «по мнению западных дипломатов», Советский Союз, дескать, «намеревается закрепить создавшееся положение в Европе и создать иллюзию того, будто мир будет обеспечен навсегда на этом континенте, с тем чтобы стало возможным вмешательство Советского Союза во внутренние дела других стран»³. Смотрите, как бы задуманное Москвой общеевропейское совещание по вопросам безопасности не превратилось в совещание по подрыву безопасности, разглагольствовал на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН заместитель министра иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа⁴. Небезызвестный деятель давно бездействующего Всекитайского собрания народных представителей Го Мо-жо в беседе с одной из французских делегаций увещевал ее: «Русские протягивают в Хельсинки оливковую ветвь, чтобы усыпить Европу». На полном серьезе он советовал европейцам последовать примеру Китая и заняться строительством подземных бомбоубежищ⁵.

Китайское руководство стремилось воздействовать на позицию западноевропейских стран и через непосредственные контакты с их официальными представителями, а также с парламентарскими и другими делегациями, посетившими Пекин. В беседах с ними маонисты высказывали резко отрицательное отношение к созыву общеевропейского совещания. При этом, скрывая собственные расчеты на обострение отношений между СССР и Западом, они старались объяснить свою негативную позицию и вызвать у партнеров по переговорам сочувствие с помощью измышлений насчет того, что Советский Союз якобы угрожает Китаю. «Совещание по вопросам европейской безопасности беспокоит нас,— заявил Чжоу Энь-лай в беседе с членами парламентской делегации Франции в феврале 1972 г.— Или русские выйдут победителями с этого совещания, и они будут гарантами вашей независимости, или наступит разрядка напряженности между Востоком и Западом, и тогда советские войска придут на северную границу Китая...»⁶. Подобные заявления явились ничем иным, как призывами к противодействию курсу социалистических стран на оздоровление политического климата в Европе.

* * *

Одной из главных доктрин внешней политики Пекина, широко используемой им в отношениях со странами Европы, является доктрина «борьбы против монополии двух сверхдержав», в которой спекулятивно отождествляются противостоящие друг другу классовые силы: Соединенные Штаты — цитадель империализма, и Советский Союз — родина и оплот социализма. Китай же в этой доктрине отводит себе роль гегемона борьбы «малых и средних» стран против «двух сверхдержав».

В применении к Европе указанная доктрина представляет собой попытку использовать в интересах великодержавной стратегии маонистов как антиамериканские, так и антисоветские тенденции в политике правящих кругов некоторых западноевропейских государств. Она созвучна аналогичным доктринам, например боннских реваншистов во главе со Штраусом, которые, призывая к созданию «автономной Европы, противостоящей и США, и СССР», в действительности стремятся, подобно китайским лидерам, к установлению собственной гегемонии над другими странами.

Тезис «борьбы против двух сверхдержав» непременно присутствует в любых выступлениях маонистов по вопросам, связанным с европейскими делами. На Западе, однако, давно заметили, что фактически острее указанной доктрины направлено не столько против США, сколько против СССР и его союзников. По мере того как Пекин сворачивает свою пропаганду против американской агрессии даже в Азии и, по существу, соглашается с продолжением там военного присутствия Соединенных Штатов, он все меньше мечет стрелы в их адрес и в Европе, где китайские и американские интересы непосредственно не сталкиваются. Зато оголтелый антисоветизм все более пронизывает политику руководителей Китая в европейских делах.

Пекин подвергает бешеным нападкам Варшавский договор и Совет Экономической Взаимопомощи, клеветнически изображая их как орудия в руках Советского Союза для «третирования и подавления» его союзников, для «грабежа огромных материальных богатств, создаваемых трудовым народом». Укрепление сплоченности социалистических государств, рост могущества их вооруженных сил, успешное развитие

³ Сообщение агентства Синьхуа, 17.XII.1972.

⁴ Сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс, 5.X.1972.

⁵ Сообщение агентства Франс Пресс, 8.XII.1972.

⁶ Сообщение агентства Франс Пресс, 10.II.1972.

экономической интеграции внутри социалистического содружества — все это вызывает припадки ярости у пекинских деятелей⁷.

С другой стороны, в китайской печати давно прекратилась критика агрессивного блока НАТО, возглавляемого Соединенными Штатами, и распространяются провокационные измышления натовских кругов насчет угрозы Западной Европе со стороны государств Варшавского договора⁸. Более того, согласно сообщениям осведомленных западных обозревателей, «высокопоставленные китайские должностные лица» в беседах с иностранными представителями высказываются в том смысле, что «для Европы было бы благоразумнее держаться за американский ядерный щит»⁹. «Китай, — писала английская «Таймс», — откровенно признает, что американские силы в Западной Европе — это меньшее зло, чем были бы там русские силы»¹⁰.

Так «борьба против монополии двух сверхдержав», о которой без умолку твердят маонисты, на практике оказалась противоборством против одной из них и беспринципным заигрыванием с другой. Пекин, видимо, намерен и впредь поощрять США к активному вмешательству в европейские дела, рассчитывая при этом, что смещение центра тяжести американской политики из Азии в Европу откроет ему более широкие возможности для установления своей гегемонии в азиатском регионе, а также свяжет силы СССР и его союзников на Европейском континенте.

В противовес общеевропейской системе коллективной безопасности и сотрудничества, которая могла бы положить конец военно-политической конфронтации двух систем в этой части мира, китайское руководство всячески поддерживает распространенную в империалистических кругах идею консолидации и обособления Западной Европы, превращения ее в «третью мировую державу». Маонисты ратуют за «укрепление единства и сотрудничества» европейских капиталистических стран, которые, дескать, только таким путем и могут «сохранить свои позиции», «продолжить свое существование»¹¹. Эта провокационная линия отражает стремление Пекина удержать Европу в состоянии раскола, помешать соглашению между социалистическими и капиталистическими странами о мирном сосуществовании. Антисоветская направленность подобной линии достаточно ясно отражена в одном из комментариев газеты «Таймс» — рупора консервативных кругов Англии. «Вырисовывается такая картина северного полушария, — писала эта газета. — Две большие державы, дружественно настроенные друг к другу — Китай и Западная Европа, — находятся между двумя большими державами, которые настроены враждебно друг к другу и которые выражают свою взаимную враждебность, попеременно обхаживая две другие державы и оказывая на них нажим. Быть может, традиционная дружба Западной Европы с Америкой и возникновение новых китайско-американских отношений упростят эту картину, приведя к растущей изоляции Советского Союза»¹².

* * *

Политика Пекина в отношении Европейского экономического сообщества («Общего рынка») строится именно на расчете превращения последнего в «третью державу».

Китайское руководство в последнее время усиленно ищет возможности для установления торгово-экономических и дипломатических связей с ЕЭС на базе всестороннего развития отношений со странами — участницами этого объединения. Резко возросло число торгово-экономических делегаций, которыми КНР обменивалась с этими странами, расширяется практика взаимного проведения промышленных и других выставок, заключены первые торговые договоры с государствами «Общего рынка» (ФРГ, Италией).

Органы ЕЭС стараются стимулировать активность Пекина в этом направлении. По их линии принимаются меры к тому, чтобы облегчить положение КНР в области экспорта и дать ей тем самым возможность увеличить свой импорт из стран ЕЭС. Сняты импортные ограничения на большинство товаров китайского производства. Рассматривается вопрос о распространении на КНР системы преференций, которой пользуются такие страны, как Греция и Турция. Деятели ЕЭС высказываются за то, чтобы Европейский банк капиталовложений предоставил Китаю кредиты для торговли, а также займы и средства для развития экономики¹³.

⁷ См. С. Г. Юрков. Пекин: новая политика?, М., 1972, стр. 215.

⁸ Сообщение агентства Синьхуа, 11.XII.1972.

⁹ Сообщение агентства Франс Пресс, 8.XII.1972.

¹⁰ «Таймс», 15.I.1973.

¹¹ «Международная жизнь», 1972, № 2, стр. 23.

¹² «Таймс», 15.I.1973.

¹³ Из статьи консультанта по вопросам торговли и капиталовложений Кристофера Ли, опубликованной в газете «Таймс», 5.VI.1972.

Анализируя указанные шаги по сближению между странами ЕЭС и Китаем, следует отметить прежде всего экономическую подоплеку этого процесса, которая, разумеется, неразрывно связана с политической.

Стремление стран «Общего рынка» к установлению более тесных контактов с Китаем объясняется тем, что в условиях обостряющейся в капиталистическом мире конкуренции западноевропейские монополии в высшей степени соблазняет перспектива освоения обширного китайского рынка; это побуждает их форсировать сближение с КНР с тем, чтобы предотвратить захват ее рынка японскими и американскими монополиями.

В свою очередь Пекин, развивая связи со странами ЕЭС, рассчитывает стимулировать соперничество империалистических государств этой группировки с США и Японией за обладание внутренним рынком Китая с тем, чтобы выторговать у всех них больше уступок и выгодных сделок.

В экономическом плане сотрудничество с «Общим рынком» рассматривается маонистами как перспективный резерв помощи в создании индустриальной базы и военного потенциала Китая, обеспечивающих их претензии на роль мировых гегемонов. Китайская сторона рассчитывает получить от стран ЕЭС необходимое промышленное оборудование, стратегические материалы, а также научно-техническое содействие. Для этого КНР потребуются долгосрочные кредиты. Согласно же сообщениям английской печати, в результате переговоров Дугласа Хьюма в Пекине выяснилось, что китайцы «вполне готовы» изучить возможность кредитных соглашений с западноевропейскими государствами¹⁴.

Но заигрывание китайского руководства со странами «Общего рынка», его стремление опереться на эту организацию объясняются не столько экономическими интересами, сколько далеко идущими, великодержавно-авантюристическими расчетами, вредными и опасными для дела мира и безопасности в Европе.

Впрочем, предоставив возможность маонистам самим высказать свою точку зрения в отношении «Общего рынка»: «развитие и расширение этого экономического сообщества отражают усиление тенденции среди западноевропейских стран к укреплению единства ради защиты своих собственных интересов»¹⁵, «сильное соперничество и коллизия в Европе между двумя сверхдержавами, США и СССР, в последние годы все больше угрожали жизненным интересам западноевропейских стран; это привело к тому, что данные страны сообща выступают единым фронтом против обеих сверхдержав»¹⁶. «Что может быть естественнее, чем попытка Западной Европы добиться изменения соотношения сил в свою пользу путем объединения своих ресурсов?»¹⁷

Таким образом, оценка «Общего рынка» дается Пекином под прикрытием все той же дымовой завесы — доктрины «борьбы против монополии двух сверхдержав». В действительности маонисты придают этой доктрине прежде всего антисоветский характер. Что касается США, то, как отмечают западноевропейские обозреватели, в пекинской пропаганде в последнее время наблюдается заметное смещение акцентов в сторону положительной оценки американского влияния на страны «Общего рынка»¹⁸. Китайские газеты теперь охотно помещают заявления руководителей этих стран о их стремлении сохранить тесные связи с Америкой.

В это же время маонистские лидеры, ведя переговоры с представителями западноевропейских государств, всячески настраивают их против развития деловых связей с Советским Союзом. Так, по сообщению английской печати, у министра иностранных дел Великобритании Дугласа Хьюма в результате переговоров в Пекине «создалось впечатление, что Китай решительно поддерживает расширение Европейского экономического сообщества в качестве противовеса Советскому Союзу»¹⁹. Французская буржуазная газета «Фигаро», комментируя сдвиги в китайской политике после поездки Киссинджера в начале этого года в Китай, писала: «Китай не скрывает своей симпатии к Европейскому экономическому сообществу и в то же время выступает с нападками на СЭВ. Китайцы считают, что Европейское экономическое общество должно превратиться в политико-экономический блок, который создает новое препятствие для экспансионистских замыслов Москвы»²⁰.

Вторая реакционным кругам США и Западной Европы, которые стремятся скоординировать деятельность НАТО и «Общего рынка» в рамках единой программы укрепле-

¹⁴ «Файнэншл таймс», 2.XI.1972.

¹⁵ Комментарий агентства Синьхуа, 6.I.1973.

¹⁶ Журнал «Пекин ревью», № 6, 6.II.1972.

¹⁷ Комментарий агентства Синьхуа, 6.I.1973.

¹⁸ См., например, статью Г. Хамма «Пекин и Европейское экономическое сообщество» в газете «Франкфуртер альгемайне», 13.I.1973.

¹⁹ «Файнэншл таймс», 2.XI.1972.

²⁰ «Фигаро», 21.II.1973.

ния позиций империализма и противостояния силам социализма, КНР не только поддерживает политику экономической интеграции капиталистических государств, но и «отдает предпочтение тому, — как сообщали англичане в связи с переговорами Дугласа Хьюма в Пекине, — чтобы Западная Европа постоянно наращивала свою военную мощь»²¹. Об этом маоисты, не смущаясь, напоминают всем высокопоставленным представителям Запада, посещающим Пекин. Чжоу Энь-лай, например, в беседе с итальянским министром иностранных дел Джузеппе Медичи подчеркнул, что «стремление к интеграции должно затрагивать не только экономическую область, но и область политики и обороны»²². В общем, пекинские лидеры поучают своих европейских партнеров, стараясь, как говорят, «выглядеть католиками больше, чем сам папа Римский».

* * *

Агрессивным кругам империалистических государств импонирует провокационно-авантюристический курс Пекина, поскольку он позволяет им использовать Китай для дискредитации социализма, подрыва единства социалистических стран и ослабления международных позиций СССР и его союзников. Эти круги строят свою политику в отношении КНР с учетом общей заинтересованности капиталистического мира в «размывании» социалистической системы и отрыве от нее Китая. Не удивительно, что капиталистические страны, многие годы подвергавшие Китайскую Народную Республику изоляции и блокаде, теперь одна за другой устанавливают с ней дипломатические отношения.

Толчком к этому послужила, несомненно, перестройка китайской политики Соединенных Штатов, которые до этого решительно противодействовали нормализации отношений между КНР и капиталистическими странами. За последние два—три года, отмеченные активизацией политических контактов между Вашингтоном и Пекином, о признании КНР заявили 39 капиталистических стран, в том числе 12 стран Западной Европы.

Сама по себе нормализация отношений между КНР и капиталистическими государствами — процесс естественный и закономерный, поскольку он отражает объективную необходимость мирного сосуществования стран, принадлежащих к различным социально-экономическим системам. Советская общественность, всегда осуждавшая империалистическую политику «сдерживания и изоляции» Китая, с пониманием относится к установлению им нормальных отношений с капиталистическими странами в той мере, в которой это не направлено в ущерб интересам укрепления мира и сотрудничества между всеми государствами. Нельзя, однако, проходить мимо того очевидного факта, что нынешняя активность Пекина в европейских делах нацелена против этих интересов — в сторону разжигания антагонизмов и закрепления раскола в Европе. По существу, пекинское руководство пытается вернуть последнюю в лоно «холодной войны», которая всегда чревата войной «горячей».

Такая политика, возможно, и представляется оправданной для Мао Цзэ-дуна с его известной концепцией построения новой цивилизации ценой гибели в огне термоядерного конфликта половины человечества. Но народам Европы чужды подобные концепции. Европейская общественность решительно выступает за оздоровление политического климата в Европе, которое сделало бы невозможным возникновение здесь очагов новой войны. В правящих кругах капиталистических стран континента также возросло понимание необходимости считаться с необратимыми реальностями нашего времени и поддерживать развитие международного сотрудничества на принципах мирного сосуществования. Все это, как можно надеяться, должно привести к успеху предстоящего общеевропейского совещания, а вместе с тем к провалу великодержавных авантюристических планов Пекина в Европе.

²¹ «Дейли телеграф», 5.XI.1972.

²² Сообщение агентства Рейтер из Пекина, 9.I.1973.

Правда об истории американской агрессии в Индокитае

*Д. М. Поспелов,
кандидат исторических наук*

Подписание Парижских соглашений об прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме является важной победой героического вьетнамского народа, общей победой всего социалистического содружества, всех коммунистических и рабочих партий, всех миролюбивых антиимпериалистических сил. Победоносное завершение вооруженной борьбы патриотов Вьетнама — это важное событие для советских людей, для нашей страны, которая в соответствии с ленинским интернационалистским внешнеполитическим курсом КПСС оказывала решающую и эффективную военную и экономическую помощь борющимся народам Индокитая.

Героическая борьба народов Индокитая против американской агрессии, за право самим определять свое будущее, за мирное демократическое развитие находила и находила самое широкое отражение в советской политической литературе. Об этом свидетельствует и книга Ю. Я. Михеева «Американцы в Индокитае», вышедшая в 1972 году в издательстве «Международные отношения»¹.

В книге Ю. Я. Михеева дается хорошо аргументированный анализ причин ведения Соединенными Штатами самой грязной в их истории войны. Автор книги доказывает, что это не просто роковая ошибка того или иного политического деятеля США, как нередко пытается в наши дни представить дело американская печать, а результат общего внешнеполитического курса Вашингтона, его послевоенных глобальных внешнеполитических доктрин, в основу которых правящие круги США «вопреки и в нарушение» выработанных при участии американской

делегации положений Устава ООН... положили принцип применения силы, в том числе и военной, в качестве главного средства достижения выгодных им целей. Они незаконно, явочным порядком присвоили себе роль мирового жандарма, стремясь навязать народам других стран угодные американским монополиям порядки и грубо вмешиваясь во внутренние дела этих стран» (стр. 9).

Эскалация американского политического и военного вмешательства в Индокитае осуществлялась в точном соответствии с этими глобальными доктринами. Цель вмешательства состояла в том, чтобы уничтожить форпост социализма в Юго-Восточной Азии — Демократическую Республику Вьетнам, потушить пламя национально-освободительного движения в этом районе, испытать прочность пролетарской солидарности Советского Союза и других социалистических стран, трудящихся всего мира.

Используя большой документальный материал, советские и зарубежные публикации, Ю. Я. Михеев раскрывает экспансионистские планы правящих кругов США во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже начиная с 50-х годов. Уже в 1950 году США «перестали рассматривать войну Франции в Индокитае как чисто французское дело, объявив ее «частью битвы против мирового коммунизма» (стр. 17). В начале 1952 г. они «разрабатывали планы, направленные на то, чтобы не допустить выхода Франции из ее колониальной войны в Индокитае» (стр. 21), и к 1954 г. взяли на себя 78% расходов Франции на эту войну (стр. 18). В соответствии со своими планами правительство США пыталось сорвать работу Женевского совещания по Индокитаю 1954 г., помешать достижению договоренности о прекращении военных действий и решению индокитайской проблемы на основе уважения национальных интересов народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Однако настойчивые действия делегаций социалистических стран в Женеве свели на нет попытки американской делегации вести переговоры с «позиции силы».

Особенно злободневно звучит та часть книги, в которой автор на неопровержимых фактах и документах показывает, как американские правящие круги в нарушение взятых на себя обязательств срывали выполнение Женевских соглашений по Индокитаю. В сентябре 1954 г. они распространили на Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджу действие «Договора об обороне Юго-Восточной Азии», положившего начало су-

¹ Ю. Я. Михеев. Американцы в Индокитае. Критика протиправной доктрины и политики США. Изд-во «Международные отношения», М., 1972.

ществованию военного блока СЕАТО. Вашингтон поставил в Южном Вьетнаме у власти реакционного деятеля Нго Динь Дьема и его устами заявил о непризнании положения Женевских соглашений о проведении во Вьетнаме всеобщих свободных выборов. По заданию Белого дома группа ЦРУ во главе с полковником Ландсдейлом организовала целый ряд провокаций против ДРВ, а к югу от 17-й параллели была начата кампания террора против южновьетнамских патриотов.

При осуществлении этих акций «правящие круги США исходили из планов удержания в своей сфере территории Вьетнама южнее 17-й параллели и недопущения объединения двух зон в единое вьетнамское государство» (стр. 50). В этих же целях США усиленными темпами комплектовали и оснащали современным оружием армию сайгонского режима. Уже в 1960 г. под ружьем в Южном Вьетнаме находилось 470 тыс. человек (стр. 62). В связи с этим автор приводит интересное высказывание составителя секретного доклада Пентагона, в котором прямо указывается, что еще августовские (1954 г.) решения Совета национальной безопасности США об оказании непосредственной военно-политической помощи режиму Нго Динь Дьема сыграли «главную роль в срыве в конечном счете Женевских соглашений» (стр. 46).

Большой интерес представляет также приведенный в книге вывод видных американских юристов-международников, занимавшихся тщательным рассмотрением вопроса о нарушениях военных статей Женевских соглашений. «В целом доклады Международной комиссии по наблюдению и контролю (МКК) показывают, — писали они, — что режим Дьема и Соединенные Штаты нарушали военные положения Женевских соглашений задолго до 1961 года. Использование же для этого методов, против которых возражала МКК в своих докладах, свидетельствует, что Соединенные Штаты понимали незаконность своей политики (выделено мной. — Д. П.), и опровергает утверждение государственного департамента о том, что по меньшей мере до конца 1961 года их политика находилась в соответствии с Женевскими соглашениями» (стр. 65).

Еще более грубое нарушение Женевских соглашений представлял собой комплекс мероприятий, выработанных правительством США для поддержки режима Дьема в конце 1962 года, который получил наименование «плана Стейли — Тэйлора» и означал резкое усиление так называемой «особой войны» в Южном Вьетнаме. Вести эту войну должны были сайгонские войска, а руководить ею — американские «советники», которых к октябрю 1963 г. насчитывалось около 16 732 человек (стр. 93). Одновременно ускоренными темпами росла численность сайгонской армии, в которой к концу 1964 г. было 600 тыс. человек (стр. 94).

Ничем не оправданное политическое и

военное вмешательство США в дела Индокитая выглядит еще более вероломным на фоне последовательного осуществления Женевских соглашений со стороны Демократической Республики Вьетнам, Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и других патриотических сил Индокитая. Автор книги убедительно показал, что в противоположность агрессивным акциям сайгонского режима и Соединенных Штатов ДРВ и НФОЮВ постоянно руководствовались искренним стремлением к политическому урегулированию конфликта в Индокитае, не раз демонстрировали добрую волю к переговорам. Мирнолюбивые акции ДРВ и НФО, их вооруженная, политическая и дипломатическая борьба против вмешательства США с самого начала получила помощь и поддержку Советского Союза, которые с благодарностью воспринимались как на Севере, так и на Юге Вьетнама (стр. 81).

Большой интерес, на наш взгляд, представляют излагаемые автором мало известные детали работы Женевского совещания 1961—1962 годов по Лаосу, имеющие важное значение для более глубокого понимания эскалации агрессии США на Индокитайском полуострове в начале 60-х годов. «Делегация США всячески стремилась помешать работе совещания»; она «пыталась оттянуть дату открытия совещания» (стр. 102), а после его начала «стремилась повести дело к тому, чтобы оно занималось не столько международными, сколько внутривнутриполитическими аспектами лаосского вопроса» (стр. 103).

В качестве инструмента вмешательства во внутренние дела Лаоса Вашингтон намеревался использовать некий специальный орган, который на Женевском совещании государственной секретарь США Риск предлагал создать под предлогом гарантирования всеми странами и контролирования нейтралитета Лаоса. «Это предложение государственного секретаря США об учреждении «контролируемого нейтралитета», — пишет Ю. Я. Михеев, — означало бы на деле создание в Лаосе под видом международного контрольного органа «государства в государстве», фактически учреждение системы опеки над Лаосом» (стр. 104). Отпор со стороны делегаций СССР, социалистических и нейтралитетских стран заставил американскую делегацию отступить.

В основу обсуждения лаосского вопроса были положены внесенные А. А. Громико по поручению Советского правительства проект Декларации о нейтралитете Лаоса, проект Соглашения о выводе с территории Лаоса иностранных войск и военного персонала и о полномочиях международной комиссии. Советские проекты исходили из принципов суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности страны и невмешательства в ее внутренние дела. Именно на их базе были составлены итоговые документы совещания.

Однако, как и Женевские соглашения по Вьетнаму, соглашения по Лаосу были нарушены американской стороной и их лаосскими союзниками. «В результате интриг американцев и их ставленников в Лаосе была парализована деятельность коалиционного трехстороннего правительства» (стр. 115), развязана война правых реакционных сил против освобожденных патриотами районов, которая позже переросла фактически в американскую войну против лаосского народа.

Центральное место в книге Ю. Я. Михеева отведено анализу необъявленной войны Соединенных Штатов против патриотических сил Южного Вьетнама и Демократической Республики Вьетнам, в которую американское правительство бросило свыше 500 тыс. своих собственных сухопутных войск, десятки военных судов и сотни новейших самолетов. Агрессивная война была начата ради спасения проамериканского сайгонского режима, оказавшегося на грани краха, который в свою очередь вел к провалу американских планов в Индокитае, к потере контроля над этим районом, поэтому Вашингтон шел напролом. Не имея никаких юридических оснований, которыми можно было хотя бы формально прикрыть вооруженную интервенцию, он с помощью различных провокационных актов (например, «Тонкинский инцидент» в августе 1964 г.) фабриковал всевозможные предлоги для вмешательства. Вероломство империалистических кругов США, выступавших в роли жандармов, обнаружилось здесь во всей полноте. «В сентябре 1969 г., — пишет Ю. Я. Михеев, — государственный департамент США вынужден был признать, что не существовало никакого документа, в котором содержалась бы просьба марионеточного сайгонского правительства о вводе в страну американских боевых частей в марте 1965 года, и что решение о фактическом вступлении США в «большую войну» было принято лишь на основе «анализа обстановки» (стр. 131), то есть исходя из собственных экспансионистских планов американского империализма.

Вооруженная интервенция не принесла правящим кругам США желаемых результатов. Ее полная бесперспективность вынудила Вашингтон согласиться начать переговоры с ДРВ и НФОЮВ при условии прекращения американских бомбардировок территории ДРВ. При анализе хода переговоров автор книги подчеркивает, что и в этом случае Белый дом в своей деятельности в Южном Вьетнаме остался верным «принципу»: то и дело нарушать взятые на себя обязательства. За четыре года переговоров американцы неоднократно возобновляли бомбардировки ДРВ, используя их как предлог давления на парижских переговорах. В начале мая 1972 г. правительство США сделало еще один шаг по пути грубого нарушения общепризнанных норм

международного права — минировало порты ДРВ. Известно, что под занавес переговоров американцы обрушили на главные города ДРВ бомбовые удары невиданной силы, пытаясь добиться таким путем изменения в свою пользу уже согласованного в октябре 1972 г. текста соглашения.

Одновременно с переговорами в Париже республиканская администрация США, пришедшая к власти в 1969 году, начала пересмотр планов в отношении Вьетнама, так как к этому времени стала совершенно очевидной невозможность решить в выгодном для американских империалистов свете вьетнамский вопрос путем применения вооруженной силы. Смысл новой политики, которую в США назвали «вьетнамизацией» войны, состоял в замене американских войск миллионной армией сайгонского режима, оснащенной новейшим американским оружием, руководимой американскими офицерами и поддерживаемой всей мощью американского военно-морского и воздушного флотов, дислоцированных в этом районе. В соответствии с этой политикой президент Никсон объявил в июне 1969 г. о постепенном выводе американских войск из Южного Вьетнама. Сам Никсон определил цель политики «вьетнамизации» как «постепенное переложение всего военного бремени на южновьетнамцев» (стр. 156).

Автор довольно подробно останавливается на «гуамской доктрине» и политике «вьетнамизации» применительно к Камбодже и Лаосу.

Бесспорным достоинством книги Ю. Я. Михеева является то, что в ней наряду с подробным анализом военно-политических аспектов политики США в Индокитае рассматриваются методы американской экономической экспансии в этом районе, раскрываются попытки американского империализма найти здесь социальную опору. При рассмотрении этих проблем автор приводит крайне интересные, исполненные глубокого политического смысла высказывания самой печати США, в которых довольно красочно и точно определяется подлинная сущность проамериканских режимов в странах Индокитая, в частности сайгонского режима.

Книга Ю. Я. Михеева, широко и всесторонне освещающая историю американского вмешательства в Индокитае, приобретает особую актуальность сейчас, после подписания парижских соглашений о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, а также после прекращения военных действий в Лаосе. Она помогает читателю лучше понять причины серьезного поражения американского империализма в Индокитае, в котором как в зеркале отразился глобальный провал всего послевоенного внешнеполитического курса США. Книга помогает читателю более глубоко осознать слова тов. Л. И. Брежнева о том, что «победа Вьетнама показывает, насколько сузились в наши дни возможности империализма. Нет те-

перь таких средств, с помощью которых он мог бы повернуть историю вспять!»².

Провал вооруженной агрессии Соединенных Штатов в Индокитае послужил суровым уроком для правящих кругов США. Они вынуждены были признать, что «уважают независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама, как они признаны в Женевских соглашениях 1954 года по Вьетнаму», и официально заявили, что «Соединенные Штаты не будут продолжать своего военного участия или вмешиваться во внутренние дела Южного Вьетнама».

Однако борьба народов Индокитая продолжается: в Камбодже еще не достигнуто соглашение о мирном урегулировании, в Южном Вьетнаме по вине сайгонской администрации сохраняется напряженное положение. ДРВ и Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам строго соблюдают парижские соглашения и решительно требуют их выполнения от Сайгона и США. Сайгонская администрация предпринимает попытки уклониться от точного выполнения парижских соглашений, создает трудности в работе двухсторонней военной комиссии, Международной комиссии по наблюдению и контролю. В этих условиях книга Ю. Я. Михеева «Американцы в Индокитае» как бы напоминает о сохраняющейся серьезности обстановки в Индокитае.

В заключение следует отметить еще одно достоинство книги Ю. Я. Михеева. Известно, что западные авторы истолковывают события в Индокитае последних лет со своих буржуазных, классовых позиций, делают попытки оправдать экспансионистскую политику американского империализма в этом и других районах мира. Анализ политики США в Индокитае, данный Ю. Я. Михеевым с четких интернационалистских позиций, наносит серьезный удар по апологетам агрессивного американского империализма.

Опасные спекуляции

А. П. Марков,
кандидат исторических наук

3а последнее время на книжном рынке США все чаще стали появляться публикации, полные развязных и безответственных спекуляций насчет «трагического поворота» в советско-китайских отношениях, ведущего-де «к вооруженному конфликту» между этими странами. Сами ав-

торы подобных писаний, судя по всему, очень хотели бы именно такого развития событий.

Эта литература довольно разнообразна по жанрам. Авторы одних книг стремятся придать своим «трудам» вид «научных исследований», прибегая к наукообразным рассуждениям и «логическим» построениям, полным передежкой, натяжек и прямых противоречий. Другие специализируются на интервью сомнительного толка с лицами из среды промаоистского лобби, активно действующего сейчас в некоторых политических и деловых кругах страны, или публикуют очерки, в которых с видимым удовольствием расписывают «военные приготовления» в Китае: рытье окопов и бомбоубежищ в китайских селах и городах, браво солдат из 198-й дивизии близ Пекина, которую маоисты обычно показывают заокеанским визитерам, желающим убедиться в том, что Китай серьезно готовится к «голоду и войне».

Вся эта, с позволения сказать, «литература», разумеется, не имеет ничего общего ни с наукой, ни с элементарной объективностью в подходе к затрагиваемым вопросам. При всем разнообразии стилей и жанров таких публикаций их авторов объединяет одно — махровый антисоветизм, плохо замаскированные расчеты на то, что кое-кому в Америке, возможно, удастся «погреть руки» на советско-китайских разногласиях.

Напомним, что еще в 1969 году в США была опубликована книга Х. Солсбери с характерным названием: «Война между Китаем и Россией», получившая соответствующую оценку в советской прессе. Указывая на антисоветизм маоистов, Солсбери, как известно, призывал Вашингтон «использовать возможность, равной которой у США не было почти за двести лет существования республики» для давления на Россию. Вместе с тем он вынужден признать, что политика безоговорочной поддержки маоистов, политика поощрения их экспансионистских планов таит в себе колоссальную опасность для всего мира, в том числе и для Америки.

Зато никакие сомнения не обуревают таких американских ретивых «китаеведов», каким является, например, иский Е. Хон.

В прошлом году в американских книжных магазинах появилась его книга под заголовком «Визит Р. Никсона в Пекин открывает путь русско-китайской войне»¹. Это «исследование» выделяется даже на фоне тех антисоветских писаний, которые нередко публикуются в Америке. Автор его — американский бизнесмен китайского происхождения — не прибегает к маскировке. Он не пытается, подобно другим, придать своей книге хотя бы видимость научной респектабельности. Его вовсе не тре-

¹ Eugene Hon, Nixon's Peking trip—the Road to the China's Russian War, San-Francisco, 1972.

² «Правда», 31. I. 1973.

вожит процесс превращения Китая в милитаристское государство. Наоборот, он считает это благом, поскольку воинственность маоистов направлена против СССР. Хон мечтает о войне, которая «привела бы к ослаблению двух коммунистических гигантов». «Силы, которые будут вовлечены в такую войну, колоссальны, — пишет он. — Примерно от двух с половиной до четырех миллионов русских будут воевать против 12—20 миллионов китайцев. Это сделает конфликт самым крупным в истории человечества» (стр. 115).

Автор не скрывает своих помыслов. По его расчетам, на такой войне США могли бы хорошо заработать. Они должны помочь Китаю подготовиться к ней. «Уже теперь, — пишет он, — Китай мог бы воспользоваться технической помощью США в разработке своих природных богатств. США могли бы помочь в развитии станкостроительной промышленности Китая. Стоимость только транспортного оборудования, самолетов, тракторов и т. п., в которых нуждается Китай, достигнет десятков миллиардов долларов. И все это может поставить ему Америка» (стр. 82). Если Китай, к примеру, закупил бы 140 самолетов «Боинг-707», общая сумма заказа составила бы миллиард долларов. Все заводы компании работали бы на полную мощность (стр. 73).

Хон утверждает, что в лице Мао и его окружения США всегда имели в китайской столице не врагов, а друзей, способных понять интересы Америки. Поэтому политика «сдерживания Китая», которую США проводили в послевоенные годы, была, заявляет он, ошибочной от начала до конца, а сотни миллиардов долларов, потраченные Вашингтоном на вооружение некоторыхзиатских стран, на финансовую и экономическую поддержку созданных в этих странах марионеточных режимов, на ведение войны в Корее и в Индокитае, — это выброшенные на ветер деньги².

² Согласно данным, почерпнутым автором из различных американских источников, общая сумма, затраченная США на реализацию политики «сдерживания Китая», составляет 714.057 млн. долл. В эту сумму он включает, по существу, все основные расходы США на проведение империалистической политики в Азии в послевоенные годы. По отдельным видам указанные расходы распределяются следующим образом: экономическая и военная помощь, поставки оружия странам, соседствующим с Китаем — 23.300 млн. долл.; стоимость корейской войны — 191.711 млн. долл.; стоимость войны во Вьетнаме — 432.732 млн. долл.; обеспечение общественной безопасности во Вьетнаме (1965—1971 гг.) — 4.037 млн. долл.; военная помощь (1965—1971 гг.) — 10.275 млн. долл.; стоимость оборудования военных баз в Азии — 2000 млн. долл.; стоимость их строительства и обслуживания (1950—1971 гг.) — 50.000 млн. долл.

«Эти суммы, — сокрушается он, — потеряны в результате политических просчетов. Неудивительно, что США так бедны сейчас. Особенно обидно, что все эти затраты сделаны в пользу России, так как Китай является врагом не Союзиненных Штатов, а врагом России» (стр. 12).

Хон призывает оказывать всяческую поддержку маоистам и рассматривает шаги Вашингтона в сторону сближения с Пекином как доказательство того, что там наконец, «взялись за ум» и поступают именно так, как хотел бы Хон и его единомышленники из промаоистского лобби в известных американских кругах. «Я убежден, — заявляет он, — что культурная революция представляла собой всеобщую мобилизацию для войны с Россией. Сегодня ясно, что Китай не желает войны с США» (стр. 100).

Автор книги возлагает надежды на нынешнюю политику Вашингтона, который, как он надеется, должным образом учитывает воинственный антисоветизм пекинского руководства, организовавшего в марте 1969 года вооруженные провокации на границах СССР. «Если бы спросили, когда США впервые стали рассматривать возможность диаметрально противоположной политики в отношении Китая, мы бы ответили: «2 марта 1969 года», — утверждает он (стр. 15). Хон восхищается «смелостью» маоистов, которые организовали эти провокации, дескать, тем самым «возвестили о рождении новой великой державы» (стр. 15).

Мечтая о войне между Китаем и СССР, Хон утверждает, что именно этой цели подчинена «новая китайская политика» США. «Наиболее важный аспект поездки Р. Никсона в Пекин заключается в том, что ослабление напряженности в американо-китайских отношениях, — заявляет он в введении к книге, — приведет к облегчению развязывания войны между Китаем и СССР»; к проведению именно такой политики автор призывал американскую администрацию в своем письме на имя Р. Никсона и других американских лидеров еще в феврале 1969 года.

Правда, он сознает, что шансы Китая на победу в такой войне, если бы он ее начал, практически равны нулю. И это ему не нравится. «Поражение Китая нежелательно для США, — пишет он, — так как это привело бы к укреплению советских позиций в Азии, поэтому в перспективе китайско-русская ограниченная война, в которой Китай потерпел бы поражение, нарушила бы баланс сил в пользу России. В этих условиях США испытывали бы давление со стороны СССР и его союзников». По указанной причине США никогда не допустили бы поражения Китая, разглашает автор. «В ситуации же, когда СССР и Китай были бы заняты в войне друг с другом, а США оставались бы нейтральными, это давало бы США возмож-

ность получить уступки обеих стран» (стр. 70—71).

Хон считает, что Вашингтон должен потрудиться нормализовать отношения с Пекином, хотя и признает, что на этом пути есть очень много препятствий: тут и проблема Тайваня, и мир в Индокитае, и присутствие войск США в Азии, и военные базы, расположенные в Японии, на Окинаве, в Южной Корее, в Таиланде и в других соседних с Китаем странах, глубокое недоверие к политике маоистов в общественно-политических кругах Америки и многое, многое другое. Но автор убежден, что все эти трудности можно будет преодолеть, учитывая готовность Пекина идти навстречу американским пожеланиям и совпадение его взглядов с США по ряду проблем. Пекин уже «занимает одинаковые с США позиции в индо-пакистанском конфликте, в котором Индия одержала победу с помощью СССР. Этот конфликт неокончен, — продолжает он, — и может еще явиться прелюдией войны Китая против СССР» (стр. 83).

Касаясь целей американской политики в Азии, автор призывает к поддержке милитаризации именно Китая, а не Японии, как это было в послевоенные годы, поскольку Япония стала слишком сильной и готовится проводить независимый курс политики. «Ремилитаризация Японии, — подчеркивает он, — более угрожает США, чем Китаю. Хорошо развитая современная транспортная система сократила расстояния. Если Япония встанет на путь экспансии, ей будет безразлично, где географически она может совершить вторжение: против США или против Китая» (стр. 83). Поэтому «наиболее важным сейчас является развитие сильного Китая и уничтожение остатков коммунистического единства путем величайшей войны в истории». При этом, по мнению Хона, воюющие стороны не должны «прибегать к ядерному оружию, арсенал которого у Китая слишком незначителен в сравнении с ядерным потенциалом СССР». Кроме того, «применение ядерного оружия могло бы нанести ущерб другим странам, включая США» (стр. 64).

Возвращаясь к вопросу о том, почему США, сохраняя «разумный нейтралитет», не могут допустить поражения Китая в войне (стр. 114), автор заявляет, что только в этом случае «Россия была бы вынуждена уйти из Азии, где США смогли бы еще более утвердить свое лидерство. Китай же, который слаб и теперь, был бы еще более ослаблен в результате войны и на протяжении многих лет должен будет залечивать глубокие раны. Иными словами, он еще долго будет всецело поглощен внутренними проблемами». Более того, Китай еще в большей степени, чем когда-либо прежде, будет нуждаться в помощи и поддержке Америки, что дало бы ей сильные козыри в ее политике по отношению к этой стране...

Таким образом, перед нами книга открывающая тенденциозная и во многом провока-

ционная. Автор ее мечтает о развязывании войны между двумя великими соседними народами. Он хотел бы, чтобы эти народы «взаимно уничтожали» друг друга во имя интересов империалистической Америки, во имя установления ее господства во всем мире. Хон не возражал бы и против ядерного «взаимоуничтожения», но это уже было бы опасно для Америки. Он, по существу, призывает направить усилия американской дипломатии, используя антисоветизм руководства Китая, на подготовку условий для развязывания такой войны.

Конечно, мы далеки от того, чтобы отождествлять сумасбродные вождельства поджигателя войны с действительными целями бы устремлениями американской национальной политики. В США, несомненно, достаточно реалистически мыслящих политиков, дипломатов, ученых, способных трезво и правильно оценить обстановку, сложившуюся на Дальнем Востоке, понять важность развития хороших отношений с Советским Союзом и с другими социалистическими государствами. Подтверждением тому служит происходящий в настоящее время процесс улучшения советско-американских отношений в самых различных областях, наблюдающаяся разрядка напряженности в Европе и в Азии.

Но мы остановились на книге Хона только потому, что, к сожалению, это лишь одна из ряда других подобных публикаций в США, где в наиболее обнаженном виде сформулированы и изложены идеи или, скорее, весьма опасные спекуляции американских антисоветчиков, пытающихся оказывать активное воздействие на внешнюю политику страны.

О китайской поэзии 20—30-х годов

*В. В. Петров,
кандидат филологических наук*

Выход в свет монографии Л. Е. Черкасского «Новая китайская поэзия (20—30-е годы)»¹ — заметное явление в нашем Китаеведении. Эта книга представляет собой первое в мировой синологии фундаментальное исследование, с научной достоверностью воссоздающее путь, который прошла новая китайская поэзия за первые два десятилетия своего существования. Прежние работы на эту тему, включая очерки Се Цай-цзяна («Вчера, сегодня и завтра

¹ Л. Е. Черкасский. Новая китайская поэзия (20—30-е годы). М., 1972.

левой китайской поэзии», Бэйпин, 1929) и Шу Фэна («Современная китайская поэзия», Гуанчжоу, 1938), уступают труду Л. Е. Черкасского и по охвату материала, и по масштабу обобщений, и тем более по уровню литературоведческого анализа.

20—30-е годы — сложный период в истории китайской литературы, и поэзии в частности. Проанализировать и осмыслить скакующие успехи и неудачи китайских поэтов этих лет, выявить общие закономерности, присущие их творчеству, — задача не из легких. Автор успешно с ней справился, ибо всей своей предшествующей научной и переводческой деятельностью был хорошо подготовлен к работе над такой книгой. Советским и зарубежным китаистам он известен как автор многих статей и докладов о новой китайской поэзии, как талантливый переводчик стихов современных поэтов Китая. Издано три сборника его поэтических переводов — «Китай говорит» (1954), «Красный прибор. Поэзия 4-го мая» (1964) и «Дождливая аллея. Китайская лирика 20—30-х годов» (1969). Последний сборник особенно удался Л. Е. Черкасскому. О зрелости его переводческого мастерства убедительно говорят и переводы стихов, приводимые в рецензируемой книге.

Значительное место в монографии Л. Е. Черкасского занимает вопрос об основных тенденциях, характерных для китайской поэзии 20—30-х годов, прежде всего для сформировавшегося тогда демократического направления. От стихийного антифеодалного протеста сторонники этого направления шли к сознательному использованию поэтического слова как оружия в национально-освободительной борьбе, убежденные в том, что настоящая поэзия призвана сплотить и воодушевить массы, пробудить у соотечественников веру в торжество идеалов революционного пролетариата.

Своими истоками демократическая поэзия восходит к творчеству реалистов и романтиков периода «4-го мая» 1919 года. Уже тогда в ней громко звучал протест против феодальной рутинности и духовного порабощения человека. Гуманизм и общественная активность, патриотические мотивы, прославление творческого труда, созидания отличали многие стихи, печатавшиеся в таких печатных органах, как «Синь циньянь» и «Синьчао», «Цзюэу» и «Сюэдэн», «Чэньбао фукань» и «Шаоньянь Чжунго». Разумеется, демократический и гуманистический пафос, свойственный поэзии периода «4-го мая», проявлялся у разных поэтов по-разному, не всегда последовательно и тем более не всегда одинаково четко и осознанно. Но совершенно очевидно, что именно этот пафос создал ту атмосферу, в которой стало возможным появление в 20-х годах и поэмы Чжу Цзыцина «Уничтожение», и патриотических стихов молодого Вэнь И-до, и революционной лирики Цзян Гуан-цы.

Исследуя процесс формирования такого черта новой китайской поэзии, как граждан-

ственность, патриотизм, революционность, Л. Е. Черкасский подчеркивает определяющую роль в этом процессе самих исторических перемен в жизни Китая. Движение «4-го мая», революция 1925—1927 годов, шанхайские бои в январе 1932 года, борьба китайских патриотов за единый национальный антияпонский фронт — эти и другие политические события не могли оставить и не оставили равнодушными китайских поэтов, особенно тех из них, которые связали свою творческую судьбу с революционным движением китайского пролетариата. Весьма существенным фактором в развитии демократического направления автор книги считает то, что в поэзии 20—30-х годов нашли отражение идеи Великой Октябрьской социалистической революции, все больше овладевавшие умами передовой китайской интеллигенции.

Книга Л. Е. Черкасского не только вводит нас в мир новой китайской поэзии. Она значительно расширяет и обогащает наши представления о всей китайской литературе 20—30-х годов, содержит меткие характеристики ведущих литературных обществ и группировок. Читатель узнает много нового о деятельности «Общества изучения литературы» и «Творчества», «Солнца» и «Новолуния», «Современности» и «Китайского поэтического общества», об идейно-эстетических позициях этих творческих содружеств, о месте и значении их в литературном движении, об издававшихся ими журналах и сборниках.

Одно из очевидных достоинств книги — удачно найденная композиционная структура. Рассматривая общие проблемы и главные тенденции развития поэзии, автор много места уделяет анализу поэтических индивидуальностей, дает яркие портретные характеристики наиболее крупных поэтов. Читатель знакомится с Лю Бань-нуном и Бин Синь, с Дай Ван-шу и Цзян Гуан-цы, с Сюй Чжи-мо и Пу Фэном и убеждается, какие это разные поэты. Разные не только потому, что неодинаково видят и воспринимают мир, каждый по-своему откликаются на события эпохи, а и по самой сути творческой манеры, по образному строю и темпераменту, по поэтическому почерку и языку.

В основе первой части книги лежат главы о реалистах и романтиках. Автор считает «генеральной идеей» реалистической поэзии периода «4-го мая» (Лю Бань-нун, Лю Да-бай, Сюй Юй-но, Ван Цзин-чжи) «внушение читателю мысли о необходимости радикальных действий во имя изменения невыносимых условий существования» (стр. 83). Он подчеркивает стремление поэтов-реалистов представить китайскую действительность «в формах самой жизни, объективно, многосторонне и конкретно» (стр. 89). Интересны наблюдения Л. Е. Черкасского, касающиеся характера китайского романтизма. Анализируя идейно-эстетические и художественные особенности творчества романтиков, автор книги

четко проводит мысль о том, что китайский романтизм не был однородным явлением ни в теории, ни в художественной практике.

В первой части исследования поднимается также проблема внешних влияний на китайскую поэзию 20—30-х годов. Общеизвестно, что одной из важнейших побед «литературной революции» периода «4-го мая» 1919 года было крушение «китайской стены», в течение веков отделявшей литературу Китая от литератур других стран и народов. Получив доступ к сокровищам мировой поэзии, молодые китайские поэты стали их энергично осваивать, что заметно повлияло на их собственное творчество. У Байрона, Гёте, Гейне, Уитмена, Петерфи они «искали примеры честного и стойкого служения идеалам народа». Анализу многообразных форм литературных взаимосвязей и влияний посвящена специальная глава «Китайская поэзия и западная литература». Она характеризует процесс «бурного приобщения Китая к мировой культуре», который начался после движения «4-го мая» 1919 года, когда, по справедливому замечанию Л. Е. Черкасского, переводная литература стала превращаться в «серьезную силу идейного вооружения передовых слоев китайского общества и самих творцов отечественной литературы, понимавших жизненную необходимость усвоения лучшего, что было создано человечеством за его многовековую историю, и прежде всего того, что могло служить делу социального и национального освобождения Китая» (стр. 61). В этой связи указывается на ту особую роль, какую играла в этом процессе русская классическая, а с конца 20-х годов и молодая советская литература.

Разговор о литературных влияниях и взаимосвязях продолжается и в других главах. Автор показывает, чем Блок и Байрон были дороги Цзян Гуан-цы, что брала Бин Синь у Тагора, насколько сильное влияние оказал французский символизм на творчество Ли Цзинь-фа, Фэн Най-чао, Дай Ван-шу, Му Му-тяня, как много значила для многих поэтов английская поэзия.

Вторую часть книги открывают главы о поэтах революционного направления. Здесь говорится о стихах Чжэн Чжэнь-до и Цюй Цю-бо, о воплощении революционной темы в произведениях Лю И-шэна, первого переводчика работы В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» на китайский язык, и совсем юного поэта-революционера Инь Фу. Особое место отведено Цзян Гуан-цы, и это правильно, ибо именно он, «молодой поэт Востока», «впервые так полно, прямо и сильно говорил о самом главном, что волновало китайский народ, — о борьбе за лучшую долю, о революции» (стр. 278). В его сборниках «Новые мечты» и «Скорблю о Китае» есть вдохновенные стихи о Ленине и Москве, о пролетарской солидарности и красном Первомае, есть гневные строки, обличающие преступления империалистов и китайской военщины.

Революционная лирика Цзян Гуан-цы утверждала коммунистические идеи и выводила на первый план тему пролетарского интернационализма, была новаторской, по ей — увыл! — часто не хватало кислорода фактов, глубины обобщения, просто мастерства» (стр. 295). Тот же упрек автор адресует и Пу Фэну — поэту, воспевавшему революцию, звавшему народ на борьбу, но порой явно пренебрегавшему художественной поэтической формой.

Новые творческие принципы, провозглашенные китайской революционной поэзией, приходилось отстаивать в жарких схватках с противниками революционной литературы. Таким поэтам, как Инь Фу, Пянь Мо-хуа, Ин Сю-жэнь, участие в революционном движении стоило жизни.

Борьба за торжество революционных идей в поэзии была всегда острой, но, как правильно отмечает автор книги, «развитие китайской поэзии шло не по прямой восходящей линии: оно изобиловало взлетами и спадами, но во всеобщем боре неизменно побеждала революционная, демократическая, гуманистическая линия с Лу Синем во главе» (стр. 279). Все сложное и противоречивое этого развития показано автором книги в ходе конкретного анализа поэтических направлений, творчества отдельных поэтов, литературных обществ, жанров, стихотворных форм. Нельзя не признать, что у Л. Е. Черкасского есть пристрастия к Сюй Чжи-мо, Чжу Сяну, Дай Ван-шу. Однако он при этом стремится не выходить за рамки научной объективности. Так, например, хотя «поэт дождливой аллеи» Дай Ван-шу определенно нравится Л. Е. Черкасскому, это не мешает серьезно разговору о противоречиях в его творчестве, о преодолении поэтом декадентских увлечений.

Столь же объективно оценивается творчество сложного поэта Сюй Чжи-мо. В этом легко убедиться, читая, скажем, раздел, названный «Крах чистого идеала» Сюй Чжи-мо», где при всей научной объективности и глубине шаг за шагом прослежена идейная деградация этого поэта, сопровождавшаяся усилением декадентских мотивов в его творчестве.

Почти во всех книгах по истории китайской литературы деятельность эстетской группы «Новолуння» оценивается однозначно, только в негативном плане. Для этого есть веские основания. «Члены «Новолуння», — пишет Л. Е. Черкасский, — проповедовали индивидуализм, прочли «великое будущее» буржуазной культуре, призывали творцов поэтических строк уходить от борьбы в царство красоты поэтических форм. Эти формы, доведенные до совершенства, и были призваны компенсировать бескрылость и ущербность содержания» (стр. 367). Приговор недвусмысленный, и с ним нельзя не согласиться. В книге дается подобающая оценка пресловутой «Платформе „Новолуння“» выпадам ново-

Зуневцев против революционной литературы, их враждебному отношению к идеям коммунизма и Октябрьской революции, статьям идеолога группы профессора Лян Ши-цю, проповедовавшего реакционную теорию элитарного искусства, публицистическим эссеисам Ху Ши. Однако исследователь не ставит точку только на этой оценке. Его внимание привлекает журнал «Синьюэ юэкань», в котором печатались (наряду с другими публикациями) статьи о Шекспире и Блейке, о поэзии Элизабет Браунинг и о Томасе Гарди, об английских поэтах XX века, переводы стихов Шелли, Китса, Бёрнса, Блейка, Элизабет Браунинг, Кристины Россетти, Уильяма Дэйвиса, Альфреда Хаусмана проза Кэтрин Мэнсфилд, Джона Голсуорси, Джозефа Конрада, Томаса Гарди, Вирджинии Вулф, Дэйвида Парнета, Чарлза Лэмба. Как же отнестись к этому аспекту деятельности «Новолунния»? Только негативно? Но ведь и Вэнь И-до, и Сюй Чжи-мо, и Жао Мэн-кань, занимаясь популяризацией мировой литературы, делали, несомненно, полезное дело, и автор совершенно прав, делая разграничение между ними и реакционными литераторами типа Лян-Ши-цю и Ху Ши.

Книга Л. Е. Черкасского содержит специальные главы обобщающего характера, в которых рассматриваются вопросы поэтической формы (китайский свободный стих, европеизированный стих) и поэтических жанров (*сяоши*, эпическая поэма). Здесь говорится об особенностях поэтической мифологии в старой китайской поэзии, о влиянии хокку, тапка и лирики Тагора на жанр *сяоши*. Очень убедительно выглядит попытка морфологического анализа. Интересны суждения о европеизированном «регулярном стихе», позволяющие уяснить эффект формотворческих экспериментов Вэнь И-до и его единомышленников. Эти эксперименты, как известно, благоприятствовали появлению в китайской поэзии формы сонета (Чжу Сян, Фэн Чжи, Лян Цзун-дай).

В 20-х годах некоторые поэты, начавшие писать стихи на байхуа, провозгласили полный разрыв новой поэзии с традициями прошлого. Господствующей формой стиха стал заимствованный из западной поэзии верлибр. Он действительно ничем не напоминал традиционные *люйши* и *цзюэцзюй*. Стих этот на китайской почве оказался настолько свободным, что стал напоминать обычную прозу, только графически разбитую на строчки. Анализируя такое явление, Л. Е. Черкасский старается найти критерии, позволяющие отличить истинный верлибр от прозаобразных опусов, лишь по недоразумению именованных стихами. Он полагает, что китайский свободный стих, сформировавшийся под влиянием западной поэзии, отличается своим закономерностями (количественная несонзмеримость строк, их асимметричность, речевая интонационная волна).

Книга Л. Е. Черкасского предназначена в первую очередь для специалистов по ки-

тайской литературе, хотя в равной мере интересна и доступна для широкого читателя. Свободно ориентироваться в книге помогает хороший научный аппарат, состоящий из библиографии, которая включает более четырехсот названий на русском, китайском и европейских языках; указателя имен китайских авторов; словаря встречающихся в тексте поэтических терминов.

Книга содержит богатый фактический материал.

В известном смысле ее можно рассматривать как справочник по современной китайской поэзии. Впрочем, и именно это обстоятельство, говорящее, безусловно, в пользу автора, побуждает сказать несколько слов и о замеченных неточностях.

Обращает на себя внимание опечатка на стр. 151, где сказано: «Лу Сяо-мань говорил». Лу Сяо-мань — жена Сюй Чжи-мо и его соавтор.

Поэма «Матери» и поэма «Жалоба» (см. стр. 291) — одно и то же произведение Цзян Гуан-цы. Поэма была написана 6 декабря 1927 года и под названием «Жалоба» вышла отдельным изданием в марте 1928 года в малой книжной серии общества «Солнце»; впоследствии Цзян Гуан-цы, выбросив из первоначального текста тридцать две строки, включил поэму в сборник «Строки о родине», но уже под названием «Матери».

Не соответствует действительности утверждение на стр. 296 о том, что «к моменту создания «Солнца» группа «Творчество» распалась». «Солнце» начало реально функционировать с января 1928 года, тогда как «Творчество» было запрещено реакционными властями только 7 февраля 1929 года, а до этого времени деятельность его была очень активной. Другая неточность допущена рядом, на стр. 297, где сказано, будто бы «вышел всего один номер» журнала «Синьюэ», хотя на самом деле вышло четыре номера. Стихотворение Ли Бай-ина, написанное в июне 1929 года, цитируется почему-то по сборнику, изданному, если судить по ссылке на соответствующий номер в библиографии, тремя годами раньше. Фигурирующая под этим (176-м) номером статья Сунь Лян-гуна действительно опубликована в сборнике «Море звезд» («Синхай»), но вышел сборник не в 1926 году, а в августе 1924 года.

На стр. 350 (со ссылкой на Пу Фэна) сказано: «После трагической гибели Сюй Чжи-мо в 1931 г. группа «Новолунние» пыталась издавать журналы: в 1932 г. — «Синьюэ ды шикань» («Поэзия «Новолунния»), а в ноябре 1933 г. — «Шикань» («Поэзия»). Тут явное недоразумение. Дело в том, что никогда не существовало журнала с названием «Синьюэ ды шикань». «Новолунние» издавало журнал, называвшийся «Шикань» («Поэзия»), и действительно, очень недолговечный: вышло всего четыре номера. Но первые три из них вышли в 1931 году (январь, июнь, сентябрь), то есть еще при жизни Сюй Чжи-мо. Смерть

Сюй Чжи-мо приостановила чуть ли не на год выпуск журнала, и четвертый (последний) номер — «Шикань» — увидел свет уже в июле 1932 года. Сочетание «сньюэ» употреблено здесь как обычное определение, оно не входит в название журнала.

Отметив бесспорные достоинства книги Л. Е. Черкасского, подведем общий итог. Из сказанного выше ясно, что эрудиция и обстоятельность аргументов сочетаются у автора с тонким чувством поэтического текста, с глубиной конкретного анализа и обобщенностью теоретических выводов. Никогда и никто из писавших о новой китайской поэзии не привлекал для ее характеристики такого богатого фактического материала: достаточно сказать, что в монографии использовано 125 поэтических сборников. Этим материалом автор владеет в полной мере, проявляя к тому же знание обширной критической литературы по теме исследования.

Книга Л. Е. Черкасского, несомненно, является значительным шагом вперед в изучении китайской поэзии XX века и складывает прочный фундамент для дальнейших исследований.

Вульгаризация исторической науки в КНР

*А. А. Антиповский,
кандидат филологических наук*

Вышедший в свет сборник «Историческая наука в КНР»¹ является важным научным пособием в борьбе с антимарксистским, антиленинским, антисоциалистическим курсом китайского руководства на современном этапе. Сборник посвящен анализу исторической науки, представляющей собой чрезвычайно важное и многоплановое явление, испытавшей на себе все метаморфозы китайского руководства, начиная со времени образования КНР и вплоть до настоящего времени, «сильнейшее воздействие тех политических событий и идеологических веяний, свидетелями которых мы являемся в последние годы» (3).

Перед авторами стояли две задачи: 1) проследить поступательный ход развития исторической науки, показать достижения в китайской историографии; 2) наряду с показом положительных сторон развития исторической науки КНР выявить те отри-

цательные факторы, ошибочные тенденции и неверные концепции, которые мешали и мешают развитию подлинной науки.

Кроме общих методологических проблем, авторы сборника затрагивают и частные, что дает широкое представление о процессе развития исторических исследований, степени и глубине разработки проблем, о трудностях, с которыми приходилось и приходится сталкиваться китайским историкам в борьбе с ошибочными установками маоистов, дискредитирующими марксистскую историческую науку в Китайской Народной Республике.

Уже в первой половине 50-х гг. начали складываться в исторической науке КНР два противоположных направления — научное, или марксистское, и националистическо-шовинистическое, или маоистское, — между которыми шла непримиримая борьба, принимавшая на разных этапах государственного строительства КНР различные формы и особую остроту. Однако необходимо отметить, что в первое десятилетие существования КНР Мао и его единомышленники не решались открыто выступать и навязывать свои националистические идеи ученым, работникам идеологического фронта. В те годы маоисты делали лишь отдельные попытки немарксистского освещения некоторых исторических проблем и стремились всеми возможными путями затормозить организационные мероприятия по созданию исследовательских центров, таких, как, например, Институт философии АН КНР, Институт по новейшей истории Китая (который, кстати, так и не был создан).

Все это делалось не случайно. Мао Цзэдун и его сторонники, насаждая пачетничество, схоластику и догматизм, стремились свести на нет прогрессивные тенденции в китайской науке вообще и исторической в частности.

В обобщающей статье Р. В. Вяткина «Историческая наука в КНР», давшей название всему сборнику, прослеживаются этапы развития исторической науки в Китае с начала нашего столетия. В ней показано, как идеи марксизма-ленинизма, проникая в Китай, способствовали становлению материалистического взгляда на историю, как под влиянием передовых идей Европы китайские ученые постепенно отказывались от конфуцианских догм, которыми определялась вся идеологическая и политическая жизнь в Китае, как вырабатывалась в Китае новая методология.

Особенно трудным было становление китайской исторической науки на новой, официально провозглашенной идеологической основе строительства социалистического государства. Здесь следует особо подчеркнуть, что в начале 50-х гг. ученых-историков, достаточно подготовленных в марксистском отношении, было в КНР слишком мало. Их идейно-методологическая подготовка была слабой. В значительной степени она преодолевалась благодаря знакомству

¹ Историческая наука в КНР. Ответственные редакторы Р. В. Вяткин, Н. П. Свищунова. Изд. «Наука», М., 1971, 303 стр.

«опытом советской марксистской историографии» (9), достижения которой интенсивно популяризировались в КНР. Достаточно сказать, что до 1959 г. в КНР было переведено и опубликовано до 40 книг виднейших советских ученых по древней, средневековой, новой и новейшей истории.

Многие из китайских историков понимают необходимость изучения основ марксизма, ленинизма, освоения марксистской методологии. Китайский ученый Лю Да-нянь, выступая на собрании ученых Москвы 23 апреля 1953 г., как подчеркивает Р. В. Вяткин, отмечал наиболее характерные недостатки некоторых китайских ученых. Они сводились Лю Да-нянем к отсутствию последовательного историзма и научности в отношении к истории, к субъективистской оценке исторических личностей, к механическому применению марксистско-ленинской теории.

В заключение своего выступления Лю Да-нянь говорил: «Вообще же основа марксистской исторической науки в Китае еще очень слаба... китайские историки обязаны поднять историческую науку Китая на новую, более высокую ступень» (8).

Учитывая наличие объективных и субъективных слабостей исторической науки КНР, Р. В. Вяткин определяет ее периодизацию, делая при этом необходимые оговорки об ее условности. Он делит двадцатилетие изучения и исследования истории в КНР на три основных периода: 1949—1959 гг. — первый период, 1959—1965 гг. — второй период и, наконец, период «культурной революции», когда ни о каком развитии исторической науки речи быть не могло. Именно в этот период стали раздаваться голоса о том, что историю надо писать заново².

Стремление к обособлению отечественной науки, подчеркивание исключительной роли Китая в мировой истории, отказ от советско-китайского научного сотрудничества, стремление объединить ученых стран Азии, Африки и Латинской Америки под эгидой Пекина и противопоставить их прогрессивным ученым остального мира, и прежде всего ученым стран социализма, проявлялись у маоистов еще задолго до «культурной революции». Ярким тому подтверждением является международный симпозиум, созданный в Пекине в августе 1964 года. Его организаторы меньше всего заботились о подлинных долговременных нуждах стран, вступивших на путь самостоятельного развития.

И не случайно поэтому великодержавный характер и направленность этого симпозиума не нашли отклика у ученых развивающихся стран. Их не могли устраивать те исторические подтасовки, которые делались китайскими историками (вольно

или невольно) ради гегемонистских устремлений пекинского руководства. Поэтому стремление Пекина придать своим рекомендациям в области науки международный характер оказалось несостоятельным.

В числе делегатов этого симпозиума был, в частности, Лю Да-нянь, утверждавший в начале 60-х гг. своими «оригинальными» работами маоистский курс в исторической науке. Он, например, отрицал наличие национальных противоречий между китайцами и маньчжурами, дал высокую оценку правлению ранних Цинов, предложил вопреки историческим фактам придерживаться «своего» вывода о положительной роли господства Цинов и правления Каньси, который он изложил в 1961 году.

Анализу взглядов одного из ведущих историков КНР Цзянь Бо-цзянь посвящена отдельная статья сборника. Ее автор показывает несостоятельность маоистской критики в адрес крупного ученого в период «культурной революции». Цзянь Бо-цзянь, как известно, еще в 1961 г. призывал «бороться против... бездумно догматического метода исследования», против «противоречий» и «законов», не имеющих «противостоящих сторон, и поэтому, между кем и кем противоречия, остается неясным...» (218). Вполне естествен вывод автора статьи, помещенной в рецензируемом сборнике, о том, что «человек, высказывающий и отстаивающий подобные взгляды... не мог не стать жертвой «великой культурной революции» (218).

Авторы сборника убедительно показывают, что стремление к приукрашиванию некоторых ханьских и мханьских государственных деятелей и мыслителей прошлого объясняется ненаучным подходом китайских историков, попавших под влияние националистических «идей Мао Цзэ-дуна», к оценке мировоззрения отечественных философов, императоров и их сановников. Подобные рецидивы имели место в 50-х гг., которые потом, в 60-х гг., проявились в откровенно националистических взглядах на роль и значение, например, Конфуция, его религиозно-этического учения и его влияния на формирование духовного облика китайца вплоть до наших дней (192—204). Например, в 1962 г. в Китае говорилось о том, что идеи Конфуция и Мэнцзы на протяжении более чем двух тысяч лет «служили воспитанию нашей великой нации, нашего великого народа», а «в настоящее время вновь стали одной из важных составных частей воспитания партийности пролетариата и коммуниста» (195). Более того, там же утверждалось, что «формула Мао Цзэ-дуна «практика — познание — вновь практика» напоминает идеи Конфуция» (195—196).

Яснее сказать трудно. Возрождение обветшалых конфуцианских догм под флагом «идей Мао Цзэ-дуна — марксизма-ленинизма современной эпохи», как утверждают современные китайские пропагандисты, как нельзя лучше раскрывает их суть.

² Цзяо И-фу. Историю КПК надо писать заново, см. «Шидай» пинпин, 1967, № 24.

Научная конференция «Общество и государство в Китае»

В январе 1973 г. в отделе Китая Института востоковедения АН СССР состоялась четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае».

Конференцию открыл заведующий отделом Китая Института востоковедения Л. П. Делюсин, отметивший широту диапазона представленных на конференции докладов и удачное сочетание докладов на современные и исторические темы.

Доклад «Являются ли легисты антирационалистами?» сделал Л. С. Переломов (ИВ АН СССР). По мнению автора, значение одного из политических учений древнего Китая — легизма — не раскрыто еще до конца исследователями. Автор отвергает взгляд на легистов как на решительных противников обращения к примеру древности. Анализируя легистские сочинения, он доказывает, что легисты сами считали себя преемниками древности и стремились использовать ее, учитывая изменения, происходящие в современном им обществе. Чисто прагматически используют сегодня «древность» и маонисты в своих так называемых теоретических построениях.

С докладом «Личные имена древних китайцев» выступил М. В. Крюков (ИЭ АН СССР). Он доказывает, что в древнем Китае имя человеку довалось не произвольно, а точно указывало на поколение и род человека, т. е. точно определяло его положение в обществе.

Доклад Б. В. Ветрова (ИВ АН СССР) был посвящен теме «О некоторых методологических аспектах изучения социально-экономического строя традиционного Китая».

Доклад Б. В. Ветрова вызвал возражения многих участников конференции. Выступавшие отмечали крайне общий, излишне абстрактный его характер.

Ю. Л. Кроль (ЛО ИВ АН СССР) посвятил свое выступление особенностям древнекитайского мышления и представлениям о

причинности в древнем Китае. Д. В. Десопик (ИСАА при МГУ) доложил о результатах своих исследований по систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю» — древнекитайской летописи VIII—V вв. до н. э.

Р. Фельбер (ГДР) представил доклад на тему «Некоторые соображения относительно реннтерпретации традиционной китайской концепции «да тун» в новое и новейшее время». Автор отметил многозначность концепции «да тун» («великого единения и равенства»), возникшей еще в древности, и разные возможности ее интерпретации. По мнению автора, концепция «да тун» — это в основном синоцентристская универалистская националистическая теория.

Л. Н. Меньшиков (ЛО ИВ АН СССР) сделал доклад на тему «Буддийская проповедь в Танском Китае». Доклад А. Н. Зеллинского (Вост. комиссия Всесоюзного Географического общ-ва СССР) был посвящен старой китайской системе летосчисления (по 60-летним циклам) и ее распространению у соседних народов.

Л. З. Эйтли (ИВ АН СССР) посвятил свой доклад теме «Характерные особенности средневековой китайской литературы». По мнению автора, в основе китайской литературы лежит нравственность, основанная на конфуцианстве. Под этим углом зрения автор разобрал отдельные проблемы, поставленные в произведениях средневековых китайских авторов (отшельничество, любовь, старость и т. п.).

«Концепции слабаразвитости и чрезмерного развития в американских оценках Китая и китайских оценках Запада» — такова тема доклада Г. С. Померанца (ИНИОН АН СССР). Д. Н. Воскресенский (ИСАА при МГУ) выступил с докладом на тему «О национальной специфике современной «массовой культуры» зарубежных китайцев». Е. В. Завадская (ИВ АН СССР) — на тему «Оппозиция «память — забвение» — выражение двуединой цельности конфуцианско-даосской мысли в Древнем Китае»; А. Г. Бокшанин (ИВ АН СССР) — о «Политике китайского императорского правительства в отношении удельных властителей (ванов) в начале XV века»; выступление Е. И. Лубо-Лесниченко (Госуд. Эрмитаж), подготовленное в сотрудничестве с К. Рибу (Индия), было посвящено анализу находок древнекитайских шелковых тканей на территории СССР и в Монголии. С докладом «О предпосылках доктрины Хэя в американской политике в Китае» выступил Р. М. Бродский (Львовский Гос. Университет); в докладе на тему «Были ли в средневековом Китае крестьянские

войны?» Г. Я. Смолдин (ЛГУ) осветил вопросы классовой борьбы крестьянства в средневековом Китае.

В. Г. Гельбрас (ИМРД АН СССР) посвятил свой доклад теме «События 1966—1972 гг. и некоторые вопросы их периодизации».

В докладе «Некоторые проблемы «культурной революции» в Китае» Я. М. Бергер сделал попытку подойти к анализу последних событий в КНР с точки зрения семантики культуры. По мнению докладчика, после 1949 г. в Китае насаждалась «культура правды» (т. е. строгой регулярности, управляемости). Мао Цзэ-дун пытается заменить ее другим типом культуры — «культурой текстов».

Выступивший в прениях А. Н. Желуховцев (ИДВ АН СССР) высказал сомнение в правомерности подобной постановки вопроса. По его мнению, разница между двумя типами культуры заметна лишь при анализе процесса длительного культурного развития. Конкретный материал слишком недостаточен, чтобы отнести культуру современного Китая к одному из этих двух типов.

А. Н. Анисимов (ИМРД АН СССР) в докладе «О некоторых сторонах проблемы автономизации города от деревни в КНР» на конкретном материале показал процессы миграции населения в современном Китае. По мнению автора, в настоящее время в КНР нет условий для сколько-нибудь значительного перетекания населения из сельскохозяйственного сектора в промышленный. Это предопределяет существующую тенденцию к автономизации города от деревни в КНР, для преодоления которой в будущем потребуются громадные усилия.

Р. Мюллер (ГДР) сделал доклад на тему «Понятие класса у первых китайских

марксистов». Доклад был построен на анализе произведений Ли Да-чжао, Чэнь Ду-сю и Цюй Цю-бо.

В докладе А. Г. Крымова (ИВ АН СССР) «Генезис и эволюция компрадорства в Китае» освещены вопросы истории компрадорской буржуазии с первой половины XIX в. до 1949 г. Л. С. Кюзаджан (ИНИОН) выступил на тему «Маоизм в оценках буржуазной синологии». Он отметил наличие ряда направлений в современном немарксистском Китаеведении в области оценки маоизма. В недавнем прошлом большинство буржуазных сиологов сближало маоизм с марксизмом. В настоящее время заметен отход от этой точки зрения (последние работы С. Шрамма, Б. Шварца и др.). Отмечается, что Мао Цзэ-дун в спекулятивных целях обращался к марксизму. Как недостаток многих западных работ о маоизме докладчик отмечает слабое знание авторами положения в Китае, что приводит часто к искренности их построений.

В. Б. Меньшиков (Главная ред. вост. литературы изд-ва «Наука») прочитал доклад на тему «К вопросу о своеобразии исторического развития Китая». М. И. Демидова (Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) посвятила свое выступление теме «Императрица У-хоу и Дуньхуанская библиотека», где изложила историю формирования в конце VII в. знаменитой библиотеки в Дуньхуане, остатки которой были обнаружены при раскопках в 1900 г.

Тезисы всех докладов опубликованы в отдельном сборнике «Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы, ч. 1—3. М., 1973.

К. А. Добрынин

Историография стран Дальнего Востока

В январе 1973 г. на Восточном факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова прошла седьмая научная конференция по историографии и источниковедению стран Азии и Африки¹.

¹ Бессменным организатором конференций по этой проблеме, первая из которых состоялась в 1961 г., является доктор исторических наук, профессор Г. В. Ефимов.

В работе конференции, помимо ленинградских ученых, приняли участие представители Москвы, Львова, Пскова и других городов. На трех секциях — истории Дальнего Востока, истории Южной и Юго-Восточной Азии, истории Ближнего Востока — всего было заслушано и обсуждено 33 доклада.

Претворение принципа пролетарского интернационализма в историографии, касающейся стран Азии и Африки, — такова была стержневая тема конференции. О японских коммунистах-интернационалистах говорил в своем докладе профессор Д. И. Гольдберг. Остановившись на вопросе об историографии антивоенных выступлений в рядах японской оккупационной армии в Китае в 1937—1945 гг., А. П. Федоров также особое внимание уделил проблеме пролетарского интернационализма. Большое место отводилось вопросам помощи Коминтерна, КПСС и других братских компартий нацио-

нально-освободительному революционному движению стран Востока в докладах Л. А. Березного, В. Н. Никифорова, К. В. Шевелева.

Ряд выступлений был посвящен критике буржуазной историографии и зарубежному востоковедению (доклады Ю. В. Маретина, Л. М. Демина, Г. А. Клейман и других). Двенадцать докладов, заслушанных на конференции, были посвящены историографии Китая.

Профессор Л. А. Березный (ЛГУ), касаясь некоторых вопросов в истории китайской революции в советской историографии, в частности, высказал ряд критических замечаний по поводу «Новейшей истории Китая», изданной Институтом Дальнего Востока АН СССР в 1972 году.

Доктор исторических наук В. Н. Никифоров (ИДВ АН СССР) в докладе «Китай в труде Эдварда Хеллета Карра «История Советской России» отметил существование в марксистской исторической науке нескольких точек зрения на деятельность Карра и высказался за более объективный подход к этому ученому.

Актуальным проблемам новейшей истории Китая в освещении советской и зарубежной историографии посвящали свои доклады К. В. Шевелев (ИДВ АН СССР) и А. А. Волохова (ИНИОН АН СССР).

В докладе «Некоторые вопросы историографии I-го съезда КПК» К. В. Шевелев отметил значительную работу советских ученых — В. И. Глушина, Е. Ф. Ковалева, А. И. Кортуновой, М. А. Персица, проделанную по историографии I-го съезда КПК.

Анализу буржуазной историографии, касающейся «культурной революции» в Китае, посвятила доклад А. А. Волохова. В нем рассматривается более 100 работ 1971—1972 гг.

американских, западноевропейских и японских авторов.

В докладе Ф. Б. Белелюбского (журнал «Народы Азии и Африки») о фальсификации истории тайпинского восстания Ци Бэньюем подчеркивается, что взгляды Ци Бэньюя характерны для так называемой «историографии» маоистского толка.

Различного рода проблемам историографии Китая посвящали доклады Н. Н. Пащенко (ИДВ АН СССР), Г. Я. Смолин (ЛГУ), Б. Г. Доронина (ЛГУ), М. Д. Демидова (Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина).

С выпуском исторической литературы по проблемам Китая издательством «Наука» АН СССР в 1971—1972 гг. познакомил участников конференции Н. Б. Зубков. Он охарактеризовал 23 книги, вышедшие по этой тематике в издательстве.

Кроме перечисленных докладов по проблемам Дальнего Востока, следует упомянуть выступление Е. И. Кычанова (ЛО ИВ АН СССР) об историографии Тибета, Г. А. Клейман (ИНИОН) — о зарубежном востоковедении шестидесятых годов в работах Дж. К. Пирсона (лондонская школа востоковедения и африканистики), Ю. В. Нововой — об историографии Кореи.

Даже из краткого обзора выступлений участников Ленинградской конференции по проблемам историографии стран Дальнего Востока видно, что конференция в значительной мере способствовала ознакомлению специалистов с исследованиями по проблемам историографии Китая, Японии, Кореи и других стран Востока и, несомненно, поможет в решении многих актуальных проблем.

Т. В. Виноградова

Вопросы развития восточных литератур

В Институте востоковедения АН СССР в конце марта состоялось расширенное заседание филологической секции Ученого Совета ИВ АН СССР совместно с Отделом литератур стран зарубежного Востока, посвященное проблемам развития литератур зарубежного Востока 60—70-х гг. Открывая заседание, заведующий отделом литератур проф. Е. П. Чельшев отметил, что цель обсуждения — обратить внимание на важнейшие тенденции, свойственные литера-

турам народов Востока последнего периода, отметить в них те новые явления, которые способствуют обществу прогрессу, формированию сознания нового человека в странах Востока.

Обсуждение вылилось в широкий обмен мнениями. С докладами выступили и приняли участие в прениях около тридцати человек — специалисты по литературам Афганистана, Бирмы, Индии, Индонезии, Ирана, Ирака, Китая, Малайзии, Непала, Турции, Пакистана, Японии. Тематика дискуссии отличалась большим разнообразием — становление новых жанров, реализм и народность, эволюция темы «народ и интеллигенция», консолидация прогрессивных сил в развивающихся странах Востока, западный модернизм и восточные литературы, оценка «новой поэзии», формирование «массовой литературы» и т. д.

Значительное место при обсуждении было уделено литературам стран Дальнего Востока. В докладе «Основные тенденции развития бирманской литературы 60—70-х гг.» Г. П. Попов, охарактеризовав общественно-политические изменения, происходящие в Бирме, коснулся сложного процесса объединения литературных сил страны, отметил возрастающий интерес к опыту советской литературы и методу социалистического реализма. К числу новых явлений в литературной жизни Бирмы он отнес встречи деятелей культуры с представителями рабочих и крестьян, появление сборника «Бирманские поэты и ленинский юбилей» (1970), составленный из ста стихотворений, в основном принадлежащих начинающим свой творческий путь поэтам.

В докладе «Протест в непальской поэзии второй половины 60-х гг.» Л. А. Аганина уделила основное внимание «новой поэзии», представленной главным образом поэтами молодого поколения. Эта поэзия весьма разноречива по своему характеру, в ряде случаев она несет на себе следы влияния западного модернизма; с другой стороны, она направлена против романтического восприятия мира, свойственного непальской литературе в прошлом. Вместе с тем во многих стихотворениях звучат патристические мотивы, наблюдается развитие национальной традиции в ее подлинно демократическом выражении.

«Пути обновления японской литературы 60—70-х гг.»—тема доклада В. В. Логунова. Она говорила о неразрывной связи реализма с народностью, отметив новаторские черты ряда произведений современной японской литературы; обратила внимание на рождение нового эпоса, что опровергает утверждение буржуазных западных литературоведов о том, будто японским писателям чуждо эпическое мышление, поскольку-де японская культура формировалась под исключительным влиянием буддийского учения об иллюзорности мира. Эту мысль поддержал

А. И. Мамонов, который проследил в своем докладе «Становление жанра поэмы в японской поэзии» историю становления лиро-эпического жанра, начиная с древних времен вплоть до появления современной поэмы «Нингата» (1970). А. Д. Долин в своем сообщении коснулся реакционных общественно-политических взглядов писателя Мисима Юкио.

Состояние современной китайской литературы нашло подробное освещение в докладе М. Е. Шнейдера «„Эстетика“ маоизма и китайская литература в 1972 году». Отметив факт появления после долгого перерыва новых романов, рассказов, очерков, докладчик подчеркнул, однако, что эти произведения не имеют ничего общего с подлинной литературой. В них по-прежнему царит дух поклонения Мао Цзэ-дуну, прославляется аскетизм. Характерными чертами такой литературы остаются примитивизм, дегуманизация и антиинтеллектуализм. В докладе «Китайская проза последних лет» Л. Е. Черкасский сосредоточил свое внимание на документальном очерке, который, на его взгляд, стал одним из главных средств идеологической обработки населения. В. С. Аджимудова поделилась своими наблюдениями над современной китайской драмой, отметив наличие в ней той же ходульности образов и облегченности конфликтов.

Обсуждение продемонстрировало возросший уровень советского востоковедения, способность авторов к анализу сложнейших и противоречивых явлений в современных литературах Востока. В то же время оно подтвердило насущную необходимость сосредоточить усилия на изучении ведущих, определяющих линий художественного развития народов Востока, на произведениях, отражающих глубокие сдвиги в сознании народных масс, происходящих под влиянием быстро меняющейся действительности.

В. В. Логунова

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала получила большое количество писем, авторы которых спрашивают, в чем заключается так называемое «дело Линь Бяо» и как понимать термин «мошенники типа Лю Шао-ци».

Ответ на эти вопросы читатели могут найти в публикуемой ниже статье.

Очередной кризис в Пекине: падение Линь Бяо

Вопрос о «мошенниках
типа Лю Шао-ци»

Прошло без малого два года со времени известного «сентябрьского кризиса» в Китае. Внешне он выразился во внезапном и не получившем пока достаточного объяснения «исчезновении» Линь Бяо и ряда других лиц из состава Политбюро ЦК КПК в сентябре 1971 г. (где-то между 11 и 13 числами). В Пекине делают все, чтобы скрыть конкретные факты и сущность этой «тайны из тайн» маоистского режима¹.

В закрытых китайских документах, предназначенных для распространения в руководящих органах партии и армии, уже в конце 1971 г. делались заявления о «разгроме карьериста, заговорщика, предателя и изменника Линь Бяо и его контрреволюционного заговора по умерщвлению партии», а также о «разгроме контрреволюционной ревизионистской линии Линя — Чэня», то есть Линь Бяо и Чэнь Бо-да, одного из деятелей пекинской верхушки, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, устраненного еще до падения Линь Бяо. Но в открытой китайской пропаганде устраненные руководители ни разу по именам не назывались. Они именуется «мошенниками типа Лю Шао-ци». Одно это говорит о стремлении маоистов не допустить откровенного и всестороннего обсуждения «сентябрьского кризиса» в партии и в стране, затушевать его важные политические аспекты, связанные с «культурной революцией» и IX съездом КПК. Вопрос о Линь Бяо используется в Пекине и для антисоветских измышлений, распространяемых маоистами в целях дальнейшего нагнетания антисоветской истерии в стране.

Драматическая развязка конфликта в сентябре 1971 г., обострение вопроса о «мошенниках типа Лю Шао-ци» и последующее развитие обстановки в Китае показывают, что раскол в китайском руководстве определялся в конечном счете политическими разногласиями, накопившимися в течение долгого времени. Нарастание же нападков на жертвы сентября 1971 г. свидетельствует о том, что сам факт устранения Линь Бяо для маоистов мало что решил. Пекинская верхушка предъявляет Линь Бяо все новые и новые «обвинения» вплоть, скажем, до нелепой «теории бесполезности женщины». Суть их сводится к одному — приписать Линь Бяо основные пороки и провалы маоистского курса за последние годы и одновременно изобразить «преемника» Мао «классовым врагом». Это, естественно, подводит к выводу, что наиболее глубокие корни и истоки кризиса в руководстве КПК в сентябре 1971 г. следует искать в обострившемся идейно-политическом кризисе маоизма.

«Сентябрьский кризис» — этапное явление в политической жизни Китая, многие стороны которой выглядят как его прямые или косвенные последствия.

Хронология «сентябрьского кризиса»

Пока нет точных сведений о «сентябрьском кризисе», однако со второй половины 1972 г. в Китае и за рубежом появляются некоторые отрывочные данные, с помощью которых представилась возможность несколько прояснить хронологию и в значительной степени — подоплеку разногласий, приведших к кризису. Согласно этим данным, со 2 августа 1970 г. в Пекине «исчез» один из пяти членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Чэнь Бо-да, считавшийся одним из теоретиков маоизма. Вопрос:

¹ «China news analysis», 6.X.1972.

о нем встал на II пленуме ЦК КПК (23 августа — 6 сентября 1970 г.), где обнаружили также и разногласия между Мао Цзэ-дуном и Линь Бяо.

На этот вопрос пролила свет и весьма специфическая кампания по критике «теории талантов и гениев» («тяньшай лунь»), развернутая после сентября 1971 года. В ходе этой кампании утверждалось, будто Чэнь Бо-да и Линь Бяо «с помощью недостойных приемов возвеличивали» Мао, а его «идеи» называли «вершиной марксизма», тем самым, дескать, они «отрывали» их от марксизма, обрекали на окостенение, «принижали» Мао и его «идеи», «подрывали их авторитет» (!). А «возвеличивание» использовали, чтобы самим захватить власть. Мао, утверждает теперь маоистская пропаганда, «гениален», но лишь как выразитель чаяний масс — «подлинных творцов истории», а его «идеи» — это «развитие марксизма», «современный марксизм», который должен развиваться и дальше².

Во время «культурной революции» культ личности Мао, как известно, приобрел особенно уродливые формы, а «идеи Мао» предстали в их обнаженном шовинистическом облике. К концу «культурной революции» выявилась острая необходимость корректировки внешней политики и хозяйственной политики внутри страны. Культ личности Мао мешал также великодержавно-гегемонистским маневрам руководителей Пекина на мировой арене. Серьезный удар по маоизму нанесли принципиальные разоблачения его со стороны мирового коммунистического движения; широкое недовольство вызвало обожествление Мао и в самом Китае. Все это побудило Мао перестроить основы культа своей личности. Прибегая к демагогии о «народных массах как творцах истории», Мао Цзэ-дун изображал свои «идеи» уже не «вершиной марксизма», а его «творческим развитием», наиболее отвечающим современности.

Однако, следуя своей обычной тактике, Мао решил расправиться с частью высшего исполнительного эшелона «культурной революции» в лице Чэнь Бо-да, а затем Линь Бяо, превратить их в козлов отпущения и сохранить ореол мнимой личной непогрешимости. Вскрытие все новых «преступлений мошенников типа Лю Шао-ци» подчинялось изначально поставленной главной задаче — возвеличить Мао как «марксиста» и «народного вождя» на основе «разоблачения псевдомарксизма» Чэнь Бо-да и Линь Бяо.

В апреле 1971 г. Чэнь Бо-да был окончательно «осужден» на узком «совещании 99-ти», хотя состав избранного IX съездом ЦК КПК состоял из 279 человек. Как видно из этого факта, для осуществления своего замысла Мао действовал в обход ЦК. С Чэнь Бо-да разделились к середине 1971 года. Это стало ясно из китайской печати. В статье, посвященной 50-летию КПК, подвергли критике того, «кто прикидывается самым маленьким простоялюдином» (Чэнь Бо-да называл себя во время «культурной революции» «самым маленьким простоялюдином»), а на деле является «политическим мошенником типа Лю Шао-ци». В этой же статье содержались намеки и на пошатнувшееся положение Линь Бяо. В ней не отмечались его заслуги в китайской революции³, опускалась также и стандартная формулировка о его «непосредственном командовании» НОАК.

Таким образом, «чистка» Чэня была прелюдией к устранению Линь Бяо — «преемника» Мао, заместителя председателя ЦК КПК, заместителя председателя Военного совета ЦК КПК и Государственного комитета обороны КНР, министра обороны КНР. 26 июня 1971 г. Линь Бяо последний раз публично появился в Пекине.

Его «исчезновение» совпало с крутым поворотом внешней политики Пекина в сторону сближения с США. В начале июля 1971 г. после «пинг-понговой» завязки Г. Киссинджер приехал в Пекин для согласования с Чжоу Энь-лаем деталей предстоящего визита Р. Никсона в КНР. Очевидно, Линь Бяо не был согласен с таким форсированным сближением с США. Характерно, что в самый момент сентябрьской развязки маоисты выдвинули тезис о необходимости проводить различие между «главным врагом» (подразумевался СССР) и «второстепенным» (США).

Группа Мао Цзэ-дуна — Чжоу Энь-лая, занимая позиции великодержавия, антисоциализма и ярого антисоветизма, внутри страны взяла курс на «закрепление результатов культурной революции», а вне страны — на сближение с капиталистическим миром, основой которого является поворот в китайско-американских отношениях. Не лишены оснований многократно высказывавшиеся в иностранной печати мнения, что Линь Бяо, как и близкие к нему военные, особенно Хуан Юн-шэн и У Фа-сянь, считали «недопустимым» сближение с американским империализмом в условиях его агрессии против героического вьетнамского народа.

В августе — сентябре 1971 г. Мао совершает поездку по стране. Он беседует с руководителями провинций и военных округов, требуя от них усилить военную подготовку

² Данная кампания таила в себе опасность разоблачения Мао Цзэ-дуна и подрыва его престижа, и поэтому пекинская верхушка предпочла свернуть ее в октябре 1972 года.

³ См. статью «Мощное орудие для обеспечения победы народа над врагами», — «Хунци», № 9, 1971.

в армии. Он высказывается за то, чтобы передать основные дела в ведение только что созданных провинциальных парткомов, подчинить им парткомы военных округов, дополнить лозунг об «учебе народа у НОАК» лозунгом об «учебе НОАК у народа всей страны». Особо настойчиво он настаивает на том, чтобы «соблюдать дисциплину», «слушаться старшего командира», то есть его⁴.

В ходе поездки по стране Мао делает важное признание о том, что II пленум «взял под защиту заместителя председателя Линя». Это признание опровергает версию о «заговоре Линя против Мао», которую маонисты выдвинули позже, и свидетельствует, что существовал не «заговор Линя против Мао», как утверждают маонисты, а заговор Мао против Линь Бяо. Из инсказательных выражений Мао, употребленных им во время своей поездки по стране, видно также, что он действовал вопреки мнению пленума: «подбрасывал камни», то есть навязывал «особое мнение», «подмешивал песку» — дополнительно ввел в Военный совет ЦК КПК верных ему людей, «подкапывал углы» — реорганизовал Пекинский большой военный округ — оплот Линь Бяо. Мао говорил также, что вопрос о Линь Бяо, дескать, еще предстоит решать на уровне ЦК, даже намекал, будто «Линя еще можно спасти», но вместе с тем представил разногласия с ним как очередной «этап борьбы двух линий в КПК». Иначе говоря, подготавливая свои позиции в провинциях, он заранее предрешал судьбу Линь Бяо.

Наконец в сентябре 1971 г. Линь Бяо был полностью устранен с политической арены. Вместе с ним стали исчезать и другие члены Политбюро: жена Линя, начальник его личной канцелярии Е Цюнь, начальник Генштаба НОАК Хуан Юн-шэн⁵ и заместители Хуана — командующий ВВС У Фа-сянь, первый политкомиссар ВМС Ли Цзо-пэн, начальник управления службы тыла НОАК Цю Хуэй-цзо⁶, а также кандидат в члены Политбюро Ли Сюэ-фэн.

«Сентябрьский кризис» повлек за собой серьезные политико-организационные последствия для маонистского режима.

В Китае развернулись новые чистки, охватившие в основном армию, прежде всего центральные военные ведомства. По некоторым зарубежным данным, в армии в связи с «делом Линь Бяо» репрессировано около 34 тыс. человек.

Чистки на местах, в провинциях, маонистам приходится проводить осторожно, выборочно. В провинции Хэйлуцзян, например, еще 2 января 1972 г. печать и радио требовали разгромить «линию мошенников типа Лю Шао-ци и их представителей в провинции», однако на местах далеко не везде проявляют такое же рвение в этом вопросе, как в провинции Хэйлуцзян. После сентября 1971 г. проблеме Линь Бяо и кампании «критики ревизионизма и упорядочения стиля» посвящались пленумы провинциальных парткомов, однако они прошли всего лишь в семи провинциях, причем в шести из них — в I квартале минувшего года. Все это говорит о серьезной внутренней борьбе в Китае.

«Сентябрьский кризис» вскрыл тот факт, что пекинская верхушка представляет собой временный блок соперничающих фракций, что военная фракция заняла доминирующее положение в органах власти в ходе формирования «ревкомов» (январь 1967—сентябрь 1968 г.), ЦК КПК (апрель 1969 г.) и парткомов провинций, автономных районов и городов центрального подчинения (декабрь 1970 — август 1971 г.).

В борьбе против Линь Бяо Мао Цзэ-дун использовал две остальные фракции (группировку Чжоу и «левых», возглавляемых Цзян Цин), недовольные усилением военных, привлек на свою сторону во время поездки по стране часть местных властей, сыграл на соперничестве среди самих военных. Дальнейшая централизация маонистской диктатуры, сужение ее состава в основном до двух фракций обострили кризисные явления в механизме политического руководства и управления страной. Парализован прежде всего ЦК КПК, пленумы которого не созываются уже более 2,5 лет. Значительная часть членов ЦК КПК под видом сторонников Линь Бяо была подвергнута чистке и изгнана из ЦК. Положение многих других членов и кандидатов в члены ЦК неясно. Политическую активность проявляет ныне не более одной трети состава ЦК КПК. Уже более 8 лет бездействует Всекитайское собрание народных представителей, на неопределенный срок отложено проведение сессии ВСНП 4-го созыва, хотя проведение ее предусмотрено решениями II пленума ЦК КПК, состоявшегося в 1970 году⁷.

⁴ См. сноску 9.

⁵ 5 октября 1971 г. Хуан Юн-шэна еще показывали в пекинской телехронике.

⁶ Последний раз публично появлялся 24 сентября 1971 года.

⁷ Ст. 24 Конституции КНР 1954 г. устанавливала: «Срок полномочий ВСНП — 4 года». Последняя сессия ВСНП 3-го созыва закрылась в январе 1965 года. Статья маонистов, посвященная новому, 1971 г., ставила вопрос о сессии ВСНП 4-го созыва как о практической задаче года. («Жэньминь жибао», 1.1.1971.) Следующая новогодняя статья говорила лишь о ее «встрече трудовыми успехами». («Жэньминь жибао», 1.1.1972.) В последней новогодней статье вопрос о ВСНП даже не упоминается. («Жэньминь жибао», 1.1.1973.)

Что же касается партии, то она не стала массовой организацией, действительно осуществляющей политическое руководство обществом. Не завершено ее строительство, и обозначилась новая кампания реформирования низовых парторганизаций и «руководящих групп» в парткомах. Пекин никак не может, видимо, добиться лояльности кадров даже высшего и среднего звена. Вот почему делается особый акцент на «учебу» этих кадров⁸.

Нынешний тупик в политическом руководстве свидетельствует о том, что в перспективе открывается новая полоса внутренней борьбы.

Документы и версии

За границей были опубликованы важные «секретные документы ЦК КПК», якобы добытые чанкайшестской разведкой⁹. Текстологическое сопоставление документов с материалами китайской пропаганды подтверждает их достоверность, ибо фразы и положения из данных документов широко использовались в центральной и местной печати и радио Китая уже после того, как они были спущены на места.

Распространение этих документов строго ограничивалось парткомами провинций, городов и автономных районов, больших военных округов, провинциальных военных округов и армейских корпусов, центральными учреждениями Военного совета ЦК КПК, парткомами родов вооруженных сил, группами по созданию парткомов в министерствах Госсовета и в отделах ЦК КПК.

Однако есть основания полагать, что эти документы являются пекинской фальсификацией, призванной оправдать расправу над Линь Бяо. Документы говорят о многом, но не о самом главном: что же произошло в сентябре 1971 года? Каков был предмет разногласий между Мао Цзэ-дунем и Линь Бяо?

Тем не менее они содержат ряд важных деталей и доказывают полную несостоятельность маоистских версий относительно характера действий Линь Бяо, сводящихся к трем домыслам — «заговор», «борьба за власть» и «классовая борьба».

Авторитетные зарубежные комментаторы справедливо указывают, что по маоистской версии «заговор Линя против Мао» выглядит «слишком дилетантским» и «фантастическим». Руководители вооруженных сил, судя по документу от 13 января 1972 г., чувствовали себя «людьми, загнанными в угол», знавшими, что их все равно уничтожат¹⁰. Пропаганда Пекина намекала к тому же, что некоторые сторонники Линь Бяо его покинули, то есть предали¹¹. В документе от 13 января 1972 г. называется один из таких людей — кадровый работник ВВС Ли Вэй-синь. Но спрашивается, если он донес на Линь Бяо, то как мог Мао спокойно развезжать по стране до 12 сентября — дня развязки конфликта? Если же «показания Ли Вэй-синя» вырваны в ходе последующего «расследования», то велика ли им цена?

В версии о «заговоре» существенно только то, что она появилась на свет. Никому из прежних противников Мао не предъявлялись обвинения в «заговоре» и в попытках покушения на его персону. Это говорит лишь об особо серьезных политических мотивах устранения «преемника».

Особого внимания заслуживает маоистская версия о «борьбе за власть». Борьба за власть в китайском руководстве ни для кого не является секретом. Решение Мао Цзэ-дуном всех вопросов внутрипартийных разногласий методом «борьбы за власть», его личный пример в этом отношении породили в руководстве КПК болезненные традиции. Особенно ярко это проявилось во время «культурной революции», когда многие

⁸ См. «Жэньминь жибао», 1.1.1973.

⁹ Речь идет о двух таких документах. Первый под литером «чжунфа» (уведомление центра), № 4 от 13.1.1972, содержит описание «заговора Линь Бяо». В наиболее полном виде был опубликован в тайваньской газете «Чжунъян жибао» от 13.IV.1972 и журнале «Чжунгун яньцзю», апрель и июль 1972, а также в номере 252 гонконгского журнала «Чжаньван» от 1.VIII.1972, стр. 12—14.

Второй под тем же литером, № 12 от 17.III.1972, содержит резюме высказываний Мао во время его поездки по стране с середины августа по 12 сентября 1971 года. В нем говорится о «клике Линя — Чэня» и о ее разногласиях с Мао со 11 пленума ЦК КПК 9-го созыва (август—сентябрь 1970 г.). Документ полностью опубликован в гонконгской газете «Синдао жибао» от 10 и 11.VIII.1972 и в «Чжунгун яньцзю», № 9 за 1972 год. Гонконгский бюллетень «Чайна ньюс анализс» прокомментировал оба документа 6 и 13.X.1972.

¹⁰ «China news analysis», 13.X.1972.

¹¹ «Хунци», № 13, 1971, стр. 10.

в Китае официально обвинялись в «групповщине», «полицентризме», «местничестве», «сепаратизме». Эти явления и сейчас считаются реальной предпосылкой раскола¹².

Предположения о «прагматических изменениях» как причине конфликта также представляются необоснованными потому, что они начались, когда Линь Бяо был в зените могущества, и проводились при участии военных в органах власти в центре и на местах. Хуан Юн-шэн, например, неизменно назывался активным сторонником «оздоровления» внутренней политики. Наконец, «Жэньминь жибао» в связи с этой полемикой черным по белому писала: «Разглагольствования о преимущественном развитии электронной промышленности — это только ширма, а сущностью их является выступление против всего политического курса председателя Мао» (выделено мной. — В. Ф.)¹³.

Почему употребляется ярлык «мошенники типа Лю Шао-ци»!

Почему замалчивается имя Линь Бяо и употребляется ярлык «мошенники типа Лю Шао-ци»?

Несуразность данного ярлыка бросается в глаза. Именно Линь Бяо и Лю Шао-ци проявили себя антиподами в ходе «культурной революции».

Такая обезличенная «критика» пекинской верхушкой ее нового противника объясняется рядом политических причин как частного, так и общего порядка. Маонисты не готовы к открытой дискуссии по данному вопросу. Они боятся такой дискуссии и хотят уйти от обвинения реальных фактов и причин «сентябрьского конфликта». Так, например, Чжоу Энь-лай в начале 1973 г. заявил, что расследование «дела Линь Бяо» не завершено¹⁴. Подлинный смысл этого заявления состоит в том, что в политической системе маонистского режима, включая его правящую верхушку, внутренняя борьба не только не прекратилась, но обострилась.

Оппозиция Линь Бяо Мао Цзэ-дуну является лишь поверхностным, верхушечным явлением куда более широкого недовольства масс политикой Мао Цзэ-дуна и его окружения, усиленного «культурной революцией».

Недовольство проявляется в различных формах: в пассивности кадров, которых маонисты сегодня обвиняют в «трусости, лени, бездеятельности», в так называемом децентрализме, в нежелании проводить «линию Мао»¹⁵, в настороженной и выжидательной позиции армейского командования, в усилившихся тенденциях местничества и сепаратизма, в обособлении местной власти от центральной, в брожении среди рабочего класса, крестьянства и молодежи и в других явлениях.

Недаром вопрос о «мошенниках типа Лю Шао-ци» стал доминирующей темой новгородской статьи¹⁶. В ней подчеркивалось, что данный вопрос в 1973 г. должен быть превращен в основное содержание кампании «критики ревизионизма и упорядочения стиля». Это означает, что в 1973 г. развернутся новые чистки, усилятся идейная обработка, обрушатся новые репрессии. Судя по всему, маонисты усиленно готовятся к фабрикации «партийного» решения по «делу Линь Бяо», но, как видно, подготовка эта затягивается.

Другая важная причина употребления термина «мошенники типа Лю Шао-ци» кроется также в том, что маонисты пытаются протащить нелепую версию о якобы существовавшей «клике Линя — Чэня». В то время, как известно, Линь Бяо возглавлял военную фракцию китайского руководства, а Чэнь Бо-да до середины 1970 г. стоял во главе фракции «левых» или «идеологов», в которую входят наиболее близкие Мао Цзэ-дуну люди: Цзян Цин (жена Мао), Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юань. История «культурной революции» свидетельствует о жестокой борьбе между этими фракциями. Чэнь Бо-да и Линь Бяо — по сути дела, две разные политические фигуры. Маонисты искусственно объединяют их в «клику», навешивая сейчас на них общий и наиболее «тяжелый» ярлык, взятый из арсенала текущей «классовой борьбы», отождествляя их с «разгромленным» Лю Шао-ци. И делается это для того, чтобы скрыть истинную подоплеку учиненной расправы.

«Линия Мао» за последние 15 лет привела к замедлению общественного развития Китая и доказала свою полную несостоятельность. Чтобы поддержать авторитет Мао, в Пекине предпринимают сейчас меры по «очищению» его «линии» от заведомо порочных, отвергнутых жизнью лозунгов и установок, придумывают новую интерпретацию

¹² См. «Хунци», № 4, 1972, стр. 8.

¹³ «Жэньминь жибао», 12.V.1971.

¹⁴ См. «Правда», 11.III.1973.

¹⁵ «Хунци», № 9, 1972, стр. 16.

¹⁶ «Слово к Новому году», «Жэньминь жибао», 1.II.1973.

этой «линии». Мао Цзэ-дун, например, отмежевывается от экстремистско-авантюристических установок «культурной революции», но не для того, чтобы отказаться от антисоциалистической сущности своего курса, а, наоборот, для того, чтобы развертывать его дальше. Печать маонистов называет это «закреплением результатов культурной революции»¹⁷.

Маонисты возлагают ответственность за провал политики экстремизма периода «культурной революции» на устраненных Линь Бяо и Чэнь Бо-да, которых обвиняют в «левом уклоне», тактически прикрывавшем их «правый оппортунизм».

Маонисты теперь пытаются объяснить очередной «прагматический» зигзаг в «линии Мао» как результат борьбы с Линь Бяо и Чэнь Бо-да. В Пекине сегодня пишут, что без «критики мошенников типа Лю Шао-ци» «нельзя добиться неуклонного осуществления... линии председателя Мао и его политических установок»¹⁸.

Однако хорошо известно, что Линь Бяо и Чэнь Бо-да были на положении идеологических рупоров «культурной революции», непосредственных проводников установок Мао, и именно поэтому одна только персонализация «сентябрьского конфликта» вскрыла бы беспринципное «заметание следов» Мао, подняла бы вопрос о кризисе линии «культурной революции», в ходе которой Линь Бяо возвысился. Это ярко обнажило бы и тот факт, что маонисты отмежевываются от собственной практики периода «культурной революции» как от «левого» уклона, используя методы, которые ими же шельмовались ранее как «гнилой ревизионистский товар Лю Шао-ци». Поэтому Мао и его окружение огульно зачисляют Линь Бяо и Лю Шао-ци в разряд «классовых врагов», списывая на них все провалившиеся и отвергнутые жизнью установки «линии Мао» как «правые» или «левые» уклоны. Есть и другая сторона того же вопроса: Мао Цзэ-дун стремится скрыть очевидный факт, что именно с помощью Линь Бяо он ранее сумел расправиться с Лю Шао-ци, использовав старую неприязнь между этими двумя деятелями. Поэтому маонисты сейчас клеймят своих противников фальшивыми «классовыми» штампами, избегая касаться разоблачительных для Мао метаморфоз его собственной «линии», «сентябрьской» проблемы в ее конкретике.

Обстрел маонистами «левого» уклона является отвлекающим и временным маневром, проводящимся с определенной целью — поддержать престиж Мао в текущей обстановке. Однако не в этом состоит главная цель маонистов. Их основная задача заключается в том, чтобы использовать вопрос о Линь Бяо для завершения разгрома здоровых сил партии и народа в ходе небывалой по размаху кампании «критики ревизионизма и упорядочения стиля». Маонисты интерпретируют вопрос о Линь Бяо с позиций антисоциалистического курса «культурной революции» и именно поэтому связывают его с «классовой борьбой» периода этой «революции», с «правым оппортунизмом», «ревизионизмом» и «контрреволюцией» Лю Шао-ци.

О сущности обостряющейся сейчас политической борьбы в Китае говорит прямая аналогия, которую маонисты проводят между нынешней «критикой ревизионизма и упорядочением стиля» и кампанией по «исправлению стиля» 1942—1945 гг. в городе Яньане. В тот период в истории КПК Мао Цзэ-дун осуществлял ревизию («маонизацию») марксизма, расправлялся с интернационалистскими силами в партии и насаждал в ней шовинистическую идеологию. Журнал «Хунци», например, отмечает, что тогда «начали различать, что такое истинный марксизм (читай: маонизм. — В. Ф.) и что такое лже-марксизм», и «это в идейно-теоретическом отношении обеспечило последовательное проведение... линии председателя Мао» и сейчас для маонистов проблема состоит в том, чтобы заставить партийные кадры усвоить «теорию, практику, ориентацию, методы и политику (внутреннюю и внешнюю) китайской революции, решать вопросы о том, как сознательно проводить и защищать марксистскую линию председателя Мао» (выделено мной. — В. Ф.)¹⁹. Другими словами, проблема для Мао заключается в том, как заставить партию дальше эволюционировать в антисоциалистическом направлении.

«Культурная революция» не только не решила эту задачу, но и породила новые недовольство и сопротивление, для устранения которых и нужна новая «яньаньская операция».

Мао Цзэ-дун не может признать того, что это недовольство и сопротивление, в том числе и оппозиция Линь Бяо, порождены именно «культурной революцией», обнажившей сущность маонистского режима как единоличную диктатуру. Он не может признать, что эти явления вызваны также его попытками закрепить и развить такие направления своего курса, как антисоветизм, враждебность мировому коммунистическому движению, репрессии, проводящиеся под видом «основной линии классовой борьбы», усиление культа личности, подготовка к войне и милитаризация общества, эксплуатация трудящихся, прикрываемая различными демагогическими лозунгами. Широ-

¹⁷ «Жэньминь жибао», 1.1.1973.

¹⁸ «Крепко взяться за идейное воспитание и воспитание в духе политической линии», «Хунци», № 5, 1972; «Гуанмин жибао», 7.V.1972.

¹⁹ «Твердо придерживаться серьезного чтения книг и учебы», «Хунци», № 5, 1972; «Гуанмин жибао», 14.V.1972.

Критика теоретических основ маоизма. Коллектив авт. М., «Наука», 293 стр., 10 000 экз., 1 р. 18 к.

Эта работа посвящена критическому разбору различных сторон «идеологии» маоизма — политической философии, экономической концепции, идеала «социализма». Большое место уделено выяснению генезиса маоистской идеологии, разоблачению ее националистической сущности, идеологической подготовке маоистами «культурной революции».

Гельбрас В. Г. Маоизм и рабочий класс Китая. М., «Профиздат», 56 стр., 31 000 экз., 9 к.

В брошюре анализируется положение рабочего класса в Китае с конца 50-х годов, когда развитие КНР было нарушено резким поворотом в политике китайского руководства. Авторы брошюры рассказывают о том, почему маоисты практически отвергли марксистское положение о ведущей роли рабочего класса в строительстве нового общества, разогнали профсоюзы, наращивают вооружение путем жесточайшего ограничения и без того весьма низкого уровня жизни китайских трудящихся, как маоистское руководство КНР, стремясь заставить рабочий класс безропотно переносить свое бесправное положение, беспрекословно выполнять приказы власти, насаждает идеологию антисоветизма и национализма.

Виноградова Н. А. Китайская пейзажная живопись. М., «Изобразительное искусство», 160 стр. с илл., 15 000 экз., 2 р. 22 к.

Классическая китайская пейзажная живопись — одна из ярких и увлекательнейших страниц в истории мирового искусства — возникла почти полторы тысячи лет назад. Со времени ее расцвета нас отделяют столетия, но и в наши дни она не утратила своего живого обаяния.

Автор книги рассматривает китайский классический пейзаж не изолированно, а в непосредственной связи с современной ему поэзией, прозой и философией. Книга впервые в современном искусствоведении обобщает историю китайской пейзажной живописи, начиная с глубокой древности вплоть до конца XIX века; она иллюстрирована 25 цветными и 75 тоновыми репродукциями лучших образцов китайской живописи.

Охара Т. Ее звали о—Эн. Повесть. Перевод с японск., М., «Художественная литература», 173 стр., 100 000 экз., 44 к.

В исторической повести современной японской писательницы создан образ женщины, стремящейся к нравственной свободе, полному духовному равенству в обществе. Повесть Охара Томизэ написана на основе достоверных документов XVII века, писем самой о—Эн и ее родных. Страшная судьба постигла героиню: на ее отца обрушилась немилость властей,

и вся его семья и его потомки были осуждены на полную изоляцию от мира, пока не умрет последний мужчина этого рода.

Повесть могла бы быть названа документальной, но эта документальность под пером талантливой писательницы превратилась в художественную достоверность, а отрывки из подлинных писем о — Эн неразрывно слились с авторским повествованием — тонкой стилизацией речи утонченной, образованной и глубоко чувствующей женщины феодальной Японии, женщины, которую звали о — Эн.

Сказание о санг Боме. Перевод с малайск. М., «Наука», 312 стр., 15 000 экз., 1 р. 02 к.

«Сказание о санг Боме» — один из любопытнейших памятников малайской словесности. Герои индийского эпоса, очутившись на острове Ява, были по-своему воспеты древнеяванскими поэтами, обрели второе рождение в руках местных кукловодов-далангов. В итоге появилась не известная в индийской литературе повесть. Приобретя вначале черты яванского мифа, эта повесть подверглась дальнейшей переработке, после того как ее перевели на малайский язык — наречие купцов, мореходов и проповедников, широко распространенное уже в средние века у народов нынешней Индонезии и Малайзии. «Сказание о санг Боме» еще не переводилось на европейские языки.

Серкина А. А. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. М., «Наука», 132 стр., 60 к.

Книга посвящена проблеме дешифровки одной из древнейших форм письма, по своему характеру близкого к петроглифам более позднего периода. Автор дает новое толкование ряда знаков, вошедших в современную китайскую письменность, что позволяет проследить их эволюцию в историческом процессе. В книге содержится также перевод знаков, не вошедших в более поздние формы письма. Перевод 361 гадательной надписи позволяет получить представление об обрядах и обычаях, основанных на первобытной магии и древних верованиях, о трудовых процессах, о способе счета времени и т. д.

Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М., «Наука», 182 стр., 1300 экз., 1 р.

В книге освещаются основные моменты аграрной, торговой и финансовой политики цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. Показаны внутренние и внешнеполитические факторы, определявшие экономическую эксплуатацию Кашгарии и Джунгарии Цинской династией, а также борьба народов Синьцзяна против маньчжурского господства.

Дубинский А. М. Дальний Восток в годы второй мировой войны (на англ. яз.), 457 стр., 1500 экз., 2 р. 08 к.

Монография А. М. Дубинского рассматривает один из важнейших периодов истории стран Восточной и Юго-Восточной Азии — период второй мировой войны.

Исследуются вопросы, касающиеся истории международных отношений, национально-освободительной борьбы, экономических взаимоотношений, положения рабочего класса и крестьянства.

Автор в процессе подготовки издания на английском языке значительно переработал и дополнил свое исследование, опубликованное ранее.

Библиография Пакистана. 1947—1967. М., «Наука», 54 стр., 1400 экз., 47 к.

Книга охватывает около тысячи названий работ о Пакистане, изданных советскими авторами на русском языке и языках народов СССР за 1947—1967 гг., в том числе научную, научно-популярную и публицистическую литературу, а также переводы произведений пакистанских писателей. Библиографией учтены монографии, статьи.

Сдано в набор 29.III.1973 г. Подписано к печати 15.V.1973 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6. Печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,31.
Изд. № 16883. А 10768 Заказ № 649. Цена 50 коп. Тираж 12900.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21.

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли